4
3-55

Земская Е. А.

Современный русский язык

М., 1973

67871

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

Е. А. ЗЕМСКАЯ

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Допущено
Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов
педагогических институтов
по специальности № 2101
«Русский язык и литература»

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1973

Глава II посвящена разграничению понятий «морф» и «морфема» и классификации видов морфем русского языка.

Глава III содержит подробное рассмотрение вопросов членимости и производности основ. В ней описываются различные виды формально-смысловых отношений, существующих между производной и производящей основами.

В главах IV и V дается описание формальной стороны словообразования (морфонологических особенностей словообразования и средств выражения деривационного значения).

В главах VI—VIII вводится понятие словообразовательного типа — схемы (формулы) построения производного слова, дается классификация словообразовательных типов, рассматривается вопрос о сфере действия и продуктивности словообразовательного типа.

Главы IX—X содержат характеристику двух контрастных групп производных слов — слов, производимых с нарушением законов действия словообразовательного типа (окказиональные слова), и слов, лишенных «лексической индивидуальности», производимых по образцу наиболее продуктивных типов и близких в этом отношении формам слова (потенциальные слова).

Заключительная, XI глава содержит описание словообразования четырех основных частей речи современного русского литературного языка: имени существительного, имени прилагательного, глагола и наречия.

В конце каждой главы (или двух тесно связанных по содержанию глав) приводится дополнительная литература, включающая новейшие лингвистические работы, которые освещают данную проблему, а также некоторые более старые работы, значение которых сохранилось до сего дня. Эта литература может быть изучена не полностью, а выборочно (по рекомендации преподавателя или в соответствии с интересами читателя).

В списки литературы не включены учебники и учебные пособия, а также материалы местных изданий (практически малодоступные для студентов).

Основная работа над книгой была закончена в декабре 1969 г., так что литература, вышедшая позднее этого срока, могла быть учтена не полностью.

Автор благодарит за критические замечания и ценные соображения Ю. Д. Апресяна, Д. С. Ворта, И. И. Ковтунову, Е. В. Красильникову, И. А. Мельчука, М. В. Панова и А. Н. Тихонова, которые полностью или частично прочитали эту книгу в рукописи. Особая благодарность рецензентам книги Е. С. Скобликовой и О. П. Ермаковой, позволившим своими замечаниями улучшить предлагаемую работу.

Автор заранее выражает свою признательность за все теоретические и методические замечания по поводу учебного пособия, которые помогут в дальнейшем его усовершенствовать.

Декабрь 1969 г.

Глава I

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Наука о языке делится на ряд разделов, задача которых — изучение отдельных сторон языка. Фонетику (фонетический строй) языка изучают в разделе «Фонетика», морфологию (морфологический строй) — в разделе «Морфология», синтаксис (синтаксический строй) — в разделе «Синтаксис», лексику (лексический состав) — в разделе «Лексикология». Как видно, названия многих разделов языкознания совпадают с названиями соответствующих сторон языка.

Термин словообразование также употребляется в двух значениях: для обозначения словообразовательного строя языка и для обозначения соответствующего раздела языкознания.

СИНХРОННОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 2. Изучение языка можно проводить в двух принципиально различных аспектах: синхронном (от греч. *syn* — «совместно» и *chronos* — «время») и историческом, или диахроническом (от греч. *dia* — «через» и *chronos* — «время»).

В первом случае язык изучается как определенным образом организованная система средств человеческого общения, действующая в тот или иной период времени. Задача такого изучения — описать устройство языка, вскрыть механизм его действия. При синхронном изучении не ставится вопрос о том, почему именно так сложился язык, какие изменения в предшествующие периоды привели к современному состоянию.

Е. А. ЗЕМСКАЯ

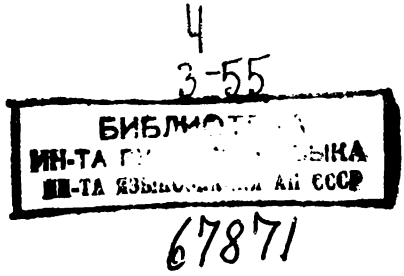
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Допущено
Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов
педагогических институтов
по специальности № 2101
«Русский язык и литература»

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1973

4 Р
З-55

Земская Е. А.

З-55 Современный русский язык. Словообразование. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз. и литература». М., «Просвещение», 1973.

304 с.

Учебное пособие посвящено важнейшему разделу курса современного русского языка — словообразованию. Автор знакомит с проблематикой современной теории словообразования и с конкретными особенностями словообразования в русском языке. Пособие освещает все основные темы программы.

$З\frac{0712-515}{М\ 103(03)-73}\ 9-72$ 4 Р

© Издательство «Просвещение», 1973 г.

Памяти моего отца
Андрея Михайловича Земского

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебное пособие является частью большого коллективного пособия по современному русскому языку. Ранее вышли книги В. Ф. Ивановой «Современный русский язык. Графика и орфография», С. Е. Крючкова и Л. Ю. Максимова «Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения», А. Б. Шапиро «Современный русский язык. Пунктуация».

Книга должна ознакомить с основными теоретическими понятиями русского словообразования, которое в последние 30—40 лет стало самостоятельным разделом языкознания. В книге используются достижения как классической, так и новой лингвистики. Теория современного словообразования, излагаемая в книге, основывается на трех положениях. Кратко раскроем их.

1. Морфема — значимая часть слова, необходимая и достаточная для выражения данного значения. Следовательно, нет морфем, не имеющих значения; части слова, не служащие для выражения значения, морфемами не являются.

2. Членение слов на значимые части производится путем сопоставления слов, имеющих общие элементы формы и значения с точки зрения современного языка. Слова, близкие только по значению (например, *лечить — врач — медицина*) или только по́ форме (например, *белье* и *белый*, *вода* и *водить*, *дерево* и *деревня*), к ве́дению словообразования не относятся.

3. Принципиальное, а не только количественное значение для характеристики тех или иных явлений имеет различие между явлениями повторяющимися и единичными.

Пособие построено так, чтобы, постепенно усложняя и расширяя те или иные используемые понятия, идя от более простого к сложному, ввести студента-филолога во всю основную проблематику русского словообразования. Поэтому к некоторым вопросам автор обращается дважды: сперва дается первоначальное эскизное представление о том или ином явлении, а потом более глубокое и подробное.

Книга строится по следующему плану:

Глава I (Введение) знакомит с разграничением двух аспектов изучения языка: синхронного и диахронического. Здесь также читатель получает первоначальное знакомство с понятиями «производная» и «производящая» основы и началами словообразовательного анализа.

Глава II посвящена разграничению понятий «морф» и «морфема» и классификации видов морфем русского языка.

Глава III содержит подробное рассмотрение вопросов членимости и производности основ. В ней описываются различные виды формально-смысловых отношений, существующих между производной и производящей основами.

В главах IV и V дается описание формальной стороны словообразования (морфонологических особенностей словообразования и средств выражения деривационного значения).

В главах VI—VIII вводится понятие словообразовательного типа — схемы (формулы) построения производного слова, дается классификация словообразовательных типов, рассматривается вопрос о сфере действия и продуктивности словообразовательного типа.

Главы IX—X содержат характеристику двух контрастных групп производных слов — слов, производимых с нарушением законов действия словообразовательного типа (окказиональные слова), и слов, лишенных «лексической индивидуальности», производимых по образцу наиболее продуктивных типов и близких в этом отношении формам слова (потенциальные слова).

Заключительная, XI глава содержит описание словообразования четырех основных частей речи современного русского литературного языка: имени существительного, имени прилагательного, глагола и наречия.

В конце каждой главы (или двух тесно связанных по содержанию глав) приводится дополнительная литература, включающая новейшие лингвистические работы, которые освещают данную проблему, а также некоторые более старые работы, значение которых сохранилось до сего дня. Эта литература может быть изучена не полностью, а выборочно (по рекомендации преподавателя или в соответствии с интересами читателя).

В списки литературы не включены учебники и учебные пособия, а также материалы местных изданий (практически малодоступные для студентов).

Основная работа над книгой была закончена в декабре 1969 г., так что литература, вышедшая позднее этого срока, могла быть учтена не полностью.

Автор благодарит за критические замечания и ценные соображения Ю. Д. Апресяна, Д. С. Ворта, И. И. Ковтунову, Е. В. Красильникову, И. А. Мельчука, М. В. Панова и А. Н. Тихонова, которые полностью или частично прочитали эту книгу в рукописи. Особая благодарность рецензентам книги Е. С. Скобликовой и О. П. Ермаковой, позволившим своими замечаниями улучшить предлагаемую работу.

Автор заранее выражает свою признательность за все теоретические и методические замечания по поводу учебного пособия, которые помогут в дальнейшем его усовершенствовать.

Декабрь 1969 г.

Глава I

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Наука о языке делится на ряд разделов, задача которых — изучение отдельных сторон языка. Фонетику (фонетический строй) языка изучают в разделе «Фонетика», морфологию (морфологический строй) — в разделе «Морфология», синтаксис (синтаксический строй) — в разделе «Синтаксис», лексику (лексический состав) — в разделе «Лексикология». Как видно, названия многих разделов языкознания совпадают с названиями соответствующих сторон языка.

Термин словообразование также употребляется в двух значениях: для обозначения словообразовательного строя языка и для обозначения соответствующего раздела языкознания.

СИНХРОННОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 2. Изучение языка можно проводить в двух принципиально различных аспектах: синхронном (от греч. *syn* — «совместно» и *chronos* — «время») и историческом, или диахроническом (от греч. *dia* — «через» и *chronos* — «время»).

В первом случае язык изучается как определенным образом организованная система средств человеческого общения, действующая в тот или иной период времени. Задача такого изучения — описать устройство языка, вскрыть механизм его действия. При синхронном изучении не ставится вопрос о том, почему именно так сложился язык, какие изменения в предшествующие периоды привели к современному состоянию.

Цель диахронического языкознания — изучение языка как продукта исторического развития, исследование изменений, происходящих в системе языка на протяжении того или иного отрезка времени.

Различие между этими двумя аспектами языкознания принципиальное. Не надо думать, что историческое языкознание непременно изучает прошлые эпохи, старые времена, а синхронное языкознание — современность. Возможно историческое исследование, посвященное современности (например, изучение истории языка XX в.). Точно так же прошлые эпохи существования языка могут быть изучены с синхронной точки зрения. Синхронное словообразование изучает отношения сосуществующих единиц, диахроническое — процессы превращения одних единиц в другие.

Два названных аспекта исследования могут быть применены и ко всему языкознанию в целом, и к отдельным его разделам. Соответственно этому существует историческая и синхронная грамматика (морфология и синтаксис), историческая и синхронная лексикология, историческое и синхронное словообразование, причем обычно отсутствие определения при названии науки обозначает, что имеется в виду синхронный аспект исследования. И наше пособие посвящено современному синхронному словообразованию. Лишь в некоторых разделах книги рассматриваются отдельные вопросы исторического словообразования. Это нужно для того, чтобы четче отделить собственно синхронное изучение словообразования от диахронического, противопоставляя их.

§ 3. При синхронном и диахроническом подходе к словообразованию многие понятия, называемые одним и тем же термином, получают разное содержание. Таково, например, понятие производности и связанные с ним понятия производная основа и производящая основа [1].

При диахроническом подходе, для того чтобы установить производность слова и, следовательно, определить, какое из сравниваемых родственных слов послужило базой для образования другого, т. е. имеет произ-

[1] Напомню, что основой называют ту часть слова, которая остается, если отнять от слова окончание. Например (в скобки заключено окончание): *школьник(ам)*, *стекл(о)*, *столов(ая)*.

водящую основу, а какое производную, надо изучить конкретную историю этих слов и выяснить, какое из слов является более ранним, а какое более поздним, какое из слов исторически образовано от какого. Для этого должна быть изучена история слов, интересующих исследователя.

При синхронном анализе установить, какая основа является производной, а какая производящей,— это значит ответить на вопрос: какая из двух однокоренных основ является более простой по форме и по смыслу (=производящей), а какая более сложной (=производной) [1]? Для этого надо определить, каково формальное и семантическое соотношение данных основ в изучаемый период жизни языка.

Чтобы показать более наглядно различие между синхронным и диахроническим словообразовательным анализом, разберем слова *дояр* и *доярка*, *зонт* и *зонтик*.

При изучении этих слов с точки зрения синхронного словообразования мы должны сопоставить между собой эти слова по форме и по смыслу и поставить их в ряды слов, содержащих одну и ту же основу и один и тот же аффикс. Получим:

1) *дояр: доярка = артист: артистка = студент: студентка* и т. п.;

2) *зонт: зонтик = дом: домик = стол: столик* и т. п. Очевидно, что в обеих группах слов вторые члены каждой пары являются производными, так как они сложнее и по форме (к производящей основе добавлены суффиксы ***-к(а)***, ***-ик***), и по смыслу: их смысл содержит семантическую добавку — 'лицо женского пола' (1), 'маленький' (2).

С точки зрения исторического словообразования отношения между вышеназванными парами слов иные. Слово *дояр* более позднее по времени, оно произведено от *доярка* в те времена, когда доение коров в коллективных хозяйствах перестало быть профессией только женщин.

Слово *зонтик* является более ранним, чем *зонт*. Оно произведено от голландского *Zonnedek*. Элемент ***-ик*** в составе этого слова стал восприниматься как суффикс уменьшительности (ср.: *столик*, *мячик*, *коврик*, *носик*). Тогда и возникло слово *зонт* как неуменьшительное су-

[1] Здесь указан наиболее распространенный вид отношений между производной и производящей основами. Иные виды отношений между производной и производящей основами рассматриваются в гл. III.

ществительное [1]. Следовательно, результаты анализа слова с точки зрения синхронного и исторического словообразования не всегда совпадают.

Итак, термины «производная» и «производящая» основы употребляются и в синхронном, и в диахроническом словообразовании. Однако, если в диахроническом словообразовании они по смыслу равны причастиям от глагола *производить*, т. е. производная (=произведенная; та, которая произведена), производящая (=производящая; та, которая производит), то в синхронном словообразовании эти термины не имеют процессуального значения; их значение иное, функциональное — 'находящиеся в определенных отношениях между собой', чаще всего: производящая — более простая по форме и по смыслу, чем однокоренная производная; производная — более сложная по форме и по смыслу, чем однокоренная производящая [2]. Значение производящей основы мотивирует значение производной основы, а форма производящей основы является базой для построения формы производной основы.

Слово, содержащее производную основу, называется производным. Слово, содержащее производящую основу, называется производящим. Слово, содержащее непроизводную основу, называется непроизводным.

§ 4. Производные слова отличаются от непроизводных по характеру выражения значения. Они не являются, как слова непроизводные, ничем не мотивированными, условными обозначениями предметов действительности, а обозначают предметы «через установление той или иной связи между данным предметом действительности и другими» [3]. Ср. слова *окно* и *подоконник*. По-

[1] Это способ диахронического словообразования — образование слова более простого строения от слова более сложного строения — называют обратным словообразованием.

[2] Некоторые исследователи вместо терминов «производящая основа» и «производная основа» в синхронном значении употребляют термины «мотивирующая основа» и «мотивированная основа» (см.: «Грамматика современного русского литературного языка». М., «Наука», 1970), «базовая основа» и «выводимая основа» (см.: Н. А. Янко-Триницкая. Членимость основы русского слова. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1963, вып. 6, стр. 533).

[3] Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. В кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 421.

чему именно словом *окно* называется 'отверстие в стене для света и воздуха', в слове не отражено. Связь между предметом и его названием условная. Ср. название окна в других языках: фр. *le fenêtre*, нем. *das Fenster*, англ. *the window*. Непроизводное слово *окно* в современном русском языке не имеет внутренней формы: связь между значением слова и его строением отсутствует. Иное дело — производное слово *подоконник*. Оно имеет внутреннюю форму, так как его значение опирается на его строение. Значение слова *подоконник* определяется значением его составных частей: основы ***-окон-***, приставки ***под-*** и предметного суффикса ***-ник***: *подоконник* — 'доска, плита, расположенная под окном'.

§ 5. Среди производных слов с точки зрения семантической различаются две большие группы:

а) слова́, значение которых полностью складывается из значения их составных частей [например, *дом-ик* — 'маленький дом', *дом'-ищ(е)* — 'большой дом', *слон'-онок*,— 'детеныш слона', шутливое *повторя-тель* — 'человек, который повторяет' (значение суффикса — производитель действия, т. е. 'человек, который действует', значение основы — название самого этого действия)];

б) слова́, значение которых основывается на значении составных частей, так что значение каждой составной части входит в значение слова, но вместе с тем значение слова не является простой их суммой. Таковы, например, слова *писатель*, *учитель*.

В отличие от слов типа *повторитель* они не обозначают 'человек, который пишет', 'человек, который учит'. *Писатель* — это 'человек, профессия которого писать произведения художественной литературы', *учитель* — 'человек, профессия которого учить'.

Свойство слова выражать нечто, не содержащееся в значении его составных частей, называют фразеологичностью семантики слова [1].

---

[1] См. об этом: М. В. Панов. О слове как единице языка. «Ученые записки МГПИ им. Потемкина», т. 51, 1956. Подробнее различие между словами с фразеологической и нефразеологической семантикой рассматривается ниже, в гл. IX.

Словообразование изучает обе названные группы производных слов. Однако задачей словообразования является не изучение семантики отдельного слова, а изучение семантики слова в связи с его строением. Именно поэтому словообразование изучает целые серии (ряды) одинаковым образом построенных слов. В семантике слова для словообразования важна не его конкретная лексическая индивидуальность, а то общее, что отражено в его строении: словообразовательное (=деривационное) значение (см. об этом в гл. VI). Вот почему словообразование отвлекается от различий в лексической семантике слов типа *повторятель* (группа а) и *писатель*, *учитель* (группа б) и рассматривает их как единый тип слов в 1) формальном и 2) семантическом отношении (1) основа глагола + суффикс *-тель;* 2) «производитель действия, названного производящей основой») [1].

§ 6. Синхронное словообразование изучает лишь живые связи между словами. С точки зрения синхронного словообразования в современном языке слова *быть* и *забыть*, *голубой* и *голубь*, *белье* и *белый* не связаны отношениями производности. Приведенные слова разошлись по значению, одно не может быть истолковано через другое, а это является необходимым условием наличия отношений производности. На него указал Г. О. Винокур: «Значение слова с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных основ, а не прямое описание соответствующего предмета действительности и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов (ср., например, обычные приемы толковых словарей)» [2]. Именно поэтому слова *быть* и *забыть* ('утратить из памяти, перестать помнить') словообразовательно несоотносимы, а слово *белье* ('нижняя одежда') не связано с *белый* (ср.: *голубое*, *розовое белье*).

---

[1] В ряде случаев все же различие между словами с фразеологической и нефразеологической семантикой представляет интерес для словообразования, см. об этом ниже, гл. IX.

[2] Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. В кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 421.

Такие слова, как *забыть*, *белье* и т. п., не становятся производными в связи с тем, что они могут члениться под влиянием «этимологической рефлексии». Г. О. Винокур писал об этом: «То, что этимологическая рефлексия на слово есть нечто вполне реальное, отрицать нет никакого смысла. Однако это вовсе не основание для того, чтобы считать критерием для выделения или невыделения тех или иных морфем в основах осознаваемость или неосознаваемость этих морфем в психологии говорящих... Вопрос о том, есть в данном слове то отношение, которое характеризует производную основу в отличие от непроизводной, и, следовательно, выделяются в этой основе какие-нибудь аффиксы или нет, должен и может решаться исключительно установлением отношений между значениями слов в наличной языковой традиции, и т о л ь к о в э т о м (разрядка автора.— *Е. З.*) смысле может идти речь о лингвистическом сознании данной среды» [1].

МОРФЕМНЫЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВА

§ 7. Сформулируем в общих чертах задачи и приемы синхронного словообразовательного анализа.

Задача синхронного словообразовательного анализа той или иной основы — установить, является ли анализируемая основа непроизводной или производной; в последнем случае следует выяснить, какая основа является производящей по отношению к изучаемой и с помощью какого словообразовательного средства и каким способом [2] она произведена.

Чтобы н а й т и основу, которая послужила производящей для анализируемого слова, надо соотнести анализируемое слово с двумя [3] рядами слов: 1) включающих ту же основу (или тот же корень), 2) включающих те же аффиксы (или тот же аффикс) [4]. Слово, непосредственно

---

[1] Г. О. В и н о к у р. Заметки по русскому словообразованию. В кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 423.

[2] О словообразовательных средствах и способах словообразования см. в гл. II и V.

[3] В ряде случаев в языке имеется для сопоставления лишь один ряд, см. в гл. III.

[4] О понятии корня и аффикса см. в гл. II.

мотивирующее данное и по смыслу, и по форме, и будет производящим.

Возьмем слово *железобетонный*. Оно входит в следующие ряды слов:

1) *железобетон-ный*, *железобетон*, *железобетон-щик;*

2) *цемент-н-ый*, *камен-н-ый*, *желез-н-ый*.

Из этого сопоставления мы можем сделать вывод, что прилагательное *железобетонный* образовано с помощью суффикса *-н-* от сложного существительного *железобетон*. Такой ответ станет очевидным, если мы рассмотрим семантику и форму прилагательного *железобетонный:*

1) оно значит 'относящийся к железобетону, сделанный из железобетона', т. е. его значение мотивировано значением существительного *железобетон*, обнаруживает непосредственную смысловую зависимость от существительного *железобетон;*

2) оно обнаруживает непосредственную зависимость от существительного *железобетон* и по форме: содержит основу этого существительного и суффикс прилагательных *-н-*.

Не всякий анализ слова на составляющие его значимые части будет словообразовательным анализом. Так, если мы возьмем слово *железобетонный* и разделим его на части, выделяя сначала корни, а затем аффиксы: 1) *желез-*, 2) *бетон-*, 3) *-о-*, 4) *-н-*, 5) *-ый*, то, решив, что это сложное прилагательное, мы не сделаем ошибки с точки зрения морфемного анализа, так как основа этого прилагательного включает два корня. Но, решив, что *железобетонный* образовано путем сложения основ, мы ошибемся, так как это слово произведено от «готовой» основы *железобетон-* с помощью суффикса *-н-*, т. е. суффиксальным способом, а не сложением основ.

§ 8. Словообразовательный и морфемный анализ (последний обычно в школе называют разбором слова по составу или морфологическим разбором [1]) не следует смешивать [2]. Морфемный анализ отличается от словообразовательного анализа и по задачам, и по результатам.

---

[1] Термин морфологический анализ (или разбор) нам представляется наименее удачным, так как он связывается со словом *морфология*, а не *морфема*.

[2] См.: Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, гл. 1—2.

Цель его — установить, из каких морфем состоит слово. В результате морфемного анализа мы узнаем состав слова.

Для сравнения результатов этих двух анализов разберем слово *разброска* с точки зрения морфемного и словообразовательного анализа. При морфемном анализе в этом слове выделяются следующие части: 1) приставка ***раз-*** (ср.: *рас-кладка*, *раз-носка*), 2) корень *-брос-* (ср.: *отброс-ы*, *под-брос-ить*, *под-брос-ка*), 3) суффикс ***-к-*** (ср.: *подгон-к-а*, *разбор-к-а*, *раз-вес-к-а*), 4) окончание именительного падежа единственного числа (ср.: *вод-а*, *ног-а*, *уборк-а*).

Таким образом, с точки зрения морфемного анализа основа слова *разброска* содержит три морфемы (приставку, корень и суффикс): *раз-брос-к (а)*. На вопрос, к а к образовано анализируемое слово, морфемный анализ не отвечает.

При словообразовательном анализе мы должны соотнести изучаемое слово с производящим. Очевидно, производящим будет глагол *разбросать*, так как: 1) существительное *разброска* обозначает действие по глаголу *разбросать*, т. е. глагол *разбросать* семантически мотивирует существительное *разброска;* 2) по форме существительное *разброска* образовано от основы глагола *разбросать* с помощью суффикса ***-к(а):*** ср.: *подбросить — подброс-к(а)*, *выносить — вынос-к(а)*, *читать — чит-к(а)*, *наклеить — наклей-к(а)* и т. п.

Как видим, с точки зрения словообразовательного анализа слово *разброска* является отглагольным суффиксальным существительным. Его основа содержит производящую основу *разброс-* и суффикс ***-к(а)***: *разброс-к(а)*.

§ 9. Итак, словообразовательный анализ показывает нам, что слова образуются не только из мельчайших строительных единиц — морфем (например, *стол'-ик*, *апельсинов-ый*, *чай-ник*), но и из более крупных частей — целых строительных блоков, состоящих более чем из одной морфемы: *железобетон-н-ый*.

Применяя скобочную запись, можно изобразить иерархическое строение этого слова следующим образом:

{(желез- + *-о-* + *бетон-)* + *-н-}* + *-ый*

Крупноблочных слов много:

{(учи- + *-тель)* + *-ниц}* + *-а*, *{(кол-* + *хоз-)* + *-ник}*,

{пре- + (ум- + -н-)} + -ый, *[{(пере- + пис-) + -ыва-} + + -ни j] + е*[1].

Последовательность этапов словообразования можно изобразить и так: *писать → переписать → переписывать → переписывани j (е)*.

Положения Г. О. Винокура по вопросам словообразования в дальнейшем были развиты и детализированы Н. Д. Арутюновой, М. В. Пановым, Н. А. Янко-Триницкой, Н. М. Шанским и др[2].

ПОНЯТИЯ ОПРО́ЩЕНИЯ И ПЕРЕРАЗЛОЖЕНИЯ

§ 10. Выше мы говорили, что слова *быть* и *забыть*, *белый* и *белье* не связаны отношением производности. В этих словах произошло о п р о́ щ е н и е. Понятие опрощения введено В. А. Богородицким, который определил его следующим образом: «Опрощением называется морфологический процесс, посредством которого слово со сложным морфологическим составом [мы бы сейчас сказали: м о р ф е м н ы м составом] утрачивает значение отдельных своих морфологических частей и становится простым символом данного представления. Так, например, слова «вкус» (ср.: *кус-ать*, *кус-ок*), «забыть» и т. п. имеют только целостное значение и морфологический состав этих слов (*в-кус*, *за-быть* и т. п.) уже не чувствуется. Таким образом, при опрощении связь слова с родственными ему словами утрачивается, вследствие чего оно обособляется от них»[3].

Опрощение — исторический процесс, играющий важную роль в языке. Опрощение приводит к тому, что слово утрачивает свою внутреннюю форму и приобретает целостное немотивированное значение; границы между мор-

[1] См.: Г. О. В и н о к у р. Заметки по русскому словообразованию, стр. 441. Ср. также: Е. А. З е м с к а я. Как делаются слова. М., 1963, стр. 43—45.

[2] См., например: Н. Д. А р у т ю н о в а. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961; Н. М. Ш а н с к и й. Основы словообразовательного анализа. М., 1953; Н. М. Ш а н с к и й. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959.

[3] В. А. Б о г о р о д и ц к и й. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935, стр. 99—100. См. также: В. А. Б о г о р о д и ц к и й. Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939, стр. 193—195. О понятии опрощения В. А. Богородицкий впервые писал в статье «О морфологической абсорбции» («Русский филологический вестник», 1881, № 6).

фемами стираются. Благодаря опрощению язык пополняется новыми корневыми морфемами, которые, порвав старые родственные связи, становятся центрами новых словообразовательных гнезд, соединяются с новыми суффиксами и приставками. Ср.: *вкус — вкусовщина, вкусный, вкусно, превкусный, вкуснятина; забыть — забывчивый, забывчивость, перезабыть.*

§ 11. (1) Процессу опрощения благоприятствуют звуковые изменения, вследствие которых данное слово расходится с родственными словами. Так, изменение формы слова *облако* (из * *обвлако)* способствовало его разъединению со словами *влачить, влечь* и т. п. Однако не следует думать, что именно фонетическое изменение привело к опрощению слова. Причиной опрощения являются семантические изменения [1]. Это показывают многочисленные случаи, когда опрощение произошло несмотря на отсутствие фонетических изменений (ср.: *забыть, белье, голубь* и т. п.). С другой стороны, при наличии фонетических изменений опрощение не происходит, если между словами сохраняется семантическая связь. Так, прилагательное *ме*[сн]*ый* (орфографически: *местный*) сохраняет связь со словом *место*, несмотря на то что [т] утрачено в произношении.

(2) Выпадение из языка родственных слов также часто вызывает опрощение; слово, потеряв своих «родственников», становится «одиноким», изолированным, и это приводит к его опрощению. Так произошло со словом *кольцо* (первоначально уменьшительное от слова *коло*, вышедшего из употребления) [2].

§ 12. Другой процесс исторического изменения состава слова — переразложение: перемещение границ морфем в составе слова. Этот процесс был открыт И. А. Бодуэном де Куртенэ в конце XIX в. Изучая историю индоевропейского склонения, И. А. Бодуэн де Куртенэ открыл закон «сокращения основ в пользу окончаний», который состоит в том, что в процессе исторического развития конечные гласные основы («тематические гласные») отошли к падежным окончаниям, т. е. граница между

[1] См.: В. А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939, стр. 193—194.

[2] См.: В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.— Л., 1935, стр. 99.

морфемами основы и окончания стала проходить в ином месте [1]. О переразложении писал и Богородицкий: «...сокращение основ в пользу окончаний произошло и в наст. времени глаголов, напр., *несет*, *несем* первоначально морфологически разлагалось на *несе-т*, *несе-м*, а впоследствии тематический гласный отошел к окончанию, т. е. *нес-ет*, *нес-ем*...» [2].

Бóльшая повторяемость в речи конечных элементов слова — окончаний (чем основ) привела к тому, что процесс переразложения шел слева направо, т. е. часть основы отходила к окончанию. Часто употребляясь в сочетании с предшествующими им звуками основы, окончания стали ассоциироваться совместно с этим повторяющимся с ними звуком или комплексом звуков.

Переразложение может происходить не только между основой и окончанием, но и между другими частями слова. И в этих случаях направление процесса обычно то же, т. е. слева направо.

§ 13. 1. Наблюдается переразложение между основой и суффиксом. В результате этого вида переразложения формируются новые производные суффиксы. Так, на базе ряда производных существительных со значением лица, образованных при помощи суффикса ***-ик*** от основ прилагательных с суффиксом ***-н-*** (например, *умн-ый* — *умн-ик*), отрезок ***-ник*** стал восприниматься как целостный суффикс. С помощью этого суффикса образуются имена лиц непосредственно от основ существительных: *колхоз* — *колхоз-ник*.

В результате процесса переразложения возник глагольный суффикс ***-нича-***. Он выделился из состава глаголов, производимых с помощью суффикса ***-а-*** от основ существительных на ***-ник:*** *школьник* — *школьнич-ать*, *разбойник* — *разбойнич-ать*. Наличие комплекса *-нича-* в большой группе слов привело к тому, что комплекс *-нича-* стал восприниматься и вести себя как целостный суффикс (*лодырь* — *лодыр-ничать*, *столяр* — *столяр-ничать* и т. п.)

---

[1] См.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний. В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. М., 1963, стр. 19 и след.

[2] В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.— Л., 1935, стр. 101.

2. Известны случаи переразложения между приставкой и корнем (или предлогом и следующим словом). Так, начальный звук *н* в местоимениях, употребляемых с предлогами: *к нему* (но *пишу ему*), *с ним* (но *доволен им*), *к ней* (но *говорю ей*), первоначально принадлежал предлогам *сън-*, *къ н-*, *въ н-*. Этот конечный *н* вследствие закона открытых слогов сохранялся только в позиции перед начальными гласными или *j* следующего слова. Поэтому в большинстве случаев предлоги выступали в форме без *н*, т. е. в виде *с*, *к*, *в*.

Частое употребление таких предлогов без *н* привело к тому, что в тех случаях, где *н* сохранялся, он стал восприниматься как часть последующего слова (*к нему*, *с ним*, *в ней* и т. п.), т. е. произошло переразложение. Таким же образом *н* стал употребляться и с другими предлогами, первоначально не содержащими *н* (*от него*, *при нем* и т. п.).

Такого же происхождения *н* в словах *снять* (ср.: *взять*), *нутро* (ср.: *утроба*), *снедь* (ср.: *еда*).

Это *н* по аналогии проникало и в слова с приставками, не имевшими *н*, например: *разнять*, *отнять*, *занять*, *обнять* (ср.: *объятие*). Аналогическое употребление *н* в таких случаях не является само по себе переразложением.

Прежде чем перейти к изучению современного русского словообразования с синхронной точки зрения, необходимо подробнее рассмотреть те мельчайшие единицы, из которых строятся слова.

€7871

Дополнительная литература к главе I

Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., Изд-во АН СССР, 1961, гл. 1—2. (В работе широко используется материал русского языка.)

В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.— Л., Учпедгиз, 1935, стр. 99—102.

В. А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку. М., Учпедгиз, 1939, стр. 193—198.

И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. т. II. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 19—29.

Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. В кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1959.

Е. А. Земская. Как делаются слова. М., Изд-во АН СССР, 1963.

Н. М. Шанский. Основы словообразовательного анализа. М., Учпедгиз, 1953.

www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ОТДЕЛА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Глава II

ВИДЫ МОРФЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

МОРФ И МОРФЕМА

§ 14. Наименьшая формальная часть слова, имеющая значение, называется м о р ф о м [1]. Следовательно, дальнейшее деление морфа на части приведет к выделению н е з н а ч и м ы х элементов — фонем.

Для примера возьмем слово *пере-чит-ыва-ть* и разделим его на части указанным выше способом. Легко убедиться, что с каждой частью слова связано определенное значение: *чит-* обозначает определенное действие (ср.: *читать*, *читальня*, *читатель* и т. п.), ***пере-*** обозначает повторность действия («еще раз», ср.: *переписать*, *переделать*, *перешить*, *перестроить* и т. п.); ***-ыва-*** имеет значение несовершенного вида, подчеркивает повторяемость действия (ср.: *разбрасывать*, *переделывать* и т. п.); ***-ть*** — показатель формы инфинитива.

Дальнейшее дробление морфов не приведет к выделению значимых частей слова.

§ 15. Слова́ (точнее, словоформы [2]) состоят из морфов, т. е. каждое слово состоит хотя бы из одного морфа (*вчера*, *там*, *где* и т. п.). Для русского языка типичны двух- и трехморфные слова (*вод-а*, *дом-ой*, *ум-н-ый*, *раз-*

---

[1] Этот термин языковеды употребляют и в мужском, и в женском роде: *м о р ф* (род. п. ед. ч.: *м о р ф а*) и *м о р ф а* (род. п. ед. ч.: *м о р ф ы*).

[2] С л о в о ф о р м о й называется данное слово в данной грамматической форме (см.: «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой. М., 1966, стр. 427).

би-ть, *стен-к-а* и т. п.). Самые длинные слова русского языка могут включать семь-восемь морфов *(по-на-вы-пис-ыва-л-и)*.

§ 16. При анализе слова мы членим его на морфы. Однако в лингвистике употребляется и другой термин для названия наименьших значимых частей слова — м о р ф е м а. Какова разница между морфом и морфемой?

1. Чтобы показать различие между морфемой и морфом, сравним их с фонемой [1] и звуками, представляющими ту или иную фонему. Так, фонема ⟨а⟩ представлена звуками [а], [å] и [ä] в словах *пáрта*, *п'ǻтка* и *п'ät'*. Аналогичное явление наблюдаем в словообразовании. Ср.: *ленинград-ец* и *ленинград-ц-а; книг-а* и *книж-ник*. В первой паре слов различные морфы ***(-ец*** и ***-ц-)*** представляют одну и ту же суффиксальную морфему, во второй паре слов различные морфы (*книг-* и *книж-*) представляют одну и ту же корневую морфему.

Таким образом, м о р ф е м а — э т о о б о б щ е н н а я е д и н и ц а, тогда как м о р ф ы — э т о к о н к р е т н ы е р е п р е з е н т а н т ы (п р е д с т а в и т е л и) м о р ф е м ы, о б н а р у ж и в а е м ы е п р и ч л е н е н и и с л о в а.

2. Аналогичное разграничение терминов проводится при изучении и других сторон языка. Ср. термины ф о н а (или ф о н) и ф о н е м а [2], с е м а и с е м е м а, л е к с а и л е к с е м а. В этом противопоставлении термины с суффиксом *-ема* (их называют эмическими) обозначают обобщенную единицу языка, а термины без этого суффикса (их называют этическими, от «фоне т и к а») — конкретные факты, непосредственно наблюдаемые в речи.

Зачем нужны эти двойные ряды терминов? Нельзя ли обойтись одним? Очевидно, что при изучении структуры слова необходимо оперировать не только конкретными звуковыми сегментами, данными нам непосредственным наблюдением, но и обобщенными единицами, наделенными общей функцией в составе слова.

Точно так же, например, в биологии нельзя иметь

---

[1] Термин ф о н е м а употребляется в понимании, принятом московской фонологической школой. Здесь и далее фонемы даются в ломаных скобках: ⟨а⟩, ⟨о⟩ и т. д., а звуки — в квадратных: [а], [о].

[2] См.: Ю. С. С т е п а н о в. Основы языкознания. М., 1966, стр. 19, 45.

дело только с отдельными конкретными животными или растениями, необходимы обобщенные понятия — «семейство», «вид», «род», «класс».

В словообразовании и словоизменении также наряду с конкретным понятием «морфа» необходимо обобщенное понятие морфемы и видов морфем — аффикса и корня; суффикса, префикса, флексии (см. об этом ниже).

И. А. Бодуэн де Куртенэ писал о термине «морфема»: «Считать подобный термин лишним — это то же самое, что считать лишним объединяющий термин «дерево» и довольствоваться частными названиями: «дуб», «береза», «ель», «ива» и т. д.» [1].

§ 17. Так как морфема является обобщенной единицей, а морф — конкретной единицей, даваемой нам непосредственным наблюдением, в одну морфему объединяются несколько морфов.

Как же происходит объединение морфов в морфему? В одну морфему объединяются морфы, которые характеризуются следующими двумя признаками: (1) имеют тождественное значение; (2) их формальное различие обусловлено позицией в слове: положением д о или п о с л е определенного класса единиц. Следовательно, они не могут занимать одну и ту же позицию в слове. Такое распределение по позициям называется д о п о л н и т е л ь н ы м р а с п р е д е л е н и е м, или д о п о л н и т е л ь н о й д и с т р и б у ц и е й [2]. Например, заднеязычные фонемы корня не могут сочетаться с суффиксом прилагательных ***-н-***, в этой позиции они чередуются с соответствующими шипящими: ***г/ж***, ***к/ч***, ***х/ш***. Поэтому в словах *творог — творожный*, *песок — песочный*, *пух — пушной* морфами одной морфемы являются *творог-* и *творож-*, *песок-* и *песоч-*, *пух-* и *пуш-*. В случаях, когда конечной фонеме ⟨к⟩ основы предшествует фонема ⟨с⟩, чередование отсутствует: *отпуск-ной*, *выпуск-ной*, *гротеск-ный* и т. п. [3].

---

[1] И. А. Б о д у э н д е К у р т е н э. Введение в языковедение. В кн.: И. А. Б о д у э н д е К у р т е н э. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. М., 1963, стр. 290—291.

[2] Подробнее о понятии дополнительной дистрибуции см.: Ю. Д. А п р е с я н. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966, стр. 49—53; Г. Г л и с о н. Введение в дескриптивную лингвистику. Перевод с англ. М., 1959, стр. 122—128.

[3] См. об этом подробнее в гл. IV.

Суффиксальный морф ***-ц-*** выступает перед флексиями, начинающимися гласными фонемами, а морф ***-ец*** — в остальных случаях: *саратов-**ц**-а*, *саратов-**ц**-у*, *саратов-**ц**-ем* [1], *саратов-**ц**-ы*, *саратов-**ц**-ев* и т. д., но *саратов-**ец***.

В том случае, когда суффиксу предшествуют две согласные фонемы, морф ***-ец*** выступает и перед флексиями-гласными: *бегл-**ец*** — *бегл-**ец**-а*, *мертв-**ец*** — *мертв-**ец**-а*, *горд-**ец*** — *горд-**ец**-а*, *лж-**ец*** — *лж-**ец**-а*, *нагл-**ец*** — *нагл-**ец**-а*, *хитр-**ец*** — *хитр-**ец**-а* и т. п. (см. об этом в гл. IV) [2].

Такие тождественные по значению морфы, формальное различие между которыми объясняется только их позицией в слове, являются по отношению друг к другу а л л о м о р ф а м и [3].

Алломорфы одной морфемы могут выступать в разных словоформах одного слова (например, ***-ец/-ц-***: *ленинград-**ец***, *ленинград-**ц**-а*) и в разных лексемах (например, *книг-/книж-*: ***книг**-а*, ***книж**-ный*; *песок-/песоч-*: ***песок***, ***песоч**-ный*; ***-ник/-нич-***: *школь-**ник***, *школь-**нич**-еский*).

§ 18. В одну морфему объединяются также морфы, характеризующиеся следующими признаками: 1) тождественные по значению; 2) тождественные по позициям; 3) способные в любых позициях заменять друг друга.

---

[1] Морфы, как правило, везде даются орфографически. Буква ***е*** здесь передает фонему ⟨о⟩; ср.: *отцбм*. Везде фонематическую транскрипцию даем с той степенью точности, которая необходима для нашей работы. Если фонема непроверяема, указываем одну из ее фонемных интерпретаций, обычно совпадающую с орфографией, например суффикс ***-ск-*** передается транскрипцией ⟨ск⟩, а не $\left\langle \frac{з}{с} к \right\rangle$ или ⟨Зк⟩.

[2] Это правило, по нашим наблюдениям, имеет лишь несколько исключений (типа *страстотерп-ец* — *страстотерп-ц-а*). В случаях *ирланд-ец* — *ирланд-ц-а*, *голланд-ец* — *голланд-ц-а*, *шотланд-ец* — *шотланд-ц-а* и всех других, производных от названий стран на *-ландия*, употребление морфа ***-ц*** перед гласной флексии объясняется тем, что ⟨д⟩ в произношении отсутствует, т. е. произносится [ирла́нца] и т. п.; ср. произношение слова *солнце* [сóлнцъ].

[3] *Алло* — интернациональный терминоэлемент, связанный по происхождению с греческим *allos* — «другой, разный». В лингвистической литературе последних лет широко употребительны термины, включающие элемент *алло-*. Они противопоставлены терминам с суффиксом ***-ема*** и терминам без суффикса. Ср. такие трехчленные ряды терминов: *ф о н — а л л о ф о н — ф о н е м а*, *м о р ф(а) — а л л о м о р ф(а) — м о р ф е м а*, *г р а ф — а л л о г р а ф — г р а ф е м а*, *л е к с(а) — а л л о л е к с(а) — л е к с е м а*.

Эти морфы называются вариантами морфемы. Таковы, например, флексии творительного падежа существительных и прилагательных женского рода *-ой* и *-ою* (ср.: *весной* и *весною*, *зимой* и *зимою*, *горой* и *горою; бедной* и *бедною*, *доброй* и *доброю*).

Варианты морфемы находятся между собой в отношениях свободного варьирования, тогда как алломорфы находятся в отношениях дополнительного распределения.

§ 19. И алломорфы, и варианты морфем являются вариациями формальной стороны (т. е. плана выражения) морфемы. По значению (т. е. в плане содержания) различие как между алломорфами, так и между вариантами морфемы отсутствует.

Алломорфы и варианты — это вариации формы, а не значения морфемы [1].

КЛАССИФИКАЦИЯ МОРФЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 20. Все множество морфем русского языка может быть разбито по разным основаниям на несколько классов. В классификации морфем учитываются следующие признаки: 1) роль морфем в слове, 2) значение морфем, их место в составе слова, 4) происхождение морфем.

§ 21. Выделяются морфемы корневые (корни) и аффиксальные (аффиксы от лат. *affixum* — «прикрепленный»).

1. Основанием для такого членения служит роль этих морфем в составе слова: корневые морфемы — обязательная часть слова, не существует слов без корня. Аффиксальные морфемы — это факультативная часть слова [2]. Имеются слова без аффиксальных морфем,

[1] См. об этом: Н. Д. Арутюнова. О значимых единицах языка. В кн. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968; Б. С. Хаймович. О единицах грамматической сферы. «Вопросы языкознания», 1968, № 6, стр. 27.

[2] Некоторые аффиксальные морфы омонимичны корневым морфам служебных слов: приставка ***без-*** и предлог *без*, приставка ***от-*** и предлог *от*, приставка ***с-*** и предлог *с*, приставка ***около-*** *(околосолнечный, окололитературный)* и предлог *около* и т. п.

например: *где*, *вчера*, *там*. Корни — это такие морфемы, которые могут использоваться в речи самостоятельно или в сопровождении одного из видов аффиксов — флексий (об отграничении флексий от других видов аффиксов см. ниже) [1].

2. Можно возразить, что и аффиксальные морфемы иногда употребляются самостоятельно: «Поменьше употребляй всяких *измов*» (из разговорной речи); «Глубокий кризис буржуазной идеологии находит выражение в лихорадочной смене всевозможных философских *измов*» («Лит. газ.» от 15 янв. 1969 г.); «— Но, видимо, совершилось здесь и некоторое «*пере*». Получилось так, что мы вроде бы дали сами себе индульгенцию на отпущение таких «грехов», как равнодушие...» («Комсомольская правда» от 21 сент. 1968 г.).

В таких случаях аффиксы перестают быть аффиксами, происходит их превращение в этих контекстах в корни и употребление в роли существительных. Это явление может быть фактом речи (пример третий) и фактом языка (примеры первый и второй). Можно утверждать, что в русском языке появилось имя существительное *измы* (функционируют только в форме множественного числа) со значением «ученые непонятные слова». Правда, словари еще не включают этого слова, но, вероятно, это скоро произойдет.

3. Какие еще различия существенны для разграничения аффиксальных и корневых морфем?

Существует мнение, что основное различие между корнями и аффиксами заключается в степени абстрактности значения: первые имеют конкретное значение, вторые — абстрактное. С этим трудно согласиться. Ср. хотя бы значение корневых морфем в словах *это*, *отношение*, *делать* и значение аффиксальных морфем в словах *клубн-ика*, *черн-ика* (сорт ягод), *кон-ина*, *свин-ина*, *осетр-ина* (вид мяса, рыбы), *стол-ик*, *дом-ик*, *мяч-ик* (маленький), *домище*, *стол-ище* (большой). Ср. в чешском языке: *ruština* (русский язык), *čeština* (чешский язык), *angličtina* (английский язык), *polština* (польский язык), *němčina* (немецкий язык), *francouzština* (французский язык); названия

---

[1] См.: М. В. Панов. Русский язык. В кн. «Языки народов СССР», т. I. М., 1966, стр. 69; ср. также: А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 51—52.

видов платежей с суффиксом *-né*: *poštovné*, *slovné*, *vyzevné*, *hovorné* и т. п.[1].

Очевидно, что значение приведенных аффиксов значительно конкретнее, чем значение многих корней. Поэтому указанное выше различие является мнимым. Более того, существует синонимия аффиксальных и корневых морфем, свидетельствующая о близости значения аффиксов и корней. Так, флексия глаголов 1-го лица единственного числа *-у* синонимична местоимению 1-го лица единственного числа *я*, приставка прилагательных *пре-* синонимична наречию *очень* (ср.: *премилый* и *очень милый*), глагольная приставка *за-* — слову *начать* (ср.: *забегал*, *закричал*, *затанцевал* и *начал бегать*, *кричать*, *танцевать*), суффикс существительных *-ик-* синонимичен слову *маленький* (ср.: *домик* и *маленький дом*, *столик* и *маленький стол*).

4. Корни могут быть единичными, встречающимися лишь в одном слове, аффиксы не бывают единичными [2].

Аффиксы, входя в слово, относят слова к какой-то разновидности, какому-то классу предметов, признаков, процессов. Что же является означаемым для них? То общее, что отвлекается из значения ряда слов, включающих эти элементы. Поэтому их специфика как строевых элементов слова состоит в том, что они обязательно повторяются в ряде слов. Это важное свойство аффиксов как формальных принадлежностей слова было отмечено еще в конце XIX — начале XX в. известным русским языковедом Ф. Ф. Фортунатовым [3].

Итак, принципиальное различие между аффиксальными и корневыми морфемами — обязательная повторяемость аффиксов в аналогично построенных и обладающих общим элементом значения словах и безразличие к этому свойству корней. Иными словами, существуют корни, повторяющиеся во многих словах, и корни, встречающиеся лишь в одном слове (*какаду*, *я*,

---

[1] См.: «Tvoření slov v češtině», т. II. Praha, 1967, стр. 672—677.

[2] Об уникальных частях слова типа *-амт (почтамт)*, *-адья (попадья)* см. в гл. III.

[3] См.: Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. I. М., 1956, стр. 136—137. См. также замечания Б. Н. Головина о повторяемости как обязательном свойстве аффиксов («Заметки о грамматическом значении». «Вопросы языкознания», 1962, № 2, стр. 30).

фрау и т. п.)[1], но нет и не может быть аффиксов, встречающихся лишь в одном слове.

§ 22. С точки зрения м е с т а морфемы в составе слова по отношению к корню аффиксы делятся на п р е ф и к с ы (от лат. *praetixum* — «прикрепленное перед») — расположенные перед корнем — и п о с т ф и к с ы (от лат. *postfixum* — «прикрепленное после») — расположенные после корня.

Особый вид представляют морфемы, вставляемые в середину корня,— и н ф и к с ы[3] (от лат. *infixum* — «вставленное в...»). В русском языке инфиксов нет. Примером инфикса может быть *-n-* в форме 1-го лица единственного числа латинского глагола *vi-n-co* («я побеждаю»); ср. другие формы этого глагола: *vici*, *victum*.

§ 23. Среди аффиксальных морфем различают морфемы с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е (деривационные) и с л о в о и з м е н и т е л ь н ы е. 2)

1) Словообразовательные и словоизменительные морфемы разграничиваются по их значению: первые служат для образования новых слов (*камень — камен'-щик*, *переплет — переплет-чик*, *сахар — сахар-ниц-а*), вторые — для образования форм слов (*книг-а*, *книг-и*, *книг-у* ...; *пиш-у*, *пиш-ешь*, ... *писа-л-и* и т. п.). Это различие кажется очень четким. Однако при внимательном рассмот-

[1] Ср. возражение: «...как м о р ф е м а (выделено автором.— *Е. З.*) корень не может существовать только в одном слове, если, конечно, не отождествлять корень со структурно-простой основой» (Н. А. К р ы л о в. Несколько замечаний об интерфиксации. В кн. «Вопросы филологии». М., 1969, стр. 154). Однако именно так обычно и поступают, т. е. отождествляют корень и непроизводную (или структурно-простую) основу. См., например, определение термина «корень» в новой «Академической грамматике»: «К о р н е в о й м о р ф — это морф, обязательно наличествующий в каждой словоформе и могущий полностью материально совпадать с основой» («Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 31).

Что касается Н. А. Крылова, то он не объясняет, из какого определения корня исходит, вследствие чего теоретическая приемлемость или неприемлемость его позиции остается неясной.

[2] Подробную классификацию аффиксов см.: А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Введение в языковедение, изд. 4. М., 1967, стр. 263—270.

[3] Не следует путать и н ф и к с ы и и н т е р ф и к с ы (см. о последних в гл. IV), межморфемные прокладки, не являющиеся морфами. Для отличия интерфиксов от морфов будем при членении слова заключать их в круглые скобки: *пар-(о)-ход*, *кино-(ш)-ник*, *кофе-(й)-ник*.

рении оказывается, что далеко не всегда легко провести границу между формами слова и новыми словами.

Что такое *бородка* по сравнению с *борода*, *головка* по сравнению с *голова*, *красивее* по сравнению с *красивый*, *столы* по сравнению со *стол*, *гуляя* по сравнению с *гулять* — новые слова или разные формы одного слова? В решении этого вопроса нет единогласия. Разные языковеды отвечают на этот вопрос по-разному. Есть мнение, что *столы*, *окна*, *дома*, *самолеты* не формы слов *стол*, *окно*, *дом*, *самолет*, а особые слова, так как они называют иной реальный факт действительности: несколько предметов, а не один. Другие лингвисты утверждают, что слова *головка*, *бородка*, *столик*, *домик* являются формами слов *голова*, *борода*, *стол*, *дом*, так как разница в значении этих слов очень невелика, а иногда совсем отсутствует: суффиксальные слова называют не новый предмет, а лишь субъективное ласкательное отношение говорящего к предмету. Такие слова принято называть формами субъективной оценки.

Отсюда можно сделать вывод, что среди множества производных образований (форм слов и слов) есть явления полярные, относимые, бесспорно, к одной из этих двух групп, и явления промежуточные.

2. Попытаемся сформулировать, каковы особенности значения тех образований, которые (как подсказывает интуиция говорящих), безусловно, являются формами слова, т. е. особенности значений, выражаемых словоизменительными аффиксами.

Назовем эти значения грамматическими[1], противопоставив их значениям негрaмматическим.

Грамматические значения отвечают следующим требованиям: (1) обязательность выражения в каком-либо классе слов данного языка; (2) большая распространенность, т. е. представленность в значительных группах слов; (3) регулярность (стандартность) способа выражения (самая высокая регулярность бывает тогда, когда данное значение выражает одна аффиксальная морфема,

[1] Далее излагаются взгляды И. А. Мельчука, выраженные им частично в названной ниже статье, а частично в устных выступлениях. См.: И. А. Мельчук. О некоторых типах языковых значений. В кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева. О точных методах исследования языка. М., 1961. См. также: А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.

т. е. между означаемым и означающим существуют однооднозначные отношения).

Для того чтобы какое-то значение было признано грамматическим, оно должно отвечать всем трем требованиям:

Значение первого признака является бинарным (*да* или *нет*), т. е. то или иное значение выражается в языке обязательно или не обязательно.

Значения второго и третьего признаков не являются абсолютными, т. е. существует много случаев, когда распространенность значения и регулярность его выражения является более или менее значительной. Это разнообразие отвечает разнообразию фактов языка и сложности его устройства. Степень регулярности зависит от того, сколько аффиксов выражает данное значение и как они распределены среди определенной группы основ.

3. Рассмотрим несколько значений с точки зрения указанных выше критериев.

А. Значение глагольного вида:

1) выражается в глаголах обязательно. В русском языке нельзя употребить глагол, не включив его в категорию совершенного или несовершенного вида. Это значение навязывается говорящему устройством языка. Наличие двувидовых глаголов не меняет этого положения, так как в контексте каждый глагол приобретает значение того или иного вида;

2) очень распространенное, так как охватывает все глаголы;

3) выражается аффиксально — постфиксами и префиксами, но не одним аффиксом, а многими.

В ы в о д: значение грамматическое, хотя способ его выражения не очень регулярный.

Б. Значение числа существительных:

1) выражается у существительных обязательно. В русском языке нельзя употребить имя существительное вне категории единственного или множественного числа;

2) очень распространенное — охватывает все имена существительные;

3) выражается немногими постфиксами, т. е. регулярное.

В ы в о д: значение грамматическое.

В. Значение уменьшительности-увеличительности существительных:

1) выражается не обязательно;

2) распространенное — охватывает все конкретные существительные;

3) выражается несколькими аффиксами — префиксами и постфиксами, т. е. способ выражения не очень регулярный.

Вывод: значение неграмматическое (первый признак отсутствует) [1].

4. Словоизменительные аффиксы служат для выражения грамматических значений, словообразовательные аффиксы — для выражения неграмматических значений.

Разграничение значений по этим трем признакам дает ответы, хорошо согласующиеся с интуитивными представлениями лингвиста о грамматических и неграмматических значениях, о формах слова и новых словах.

5. С другой точки зрения все значения делятся на синтаксические и несинтаксические (иные названия последних: лексические, референционные, номинативные).

Синтаксические значения выражают зависимость одних слов от других в речи; несинтаксические значения отражают (называют) внеязыковую действительность [2]. Иначе говоря, синтаксические значения служат для внутреннего «устройства» языка, тогда как несинтаксические значения направлены на внеязыковую действительность.

Поясним это примерами. Рассмотрим сочетание *черненькую собачку* в предложении *Пете купили черненькую собачку*. Значение винительного падежа существительного *собачку* синтаксическое, оно определяется словом *купили*, т. е. тем обстоятельством, что слово *купили* управляет винительным падежом, а не родительным, творительным или каким-либо другим. Поэтому нельзя сказать: «купили собачки», «купили собачкой», «купили собачка»; сочетание же *купили собачке* возможно, но имеет другое

---

[1] Теперь можно понять, почему некоторые ученые считают это значение грамматическим: с грамматическими значениями его сближает наличие второго и третьего признаков, т. е. некоторая регулярность выражения и распространенность.

[2] Наглядно и убедительно разница между синтаксическими и несинтаксическими значениями показана А. М. Пешковским. См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 4. М., 1934, стр. 28—29. См. также: И. А. Мельчук. Указ. соч.; А. А. Зализняк. Указ. соч., стр. 23—24.

значение (адресата, а не объекта действия). Синтаксическими являются значения падежа, числа и рода прилагательного *черненькую*, все они зависят от существительного *собачку*. Если бы Пете купили *котенка*, то про него необходимо было бы сказать в мужском роде и винительном падеже — *черненького* — таково требование языка.

Примером несинтаксических значений являются: 1) значение числа слова *собачка*. Это значение не зависит от глагола *купили* (можно сказать: *купили собачек*) и отражает реальный факт внеязыковой действительности — была куплена о д н а собачка, а не несколько; 2) значение уменьшительности, выраженное аффиксом *-к-* (ср.: *купили собаку*, *собачку*, *собачищу*, *собаченцию* и т. п.).

6. Деление на синтаксические и несинтаксические значения, с одной стороны, и грамматические и неграмматические значения — с другой, не совпадают. Все синтаксические значения являются грамматическими, а среди грамматических значений есть значения и синтаксические (например, значение падежа существительных), и несинтаксические (например, значение числа существительных). По-видимому, несинтаксический характер значения числа и заставляет некоторых языковедов считать формы множественного числа особыми словами.

7. Имеется еще одно важное различие между словоизменительными и словообразовательными аффиксами. Оно заключается в том, что словоизменительные аффиксы обычно образуют ц е л ы е к о м п л е к с ы, ряды тесно между собой связанных морфем, тогда как словообразовательные аффиксы являются одиночками. Г. О. Винокур, отметивший это различие между словообразовательными и словоизменительными аффиксами, писал: «Первые [словообразовательные аффиксы.— *Е. З.*] по своему устройству могли бы быть названы о д и н о ч н ы м и морфемами, вторые [словоизменительные.— *Е. З.*] — к о м п л е к с н ы м и (разрядка автора.— *Е. З.*). Этим я хочу указать на то, что окончания присоединяются к основам как отдельные члены цельного комплекса, так что если дана восполняющая морфема *a*, то тем самым даны также восполняющие морфемы *b*, *c*, *d* и т. д. Между тем аффиксы (Г. О. Винокур называет этим термином только деривационные аффиксы.— *Е. З.*) присоединяются к основам каждый сам по себе, хотя, независимо от этого, могут входить в ту или иную систему знаков, объединяемых

общим типом значения. Например, тот факт, что слово *жена* разлагается на основу *жен-* и окончание *-а*, принудительно связан с тем фактом, что основа *жен-* соединяется также с окончаниями *-ы*, *-е*, *-у*, *-ой*, *-ами*, *-ах* и т. д. и, кроме того, с тем, что тот же комплекс окончаний как нечто цельное возможен и при многих других основах вроде *стен-*, *голов-*, *рук-*, *баб-* и т. д. Подобные цельные комплексы морфем представляют собой, следовательно, своеобразное единство, во всей полноте своих членов переносимое от слова к слову, в пределах того же разряда, и создающее те цепи слов, которые именуются парадигмами» [1].

§ 24. Словоизменительные морфемы в русском языке бывают, как правило, постфиксами. Словоизменительные постфиксальные морфемы называют ф л е к с и я м и (от лат. *flexio* — «сгибание»), или о к о н ч а н и я м и.

§ 25. Словообразовательные морфемы в русском языке могут располагаться: 1) п е р е д корнем; тогда их называют п р е ф и к с ы (или п р и с т а в к и); 2) п о с л е корня; тогда их называют с у ф ф и к с ы (от лат. *suffixus* — «подставленный»). Например: 1) ***при***-*летать*, ***рас***-*красавица*, ***сверх***-*человек*, ***ультра***-*радикал*, ***архи***-*плут*, ***пре***-*милый*, ***противо***-*туберкулезный*, ***сверх***-*звуковой*, ***анти***-*военный* и т. п.; 2) *артист-**к**(а)*, *газет-**чик***, *журнал-**ист***, *коров-**ник***, *цемент-**н**(ый)* и др. Суффиксы, как правило, располагаются перед флексиями: *у газет-**чик**-а*, *с журнал-**ист**-ом*, *цемент-**н**-ого*. В русском языке существует лишь один суффикс ***ся***, который располагается после флексий: *всмотрим-**ся***, *зачитаем-**ся***, *набегаешь-**ся***.

Термин п р е ф и к с имеет два значения — широкое и узкое: а) аффиксальная морфема, расположенная перед корнем, слева от корня (противополагается постфиксам); б) один из видов деривационных морфем (=приставка) противополагается другому виду деривационных морфем (суффиксам).

§ 26. Некоторые ученые выделяют в русском языке еще один вид деривационных морфем — к о н ф и к с ы

[1] Г. О. В и н о к у р. Форма слова и части речи в русском языке. В кн.: Г. О. В и н о к у р. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 399.

(от лат. *confixum* — «совместно взятое»), которые состоят из двух частей (префиксальной и постфиксальной) и действуют в словообразовательном акте комплексно, как нечто единое [1]. Например: *шуметь* — ***расшуметься*** (нет глаголов «расшуметь» или «шуметься»), *кричать* — ***раскричаться***, *говорить* — ***сговориться***, *звонить* — ***созвониться*** и др. В этих словах два элемента ***рас-*** и ***-ся***, ***с-/со-*** и ***-ся*** выступают совместно, как единая морфема.

С помощью конфиксов образованы слова *подстаканник*, *подоконник*, *бездорожье*, *безденежье* и др.

На наш взгляд, выделение конфиксов как особых морфем в русском языке нецелесообразно. Наличие прерывистых морфем не характерно для структуры русского языка. Кроме того, постфиксальные и префиксальные части конфиксов совпадают, как правило, по значению с соответствующими приставками и суффиксами, т. е. ***под-***, входящее в конфикс ***под-... -ник*** (например, *подоконник*, *подстаканник*), тождественно по значению приставке ***под-*** (ср.: *под-пол*); ***-ник***, входящий в этот же конфикс, тождествен по значению суффиксу ***-ник*** (ср. слова с предметным значением типа *ворот-ник*, *творож-ник*).

Вместе с тем введение понятий конфиксикон-фиксация не углубит понимания сущности того явления, которое мы им назовем. Ведь и не пользуясь этими понятиями, считают, что в подобных случаях суффикс и приставка участвуют как две морфемы в едином акте словообразования, присоединяясь к производящей основе одновременно, а не последовательно. Такой способ словообразования называют приставочно-суффиксальным (см. об этом в гл. V).

§ 27. При диахроническом изучении словообразования с точки зрения происхождения различают морфемы исконные и заимствованные, пришедшие в русский язык в составе тех или иных слов. Это противопоставление относится и к корневым, и к аффиксальным морфемам, из последних в первую очередь к деривационным. В русском языке среди словоизменительных морфем заимствования встречаются крайне редко (например, показатели страдательных причастий настоящего времени — старославянского происхождения).

[1] См.: В. Марков. Замечания о конфиксации. «Język rosyjski», 1968, № 3.

Учитывая происхождение морфем, можно в обобщенном виде так представить строение русского производного слова:

1) *Рк + Ра;* 2) *Рк + Иа;* 3) *Ик + Иа;* 4) *Ик + Ра*, где

Р — русская морфема,

И — иноязычная морфема,

к — корневая морфема,

а — аффиксальная морфема.

Примеры: 1) *нож-ик, бел'-изн-а, вы-черн'-и-ть, пере-бел'-и-ть, гряз-н-ый;*

2) *архи-глупый, анти-военный, ультра-левый, ультра-звук, контр-удар, значк'-ист, звуко-фикация, хвост'-ист, лист-аж;*

3) *журнал'-ист, диплом-ант, анти-национальный;*

4) *газет-чик, пальт-ецо.*

§ 28. Выше говорилось о видах морфем как обобщенных единицах языка. Существуют аналогичные виды морфов как конкретных представителей морфем, т. е. имеются морфы корневые и аффиксальные, префиксальные и постфиксальные, словоизменительные и словообразовательные, приставочные и суффиксальные, исконные и заимствованные.

ОСОБЕННОСТИ СУФФИКСОВ И ПРИСТАВОК

Основные виды деривационных морфем в русском языке — суффиксы и префиксы (приставки), поэтому важно рассмотреть своеобразие каждого из этих аффиксов более подробно. Различие между ними не сводится только к различию их места в составе слова. Эти внешние структурные особенности лежат в основе целого ряда специфических черт суффиксов и приставок.

§ 29. В русском языке грамматические свойства слова выражаются обычно морфемами, помещаемыми в конце слова,— флексиями. Находясь рядом с флексией, суффикс нередко бывает спаян с ней [1], так что указание на суф-

---

[1] См.: В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.— Л., Учпедгиз, 1947, стр. 440—442. Ср.: Н. В. Крушевский. Очерк науки о языке. Казань, 1883, стр. 83.

фикс с необходимостью должно включать в себя указание на систему флексий, присущих формам того или иного слова. Так, слова с суффиксом ***-ость*** и нулевой флексией в форме именительного падежа единственного числа являются существительными женского рода 3-го склонения, слова с суффиксом ***-ник*** и нулевой флексией в форме именительного падежа единственного числа — существительными мужского рода 2-го склонения. Точно так же и глагольные суффиксы образуют глаголы, имеющие определенные грамматические свойства. Суффикс ***-е-*** образует от имен прилагательных глаголы только непереходные *(бел-**е**-ть, син-**е**-ть, стар-**е**-ть, молод-**е**-ть)*, а суффикс ***-и-*** — переходные *(бел-**и**-ть, син-**и**-ть, стар-**и**-ть, молод-**и**-ть)*. Ср.: *На горизонте синеет лес* и *Это белье синить не требуется; Иванов заметно стареет* и *Эта шляпа его старит*.

Приставки более автономны, свободны: они независимы от влияния флексий и не несут информации о грамматических свойствах слова.

§ 30. В русском языке присоединение приставки не изменяет принадлежность слова к части речи, а присоединение суффикса может и оставлять слово в пределах той же самой части речи *(луна — лун-ник, артист — артист-к-а, дом — дом'-ик, колхоз — колхоз-ник, переплет — переплет-чик)*, и переводить производное слово в иную часть речи *(желтый — желт-ок, желт'-ить, бегать — бег-ун, трясти — тряс-к-ий)*.

В русском языке нет суффиксов, которые бы производили слова разных частей речи: ***-ыва*** *(ть)* — суффикс, производящий только глаголы *(разбрасывать, откидывать, переписывать)*, ***-лив*** *(ый)* — только прилагательные *(молчаливый, терпеливый, счастливый)*, ***-ец*** — только существительные *(глупец, хитрец, творец)* [1].

§ 31. Для приставок не обязательна тесная связь со словами какой-либо одной части речи. Существуют приставки, которые могут присоединяться к словам различных частей речи, сохраняя одно и то же «универсальное» значение:

[1] Конечно, в словах типа *разбрасывание* и *молчаливость* начинаются суффиксы ***-ыва-*** и ***-лив-***, но они являются частью производящих основ *(разбрасыва-ние, молчалив-ость)* и не служат для образования данных имен существительных.

***раз-**: раз-удивительный, раз-веселый, раз-официальный, раз-печальный; раз-красавица, раз-дурак, раз-капиталист, раз-красавчик;*

***пре-**: пре-веселый, пре-милый; пре-комедия* [1];

***со-**: со-автор, со-гражданин, со-брат, со-товарищ, со-редактор; со-переживать, со-существовать, со-радоваться* [2]; новообразования: *со-стыковаться* [3], *со-стыковка;*

***сверх-**: сверх-легкий, сверх-быстрый, сверх-прочный; сверх-прибыль, сверх-скорость, сверх-бомба, сверх-честность;*

***супер-**: супер-вежливый, супер-модный; супер-пятитонка, супер-разряд, супер-мода;*

***анти-**: анти-мир, анти-частица, анти-вещество; анти-военный, анти-революционный;* в индивидуальной речи: *анти-тринадцать, анти-ты; анти-* встречается даже в глаголах, например, в «Письмах к тетеньке» Салтыкова-Щедрина: «...человек всю жизнь бредил, а потом нашел более выгодным «*антибредить*». Ср. в разговорной речи: «Ходить по магазинам — это *анти-гулять*»;

***недо-**: недо-слышать, недо-видеть, недо-понимать; недо-интеллигенты* [4];

***противо-**: противо-пожарный, противо-туберкулез-*

---

[1] Например: «Послушайте, тут *прекомедия* была» (Гоголь. Предисловие ко второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки»).

[2] Несколько примеров индивидуальных или редко употребленных слов с приставкой *со-*: «Это такое комическое, которое *сочувствует* в жизни паузой и разрядкой, но в этой паузе уже новый энергетический сгусток воли и желания жизни» («Неделя», 1969, № 42, стр. 14); «... когда задушевно беседуют с людьми герои многих современных пьес, мы, разумеется, волнуемся, *сопереживаем*» («Комсомольская правда» от 31 октября 1963 г.); «...Л. Гумилев увлекает в это странствование и своих спутников — геологов и гидробиологов, почвоведов и филологов, студентов и кандидатов наук, водоспасателей и шоферов, делает их соучастниками и *сопереживателями* своих исканий» («Новый мир», 1967, № 3, стр. 275); «Отсюда коллективность, дружба в работе, та благодарная и возвышенная атмосфера, в основе которой лежит не только соревнование, но, да простят мне необычное слово — «*сорадование*» (Бурденко); «Мои несчастливые *соочередники* (а как еще назвать коллег по очереди?) разбрелись, стеная и ворча...» («Лит. газ.» от 15 янв. 1969 г.); «...его *сопоставщиком* был И. Барабашов» («Правда» от 4 июня 1969 г.).

[3] Например: «...оба спутника жестко *состыковались* друг с другом» («Правда» от 31 окт. 1967 г.).

[4] Например: «Это «*недоинтеллигенты*», люди, утратившие свои национальные традиции...» («Комсомольская правда» от 12 мая 1966 г.).

ный, противо-болевой; противо-газ, противо-вес, противо-слово [1];

***про-**: про-французский; про-англичанин.*

§ 324. Различны суффиксы и приставки по характеру выражаемых ими значений. Присоединение к слову приставки обычно не меняет значения слова коренным образом, а лишь добавляет к нему некоторый оттенок значения. Так, глаголы с приставками *улететь, прилететь, отлететь, вылететь, подлететь* обозначают те же действия, что и глагол *лететь*. Приставка только добавляет к их значению указание на направление движения. Глаголы *отгреметь, отцвести* обозначают то же действие, что и глаголы *греметь, цвести*, приставка ***от-*** добавляет лишь к их значению указание на прекращение действия. Наречие *презабавно* и др., прилагательные *премилый, разлюбезный, сверхскоростной* и др. обозначают тот же признак, что и слова без приставок, но с оттенком большой степени его проявления.

Бóльшая часть приставок в русском языке имеет значения, подобные тем, о которых говорилось. Поэтому приставки в русском языке соединяются преимущественно с глаголами, прилагательными и наречиями. Эти части речи обозначают действия (глаголы) и признаки (прилагательные и наречия), для них бывает особенно важно определить направление действия, время его протекания и меру или степень признака.

Для имен существительных соединение с приставками не столь характерно, хотя и среди существительных нередки слова, образованные присоединением приставки: *частица — античастица, детектив — антидетектив, группа — подгруппа, раздел — подраздел, пятитонка — суперпятитонка, экспресс — суперэкспресс, демократ — ультрademократ, скорость — сверхскорость, язык — праязык, дед — прадед, история — предыстория* и т. п. Однако число таких слов сравнительно с общей массой существительных, не включающих приставки, не столь велико. В существительные, так же как в прилагательные, наречия и глаголы, приставки обычно вносят дополнительные указания на меру, степень или указания временно́го характера.

[1] Например: «Понимание подыскивает слову говорящего *противослово*» (В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка).

Значения суффиксов иного рода. Они колеблются от значений широких и отвлеченных до значений очень большой конкретности.

Широта и отвлеченность значения свойственна суффиксам глаголов и прилагательных. Какое значение имеют суффиксы прилагательных **-н-**, **-ов-** и **-ск-** в словах: 1) *автобус-н-ый, автомобиль-н-ый, желез-н-ый, книж-н-ый, колхоз-н-ый, бумаж-н-ый;* 2) *лазл-ов-ый, осин-ов-ый, игр-ов-ой, поиск-ов-ый;* 3) *институт-ск-ий, мор-ск-ой, комсомоль-ск-ий* и др.? Эти суффиксы обозначают отношение к тому, что названо исходным существительным. Такие же широкие отвлеченные значения имеют и глагольные суффиксы. Ср. суффиксы глаголов **-ну-** и **-е-**: 1) *прыг-ну-ть; толк-ну-ть, мах-ну-ть, рявк-ну-ть;* 2) *здоров-е-ть, умн-е-ть, глуп-е-ть, син-е-ть, желт-е-ть.*

Суффикс **-ну-** имеет значение мгновенности, однократности действия: действие совершилось один раз и прекратилось. Ср. однокорневые глаголы с суффиксом **-ну-** и без него: *Он п р ы г н у л через канаву и, поскользнувшись, упал.— Ты уже п р ы г а л! Хватит п р ы г а т ь! Весь в грязи вывалялся!*

Значение суффикса **-е-** более отвлеченное. Он обозначает 'делаться, становиться каким-нибудь' (в соответствии со значением производящей основы).

Суффиксы существительных в целом более конкретны. Имеются суффиксы, служащие для образования названий лиц, названий предметов, отвлеченных понятий. Внутри этих общих групп есть отдельные суффиксы, закрепленные за обозначением какой-либо узкой сферы предметов или явлений. Так, суффикс **-ин(а)** служит для обозначения видов мяса: *баранина, конина;* **-ик(а)** — видов ягод: *черника, голубика, клубника, костяника;* суффикс **-онок** — для обозначения детенышей животных и невзрослых существ: *осленок, тигренок, лисенок, волчонок, львенок, орленок, вороненок, галчонок, лягушонок* и т. п.; *поваренок, слесаренок.*

Суффиксы имен существительных в русском языке самые многочисленные и разнообразные. Они классифицируют предметы действительности, как бы делят весь мир на клетки: названия людей по профессии, по признаку, по действию, по месту жительства; названия невзрослых существ; названия ягод и т. д.

Среди суффиксов существительных есть и суффиксы,

имеющие конкретное значение, и суффиксы, имеющие широкое абстрактное значение, например: суффикс отвлеченного признака ***-ость*** *(смелость, веселость, ласковость, лозунговость, сахаристость, прыгучесть, живучесть, далекость, незабываемость)*, суффикс отвлеченного действия ***-нйj-*** *(чтение, облегчение, утяжеление, анкетирование, программирование, изыскание, отопление)*.

§ 33. Словообразовательные аффиксы (подобно флексиям) могут быть не выражены никаким звуком или комплексом звуков. Такие аффиксы называют нулевыми. Рассмотрим кратко, в чем заключается понятие нулевого аффикса в морфологии.

Встретив в тексте слово *груш*, мы догадаемся сразу, что это форма родительного падежа множественного числа, так как она входит в ряд падежных форм, имеющих флексии, выраженные материально: *груш-а*, *груш-и*, *груш-е*, *груш-у* и т. п., и в ряд форм с нулевым аффиксом и значением родительного падежа множественного числа: *крыш*, *стен*, *парт*, *скамеек*, *ламп* и т. п. Вот эти ряды:

1) *груши*
грушф [1] 2) *крыш-ф*, *стен-ф*, *женщин-ф*.
грушам
груши
грушами
о грушах

Очевидно, что значение нулевых аффиксов может быть различным, т. е. существуют омонимичные нулевые аффиксы. Например: *дума-л-ø; -ø-* — показатель мужского рода и единственного числа (ср. формы с материально выраженными аффиксами женского и среднего рода — *думал-а*, *думал-о* и аффиксом множественного числа — *дума-л-и*); *брат-ø; ф* — показатель именительного падежа единственного числа; *ламп-ø*; *ф* — показатель родительного падежа множественного числа.

§ 34. Назовем те необходимые требования, которые мы предъявляем к выделению нулевого словообразовательного аффикса.

Так как грамматический нуль есть значимое отсутствие какой-либо грамматической единицы, основанием

[1] *ø* — знак нулевого аффикса.

для выделения слов с нулевыми аффиксами должно быть значение соответствующих слов: в их значении должен быть семантический компонент, который о б ы ч н о в данном языке выражается с помощью деривационных аффиксов. Иными словами, при выделении нулевых аффиксов необходимо учитывать строение всей словообразовательной системы данного языка, т. е. фоном для выделения слов с нулевыми аффиксами должны быть слова с ненулевыми аффиксами, имеющими то же значение, которое мы приписываем нулевому [1].

Итак, допустимо выделять деривационные нулевые аффиксы при наличии двух условий [2]: а) деривационное значение, которое приписывается нулевому аффиксу, о б ы ч н о выражается в рассматриваемом языке с помощью словообразовательных аффиксов [3]; б) наряду с рассматриваемым словом имеется однокоренное слово, более простое по смыслу, которое могло бы быть производящим для анализируемого в том случае, если бы его деривационное значение выражалось ненулевым аффиксом.

Достаточно, чтобы отсутствовало хотя бы одно из этих условий, и станет невозможно выделить нулевой аффикс. Поясним сказанное примерами.

1) Слово *гам* обозначает процесс. Процессуальное значение имен существительных обычно выражается в русском языке с помощью аффиксов, например суффиксами ***-ни̯j(е)***: *чтение*, *пение*, *рисование*, *рассматривание*, *вышивание*; ***-к(а)***: *подвеска*, *разбивка*, *перекладка*, *носка*, *созка*; ***-б(а)***: *борьба*, *пальба*, *молотьба*, *косьба* и т. д. Однако нулевого аффикса в слове *гам* нет. Основанием для такого утверждения является невыполнение второго из названных выше двух условий. В русском языке нет такого однокоренного слова (а оно должно было бы быть глаголом), которое могло бы быть производящим для *гам*. Глагол *гамкать* не соотносителен с *гам* по значению: *гам* — 'громкий, нестройный гул голосов'; *гам-*

---

[1] Ср.: В. В. Л о п а т и н. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования. «Вопросы языкознания», 1966, № 1.

[2] Аналогичные критерии применяются при выделении нулевых аффиксов в морфологии.

[3] Ср. понятие нормального значения у И. А. Мельчука. См.: И. А. М е л ь ч у к. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1968, вып. 5, стр. 429.

кать — ‘отрывисто лаять’ (просторечн.), ‘браниться’ (обл.).

2) Нулевой суффикс есть в тех именах существительных со значением процесса, наряду с которыми имеются производящие глаголы. Ср.: *промыв-ø — промывать*, *разрыв-ø — разрывать*. Такие существительные входят в ряды слов, выражающих процессуальное значение с помощью «обычных» (ненулевых) суффиксов:

промывать

промывание *промывка* *промыв-ø(ø$_{ф}$)*[1]

Таким образом, наличие нулевого суффикса в составе слова *промыв* отражает его бóльшую формальную и смысловую сложность по сравнению со словом, содержащим производящую основу: *промывать*.

3) Сравним три слова: *строитель*, *инженер* и *задир(а)*. Первое существительное произведено с помощью суффикса *-тель* от глагола *строить*. Второе существительное не имеет производящей основы, оно является непроизводным: отсутствует второе из названных условий. Поэтому в этом слове нельзя выделять и нулевой аффикс. Третье имеет значение ‘тот, кто задирает или любит задирать’ и соотносится с однокоренным глаголом *задирать*, более простым по смыслу, чем существительное *задир(а)*. Выражение значений такого рода характерно для с у ф ф и к с а л ь н ы х существительных, например: *ломаться — лом-ак(а)*, *кривляться — кривл'-ак(а)*, *обманывать — обман-щик*, *спорить — спор-щик*. Глагол *задирать* был бы производящим для слова со значением действующего лица, если бы у последнего имелся материально выраженный суффикс. Следовательно, в слове *задира* имеется нулевой суффикс действующего лица: *задир-ø+(а)*.

4) В словах типа *какаду*, *калибри* нет оснований находить нулевой словообразовательный аффикс, так как мы не можем приписать им деривационного значения (например, «птица», «живое существо»), которое выражалось бы в русском языке аффиксально (отсутствует первое условие). Ср. такие названия птиц, как *соловей*, *жаворонок*, *пеночка*, *кулик*, *ворона*, *ястреб*, *орел*, *коршун* и др. В этих словах нет элемента, которому можно было бы приписать

[1] ø — нулевой суффикс отвлеченного действия, ø$_{ф}$ — нулевая флексия именительного падежа единственного числа; ср. в других падежах: *промыв-ø (а)*, *промыв-ø (у)*...

значение 'птица'. Нет в русском языке и аффиксально выражаемого значения 'живое существо', 'животное'. Ср.: *медведь, собака, волк, лев, слон, заяц, рысь* и др.

5) Сравнение слов *супруга* и *жена* покажет нам разницу в их словообразовательной структуре. В первом существительном выделяется нулевой аффикс, так как: а) оно входит в ряд слов с тем же значением, обычно выражаемым аффиксально: *генерал — генераль-ша, офицер — офицер-ша, адмирал — адмираль-ша; дьякон — дьякон'-иха, врач — врач-иха;* б) у него есть производящее существительное мужского рода, обозначающее лицо мужского пола: *супруг.*

Следовательно, слово *супруга* включает нулевой показатель словообразовательного значения: *супруг-ə-(а).*

У слова *жена* отсутствует производящее существительное. Выделять в нем нулевой аффикс нет оснований.

Как показывают факты языка, нулевые словообразовательные аффиксы в русском языке являются суффиксами. Это можно доказать тем, что слова с нулевыми аффиксами по своему значению и по соотношению с производящими входят в парадигматические ряды с производными, имеющими ненулевые суффиксы. Нулевых приставок в русском языке нет [1]. Объясняется это тем, что в русском языке нет таких слов, которые выражали бы значение, характерное для приставок, и вместе с тем могли бы трактоваться как производные от однокоренных беспристáвочных слов.

Так, в русском языке многочисленны приставки со значением высокой степени обнаружения признака, например: ***пре-***: *премилый, преглупый, превеселый;* ***раз-***: *развеселый, разнесчастный;* ***архи-***: *архичестный, архиумный;* ***сверх-***: *сверхбыстрый;* ***ультра-***: *ультрасовременный, ультрамодный;* ***экстра-***: *экстраточный, экстракорректный;* ***супер-***: *суперчестный, супервежливый.*

Однако если мы возьмем прилагательные со значением высокой степени обнаружения признака, например:

---

[1] Вызывает возражения встречающееся иногда употребление термина нулевая приставка в значении 'отсутствие приставки' (типа «приставочные глаголы *прибежать, убежать* и глагол с нулевой приставкой *бежать*»). Термин нулевой обозначает не всякое отсутствие той или иной единицы, а значимое отсутствие, т. е. отсутствие, которое является средством выражения определенного значения.

огромный, громадный, великий, колоссальный, то мы не сможем приписать естественным образом их значение нулевой приставке, так как в русском языке отсутствуют слова (они должны быть прилагательными), которые могли бы быть производящими для данных.

Иными словами, в русском языке нет слов, которые выражали бы значения, характерные для приставок, и вместе с тем имели бы соотносительные однокоренные образования, лишенные этого значения. В факте отсутствия нулевых приставок обнаруживается резкое различие между суффиксами и приставками, бо́льшая лексичность последних.

Нулевые суффиксы действуют преимущественно в словообразовании имен существительных. Кроме значения отвлеченного действия, нулевые аффиксы могут обозначать лицо по действию или по признаку *(задира, заика, подлиза; интеллектуал, универсал)*, отвлеченные признаки *(муть, темь, синь, гладь)* и некоторые другие значения (см. об этом в гл. XI).

В соединении с приставками нулевые суффиксы функционируют в словообразовании прилагательных и наречий (см. гл. XI) [1].

§ 35. Суффиксы нередко вызывают изменения в строении конца основы (чередование фонем), так как на границе морфов происходит взаимоприспособление основы и суффикса, ср.: *горох — горош-ек, горош-ин(а); книга — книж-н(ый)* (см. подробнее в гл. IV). Приставки реже влияют на строение начала слова. Таким образом, приставки ведут себя в слове как элементы формально более отъединенные, самостоятельные, чем суффиксы.

В словах заимствованных может происходить взаимоприспособление приставки и корня, при котором меняется не корень, а приставка под влиянием начальной фонемы корня, приспосабливаясь к ней. Таким образом, направление воздействия здесь то же: справа налево, например: *ин-детерминизм* (***н*** *перед начальным губным*), *им-материализм*, *им-моральный* (***м*** — перед начальным губным), *ир-рационализм*, *ир-регулярный* (***р*** — перед начальным ***р***).

[1] Наиболее полное описание производных слов с нулевыми аффиксами см. в работе: В. В. Лопатин. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования. «Вопросы языкознания», 1966, № 1.

Обособленность приставок в составе слова поддерживается еще одной их особенностью. Они могут иметь побочное ударение в составе слова (*а́рхи-нелепый*, *а́нти-демократи́чный*, *про́тиво-возду́шный*, *про́тиво-пожа́рный*, *со́-нанима́тели*, *про́тиво-я́щурный*, *внутри́-кле́точный*, *внутри́-ульево́й*, *а́нти-рома́н*, *а́нти-нейтралите́т*). Суффиксам это не свойственно.

Наличие особого ударения и структурная самостоятельность в составе слова приводят к тому, что позиционные изменения гласных, распространяющиеся на все морфемы слова, могут не затрагивать приставок. Например, приставка *со-* со значением совместности, несущая побочное ударение, в безударных слогах слова может сохранять [о], не подвергаясь редукции и не изменяясь в [ъ] или [а] [1]: *сонаниматель*, *сотелесность*, *соопекун*, *сопереживание*, *соруководители*.

Так же могут вести себя и многие другие приставки, наделенные побочным ударением: *ме́ж-колхо́зное соревнование*, *ме́ж-плане́тное сообщение* (нет йканья, изменения [э] в [и^{э}] или [э^{п}]), *за́атмосфе́рный*, *за́атланти́ческий* (нет редукции [а]), *до́-я́сельный возраст*, *по́революцио́нный период* (нет аканья) и т. п.[2].

Позиционные изменения согласных (например, ассимилятивное смягчение согласных) на стыке приставки и корня иные, чем на стыке корня и суффикса [3].

§ 36. Универсальность значения приставок, близость их семантики к семантике частиц и наречий, их структурная самостоятельность в составе слова приводят к тому, что приставки в своей массе являются более продуктивными морфемами, чем суффиксы. Их употребление менее регламентируется ограничениями, связанными с семантикой основы (о понятии продуктивности см. ниже, гл. VIII).

---

[1] См. об этом интересном явлении в статье Е. И. Голановой в кн. «Развитие фонетики современного русского языка». М., «Наука», 1971.

[2] Наряду с указанным возможно произношение, при котором на приставки распространяются позиционные изменения гласных, т. е. произношение [съ]*руководи́тели*, [да]*я́сельный*, [са]*а́втор* и т. п. Однако нам важно отметить наличие иного произношения и его широкую распространенность.

[3] См.: Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1968.

Смысловые и структурные различия между суффиксами и приставками вызывают и еще одно различие: приставки чаще и легче, чем суффиксы, приобретают возможность употребляться самостоятельно, как особые слова [1]: «Наконец поход окончен, едут в электричке домой... А дома целую неделю отмываться, отсыпаться, отъедаться... И еще десять *«от...»* («Комсомольская правда» от 25 авг. 1966 г.); «Я знаю, что не открою четвертого закона механики, не изобрету чего-нибудь *«сверх»* и *«ультра»* («Комсомольская правда» от 25 авг. 1963 г.); «...никакому *«псевдо»* на эстраде не место» («Лит. газ.» от 27 окт. 1966 г.).

Такое употребление свойственно и непринужденной разговорной речи: «— Ты не переспал? — Скорее *недо-*, чем *пере-*»; «Он хотел обратиться к какому-то епископу или архиепископу. [Ответная реплика] — Лучше *архи-*».

* * *

Все указанные различия между приставками и суффиксами свидетельствуют о неоднородности префиксов и суффиксов, о большей лексичности приставок, т. е. об их близости к самостоятельным словам.

Различия между суффиксами и приставками оказывают влияние и на различие между способами словообразования, в которых действуют эти аффиксы (т. е. на суффиксацию и префиксацию).

Дополнительная литература к главе II

Г. О. Винокур. Форма слова и части речи в русском языке. В кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. Перевод с англ. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1959, гл. V—VII.

«Грамматика современного русского литературного языка». М., «Наука», 1970, § 21—32.

А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., «Наука», 1967, стр. 22—34.

И. А. Мельчук. О некоторых типах языковых значений. В кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева. О точных методах исследования языка. М., 1961.

М. В. Панов. Русский язык. В кн. «Языки народов СССР», т. I. М., «Наука». 1966.

[1] См. некоторые примеры этого явления в работе: Е. Л. Земская. Словообразовательные морфемы как средство художественной выразительности. «Русский язык в школе», 1965, № 3.

Глава III

ЧЛЕНИМОСТЬ И ПРОИЗВОДНОСТЬ ОСНОВ

СТЕПЕНИ ЧЛЕНИМОСТИ ОСНОВ

§ 37. В главе I мы говорили о разграничении морфемного и словообразовательного анализа. Для морфемного анализа существенно понятие членимости основы, для словообразовательного анализа — понятие производности.

1. Существуют два четко противопоставленных класса основ — основы нечленимые, т. е. содержащие один морф, далее не делимые на морфы (*стол*, *ветер*, *вод(а)* и т. п.) и членимые на морфы, т. е. состоящие из двух и более морфов [*лет-чик*, *стол'-ик*, *по-на-куп'-и-(ть)*]. Между этими двумя классами основ имеются промежуточные случаи, заставляющие говорить не только о двух резко разграниченных классах — основах членимых и нечленимых, но и о большом количестве переходных случаев [1], т. е. о разных степенях членимости основ [2].

---

[1] См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 4. М., 1934, стр. 14.

[2] Способы определения степени членимости слова предложены М. В. Пановым. См. об этом в кн. «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 214—216. Нами используются основные положения этой работы.

Иной путь установления степеней членимости основ см. в работе: Н. А. Янко-Триницкая. Членимость основы русского слова. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1968, вып. 6. См. также рецензию В. В. Лопатина и И. С. Улуханова в журнале «Филологические науки», 1961, № 1, стр. 139.

Примечание.

Разные авторы, рассматривая понятие членимости, говорят то о членимости слова, то о членимости основы, по существу изучают одну и ту же проблему, которую все же точнее было бы называть членимостью основы, так как слова типа *вод(а)*, *бел(ый)*, *иду(у)*, содержащие одноморфемную основу+морфему-флексию, при этом обычно называют нечленимыми. Таким образом, слово с нечленимой основой называют нечленимым словом, слово с членимой основой — членимым словом, т. е. здесь принято то же словоупотребление, что и по отношению к словам с производными/непроизводными основами, которые называют соответственно производными/непроизводными словами (см. гл. 1). В дальнейшем и мы для краткости будем иногда прибегать к такому словоупотреблению.

2. Сравним слова *летчик*, *попадья*, *стеклярус*, *буженина*, *малина*. Даже без специального анализа видно, что в направлении от первого слова к последнему степень членимости ослабевает. Это ощущение станет очевидным, если мы сопоставим наши слова со словами, содержащими те же основы и/или те же постфиксальные части.

Для наглядности будем изображать корни (или основы) заглавными буквами (*А*, *Б*, *В*, ...), а постфиксальные части — строчными (*а*, *б*, *в*, ...)[1], т. е., например: *лет-чик (Аб)*, *развед-чик (Бб)*.

(1) Очевидно, что наибольшую степень членимости имеем тогда, когда при данном слове *Аб (лет-чик)* существуют два сопоставительных ряда: ряд *Ав (лет-ун)*, *Аг (лет-ать)* (с тем же значением основы) и ряд *Бб (развед-чик)*, *Вб (разнос-чик)* ... (с тем же значением аффикса). В таких случаях слово членится предельно четко на *А* и *б (лет-чик)*.

(2—3) Меньшую степень членимости наблюдаем, когда при данном слове *Аб* существует ряд слов *Ав*, *Аг*,... (с тем же значением основы), а часть *б* нигде больше не встречается.

В таких случаях есть две возможности. Если значение, которое можно было бы приписать *б*, передается в данном

---

[1] Строчными буквами обозначены любые виды деривационных аффиксов: и приставки, и суффиксы (в том числе нулевые). Возможно также и отсутствие деривационного аффикса (как, например, в словах *пол*, *дом*, *где*, *там*).

языке аффиксально (т. е. *б* синонимично какому-либо настоящему аффиксу *г* или *д*), то это обстоятельство облегчает членимость слова *Аб*, как, например, в слове *поп-ад'j(а)* (вторая степень), в котором элемент ***-ад'j(а)*** соотносится со значением 'жена того, кто назван соответствующим именем мужского рода'; ср.: *генерал — генерал-ш(а)*, *дьяк — дьяч-их(а)*.

Если же значение, которое можно было бы приписать *б*, не выражается в данном языке аффиксально и, следовательно, не соотносится со значениями других аффиксов (т. е. уникально), то членимость слова слабее, например в слове *стеклярус* (третья степень). На той же ступени находится слово *почтамт* — 'главное почтовое учреждение в городе', 'здание, где находится это учреждение' (ср. слова с той же основой: *почта*, *почтовый*, *почтовик*; ***-амт*** в других словах не встречается, и значение, которое можно было бы ему приписать, не выражается в русском языке аффиксально).

(4) Еще слабее членимость слов, основы которых встречаются в соединении лишь с одним аффиксом [например, *буженин(а)*], хотя этот аффикс и повторяется в ряде хорошо членимых слов, т. е. *А* встречается только в *Аб*

Таблица 1

Дано слово *Аб*	Есть ли *А* или *Ав*?	Есть ли *Бб*?	Есть ли *Б* или *Бв*?	Есть ли *Дг* (где *г* синонимично *б*)?	Есть ли *Д* или *Дв*?
лет/чик	*лет/ать*	*развед/чик*	*развед/ать*	Безразлично	
поп/адья	*кон*[1]	—	—	*генеральша*	*генерал*[1]
стекл'/арус	*стекл/о*	—	—	—	—
буженин/ина	—	*кон/ина*	*конь*[1]	—	—
мал/ина	—	*круш/ина*	—	*черн/ика*	*черный*

[1] Возможность отсутствия при основе деривационного аффикса оговорена в примечании к стр. 45. Очевидно, что слова без деривационных аффиксов входят в качестве «полноправных членов» в сопоставительные ряды, т. е. ряд может содержать и слова, вычленяющие основу, и слова, содержащие ту же основу в свободном виде, например: *дом*, *дом-ик*, *дом-ище*, *дом-ов(ый)*, иными словами, в ряд *Аб*, *Ав*, *Аг*, ... может входить и *А*. Более того, слова, содержащие основу в свободном виде, составляют тот фон, на котором особенно ярко обнаруживается членимость других слов.

(нет ряда *Ав*, *Аг*,...), но есть ряд *Вб*, *Гб*,... [с тем же значением *б*, ср.: *кон'-ин(а)*, *осетр'-ин(а)*].

(5) Плохо членятся (но все же членятся) слова, основы которых встречаются в соединении лишь с одним аффиксом, сам же этот аффикс (в отличие от слов четвертой степени членимости) не встречается в хорошо членимых словах, т. е. *А* существует только в *Аб* (нет ряда *Ав*, *Аг*,...), но есть ряд *Бб*, *Вб*,... (с тем же значением *б*, ср., например, *крушина*, *смородина*, *калина*), при этом *Б*, *В* и др. встречаются только в соединении с *б*.

3. Все, изложенное в § 37, изображено в таблице № 1.

§ 38. Членимость слов исторически изменчива. Развитие словарного состава языка — появление новых слов, исчезновение из языка старых слов — оказывает влияние на членимость слов того или иного состава.

Приведем примеры. Существительное *троллейбус* в русском языке вычленяет элемент *-бус* (ср.: *автобус*, *омнибус*) и остаточный отрезок *троллей-*. Следовательно, оно имеет пятую степень членимости (подобно *малине*). С появлением новых, пока еще редких, малоизвестных слов *троллейвоз*, *троллейный* и *троллейкар* (последнее входит в сопоставление со словом *автокар*) членимость существительного *троллейбус* начинает меняться. Оно переходит на первую степень членимости, так как входит теперь в двойной ряд соотношений: слов с корнем *троллей-* и с постфиксом *-бус* [1].

Первоначально было: *троллейбус (Аб): X=автобус (Вб) : У*, т. е. в пропорции отсутствовали два члена. Появление новых слов меняет пропорцию: *троллейбус (Аб)*: *троллейкар (Ав)=автобус (Вб) : автокар (Бв)*.

Таким образом, появление слова *троллейкар* повысило членимость и *автокара*. Помогая друг другу, они оба переходят на первую степень членимости.

Несомненно, что слабочленимое слово *автомобиль* повысит свою членимость, если новые рождающиеся слова *электромобиль*, *космобиль* (пока еще редкие, относящиеся к области терминологии) войдут в общелитературный

[1] См. анализ этого и других примеров изменения членимости слова в кн. «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского языка». М., 1968, стр. 219.

язык. Показательно, что эти существительные начинают употребляться на страницах неспециальной печати: «Будущее за *электромобилями*, утверждает автор, полемизируя с Ю. Долматовским... Нынешнее положение дел характерно тем, что акции *электромобиля* очень высоко стоят в научной прогнозирующей сфере» («Лит. газ.» от 27 марта 1968 г.); «На пути к *электромобилям*» [заголовок] («Правда» от 27 июня 1969 г.); «*Электромобиль*. Что он даст?» [заголовок] («Правда» от 16 янв. 1971 г.); «Трое в *космобиле*. Некоторые подробности полета американских космонавтов» («Лит. газ.» от 23 окт. 1968 г.).

Позже других в этом ряду появилось слово *луномобиль*, употребляющееся иногда в качестве синонима завоевавшего права гражданства слова *луноход*. Так, в одной и той же статье нам встретилось три наименования путешествующей по Луне машины: составное название *лунный «автомобиль»* и слова *луноход* и *луномобиль*: «Характеристики грунта меняются довольно часто. То грунт прочен, то становится рыхлым настолько, что буксование резко тормозит движение *луномобиля*» («Эксперимент в кратере», «Комсомольская правда» от 13 дек. 1970 г.).

Войдя в двойной ряд отношений (слов с частью *авто-* и слов с частью *-мобиль*), существительное *автомобиль* получит первую степень членимости.

СВЯЗАННЫЕ КОРНИ. ЧЛЕНИМОСТЬ ОСНОВ СО СВЯЗАННЫМИ КОРНЯМИ

§ 39. Выше говорилось (см. гл. II), что суффиксы и приставки отличаются от корней тем, что они не имеют в языке самостоятельного употребления. Они всегда находятся при корне слова, как бы «привязанные» к нему. Корни же употребляются и в соединении с деривационными аффиксами *(дом'-ик, пра-дед, лимон-н-ый)*, и самостоятельно *(дом, дед, лимон)*. Однако существуют слова, корни которых живут в языке только в соединении с суффиксами и приставками, т. е. в связанном виде. Основы таких слов называют с в я з а н н ы м и [1]. Однако точнее в

[1] Термин введен Г. О. Винокуром. Г. О. Винокур пишет о таких основах: «...основы, которые всегда даны нам только в соединении с теми или иными аффиксами, можно было бы называть о с-

таких случаях было бы говорить о связанных корнях.

Связанные корни находим в словах *свергнуть, отвергнуть, извергнуть; добавить, отбавить, прибавить, добавка, прибавка, прибавление; вонзить, пронзить.* Связанные корни по ряду признаков отличаются от свободных корней (лишены способности употребляться вне связи с деривационными морфемами; обязательно должны повторяться в ряде слов). Они не являются полноценными корнями. Поэтому их предложено называть радиксоидами (от лат. *radix* — «корень»+греч. *-oid* — «подобный») [1]. О единичных радиксоидах см. § 52.

§ 40. Разберем для примера слова с радиксоидом *верг-/верж-*. Он встречается в ряде глаголов с приставками (*ввергнуть, свергнуть, извергнуть, отвергнуть*) и в отглагольных существительных (*извержение, свержение, изверженье* и др.). В современном языке радиксоид *верг-/верж-* сам по себе непонятен. Его значение можно вывести только из состава тех слов, в которые он входит. В XVIII в. глагол *вергнуть* (со значением 'кинуть, бросить') еще мог употребляться свободно (без приставок) в торжественном книжном языке, однако в живой речи того времени он был уже неупотребителен. В современном языке многие слова с радиксоидом *верг-* делятся на морфемы благодаря тому, что они составляют группу объединенных в смысловом отношении слов. Значение приставок в них выступает вполне отчетливо: *ввергнуть в бездну* (направление действия внутрь, ср.: *внести, ввести, входить, вдвинуть*), *отвергнуть предложение* (направление действия от чего-нибудь, ср.: *отбросить, откинуть, отодвинуть*), *свергнуть царя, низвергнуть тирана* (в обоих случаях направление действия вниз, ср.: *сбросить царя, низринуться с горы*), *извержение вулкана, вулкан изверг лаву* (направление действия изнутри чего-нибудь).

В индивидуальном поэтическом сознании радиксоид *верг-/верж-* может вычленяться из состава слова и в какой-

---

новами связанными (разрядка автора.— *Е. З.*). Ср., например, соотношение слов *при-выкнуть* и *от-выкнуть*, где выделяется первичная основа *вык*, неизвестная в свободном от аффиксов виде» («Заметки по русскому словообразованию». В кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 435).

[1] Термин введен А. А. Реформатским.

то степени осмысляется. Так, В. В. Маяковский употребляет его как самостоятельное слово: «Встаньте, ложью *верженные* ниц...» («Война и мир»).

Однако не все слова с историческим корнем *верг-/верж-* так четко делятся на составные части, как только что приведенные. В тех словах, в которых значение приставки не выступает так отчетливо, как в разобранных выше, членимость на морфемы ослабляется.

Возьмем глагол *повергнуть*. Значение приставки ***по-*** в составе этого слова неясно. Глагол *повергнуть* имеет в современном языке два значения: 'опрокинуть' *(Он поверг противника на землю)* и 'привести в какое-либо неприятное состояние' *(Я был повергнут в отчаяние)*. Ни в том, ни в другом случае значение приставки ***по-*** как составного элемента слова не выделяется.

Неясно значение приставок и в слове *подвергнуть*. Этот глагол утратил свое первоначальное конкретное значение. Раньше глагол *подвергнуть* значил 'бросить вниз, подо что-нибудь', и значение приставки в его составе было вполне ясно (ср. глаголы с аналогичным значением приставки ***под-***: ***под****лезть* ***под*** *кровать*, ***под****ставить ведро* ***под*** *умывальник*). Тогда этот глагол употреблялся в сочетании с предлогом ***под***: *подвергнуть п о д о ч т о - н и б у д ь*. В современном языке этот глагол имеет отвлеченное значение, в связи с чем изменилось и его управление. Он сочетается теперь с дательным падежом беспредложным *(подвергнуть ч е м у): Проект новой больницы подвергли критике.*

В современном глаголе *подвергнуть* значение приставки неясно, благодаря чему она и не выделяется из состава слова. Поэтому глагол *подвергнуть*, так же как и образованные от него слова *подверженный* ('склонный к чему-нибудь'; например, *ребенок легко подвержен простудам*) и *подверженность* ('склонность к чему-нибудь'), не вычленяет приставку.

§ 41. Как показывает наблюдение, членимость слов со связанными основами зависит от характера их значения. Так, например, в глаголах *отнять — отнимать*, *снять — снимать*, *поднять — поднимать*, *принять — принимать*, *разнять — разнимать*, *обнять — обнимать* приставки имеют ясное пространственное значение, обнаруживающееся и в других словах, и поэтому вычле-

няются из состава слова [1]. Благодаря этому перечисленные слова не утрачивают своей членимости, хотя радиксоид *-ня-/-ним-* в современном языке обладает лишь остаточной выделимостью из состава слова. В этих и им подобных словах центр смысловой тяжести слова перенесен на приставку, она более значима в составе слова, чем бывший корень. А в других словах с тем же этимологическим корнем — *понять* (постигнуть умом), *внять* — приставки не выделяются, их значение в слове неясно, так как эти слова утратили свои первоначальные конкретные значения. В этих глаголах «заросли швы» (границы) между приставкой и корнем, и они стали нечленимыми.

§ 42. Членимость слов с радиксоидами зависит не только от характера значения слова, но и от принадлежности слова к той или иной части речи, а также от наличия в языке слов, соотносительных с данным по семантике и морфемному составу.

Рассмотрим членимость слов *обуть, разуть* и *обувь*. Попробуем разделить на составные части глаголы *обуть* и *разуть*. Каков их состав? В этих словах ясно выделяются приставки ***об-*** ('направление действия вокруг предмета': *обмотать, облепить, обвязать*) и ***раз-*** ('действие, противоположное другому действию': *обмотать — размотать, обвязать — развязать*) и аффикс инфинитива ***-ть***. Как остаток выделяется корень *-у-*. Сам по себе он ничего не значит. Отдельно он не употребляется, встречается только в связанном виде — в окружении приставки и суффикса. Тот же корень с этимологической точки зрения, несомненно, сохранился в существительном *обувь*. Однако с синхронной точки зрения он в этом слове не выделяется, потому что окружение этого бывшего корня — приставка и суффикс — в имени существительном не вычленяется, как в глаголах. Здесь играет роль и значение этого существительного — конкретного предмета (а не процессуальное) — и отсутствие слов, противопоставленных существительному по семантике («розувь» нет).

Ведь и в глаголах радиксоид *-у-* не выделяется сам по себе, а лишь вычленяется как остаток от легко выделяемых

---

[1] Ср.: *снять* и *скинуть, сдвинуть, стащить; поднять* и *подкинуть, подбросить; разнять* и *растащить, раздвинуть; обнять* и *обхватить, обмотать, обвязать*.

приставки и флексий (ср.: *обуть*, *обул* и пр.). Глаголы *обуть* и *разуть* противоположны по значению, и эта противоположность, противопоставленность их значения, связывается с различием значения приставок ***раз-*** и ***об-*** (остальные части слова совпадают у этих глаголов). Поэтому-то приставки так легко и выделяются из состава этих глаголов. Показатель инфинитива также вычленяется очень отчетливо, так как это распространенная и деятельная морфема, встречающаяся в тысячах слов. Совсем не такую роль играют суффикс и приставка в существительном *обувь*. Значение приставки в этом слове неясно, хотя вообще в языке приставка ***об-*** живая; в языке нет существительного с тем же корнем, но с другой приставкой. Что касается суффикса ***-вь***, то он мертвый и значение его говорящим совсем непонятно. Поэтому слово *обувь* в современном языке простое, нечленимое.

§ 43. Большое количество слов со связанными корнями имеется среди иноязычных заимствований. Таковы, например: *трансл-ировать*, *трансл'-ация*, *трансл'-атор; агит'-ировать*, *агит-ация*, *агит-атор; изол'-ировать*, *изол'-ация*, *изол'-атор; спекул'-ировать*, *спекул'-ация*, *спекул'-ант*. В этих словах имеются связанные корни *трансл'-*, *агит-*, *изол'-*, *спекул'-* и суффиксы со значением действия, отвлеченного действия и действующего лица или инструмента. Слова такого рода хорошо членятся, так как они входят в двойные ряды соотношений — слов с тем же аффиксом и слов с той же основой. Ср. также: *тур'-изм*, *тур'-ист; ате-изм*, *ате-ист*, *эго-изм*, *эго-ист*.

§ 44. Подведем итог сказанному о словах со связанными корнями (радиксоидами).

1. Степень членимости слов со связанными корнями различна. Она зависит от характера их значения и наличия в языке ряда слов с тем же радиксоидом. Чем активнее и сопоставимее ряд слов со связанным корнем, чем яснее в слове значение входящих в него словообразовательных аффиксов, чем деятельнее в языке эти аффиксы, тем отчетливее членимость слова. Так, особенно четко выделяются деривационные аффиксы противоположных значений *(обуть — разуть, затворить — растворить, одеть — раздеть)*.

2. Слова со связанными корнями, входящие в двойные ряды соотношений (слов с тем же корнем и слов с теми же аффиксами), хорошо членятся, т. е. имеют первую степень членимости (например, *ассоци-ировать — ассоци-ация*, *изол'-ировать — изол'-ация*).

Таким образом, первую степень членимости имеют две группы слов: а) слова со свободными корнями, входящие в двойные ряды соотношений; б) слова со связанными корнями, входящие в двойные ряды соотношений [1]. Ср.:

а) *вод-н-ый*, *цемент-н-ый*, *камен-н-ый*...
вод-ичка
вод-а

б) *изол'-ация*, *аргумент-ация*, *агит-ация*...
изол'-ировать
изол'-атор

3. В словах со связанными корнями может происходить перенесение смыслового веса слова с корня на аффиксы, чаще всего приставки (например, *поднять*, *отнять*, *разнять*). Значение корня в таких словах неясно, оно утрачено языком и выводится из значения тех слов, в состав которых оно входит.

4. Лучше членятся слова со связанными корнями, имеющие конкретные значения. Слова с отвлеченными значениями легче подвергаются процессу опрóбщения и утрачивают членимость (ср.: *от-нять*, *раз-нять* и *понять*, *внять*).

УНИКАЛЬНЫЕ ЧАСТИ ОСНОВ

§ 45. Среди лингвистов идут споры о том, что представляют собой единичные, т. е. встречающиеся лишь в одном слове, отрезки типа ***-'арус*** *(стеклярус)*, ***-амт*** *(почтамт)*, ***-адья*** *(попадья)* и им подобные. Вычленяются ли они из состава слова, значимы ли они в составе слова, являются ли они аффиксами или незначимыми прокладками («пустыми морфами», наращениями)?

[1] Ср. понятия полной (двусторонней) с в о б о д н о й членимости и полной (двусторонней) с в я з а н н о й членимости в концепции Н. А. Янко-Триницкой. См.: Н. А. Я н к о - Т р и н и ц к а я. Членимость основы русского слова. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1968, вып. 6, стр. 535.

Попытаемся ответить на эти вопросы.

Единичные отрезки, подобные вышеприведенным, из состава слова вычленяются, так как часть, предшествующая им, встречается с тем же значением в других словах [1].

Входя в ряд однокоренных слов *стекло — стеклянный — стекольщик — стеклярус*, *почта — почтовый — почтовик — почтамт*, отрезки -'***арус***, -***амт*** и подобные с несомненностью вычленяются из состава слова. Как было показано выше, такие отрезки входят в состав членимых, но не очень четко, основ. По таблице М. В. Панова слова с такими отрезками имеют вторую или третью степень членимости (см. выше).

Чем же являются эти отрезки в составе слова?

Они отличаются от корневых и аффиксальных морфем тем, что не являются строительным материалом для образования новых слов, а лишь вычленяются из состава отдельных, нетипичных по своей структуре слов (построенных по действовавшим ранее в языке закономерностям или заимствованных из других языков).

Слова с «обычными» корнями и аффиксами строятся и служат моделью для построения других слов; они могут и производиться, и воспроизводиться в речи. Именно поэтому они принципиально отличаются от слов с единичными отрезками, которые входят в один ряд сопоставлений и не могут производиться в речи. Такие слова, как *почтамт*, *стеклярус* и т. п., всегда в о с п р о и з в о д я т с я.

Присмотримся повнимательнее к семантике единичных отрезков. Очевидно, что прибавление такого уникального отрезка влияет на значение слова: *почта* ≠ *почтамт*, *стекло* ≠ *стеклярус*, *поп* ≠ *попадья*. Можно было бы сделать вывод, что эти отрезки значимы: -***амт*** имеет значение 'главное учреждение из рода тех, которые названы производящей основой', -'***арус*** — 'украшение из материала, названного производящей основой'. Попытаемся проверить, так ли это.

Возьмем отрезки -***амт*** и -'***арус*** и посмотрим, имеют ли они значение вне состава тех слов, в которых они за-

[1] Ср. высказывание М. Докулила: «Принципиальная членимость основы зависит от того, можем ли мы выделить в ней хотя бы одну составную часть, встречающуюся с тем же значением и в других, реально в языке сосуществующих словах» («Tvoření slov v češtině», т. I. Praha, 1962, стр. 212).

креплены, т. е. будут ли они понятны носителям языка, если их «приставить» к каким-либо другим основам. Составим слова с этими отрезками, подбирая производящие основы того же семантико-грамматического разряда, что и основы, с которыми «спаяны» наращения. Вот эти слова: 1) *аптек-амт*, *вокзал-амт*, *бан'-амт*; 2) *желез'-арус*, *янтар'-арус* (или по модели с наложением морфов[1]: *янтарус*). Предполагаем, что *аптек-амт* должно значить 'главная аптека', *желез'-арус* — 'украшение из железа' и т. п.

Опрос информантов показывает, что наши слова непонятны 97% отвечающих, т. е. наращения вне слов, в которых они закреплены, незначимы.

Примечание.

Был проведен эксперимент. Задавались вопросы типа: «Что, по вашему мнению, значит слово *аптекáмт*? Как бы вы поняли слово *аптекамт*, встретив его в тексте?» Аналогичные вопросы задавались по отношению к другим словам. Одному информанту не задавались вопросы о нескольких словах с одним и тем же наращением, так как это уничтожило бы важное принципиальное свойство наращений — уникальность, способствовало бы превращению уникальных наращений в аффиксы.

Естественно, что, если бы придуманные слова были вставлены в контекст, подсказывающий их смысл, вероятность их понимания была бы выше. Ср., например: *На главной улице расположено красивое здание аптекамта; Сейчас носят драгоценные камни, железя́рус не в моде.* Очевидно, что помещение испытуемых слов в такой контекст не дало бы возможности получить нужные сведения. Ведь в определенном контексте как-то (и часто верно!) осмысляется любое непонятное слово. Это известно каждому, изучавшему иностранные языки. Если во фразе встретилось одно неизвестное слово, не обязательно смотреть в словарь. Как правило, можно догадаться о его смысле. Вставим в вышеприведенные фразы модифицированные слова, прибавив к основам *аптек-* и *желез-* не наши наращения, а выдуманные: *На главной улице города расположено красивое здание аптекáйина; Сейчас носят драгоценные камни, железýнг не в моде.* Очевидно, что эти фразы будут поняты так же (или почти так же), как предыдущие. Между тем, если мы составим слово из реального аффикса и выдуманного корня, его общий смысл будет понятен. Таково, например, придуманное слово *зумзумúтель*. На вопрос, что значит это слово, большинство опрашиваемых ответило: «Механизм, который зумзумит».

Таким образом, если наши наращения и значимы, то их значения отличаются от значения «нормальных» аффик-

[1] О наложении морфов см. в гл. IV.

сов. Наращения фразеологичны [1] по значению, т. е. их смысл подобен значению единичных компонентов фразеологических выражений, которые встречаются в составе одного-единственного фразеологизма, например элементу *зга* в выражении *ни зги не видно*. Смысл целого понятен: «ничего не видно», понятен смысл *не видно*, а что такое *зга* остается неясным. Точно таков же и смысл слов с наращениями. Всем понятен отрезок *почт-*, а что такое ***-амт*** — загадка. Ср. также *балясы* (*из точить балясы* — 'болтать'), *баклуши* (*из бить баклуши* — 'бездельничать').

Однако не все слова с наращениями фразеологичны по семантике. Существуют наращения, значения которых подобны значению аффиксов данного языка [2] (ср.: *почтальон* и *киоск-ёр*, *поп-адья* [3] и *аптекар-ша*). Поэтому по значению все наращения делятся на две группы: а) те, которым можно приписать значение, выражаемое в данном языке аффиксально (тип: *поп-адья*); б) те, которым нельзя приписать значения, выражаемого в данном языке аффиксально (тип: *стекл'-арус*).

Это различие проводит между двумя группами наращений глубокую границу. Первые уникальны лишь по форме, их значение (если оно им приписывается общественным или индивидуальным языковым сознанием) не является чем-то диковинным, необычным, оно подобно значению ряда морфем данного языка. Вторые уникальны и по форме, и по значению. Их смысл неясен, фразеологичен. Именно поэтому слова, включающие наращения первой группы, стоят ближе к «настоящим» производным словам и лучше членятся, имеют вторую степень членимости. Они тяготеют к словам с синонимичными аффиксами. Слова же, включающие наращения второй группы, чле-

---

[1] Ср. следующее определение фразеологизма: «Под фразеологизмами понимаем (расширительно) такие особенности отдельных закоулков языковой системы, которые не мотивированы синхронными связями всех других соотносительных элементов системы» («Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 14).

[2] Ср. понятие нормального значения у И. А. Мельчука. См.: И. А. Мельчук. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1968, вып. 5, стр. 429.

[3] Ср.: «Функция суффикса в слове *попадья* близка к роли суффикса в словах *ударница*, *поэтесса*, *курсантка* и др.» (И. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, стр. 46).

нятся хуже (имеют третью степень членимости). Членение таких слов подобно членению фразеологических сочетаний.

§ 46. Итак, наращения — значимые, далее неделимые части слова. Поэтому их следует считать морфемами, но особого типа. Используя термино-элемент ***-фикс*** (ср.: *суффикс*, *префикс*, *аффикс*, *постфикс*), назовем их унификсами, так как основное свойство таких морфем — уникальность, единичность.

В чем состоит отличие унификса от «обычных» корневых и аффиксальных морфем?

Унификсы единичны и не употребляются в свободном виде. Это их отличает и от корневых, и от аффиксальных морфем. Аффиксы тоже не употребляются в свободном виде, но они повторяемы в разных словах. Корни бывают единичными, но свобода употребления — их принципиальное свойство. Радиксоиды (корни, употребляемые лишь в связанном виде) всегда повторяются. Иначе они не будут вычленяться как корни. Ср.: *с-верг-нуть*, *от-верг-нуть* (см. § 39—44).

Изобразим на таблице отличия унификсов от корней и аффиксов.

Таблица 2

	Корни		Аффиксы	Унификсы
	свободные	связанные		
Повторяемость	+, —	+	+	—
Свобода употребления	+	—	—	—

Отрицательное значение признаков «повторяемость» и «свобода употребления» отличает унификсы от всех других видов морфем. Таким образом, унификсы — это особый вид единичных морфем, выступающих лишь в связанном виде; одна группа унификсов по значению подобна аффиксам, другая — фразеологична.

§ 47. Выше мы говорили о том, что слова с унификсами не создаются, не строятся в речи. Для того чтобы эти слова употребить, их надо знать. И этим свойством слова́,

включающие унификсы, близки фразеологическим сочетаниям. Последние тоже надо знать для того, чтобы употреблять правильно.

Однако и фразеологические сочетания, и слова с унификсами сами могут служить образцом для создания новых — индивидуальных — фразеологических сочетаний [1] и новых слов [2]. И в этом тоже заключается их сходство. Естественно, что если новообразование становится общеупотребительным, унификс теряет свою уникальность — свойство, отличающее его от аффиксов, и переходит в разряд аффиксов.

§ 48. Унификсы нередко употребляются для создания речевых новообразований разного рода (обычно шутливых). Унификсы, попавшие в состав таких новообразований, обычно не становятся аффиксами языка, а сохраняются лишь в тех контекстах, которые их породили.

В качестве образца обычно используются членимые слова, включающие суффиксоподобные унификсы. Например, «...автор смотрит не в магический кристалл, а в «*решебник*», где уже имеется готовый ответ, но делает вид, что старательно решает жизненную задачу» («Лит. газ. от 1 дек. 1962 г.; ср.: *решать* и *учебник*). Другой пример из мемуаров А. Белого «Между двух революций»: «Тремоло неаполитанца с закрученными усиками нам било в уши: *рукоплесменты*...»

Очевидно, что слово *рукоплесменты* содержит основу слов *рукоплескать — рукоплескания* и унификс, взятый из существительного *аплодисменты*, имеющего связанную основу: ср.: *аплодировать — аплодисменты*. Понятность и выразительность неологизма усиливается благодаря

---

[1] Создание индивидуальных фразеологизмов часто используется в художественной литературе как средство комизма.

[2] Ср. следующее замечание Н. Д. Арутюновой: «Единственные в своем роде элементы слова не относятся к системе словообразования. Однако, обладая языковой ценностью, они потенциально могут получить также продуктивность, поскольку любое семантическое соотношение в языке как бы всегда является первой частью пропорции, по аналогии с которой могут быть созданы другие, такие соотносимые пары. Так шуточный вопрос о том, как будет женский род от слова *клоп*, предполагает ответ *клопадья*, опирающийся на модель *поп : попадья*, в которую входит единичный суффикс» (Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке, стр. 47).

тому, что слова, использованные для его построения (*рукоплескания*, *аплодисменты*), синонимичны.

В индивидуальной речи могут создаваться слова с фразеологическими унификсами, т. е. унификсами второй группы. Это бывает лишь при нескольких условиях: а) при наличии подсказывающего контекста, б) при определенной величине и связанной с ней выразительностью унификса. Так, например, однофонемные унификсы, как правило, не могут выступать в такой функции, потому что они не соответствуют фонологической структуре русской деривационной морфемы. Если мы возьмем унификс *-г* из слова *четверг* и попытаемся сконструировать с помощью этого *-г* названия дней недели, их общая непонятность и невыразительность будет очевидна: по аналогии с *четверг*, которое можно соотнести с *четверо* или с *четвертый* (с усечением *-т-*), получим: *двое*—«*двой-г*», *трое*— «*трой-г*», *пятеро* — «*пятер-г*» и т. д., или соотнося с порядковым числительным: *второй* — «*втор-г*», *третий* — «*тре-г*» или «*трет-г*», *пятый* — «*пя-г*» или «*пят-г*» и т. д.

Иное дело унификсы многофонемные, своеобразные по своему звуковому облику. Они сразу вызывают ассоциации с теми словами, в которые они впаяны, что облегчает понимание неологизма.

§ 49. Возможно использование унификсов и для создания новых терминов.

Слова с унификсами первой группы (т. е. подобные по семантике аффиксам) чаще служат образцом для производства новых слов. Это довольно обычный путь появления новых аффиксов. Для унификсов второй группы (фразеологичных по семантике) такое превращение почти невозможно.

Возможно, что элемент ***-визор*** [1], до недавнего времени входивший лишь в одно слово *телевизор*, со временем превратится в суффикс. Об этом свидетельствует появление новых терминологических слов на ***-визор***, пока еще мало известных. Таковы, например, *стѐреовúзор*, *звýковúзор*: «Существует множество отраслей, где цветной *стереовизор* просто незаменим» («Известия» от 3 окт. 1964 г.);

[1] О словах на ***-визор*** см. в кн. «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка», стр. 219.

«*Звуковизор* — это прибор, с его помощью можно рассмотреть предметы величиной в десятые доли миллиметра, скрытые в толще непрозрачных веществ» (из газет). Ср. индивидуальное образование *моревизор* в названии детской книги Н. Надеждиной «*Моревизор*» уходит в море» (М., Детгиз, 1968); *землевизор* (Б. Ляпунов. Неоткрытая планета, 1963).

§ 50. Между унификсами и суффиксами не всегда проходит четкая граница. Иногда их разделяет промежуточная зона — в тех случаях, когда имеется два или три слова с общим элементом, но лишь одно их них хорошо известно, т. е. принадлежит общелитературному языку.

В такой промежуточной зоне еще совсем недавно находился отрезок ***-дром***, превратившийся на наших глазах в полноправный аффикс.

До недавнего времени в литературном языке было одно широко употребительное слово с вычленяемым элементом ***-дром*** и повторяющейся морфемой *аэро* — *аэродром*. Существовавшее в языке слово *велодром* было гораздо менее употребительно и поэтому мало помогало вычленимости *-дрома* [1].

Элемент ***-дром*** имел суффиксоподобное значение, так как в русском языке существуют суффиксы с пространственным значением, например *-ище* (*пожарище* — 'место, где был пожар').

Рождение слов *космодром* и *ракетодром* и их стремительное распространение в общелитературном языке изменили роль отрезка ***-дром*** в языке. Слова *аэродром*, *ракетодром*, *космодром* сразу заняли первую степень членимости. Постфикс ***-дром*** приобрел активность. Начали создаваться специальные и шутливые слова: *вододром*, *змеедром*, *скалодром*, *поэтодром*, *рюходром*, *вертодром* и многие другие (см. примеры в гл. X) [2].

---

[1] Имелись еще специальные термины *танкодром* и *планеродром*, которые могли оказывать лишь слабое влияние на членимость слова общелитературного языка. Слово *ипподром* имело очень слабую (пятую) степень членимости (подобно слову *малина*).

[2] См. наблюдения Е. В. Красильниковой над словами на ***-дром*** в кн. «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 223—224. См. также: Е. А. Земская. Как делаются слова. М., 1963, стр. 48—49.

А вот еще один новый термин с суффиксом ***-дром***. В положении о порядке подготовки водителей говорится: «Персональное обучение вождению автомобилей проводится, как правило, на специальной площадке учебной езды, или *автодроме* (см. «Лит. газ.» от 15 янв. 1959 г.).

§ 51. До сих пор говорилось о постфиксальных унификсах. Очевидно, что возможны и п р е ф и к с а л ь н ы е у н и ф и к с ы. Они гораздо менее характерны для русского языка, чем постфиксальные.

Унификсы-префиксы можно видеть в словах *ра-дуга* (ср.: *дуга*), *пур-носый* (ср.: *нос*), *ба-хвалиться* (ср.: *хвалиться*) [1].

Среди префиксальных унификсов также имеются единицы: а) уникальные и по форме, и по значению; б) уникальные только по форме.

§ 52. Выше, рассматривая разные степени членимости основ, мы говорили о словах, корни которых встречаются лишь в соединении с аффиксами. Это были слова четвертой и пятой степеней членимости: *буженина* и *малина*. Такие слова имеют корни, связанные и притом уникальные, так сказать «уни-радиксоиды». Очевидно, что такие «уни-радиксоиды» также отличаются от обычных (т. е. повторяющихся) радиксоидов, как унификсы от аффиксов.

ПОНЯТИЕ ПРОИЗВОДНОСТИ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ПОНЯТИЕМ ЧЛЕНИМОСТИ

§ 53. Слова с членимыми основами противопоставлены в языке словам с нечленимыми основами. Слова нечленимые целостны по форме и по значению, их звуковой состав никак не связан с их семантикой. Значение их условно, не мотивировано их строением.

Значение основ членимых иного характера. Оно мотивируется значением частей, составляющих слово, хотя (как мы уже упоминали в гл. I) далеко не всегда является простой суммой этих частей (см. § 5).

---

[1] Примеры И. А. Янко-Гришицкой.

Слова членимые распределяются на три группы: а) слова, имеющие основу, функционирующую в других словах, и аффикс, функционирующий в других словах (первая степень членимости); б) слова, имеющие основу, функционирующую в других словах, и элемент, не являющийся аффиксом по причине его уникальности, т. е. унификс (вторая и третья степени членимости); в) слова, имеющие основу, которая не встречается в других словах, и аффикс, встречающийся в других словах (четвертая и пятая степени членимости).

Очевидно, что значение слов этих групп не в одинаковой мере мотивируется значением из составных частей. В тех случаях, когда слово входит в двойной ряд сопоставлений — слов с той же основой и с тем же аффиксом, оно членится на «полноценные» морфемы, т. е. значимые части (группа *а*). Значение такого слова мотивируется значением каждой из составляющих его частей. Слова групп *б*) и *в*) входят лишь в один сопоставительный ряд — слов с той же основой или слов с тем же постфиксальным элементом [1]. Значение таких слов не может быть мотивировано значением всех составляющих их частей, так как одна из этих частей «дефектна»: или их основа уникальна и выступает лишь в связанном виде, или элемент, присоединенный к основе, является не деривационным аффиксом, а унификсом.

В тех случаях, когда постфиксальная часть слова является не аффиксом (группа *б*), а унификсом, значение которого фразеологично, значение слова не является ни полностью условным, ни полностью мотивированным. Оно содержит нечто от значения основы, повторяющейся в других словах. Не зная сло́ва *стеклярус*, мы догадываемся: это что-то связанное со *стеклом*; не зная слова *белесый*, догадываемся, что оно как-то связано со словом *белый*; не зная слова *почтамт*, догадываемся, что оно как-то связано с *почтой*.

Слова группы *в*) содержат аффикс, повторяющийся в других словах, дефектна их основа. Мы узнаем ее значе-

[1] Принято говорить, что слова, входящие в двойной ряд соотношений, образуют «словообразовательный квадрат», а слова, входящие в один ряд соотношений,— «неполный словообразовательный квадрат». См.: Дж. Гринберг. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. В кн. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 82—84.

ние, лишь извлекая его из состава тех слов, в которые она входит. Поэтому значение слов группы *в*) тоже не мотивировано значением всех составляющих его частей. Если для нас ясно, какие признаки положены в основу названия ягод *черника* и *костяника* или в основу названия видов мяса *конина*, *осетрина*, *телятина* (группа *а*), то мы не можем этого сказать о названиях ягод *малина*, *смородина* и т. п. или о слове *буженина*, так как части *мал'-*, *смород'-*, *бужен'-* нам непонятны. Мы узнаем в словах лишь категориальное, классифицирующее значение суффиксов, относящее их к разряду однотипных слов [1].

§ 54. Учитывая различия в форме и значении основ, входящих в группу *а*), с одной стороны, и в группы *б*) и *в*) — с другой, целесообразно разграничивать соответствующие основы и терминологически. Основы группы *а*), входящие в д в а ряда соотношений, будем называть ч л е н и м ы м и и п р о и з в о д н ы м и.

Основы групп *б*) и *в*), т. е. входящие в о д и н ряд соотношений — основ с той же левой или той же правой частью, будем называть ч л е н и м ы м и, но н е п р о и з в о д н ы м и.

Таким образом, понятие членимости является более общим и широким, чем понятие производности.

§ 55. Охарактеризуем признаки производных основ.

1. Слова с производными основами имеют первую степень членимости, т. е. входят в двойной ряд сопоставлений — слов с той же основой и слов с тем же аффиксом и, следовательно, четко членятся на основу и аффикс.

Это принципиально важное свойство слов с производными основами, так как такие слова могут строиться и служить моделью для построения других слов; они могут и производиться, и воспроизводиться в речи. Именно поэтому они принципиально отличаются от слов, которые входят в один ряд сопоставлений и вычленяют не аффикс,

---

[1] «...такие существительные, как *малина*, *калина*, *ежевика*, *говядина* и др., не могут считаться прямыми и непосредственными знаками объекта. Эти слова также мотивированы в своем значении, так как суффикс указывает на класс предмета, подводит его под определенную категорию, включает в тот или иной разряд» (Н. Д. А р у т ю н о в а. Очерки по словообразованию в современном испанском языке, стр. 18).

а уникальный (остаточный) элемент, не встречающийся в других словах и потому не являющийся аффиксом: такие слова не могут производиться в речи — они всегда воспроизводятся. Их нельзя построить, их надо знать.

2. При каждой производной основе должна быть основа производящая [1], при основах сложных слов их должно быть две (или более).

3. Между производной и производящей основами могут быть следующие пять видов формально-смысловых отношений [2] (шестой вид отношений будет рассмотрен несколько ниже):

1) производная основа семантически мотивируется производящей, т. е. по смыслу сложнее, чем производящая, и по форме является более сложной, чем производящая (при этом учитываются и нулевые словообразовательные аффиксы). Это наиболее частый и хорошо изученный вид отношений между производной и производящей основами: *стол — стол'-ик*, *дом — дом'-ище;*

2) производная основа по форме сложнее, чем производящая, а по смыслу они имеют равную сложность, различаясь лишь принадлежностью к разным частям речи [3] (например, *пе(ть) — пение* — действие по глаголу *петь; вежлив(ый) — вежлив-ость* — отвлеченный признак по прилагательному *вежливый*);

3) производная и производящая основы имеют равную сложность по форме, а по смыслу производная мотивируется производящей и сложнее последней (например, *агитирова(ть) — агит-атор* — 'лицо, которое агитирует').

Таким образом, в трех перечисленных случаях производную основу отличает от производящей то, что она является хотя бы в одном отношении (формальном или смысловом) более сложной, чем производящая;

4) кроме того, отношения производности могут быть у однокоренных основ, которые имеют равную сложность

---

[1] Это свойство производных основ не нарушается тем, что в ряде случаев производная основа может быть по форме соотнесена с одним элементом языка, а по смыслу — с другим. См. подробнее ниже (§ 56—59).

[2] Ср. характеристику отношений между производной и производящей основами, данную в работе: М. В. Панов. Русский язык, стр. 71.

[3] См. подробнее об этом виде отношений между основами в гл. VI.

и по форме, и по смыслу. Существует два подвида таких отношений производности:

а) Если основы относятся к разным частям речи (например, *агит-ировать — агит-ация*), будем называть производной ту, которая выражает значение, категориально свойственное иной части речи. Так, категории глагола свойственно обозначать действия (процессы), категории прилагательных — признаки, категории существительных — предметность. Наличие у каждой части речи свойственных ей как определенной лексико-грамматической категории значений связано с наличием у каждой части речи типических для нее синтаксических функций: предикативных (глагол), субъектных и объектных (существительное), атрибутивных (прилагательное) [1]. Именно поэтому при сопоставлении однокорневых глагола и существительного, обозначающих соответственно «действие» — «отвлеченное действие», производными будем называть вторые члены каждой пары. Таковы отношения между парами *агит-ирова(ть) — агит-ация*, *трансл'-ирова(ть) — трансл'-ация* и т. п.[2]

б) Если основы относятся к одной и той же части речи (например, *комсомол-ец — комсомол-ка*, *эстон-ец — эстон-ка* [3]), будем называть производной ту, которая имеет деривационное значение, постоянно выражаемое в данном языке с помощью производных основ [4]. Так, в русском языке имена существительные, обозначающие лиц женского пола, как правило, имеют производные основы: образуются от однокоренных существительных, называющих лиц мужского пола (ср.: *пионер — пионер-ка*, *швед — швед-ка*, *латыш — латыш-ка*, *казах — казаш-ка* и т. п., см. подробнее в гл. XI). В соответствии со всей системой русского словообразования и в парах типа *комсомол-ец — комсомол-ка* будем считать слово женского рода производным от соотносительного имени

---

[1] См.: Е. Курилович. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.

[2] Ср.: Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, стр. 136.

[3] Характеристику семантических отношений между такими основами см. в гл. XI.

[4] См. подробнее: Е. А. Земская. О соотносительности однокоренных существительных мужского и женского рода со значением лица. «Русский язык в национальной школе», 1970, № 5.

лица мужского рода, а не от существительного *комсомол*, потому что в русском языке именам лиц женского пола не свойственно образование непосредственно от существительных неодушевленных. Отношения типа *маникюр — маникюр-ша* (т. е. когда имя лица женского пола произведено не от имени лица мужского пола) для русского языка не типичны.

(5) «...В современном русском языке существует такая закономерность: при сопоставлении двух родственных слов, сходных по содержанию, но с различной стилистической окраской, стилистически отмеченным всегда является производное...» (Н. А. Янко-Триницкая) [1]. Таким образом, если из двух однокоренных основ одна стилистически нейтральна, а другая — стилистически окрашена, производной основой является последняя. Этот вид отношений касается только однокоренных слов, тождественных по значению. При этом между ними возможны разные виды формальных отношений:

а) обе основы имеют равную формальную сложность, т. е. равное число морфов (таковы, например, существительные полные и усеченные: *преферанс — преф*, *трамвай — трам* [2]);

б) производящая основа сложнее (!) по форме. Следовательно, стилистическая окрашенность производного оказывается признаком более сильным (весомым), чем формальная простота основы, например: *семинар-ист — семинар*, *афер-ист — афер* [3].

---

[1] «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского языка». М., 1968, стр. 283.

[2] Например:

«Дул,
как всегда,
октябрь
ветра́ми,
как дуют
при капитализме.
За Троицкий
дули
авто и *трамы*,
обычные
рельсы
вызмеив».

(В. Маяковский)

[3] Примеры употребления стилистически окрашенных существительных обеих групп см. в гл. XI.

4. Отношения производности могут объединять слова со связанными корнями: *агитировать — агитатор, агитировать — агитация* [1].

5. Производящая основа может входить в производную не целиком, а в усеченном виде [2].

6. Производная основа может находиться в отношениях производности не с одной, а с двумя (реже — более) производящими основами. Такие отношения называют отношениями множественной производности (или мотивации) [3]. Например, наречия с приставками типа ***пре-***, ***сверх-***, ***архи-*** *(премило, превесело; сверхчисто, сверхбыстро; архимодно* и т. п.) могут быть образованы и от префиксальных прилагательных с помощью суффикса ***-о*** *(премилый — премил-**о**, превеселый — превесел-**о**, сверхчистый — сверхчист-**о**, архимодный — архимодн-**о**)*, и от наречий с помощью приставок *(мило — **пре**-мило, весело — **пре**-весело, чисто — **сверх**-чисто, модно — **архи**-модно)*.

Множественность мотивации характерна для словообразования разных частей речи. Например, представлена она в словообразовании прилагательных с приставками предложного происхождения (***до-***, ***пред-***, ***без-*** и т. п.). Так, прилагательные типа *довоенный, предпраздничный, бесклассовый* могут производиться и на основе сочетаний существительных с предлогом *(до войны — до-воен-н-ый, перед праздником — пред-праздни́ч-н-ый, без классов — бес-класс-ов-ый)* и с помощью приставок от прилагательных; ср.: *военные (годы) — до-военные (годы), праздничный (день) — пред-праздничный (день), классовое (общество) — бес-классовое (общество)*. Однако далеко не все прилагательные с приставками предложного происхождения имеют множественную мотивацию. О ней допустимо говорить лишь в тех случаях, когда производное в одном и том же значении может быть соотнесено и по

---

[1] Не все слова со связанными корнями находятся в отношениях производности. Например, глаголы *от-вергнуть, с-вергнуть, низвергнуть* и др. с радиксоидом *-верг-* членимы, но непроизводны, так как они не имеют производящей основы: среди слов с корнем *-верг-* нет такого, которое было бы производящим для них.

[2] Об усечении производящих основ см. в гл. IV.

[3] См.: В. Лопатин, И. Улуханов. О принципах словообразовательного анализа и классификации морфов. «Русский язык в национальной школе», 1969, № 5, стр. 12—13.

форме, и по смыслу с разными производящими (как в выше приведенных примерах). Отсутствует множественность мотивации у прилагательных типа *загробный*, *настольный*, так как они семантически соотносятся лишь с сочетаниями существительных с предлогом *за гробом*, *на столе* и по форме невыводимы из прилагательных *гробовой*, *столовый* [1].

7. От явления множественности словообразовательной мотивации следует отличать явление, которое Г. О. Винокуром было названо омонимией словообразовательной формы [2]. Оно обнаруживается тогда, когда тождественная по фонемному составу производная основа в зависимости от различия в ее значении находится в отношениях производности с различными производящими основами. «Когда мы наблюдаем изолированное слово *учительство*, то мы не можем сказать, какие морфемы выделяются в этом слове, пока не установим, какое из двух значений, присущих этому слову, имеется в виду. Если *учительство* означает занятие того, кто учит, то в данном слове выделяется суффикс *-тельств-*, так как в этом случае соотносительная производящая основа есть *учи-*. Если же *учительство* имеет собирательное значение, то в нем выделяется суффикс *-ств-*, так как ближайшая производящая к нему основа в этом случае есть *учитель*» [3],— писал Г. О. Винокур. Таким образом, в подобных случаях у производного слова нет множественности мотиваций. Производное с одним значением имеет одну мотивацию и, следовательно, словообразовательную структуру; производное с другим значением имеет иную (опять-таки одну!) мотивацию и иную словообразовательную структуру.

Понятие производности является основным для словообразования, так как именно соотношение производных и производящих основ составляет суть механизма словообразования.

---

[1] См. об этом: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964, стр. 554—555.

[2] См.: Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию, стр. 434.

[3] Там же, стр. 434.

РАСХОЖДЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ФОРМАЛЬНОЙ И СМЫСЛОВОЙ ПРОИЗВОДНОСТИ

§ 56. Выше мы назвали пять видов отношений, существующих между производной и производящей основой. При этом мы рассматривали отношения формальной и смысловой сложности между основами раздельно, так как видели, что прямого совпадения в характере этих отношений может не быть. Кроме того, имеются случаи иного рода, когда производная основа по форме соотнесена с одной производящей, а по смыслу — с другой, т. е. отношения производности наблюдаются не между двумя, а между тремя основами [1]. Например, основа *А* по форме соотнесена с основой *В*, а по смыслу с основой *Д*, что можно изобразить так: $B \rightarrow A$ (по форме), $Д \rightarrow A$ (по смыслу). Иными словами, по форме основа *А* равна основе *В*, осложненной каким-либо деривационным аффиксом, а по смыслу основа *А* мотивирована не основой *В*, а основой *Д*.

Приведем примеры такого расхождения отношений производности.

Префиксально-суффиксальные наречия, содержащие приставку ***по-*** и суффикс ***-ому***, формально соотносятся с отсубстантивными именами прилагательными, а семантически — с однокоренными существительными. Таковы наречия типа *по-дачному, по-цирковому* и т. п. Они произведены формально от основ прилагательных: *дачн(ый) — по-дачн-ому, цирков(ой) — по-цирков-ому, оркестров-(ый) — по-оркестров-ому*. Семантически же такие наречия соотносятся с однокоренными именами существительными, т. е. *по-дачному* — 'как на даче', *по-цирковому* — 'как полагается в цирке', *по-курортному* — 'как на курорте' и т. п.[2]. Например: «Все, что Реха говорит мне,

---

[1] См.: Е. А. Земская. Заметки по современному русскому словообразованию. «Вопросы языкознания», 1965, № 3.

[2] См. характеристику семантики таких наречий в работе: О. П. Ермакова. О некоторых изменениях в системе аффиксов и производящих основ качественных наречий. В кн. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 145. Правильно указывая на семантическую связь между производными наречием и существительным, О. П. Ермакова делает вывод о формировании новых наречных суффиксов ***-ному, -иному, -овому*** на основе старого суффикса ***-ому***. С этим трудно согласиться, так как все эти суффиксы тождественны по значению и, следовательно, для выражения их семантики достаточно их общей части

до предела сжато, *по-инженерному* точно» («Лит. газ.» от 6 авг. 1969 г.); «У нас в Карачаево-Черкессии природа необычайно щедрая: *по-южному* пышная растительность, много плодов и ягод» («Комсомольская правда» от 18 июля 1969 г.); «Куры *по-весеннему* бодро кудахчут» («Комсомольская правда» от 8 июня 1969 г.); «Одета она была *по-курортному* ярко» (из радиопередачи); «Хорошее лицо, открытое, доверчивое. *По-северному* ясные глаза, светлые волосы» («Комсомольская правда» от 6 авг. 1970 г.).

Расхождение отношений формальной и смысловой производности наблюдается также в наречиях с суффиксом **-о**, по форме производимых от основ отсубстантивных прилагательных, а семантически соотносимых не с прилагательными, а с однокоренными существительными: *метеорн(ый) — метеорн-о* — 'как метеор', *крапивн-(ый) — крапивн-о* — 'как крапива, подобно крапиве', *осинов(ый) — осинов-о* — 'как осина' и т. п. Вот несколько примеров: «И эта мысль так *крапивно* язвила» (Ф. Сологуб. Заклинательница змей); «Кровь льется в жилах *водопадно*» (В. Каменский. Тифлис); «Сергей увидел перед собой *ртутно* скользнувшие глаза» (Ю. Бондарев. Тишина); «...почти *романсово* звучат слова «сожмется сердце» (В. Лакшин. Доверие) [1].

Таким образом, у обоих типов наречий наблюдается семантическое соотношение с основами существительных, послужившими для образования прилагательных; последние же в свою очередь явились формально производящими для наречий, т. е. в ряду $S \rightarrow A \rightarrow D$ [2]. D по форме связано с A, а семантически с S. Таким образом, исходный член словообразовательной цепи явился семантически производящим не только для ближайшего члена ряда (производного от него и по форме, и по смыслу прилагательного), но и для члена, удаленного на одну ступень,— наречия [3].

-ому (см. об этом подробнее в гл. IV). Очевидно, что во всех таких наречиях используется в качестве производящей структуры основа прилагательного, так как именно она содержится во всех наречиях.

[1] Примеры взяты из названной статьи О. П. Ермаковой.

[2] S — основа существительного, A — основа прилагательного, D — основа наречия.

[3] См.: Г. С. Зенков. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969, стр. 135—143.

Такого же рода расхождение формальной и семантической производности обнаруживается в некоторых производных существительных. Например, соотношение по смыслу с исходным существительным при использовании формы производного прилагательного наблюдается в словообразовании имен существительных с суффиксом ***-ист***, имеющих значение лица: *конституционный — конституцион-ист* — ‘сторонник конституции’ [1].

§ 57. Не всегда, однако, производная основа семантически соотносится с исходным членом словообразовательного ряда (как в выше рассмотренных наречиях и существительных).

Так, например, прилагательные с суффиксом ***-н-*** типа *инженерный*, *токарный*, *слесарный*, *ретроградный* по форме соотносятся с именами лиц *инженер*, *токарь*, *слесарь*, *ретроград*. Семантически же они не соотносятся с этими существительными, так как не обозначают отношения к лицу. Значения ‘принадлежащий лицу’, ‘свойственный роду лиц, названных производящей основой’ чужды этим прилагательным. Ср. типические сочетания, содержащие эти прилагательные, с сочетаниями, содержащими однокоренные прилагательные с суффиксами ***-ск-***: *инженерный прогресс*, *инженерное дело*, *инженерное сооружение*, *слеса́рная мастерская*, *слеса́рный инструмент* и *инженерская жена*, *инженерская фуражка*, *инженерский сын*, *сле́сарский сын* и т. п.

Различие в значении прилагательных с суффиксом ***-н-*** и прилагательных с суффиксом ***-ск-*** очевидно. Показательны толкования, даваемые приведенным прилагательным в словарях: *инженерный* — ‘технический, относящийся к деятельности инженера’, *инженерский* — ‘относящийся к инженеру, принадлежащий ему’; *слеса́рный* — ‘относящийся к ручной обработке металла, сборке машин и оборудования’ и т. п. (знаменательно, что слово *слесарь* вообще в толковании отсутствует), *сле́сарский* — ‘относящийся к слесарю, свойственный ему’.

---

[1] См. об этом: Н. И. Зелинская. К истории имен существительных с суффиксом ***-ист*** в русском языке. Автореферат канд. дис. М., 1967, стр. 20—21. Г. С. Зенков в указанной выше работе отмечает в именах лиц с суффиксом ***-щик*** формальное соотнесение с отглагольными существительными на ***-ка***, а семантическое — с глаголами.

Таким образом, у рассматриваемых прилагательных с суффиксом *-н-* наблюдается расщепление отношений формальной и семантической производности: по форме они произведены от имен лиц, а по смыслу соотносятся не с именами лиц, а с названием рода деятельности, выполняемой лицом. Однако в данном случае не возникло соотношения с исходным членом словообразовательной цепочки как у ранее рассмотренных наречий, поскольку слова типа *инженер*, *слесарь* — непроизводные существительные.

§ 58. Расхождение отношений формальной и смысловой производности наблюдается в словообразовании разных частей речи. Рассмотрим один пример из области словообразования имен прилагательных.

Прилагательные, соотносимые семантически с сочетанием «предлог + имя существительное», образуются префиксально-суффиксальным способом (см. ниже, гл. XI). Предлог в составе прилагательного преобразуется в приставку, а к основе существительного присоединяется, как правило, суффикс *-н-*: *за гробом — за-гроб-ный*, *на столе — на-столь-ный*, *под Москвой — под-москов-ный*, *за городом — за-городн-ый* и т. п., т. е. действует модель «приставка + основа существительного + ***н(ый)***». При этом нередко суффиксальное прилагательное, производимое от данного существительного, включает суффикс иной, чем в префиксально-суффиксальном образовании. Ср. с вышеприведенными прилагательными: *гроб**ов**ой*, *стол**ов**ый*, *москов**ск**ий*, *город**ск**ой*.

Однако не все прилагательные, семантически соотносимые с сочетанием «предлог + существительное», образуются указанным способом. В ряде случаев формально используется существующее в языке производное прилагательное с данной субстантивной основой, к которой присоединяется приставка. Например, в соответствии с сочетанием *после работы* имеем прилагательное *послерабочий*, произведенное префиксацией от готового прилагательного *рабочий*. Если бы мы имели образование, произведенное префиксально-суффиксальным способом, оно должно было бы иметь вид «послеработный», «послеработский» или что-нибудь подобное, так как в современном языке от существительных н е о д у ш е в л е н н ы х с основой на *-т-* не образуются прилагательные с чередо-

ванием *т/ч* [1]. Ср., например: *компот — компотный, кислота — кислотный, институт — институтский.* Способом префиксации образованы также прилагательные *межворсинчатый* (семантически соотносится с сочетанием *меж ворсинками;* формально использовано готовое прилагательное *ворсинчатый*), *межконтинентальный, внутрисекторальный* и т. п. Если бы эти прилагательные производились с использованием основы существительного, они должны были бы включать приставку и суффикс *-н-* (или *-ов-*) и иметь вид: «межворсинный» или «межворсинковый», «межконтинентный», «внутрисекторный» или «внутрисекторский» и т. п.

§ 59. Итак, кроме выше названных пяти видов отношений между производной и производящей основами, имеются случаи расхождения отношений формальной и смысловой производности, когда приходится говорить об основе, производящей по форме (*В*), и основе, производящей по смыслу (*А*) (шестой вид отношений):

$$\begin{matrix} A\ (\text{по смыслу}) \\ \hline \\ B\ (\text{по форме}) \end{matrix} \Big| \rightarrow C$$

С произведено от имеющейся в языке структуры, использующейся как готовый строительный материал. При этом возможен частный случай, когда семантически производящая основа *А* является исходным членом ряда однокоренных слов, т. е. *А*, *В* и *С* входят в словообразовательный ряд $A \rightarrow B \rightarrow C$.

§ 60. Анализируя различные виды отношений между словами, И. А. Мельчук открыл особый вид отношений, при котором по форме основа *А* сложнее, чем основа *Б*, а по смыслу основа *Б* сложнее, чем основа *А* [2]. Такие от-

---

[1] Слово *рабочий* старое, оно отражает прежние, не действующие в современном языке нормы словообразования. От основ существительных одушевленных с основой на *-т-* прилагательные с чередованием *т/ч* в современном языке образуются: *ребята — ребячий, дошколята — дошколячий* (из устной речи).

[2] См. об этом: И. А. Мельчук. К понятию словообразования. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1967, вып. 4, стр. 352—353.

ношения, по мнению И. А. Мельчука, наблюдаются между глаголами *радовать — радоваться*, *катать — кататься* и некоторыми другими. По форме глаголы на ***-ся*** сложнее, чем глаголы без ***-ся***. По смыслу же глаголы без ***-ся*** сложнее, так как, обозначая то же самое действие, что и глаголы на ***-ся***, они включают в свою семантику смысл «каузировать», что значит «быть причиной какого-либо действия» [1], т. е. *кататься* — «производить определенное действие», *катать* — «каузировать действие *кататься*»; *радоваться* — «испытывать определенное чувство»; *радовать* — «каузировать *радоваться*».

Признавая всю правомерность и убедительность такого рассмотрения смысловых отношений между глаголами на ***-ся*** и без ***-ся*** с точки зрения анализа лексической семантики, мы считаем, что с точки зрения словообразовательного анализа такие пары слов должны интерпретироваться иначе. При изучении лексической семантики рассматривается значение слова как целостной лексической единицы. При изучении словообразования производное слово рассматривается не как целостная неразложимая единица, а как совокупность (объединение) значимых элементов, частей. Вот почему основы *кататься* и *радоваться* с точки зрения словообразовательного анализа признаются нами более сложными не только по форме, но и по смыслу: они содержат большее число значимых элементов (морфов); иными словами, способ подачи информации в таких словах, их внутренняя форма, сложнее, чем у основ *катать* и *радовать*. При этом элемент ***-ся*** в этих глаголах, кроме значения возвратности, имеет отрицательное значение: он уничтожает (нейтрализует) значение каузативности, содержащееся в глаголах без ***-ся*** [2].

Таким образом, в парах типа *катать — кататься*, *радовать — радоваться* более сложным и по форме, и по смыслу, т. е. производным, является глагол на ***-ся***. Для того чтобы сделать это утверждение более ясным, приведем несколько примеров аналогичного явления.

---

[1] Такие глаголы называют каузативными. Термин каузативный значит «имеющий значение причины (повода) для действия (от лат. causa — причина)». См. «Словарь лингвистических терминов», составленный О. С. Ахмановой. М., 1966, стр. 193—194.

[2] См. об этом: М. В. Панов. О морфемах с отрицательным значением (в печати).

www.ruslang.ru

Отношения каузативности могут быть между разнокоренными глаголами: *есть* (некаузативный), *кормить* (каузативный). Если мы прибавим к глаголу *кормить* аффикс **-ся**, значение каузативности будет уничтожено *(кормиться)*. Следовательно, глагол *кормиться* выражает более сложным способом то же значение, что *есть* (ср. пропорцию *кормить: есть = кормить: кормиться)*. Таким образом, с точки зрения лексической семантики производный глагол *кормиться* равен непроизводному глаголу *есть*. Однако с точки зрения способа выражения этого значения (по причине своей многоморфемности) он сложнее.

В русском языке существуют тройные ряды однокорневых глаголов типа *корчевать — выкорчевать — выкорчевывать*, *скалить — оскалить — оскаливать*, *слабеть — ослабеть — ослабевать*, *печалить — опечалить — опечаливать*, *копить — скопить — скапливать*, *формировать — сформировать — сформировывать* и многие подобные, в которых первый и третий член ряда равны с точки зрения лексической семантики и значения вида [1]. Однако третий член каждого ряда содержит большее число значимых единиц и, следовательно, является более сложным по форме и способу выражения значений, чем первый.

И наконец, последний пример. Сравним слова *щенок* и детское *собачонок*. Они называют один и тот же предмет (детеныша собаки) и с этой точки зрения равны по значению. Однако с точки зрения способа выражения семантики эти слова неравноценны: слово *щенок* выражает свое значение как целостная единица, а слово *собач-онок* — как расчлененная структура, каждая из частей которой вносит свой вклад в семантику целого.

---

[1] См. В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 509—510; А. Н. Тихонов. Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования. «Вопросы языкознания», 1964, № 1, стр. 46—47. Ср. иное мнение в работе: Ю. С. Маслов. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида. «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 206—214. См. возражение А. Н. Тихонова в работе «Изучение чистовидовых приставок в славистике» («Ученые записки Азербайджанского пединститута языков им. М. В. Ахундова». Серия XII. Язык и литература, 4. Баку, 1967, стр. 81—93).

Для построения общей теории словообразования важно изучить все возможные типы формально-смысловых отношений между двумя основами [1], хотя очевидно, что не все они относятся к области словообразования.

Дополнительная литература к главе III

Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. В кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1959, стр. 419—442.

Дж. Гринберг. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. В кн. «Новое в лингвистике», вып. III. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1963.

Е. А. Земская. Заметки по современному русскому словообразованию. «Вопросы языкознания», 1965, № 3.

Е. А. Земская. Понятия производности, оформленности и членимости основ. В кн. «Развитие словообразования современного русского языка». М., «Наука», 1966.

Г. С. Зенков. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969, стр. 126—141.

К. А. Левковская. О проблеме производности основ. В кн. «Вопросы составления описательных грамматик». М., Изд-во АН СССР, 1961.

М. В. Панов. [Степени членимости слова]. В кн. «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка». М., «Наука», 1968, стр. 214—216.

А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 4. М., Учпедгиз, 1934, гл. 1.

А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, § 62—69.

Н. А. Янко-Триницкая. Членимость основы русского слова. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1968, вып.6.

---

[1] Это сделано И. А. Мельчуком, который рассмотрел все теоретически возможные виды отношений между языковыми знаками. Он показал, что такие случаи, когда производная основа сложнее, чем производящая и по форме, и по смыслу, составляют лишь один из 17 возможных типов формально-смысловых отношений между основами. См.: И. А. Мельчук. К понятию словообразования. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1967, вып. 4; И. А. Мельчук. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1968, вып. 5; И. А. Мельчук. Об определении большей/меньшей смысловой сложности при словообразовательных отношениях. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1969, вып. 2.

Глава IV

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

ПОНЯТИЕ О МОРФОНОЛОГИИ

§ 61. Морфонология[1] — раздел языкознания, изучающий связи между фонологией и морфологией, т. е. использование фонологических средств в словоизменении и словообразовании. Задача морфонологии — установить: а) фонемный состав морфов разных видов; б) правила соединения морфов в слове, т. е. условия взаимоприспособления (варьирования) морфов при их объединении; в) порядок следования морфов[2].

В настоящей главе будут рассмотрены преимущественно явления группы *б*), особенно важные для русского словообразования[3].

§ 62. При образовании производного слова происходит взаимоприспособление соединяющихся морфов. По

---

[1] Термин морфонология путем гаплологии образовался из морфо-фонология (=морфологическая фонология=фономорфология). Описание русской морфонологии содержится в кн.: Н. С. Трубецкой. Das morphonologische System der russischen Sprache. «Travaux du cercle linguistique de Prague», t. V, вып. 2. Prague, 1934.

[2] Ср. характеристику задач морфонологии в кн.: Ю. С. Степанов. Основы языкознания. М., 1966, стр. 112—117.

[3] Ударение также относится к области морфонологии. Однако в русском языке ударение не играет важной роли в словообразовании. Поэтому в настоящей работе оно не будет рассматриваться.

законам русского языка на границе морфем не все сочетания звуков допустимы. На границе морфем (на морфемном шве) может происходить четыре вида явлений:

1) чередование фонем (конец одного морфа изменяется, приспосабливаясь к началу другого) [1];

2) интерфиксация — между двумя морфами вставляется незначимый (асемантический) элемент — интерфикс [2];

3) наложение (или интерференция) морфов — конец одного морфа объединяется с началом другого;

4) усечение производящей основы — конец производящей основы отсекается и не входит в производное слово.

ЧЕРЕДОВАНИЯ ФОНЕМ

§ 63. Чередования фонем, обусловленные их грамматической позицией, следует отличать от чередований звуков, обусловленных их фонетической позицией. Ср. пары словоформ: 1) *рука* — *ручной*, *писать* — *пишу* и 2) [вада́] — [во́ды], [разб'и́т'] — [раск'и́нут']. Очевидно, что чередование ***к/ч*** перед суффиксом ***-н-*** и чередование ***с/ш*** перед флексией 1-го лица единственного числа ***-у*** обусловлены именно грамматической формой (словообразовательной или словоизменительной) слова. Ведь в русском языке возможны сочетания [к + н] (ср.: ***книга***) и [с' + у] (ср.: *карасю*, *сюсюкать*). Недопустимы эти сочетания только в определенных формах, т. е. в позициях, определяемых грамматическими условиями. Чередования фонем, определяемые грамматическими позициями, называют грамматическими (или: морфологическими, традиционными, историчес-

---

[1] Чередование фонем, кроме того, может происходить не на границе морфов, а внутри корневого морфа. Однако и при этом чередование бывает обусловлено строением соседних морфов, т. е. является одним из случаев взаимоприспособления соединяющихся морфов.

[2] Интерфикс — от лат. *inter* — «между», *fixus* — «прикрепленный». Термин введен А. М. Сухотиным» (ср.: суффикс, префикс, постфикс и другие термины с элементом *-фикс*).

к и м и) [1]. Все эти названия передают особенность данных чередований — независимость от современных фонетических условий.

Изменения звуков, наблюдаемые в словах второй группы, в отличие от грамматических чередований определяются ф о н е т и ч е с к о й позицией в слове и, следовательно, отличаются всеобщностью, т. е. не ограничиваются какими-либо грамматическими формами, а обнаруживаются в о в с е х случаях, когда налицо определенная фонетическая позиция. Так, в первом предударном слоге [о] всегда чередуется [а], звонкие согласные всегда оглушаются перед глухими и на конце слова: *подставить* [па*т*ста́в'ит'], *нога* — [нок], *пруды* — [пру*т*]. Это явление называют п о з и ц и о н н ы м (или ф о н е т и ч е с к и м) чередованием звуков [2]. Целесообразно разграничивать терминологически эти два рода явлений, сохраняя термин «чередование» лишь для грамматических чередований и называя явления второго рода п о з и ц и о н н ы м и и з м е н е н и я м и з в у к о в [3].

В результате грамматических чередований изменяется фонемный состав слова, а в результате позиционных изменений состав фонем в слове не меняется, меняются только аллофоны (о понятии аллофона см. в гл. II).

§ 64. Так же как и другие морфологические явления, чередования могут быть п р о д у к т и в н ы м и (см. определение продуктивности в гл. VIII) и н е п р о д у к т и в н ы м и. Непродуктивные чередования сохраняются лишь в старых образованиях, да и в них обнаруживаются нерегулярно; в новообразованиях они обычно отсутствуют.

---

[1] Описание грамматических чередований русского языка см. в кн.: Н. С. Трубецкой. Das morphonologische System der russischen Sprache; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, стр. 75—80. См. также: М. В. Панов. О грамматической форме. «Ученые записки МГПИ им. Потемкина», т. 73, вып. 6. М., 1959.

[2] Грамматические чередования и позиционные изменения звуков впервые разграничил И. А. Бодуэн де Куртенэ.

[3] Если же применять термин ч е р е д о в а н и е и для позиционных изменений, то необходимо добавлять к слову ч е р е д о в а н и е определение п о з и ц и о н н ы е (или ф о н е т и ч е с к и е). Так как в настоящей книге термин ч е р е д о в а н и е употребляется только по отношению к грамматическим чередованиям, будем употреблять его без определения.

Продуктивные чередования обнаруживают регулярность, подобную регулярности позиционных фонетических изменений звуков, но обусловлены они не фонетической, а грамматической позицией. Очевидно, что единичность, неповторяемость противоречит самой сущности явления чередования [1]. Поэтому неправомерно рассматривать в качестве чередований соотношения фонем, встречающиеся в каком-либо одном случае, например видеть чередование *ф/п* в случае *шкаф — шкап* или *г/к* в случае *галоши — калоши;* ср. также пары *матрас* и *матрац*, *колодец* и *колодезь (колодез-ный)*.

Итак, уникальную мену фонем мы называть чередованием не будем.

Среди тождественных по значению морфов, совпадающих по фонемному составу и различающихся лишь конечной или начальной фонемой, есть явления двух родов [2]:

1) не имеющие ничего общего с чередованиями, так как противопоставление несовпадающих фонем не только единично (не повторяется в других случаях), но и по своему характеру не похоже на «нормальные» чередования (т. е. дважды уникально);

2) близкие чередованиям, так как хотя противопоставление несовпадающих фонем и не повторяется в других случаях, но оно аналогично по своему характеру чередованиям (т. е. уникально лишь с количественной точки зрения) [3].

Приведем примеры.

1) Соотношение типа *шкаф—шкап*. Не только единично, но и максимально не похоже на обычные чередования, так

---

[1] Ср.: «...под звуковыми чередованиями мы понимаем такую смену звукового состава морфемы, которая имеет регулярный характер и связана с чередованием определенных морфологических позиций» (Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию, стр. 428). Ср. также: «...регулярная смена звуков в пределах морфемы, наблюдающаяся при образовании новой формы с той же морфемой в своем составе, называется чередованием звуков» (Г. О. Винокур. Чередование звуков и смежные явления в современном русском языке. «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», 1947, вып. 2).

[2] Далее излагаются отдельные положения, высказанные И. А. Мельчуком в докладе, прочитанном в Институте русского языка АН СССР в январе 1970 г.

[3] Ср. два вида унификсов (уникальные лишь по форме; уникальные и по форме, и по значению), см. в гл. III, § 45.

как: а) для чередования фонем характерно распределение чередующихся членов по разным позициям: фонемы ⟨ф⟩ и ⟨п⟩ не распределены по позициям, а встречаются в одной позиции: *шкаф — шкап, шкаф-а — шкап-а* и т. д.; б) позиция абсолютного исхода (конца слова) не характерна для русских грамматических чередований; в) чередование «губной взрывной»/«губной фрикативный» не характерно для системы русских чередований.

2) Соотношение типа *друг — друз-ja*. Единично, но по своему характеру близко обычным русским чередованиям: а) позиция перед -j- типична для русских чередований; б) распределение по формам слова (форма единственного числа/форма множественного числа) типично для системы чередований; в) для фонем ⟨г⟩ и ⟨з⟩ характерно участие в других видах чередований, ср. чередования ***г/ж***, ***з/ж*** *(нога — ножка, ножища; возить — вожу)*.

Понятие субморфа

§ 65. Чередования в русском словообразовании обнаруживаются не только на границе морфов, но и на стыке морфа с сегментом, не имеющим в составе слова никакого значения. Такие сегменты, совпадающие с морфами по составу фонем и по чередованиям разного рода, называются с у б м о р ф а м и [1]. Это единицы более низкого уровня, чем морфы. Субморфы тождественны морфам данного языка, но только по форме [2]. Значения в слове они не имеют.

Вычленение субморфов из состава слова важно потому, что наличие субморфа в составе слова может влиять на «словообразовательное поведение» слова, а именно на сочетаемость основы, включающей данный субморф, с теми или иными аффиксами. Так, слова с суффиксом ***-ец*** и субморфом ***-ец***, с суффиксами ***-ик***, ***-ок***, ***-ак*** и субморфами ***-ик***, ***-ок***, ***-ак*** соединяются с одинаковыми уменьшительными суффиксами, т. е. распределение уменьшительных

---

[1] См.: И. А. Мельчук. К понятию словообразования. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1967, вып. 4, стр. 354—355.

[2] Ср., например, чередования ***е/∅***, ***ц/ч*** на границе морфа ***-ец*** и субморфа ***-ец***: *молод-ец (молод-ц-а)—молодч-ик* и *немец (немц-а)—немч-ик, чепец (чепц-а) — чепч-ик*.

суффиксов среди различных групп основ регулируется морфным и субморфным строением производящей основы [1].

Сравните производные в двух столбцах следующей таблицы:

Таблица 3

Производящая основа включает суффикс		Производящая основа включает субморф	
любимый — любим-ец	*любимч-ик*	*чепец*	*чепч-ик*
ларь — лар-ец	*ларч-ик*	*конец*	*конч-ик*
сын — сын-ок	*сыноч-ек*	*чулок*	*чулоч-ек*
ком — ком-ок	*комоч-ек*	*замок*	*замоч-ек*
нож — нож-ик	*ножич-ек*	*парик*	*парич-ок*
простой — прост-ак	*простач-ок*	*колпак*	*колпач-ок*

Субморфы часто являются «реликтами» прежнего морфемного строения слова (т. е. суффиксами или приставками, ставшими частью основы в результате процесса опрóщения). Для синхронного словообразования они важны тем, что выступают как живые позиции современного строения слова. Таким образом, утрата словом членимости на уровне морфов не всегда сопровождается утратой членения на уровне субморфов, т. е. на уровне морфонологии.

Перейдем к рассмотрению чередований различных видов. Примем следующий план изложения:

А. Чередования на морфемном шве.
Чередования в морфах основы.
Чередования в аффиксальных морфах.
Б. Чередования не на морфемном шве.

А. Чередования на морфемном шве

ЧЕРЕДОВАНИЯ В МОРФАХ ОСНОВЫ

§ 66. Для русского словообразования наиболее характерны чередования на морфемном шве — на границе основы и суффикса. Эти чередования распространяются на согласные фонемы и имеют регрессивное

[1] См. об этом: В. Г. Чурганова. О предмете и понятиях фономорфологии. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1967, вып. 4, стр. 366—367.

направление, иными словами, последующий морф (суффиксальный) вызывает изменение в предыдущем (основном). При этом суффиксы, совпадающие по форме, но различные по значению, как правило, ведут себя в отношении чередования одинаково, т. е. вызывают одни и те же чередования. Ср., например, производные с суффиксом ***-ин(а)*** от основ на заднеязычные, имеющие значения: а) увеличительности, б) единичности, в) вида мяса [а) *волк — волч-ина, носорог — носорож-ина, бульдог — бульдож-ина;* б) *урюк — урюч-ина, жемчуг — жемчуж-ина;* в) *белуга — белуж-ина, севрюга — севрюж-ина, человек — человеч-ина, собака — соба́ч-ина*].

Во всех образованиях независимо от того, каково значение производных, обнаруживаются одни и те же чередования: ***г/ж, к/ч.***

То же чередование наблюдается в производных с суффиксом ***-к(а)***, имеющих различные значения: а) уменьшительности, б) лица женского пола, в) отвлеченного действия [а) *нога — ножка, рука — ручка;* б) *каракалпак — каракалпачка, казах — казашка, пастух — пастушка;* в) *задвигать — задвижка, перебегать — перебежка*].

Рассмотрим виды чередований согласных на границе основы и суффикса.

Чередование согласных, парных по твердости-мягкости, является самым продуктивным и самым распространенным. Это чередование по-разному соотносится с другими видами чередований. Поэтому целесообразно рассмотреть его после описания других видов чередований.

§ 67. Чередования заднеязычных с шипящими ***г/ж, к/ч, х/ш***, а также чередование ***ц/ч*** наблюдаются при образовании производных слов разных частей речи. Это второй по распространенности вид чередований в русском словообразовании. Он охватывает большое число словообразовательных типов и обнаруживается в очень разнообразной лексике. Однако продуктивность этого вида чередований в различных словообразовательных типах неодинакова. Данное чередование в некоторых словообразовательных типах обнаруживает большую продуктивность, т. е. совершается всегда, с абсолютной регулярностью перед тем или иным аффиксом. В других типах рассматриваемое чередование характеризуется неполной продуктивностью, т. е. обнаруживается нерегулярно.

§ 68. Названное чередование продуктивно в производных с суффиксами:

-ник: *книга — книж-ник, творог — творож-ник; станок — станоч-ник, лодка — лодоч-ник, ухо — уш-ник, сливки — сливоч-ник, орех — ореш-ник;*

-ниц(а): *бог — бож-ница, песок — песоч-ница, селедка — селедоч-ница, перец — переч-ница;*

-к(а), ***-к(о)***: *нога — нож-ка, бумага — бумаж-ка; рука — руч-ка; молоко — молоч-ко, яйцо — яич-ко, кольцо — колеч-ко, крыльцо — крылеч-ко; каракалпак — каракалпач-ка, казах — казаш-ка; пастух — пастуш-ка, певица — певич-ка; задвигать — задвиж-ка, передвигать — передвиж-ка;*

-ок: *друг — друж-ок, жук — жуч-ок, петух — петуш-ок; прыгать — прыж-ок, скакать — скач-ок;*

-онк(а): *книга — книж-онка, лавка — лавч-онка, собака — собач-онка, рубаха — рубаш-онка;*

-енк(а): *монах — монаш-енка;*

-j ⟨о⟩: *батог — батож-j* ⟨о⟩, *кулак — кулач-j* ⟨о⟩, *дурак — дурач-j* ⟨о⟩; *без дороги — бездорож-j* ⟨о⟩, *за рекой — зареч-j* ⟨о⟩;

-ищ(е), ***-ищ(а)***: *снег — снеж-ище, друг — друж-ище, урюк — урюч-ище, волк — волч-ище, крюк — крюч-ище, черепаха — черепаш-ища, орех — ореш-ище; заяц — зайч-ище* [1];

-ик: *зубец — зубч-ик, рубец — рубч-ик;*

-ин(а), ***-инк(а)***: *жемчуг — жемчуж-ина, снег — снеж-инка; урюк — урюч-ина, урюч-инка, черника — чернич-ина чернич-инка, горох — горош-ина, горош-инка; пух — пуш-инка; заяц — зайч-ина; всякий — всяч-ина, всяч-инка, великий — велич-ина; тихий — тиш-ина;*

-изн(а): *отец — отч-изна;*

-их(а): *дворник — дворнич-иха, мельник — мельнич-иха, волк — волч-иха, пловец — пловч-иха, заяц — зайч-иха;*

-ищ(а): *волк — волч-ища;*

-ишк(о), ***-ишк(а)***: *волк — волч-ишка, молоко — молоч-ишко, заяц — зайч-ишка, купец — купч-ишка;*

-аг(а): *волк — волч-ага, молодец — молодч-ага;*

---

[1] В единичных производных от редких основ чередование может отсутствовать, например: *гонг — гонг'-ище.*

-уг(а): *волк — волч-уга;*

-ъ + система флексий существительных женского рода типа *кость: благой — блажь, дикий — дичь, сухой — сушь, тихий — тишь;*

-атин(а): *волк — волч-атина, заяц — зайч-атина, бык — быч-атина;*

-атник: *кролик — крольч-атник, волк — волч-атник; хлопок — хлопч-атник;*

-ств (о) (перед суффиксом вставляется гласный интерфикс [1]): *монах — монаш-(е)ство, пастух — пастуш-(е)ство, чиновник — чиновнич-(е)ство;* ср. без чередования: *герцог — герцог-ство, бегать — бег-ство.*

В производных с нижеперечисленными суффиксами названное чередование осуществляется нерегулярно:

-анин: *Рига — риж-анин, Пыщуг — пыщуж-анин;* ср. без этого чередования: *Пыщуг — пыщуг-анин;*

-ец: *лгать — лж-ец, Таганрог — таганрож-ец, Кондопога — кондопож-ец;* ср. без этого чередования: *Нью-Йорк — нью-йорк-цы, Владивосток — владивосток-цы, Чикаго — чикаг-цы, Талнах — талнах-цы, Великие Луки — великолук-цы* и т. п.;

-енциj(а): *книга — книж-енция, собака — собач-енция, старуха — старуш-енция;* ср. без этого чередования: *штука — штук-енция, муха — мух-енция, чепуха — чепух-енция* (из устной речи);

-н'(а): *пахать — паш-ня, но: ругать — руг-ня;*

-онок, во множественном числе ***-ат(а)***: *волк — волч-онок, галка — галч-онок, батрак — батрач-онок, пастух — пастуш-онок, заяц — зайч-онок;* ср. без этого чередования: *макака — макак'-онок, кабарга — кабарг'-онок* (и *кабарж-онок*).

Имена прилагательные

§ 69. Чередование ***г/ж, к/ч, х/ш, ц/ч*** продуктивно в производных с суффиксами:

-н-: *книга — книж-ный, творог — творож-ный, сапог — сапож-ный, песок — песоч-ный, молоко — молочный, пух — пуш-ной, воздух — воздуш-ный, перец — переч-ный* [2].

---

[1] Об интерфиксах см. ниже.

[2] Ср. отсутствие чередования в ряде производных: *обжиг-ный, матрац-ный.*

Названное чередование осуществляется перед суффиксом *-н-* не во всех позициях. Если производное имеет в конце основы сочетание *-ск-*, чередование отсутствует, например: *отпускной, впускной, пропускной; гротескный, бурлескный*. Отсутствие чередования объясняется тем, что сочетание *счн*, которое должно было бы возникнуть в результате чередования, фонетически дало бы [ш'н] и, следовательно, производные имели бы вид «отпущной», «впущной», «пропущной», «гротещный» и т. п.

Вероятно, столь значительное расхождение между производными и производящими препятствует осуществлению этого чередования. Вообще чередование *к/ч* перед суффиксом *-н-* реализуется лишь в тех случаях, когда перед конечным *-к* основы выступает гласная фонема или *л*. От существительных с исходом на сочетание «согласный не [л]+*к*» прилагательные с суффиксом *-н-*, как правило, не образуются (ср.: *парк — парк-овый, воск — воск-овой* и т. п.). Исключение составляют прилагательные, производные от основ на ***-чк(а)***, в которых появляется беглая гласная между конечными согласными основы: *спичка — спичеч-ный, шашка — шашеч-ный* и т. п.

-j-: *носорог — носорож-ий, волк — волч-ий, заяц — заяч-ий; враг — враж-ий, помещик — помещич-ий, пастух — пастуш-ий, девица — девич-ий;*

-ин(ый): *волк — волч-иный, муха — муш-иный, заяц — зайч-иный;*

-ист(ый): *овраг — овраж-истый, вьюга — вьюж-истый, мох — мш-истый;*

-енн(ый): *высокий — высоч-енный, гладкий — гладч-енный, широкий — широч-енный, крепкий — крепч-енный.*

Описываемое чередование обнаруживает неполную продуктивность в прилагательных с суффиксами:

-ск (ий) (как правило, присоединяется к основе посредством интерфикса *-е-*): *друг — друж-(е)ский, враг — враж-(е)ский, чиновник — чиновнич-(е)ский, монах — монаш-(е)ский, молодец — молодеч-(е)ский, певец — певч-(е)ский;* образования без интерфиксального гласного: *Волга — волж-ский, Рига — риж-ский, Калуга — калуж-ский;* ср. поздние производные без чередований от географических наименований: *Лейпциг — лейпциг-ский, Владивосток — владивосток-ский, Нью-Йорк — нью-йорк-ский, Чикаго — чикаг-ский, каракалпак — каракалпак-ский, казах — казах-ский* и т. п.; в редких случаях отсутствует чередование и в производных от существительных иной семантики: *эсдек — эсдек-ский* [1];

[1] Например, в книге воспоминаний А. Белого «Между двух революций»: «...вечером мы на фабрике «Дукат», где *эсдекский* доклад».

-лив(ый): *вьюга — вьюж-ливый, драка — драч-ливый, смех — смеш-ливый, пройдоха — пройдош-ливый;* ср. без чередований: *пугать — пуг-ливый, брезговать — брезг-ливый;*

-ив(ый): *лгать — лж-ивый;*

-ан(ый): *песок — песч-аный, мох — мш-аный.*

Рассматриваемое чередование присуще также производным с рядом непродуктивных суффиксов:

-н'(ий): *супруг — супруж-ний;*

-нин: *супруг — супруж-нин;*

-ач(ий): *бык — быч-ачий.*

Глаголы

§ 70. Чередования заднеязычных с шипящими и чередование ***ц/ч*** обнаруживается в глаголах с суффиксами: ***-ничать***, ***-ф-/-ить***, ***-еть***, ***-ать***.

-нича(ть): *бродяга — бродяж-ничать, скряга — скряж-ничать, пройдоха — пройдош-ничать, скоморох — скоморош-ничать, вертопрах — вертопраш-ничать;*

-ф-/-и(ть): *бродяга — бродяж-ить, вьюк — вьюч-ить, горький — горч-ить, скоморох — скоморош-ить, суматоха — суматош-иться, вертопрах — вертопраш-ить, граница — гранич-ить, кузнец — кузнеч-ить, немец — онемеч-ить;*

-е(ть): *убогий — убож-еть, мягкий — мягч-еть.*

В глаголах на ***-ать*** рассматриваемое чередование обнаруживается нерегулярно: *долг — долж-ать, мягкий — мягч-ать, легкий — легч-ать, крепкий — крепч-ать, ветхий — ветш-ать, венец — венч-ать.*

§ 71. Все остальные виды чередований согласных мало распространены. Многие из них малопродуктивны или совсем непродуктивны. Между только что рассмотренными и всеми иными видами чередований согласных существует одно важное различие. Последние занимают в словообразовании глагола особое место: они свойственны не всей глагольной лексеме, а лишь отдельным формам, тогда как чередования заднеязычных с шипящими и чередование ***ц/ч*** охватывают все словоформы глагола. Ср.: а) чередования заднеязычных с шипящими; б) чередования ***с/ш***, ***б/бл'***: а) *скоморох — скоморошничать, скоморошничаю, скоморошничаешь, скоморошничает, скоморошничаем, скоморошничаете, скоморошничают* и т. д.;

рыбак — рыбачить, рыбачу, рыбачишь, рыбачит, рыбачим, рыбачите, рыбачат и т. д.; б) *косить, косишь, косит, косим, косите, косят*, но *кошу; трубить, трубишь, трубит, трубим, трубите, трубят*, но *трублю*.

Возникает вопрос, следует ли чередования типа *б*) относить к словообразованию. Ведь они обнаруживаются лишь в отдельных морфологических формах слова. Тем не менее такие чередования важны не только для словоизменения, но и для словообразования: отсутствие или наличие традиционных чередований при словоизменении влияет на использование в словопроизводстве основ с различными согласными в исходе, увеличивая продуктивность одних основ и тормозя продуктивность других [1].

Таким образом, наличие/отсутствие чередования при словоизменении является важным словообразовательным фактором, влияющим на продуктивность той или иной группы производящих основ.

С точки зрения функциональной чередования ***к/ч***, ***г/ж***, ***х/ш*** являются тождественными двум типам чередования, а именно:

1) чередованию фонем, соотносительных по твердости-мягкости, т. е. *несу : нес'ошь* (***с/с'***)=*пеку : печешь* (***к/ч***);

2) чередованию фонем, не соотносительных по твердости-мягкости, т. е. *писать : пишу* (***с/ш***)=*махать : машу* (***х/ш***).

Рассмотрим остальные виды чередований согласных.

§ 72. Чередование губных с сочетаниями «губной +***л***'»: ***п/пл'***, ***б/бл'***, ***ф/фл'***, ***в/вл'***, ***м/мл'*** — является продуктивным в следующих типах производных:

а) в форме 1-го лица единственного числа глаголов с основами на губные: *бомба — бомбить — бомбл-ю, дробь — дробить — дробл-ю, труба — трубить — трубл-ю, гнев — гневить — гневл-ю, шершавый — шершавить — шершавл-ю, дым — дымить — дымл-ю, корм — кормить — кормл-ю, тупой — тупить — тупл-ю, графа — графить — графл-ю* и т. п. В данной категории глагольных форм чередование очень продуктивно. «Если от существительных *килограмм, тариф, морковь* будут образованы

[1] См.: Р. В. Бахтурина. Морфонологические условия образования отыменных глаголов с суффиксами *-Ø/-ить*. В кн. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966.

глаголы *килограммить*, *тарифить*, *морковить*, то первое лицо, несомненно, должно быть таким: *килограмммлю*, *тарифлю*, *морковлю...*» — отмечает М. В. Панов. Ср. индивидуальное образование в романе Лескова «На ножах»: «Я не *перефарлафлю*» (от имени *Фарлаф*).

Рассматриваемое чередование наблюдается, кроме того, при образовании форм страдательных причастий прошедшего времени (*разграфить — разграфл-енный, разграфл-ен, накормить — накормл-енный, накормл-ен, раздробить — раздробл-енный, раздробл-ен* и т. п.[1]), а также вторичных глаголов несовершенного вида *(откормить — откармл'-ивать);*

б) в существительных на ***-ение*** от глаголов на ***-ить***: *озлобить — озлобл-ение, оскорбить — оскорбл-ение, отравить — отравл-ение, отрезвить — отрезвл-ение, заземлить — заземл-ение, уведомить — уведомл-ение, ослепить — ослепл-ение, укрепить — укрепл-ение.*

В других типах производных это чередование непродуктивно. Так, в существительных с суффиксом ***-анин*** рассматриваемое чередование сохраняется лишь в ряде старых производных: *Киев — киевл-янин, Рим — римлянин.* Ср. без этого чередования: *Варшава — варшав-янин, «Варшав-янка»* (песня). Новообразования от основ на губные не содержат чередования, а образуются с помощью иных суффиксов или интерфикса ***-ч-*** [2].

Указанное чередование нерегулярно обнаруживается также в производных с некоторыми другими суффиксами, например ***-ак***: *топить — топл'-ак* (утопленное бревно); ср. без этого чередования: *мертвый — мертв'-ак, червь — черв'-ак.*

§ 73. Чередования ***д(д')/ж/жд, т(т')/ч/щ, ст'/щ, з(з')/ж, с(с')/ш, ск/щ, зг/ж*** обнаруживаются в словообразовании разных частей речи.

---

[1] Например, причастие от новообразования *застропить — застроплен:* «...трал *застроплен*» («Известия» от 10 марта 1965 г.); от глагола *оприми тивить — оприми тивлен:* «Столь *оприми тивлено*, превратно изображать возможных оппонентов — лучший ли это путь для понимания и сопоставления различных точек зрения..?» («Комсомольская правда» от 1 дек. 1966 г.).

[2] См. об этом: «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 29—31.

Этот вид чередования продуктивен при образовании отглагольных существительных на ***-ение*** от глаголов на ***-ить***, имеющих в исходе основы ***д'***, ***т'***, ***з'***, ***с'***, ***ст'***:

д'/ж: *гладить — глаж-ение;*

д'/жд: *охладить — охлажд-ение, заградить — заражд-ение;*

з/ж: *исказить — искаж-ение, изобразить — изображ-ение;*

т'/щ, ***ст'/щ***: *похитить — похищ-ение, воспретить — воспрещ-ение, разместить — размещ-ение, крестить — крещ-ение;*

т'/ч: *светить — свеч-ение, сплотить — сплоч-ение;*

с'/ш: *повысить — повыш-ение, оросить — орош-ение.*

В других типах производных существительных рассматриваемый вид чередования непродуктивен или малопродуктивен. Сюда относятся производные с суффиксами:

-н'(а): *квасить — кваш-ня;*

-ин(а): *верблюд — верблюж-ина* [1], *высокий — выш-ина* (с усечением отрезка ***-ок***);

-атин(а): *медведь — медвеж-атина, верблюд — верблюж-атина;*

-онок: *медведь — медвеж-онок, верблюд — верблюж-онок, лось — лош-онок* (устар.); ср. производные без этого чередования: *лебедь — лебед'-онок, рысь — рыс'-онок, лось — лос'-онок;*

-в(а): *носить — ноша, встретить — встреча, портить — порча;*

-енк(а): *француз — француж-енка, черкес — черкеш-енка;*

-ств(о): *князь — княж-(е)ство* (с интерфиксом *е*);

-ак: *водить — вож-ак;* ср. без этого чередования: *ходить — ход-ак* (устар.), *чудить — чуд-ак, резать — рез-ак;*

-анин: *приход — прихож-анин, клирос — клирош-анин.*

---

[1] Например: «...у Сергея на второе «холодец» из *верблюжины*» (Б. Пильняк). Ср. без этого чередования: *виноград — виноград'-ина, урод — урод'-ина.*

Имена прилагательные

Рассматриваемый вид чередований слабопродуктивен лишь в прилагательных на ***-ий***: *лошадь — лошаж-ий, лебедь — лебяж-ий, ребята — ребяч-ий*, ср. новообразование: *дошколята — дошколяч-ий*. Во многих производных на ***-ий*** это чередование отсутствует, но имеется чередование согласных, парных по твердости-мягкости: *рысь — рысий, коза — козий, стрекоза — стрекозий, бегемот — бегемотий.*

В прилагательных с другими суффиксами рассматриваемое чередование непродуктивно, сохраняется лишь в отдельных производных с суффиксами:

-лив-: *ребята — ребяч-ливый;*

-ав-: *молодой — молож-авый* [1];

-ач-: *медведь — медвеж-ачий;*

-ан-: *воск — вощ-аной, доска — дощ-аной.*

Глаголы

Чередование ***д(д')/ж, т(т')/ч, з(з')/ж, зд'/ж̄', с(с')/ш, ст'/щ*** наблюдается в формах 1-го лица единственного числа глаголов на ***-ø-/-ить***, производимых от основ существительных с исходом на перечисленные согласные:

д/д'/ж: *чад — чад-ить — чаж-у, сосед — сосед-ить, сосеж-у;*

т/т'/ч: *лохматый — лохматить — лохмач-у, золото — золотить — золоч-у;*

з/з'/ж: *мороз — морозить — морож-у;*

зд'/ж̄': *гвоздь — пригвоздить — пригвож'ж'-у;*

с/с'/ш: *коса — косить — кош-у, трус — трусить — труш -у;*

ст'/ш̄': *простой — упростить — упрош̄'-у, частый — частить — чаш̄'-у.*

Кроме того, это чередование обнаруживается в формах страдательных причастий прошедшего времени: *заморозить — заморож-енный, заморож-ен, взлохматить —*

---

[1] Вероятнее предположить, что прилагательные на ***-авый*** производятся от форм сравнительной степени, т. е. *моложе — молож-авый, слаще — слащ-авый*. При такой трактовке у них чередование отсутствует.

взлохмач-енный, взлохмач-ен, позолотить — позолоч-енный, позолоч-ен, накосить — накош-енный, накош-ен.

Этот вид чередования ослабляет свою продуктивность в современном языке, особенно в новообразованиях, т. е. словах, не имеющих длительной традиции употребления (ср. такие пары, как *пылесошу* и *пылесосю*, *пропылесошенный* и *пропылесосенный)* [1].

§ 74. Чередование ***к/ц*** происходит при производстве прилагательных с суффиксом ***-ск-*** от существительных с основами на ***-к***: *помещик — помещицкий, чиновник — чиновницкий.* В современном языке обнаруживает продуктивность лишь в образовании производных от существительных на ***-'ак, -чик/-щик***: *моряк — моряцкий, батрак — батрацкий, бедняк — бедняцкий, летчик — летчицкий, болельщик — болельщицкий;* ср. в производных с другими суффиксами: *едок — едоцкий.*

Кроме того, чередование ***к/ц*** обнаруживается в отдельных словах, например: *воскликнуть — восклицать, лик — лиц-о.*

§ 75. Рассмотрев различные виды чередований фонем, обратимся к чередованию фонем, парных по твердости-мягкости, о котором мы лишь упомянули выше (см. § 66).

Этот вид чередований самый продуктивный в русском языке. На него не распространяется процесс ослабления чередований, охвативший в различной степени все другие виды чередований. Это объясняется тем, что фонемы, соотносительные по твердости-мягкости, образуют пары, связь между которыми является прозрачной не только

---

[1] См. об этом: Р. В. Бахтурина. Морфонологические условия образования отыменных глаголов с суффиксами ***-е-/-ить.*** В кн. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966; «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка», стр. 35—37. Ср., однако, сохранение чередований в индивидуальных новообразованиях: «Ведь мы работаем по смете, а это было еще *не осмечено*» [от *смета — осметить*] (из устной речи); «Мы теперь все *обукечены*» [от *букет — обукетить*] (из устной речи); «...особое место занимал *осухопученный* моряк, «матрос-пехотинец» («Комсомольская правда» от 26 мая 1925 г.); «Я тебя... *обессмерчиваю*, в вечность ввожу...» [от *смерть — обессмертить*] (А. Мариенгоф. Роман без вранья).

на уровне морфологии (ср.: *нога — ноги, ноге; дом — доме* и т. п.), но и на уровне фонологии [1]. (Прочные связи между парными фонемами обнаруживаются также в том, что они изображаются на письме одной и той же буквой.) Все это способствует устойчивости таких чередований. Благодаря этому рассматриваемый вид чередований продуктивен во всех словообразовательных типах, в которых он имеет место, и нередко приходит на смену чередованиям иных видов [2].

Рассмотрим чередования твердых согласных с парными мягкими в словообразовании существительных и прилагательных.

С точки зрения охвата этим видом чередования основ с различным исходом (так сказать, действенности чередования) различается шесть групп суффиксов.

А. Суффиксы, вызывающие чередование у всех согласных, парных по твердости-мягкости.

Б. Суффиксы, вызывающие у ряда парных согласных чередование по твердости-мягкости, а у заднеязычных [3], *ц* и некоторых других согласных вызывающие чередование с другими фонемами.

В. Суффиксы, вызывающие чередование по твердости-мягкости только у *л*, а у заднеязычных и *ц* вызывающие чередование с шипящими.

Г. Суффиксы, вызывающие чередование по твердости-мягкости у всех парных согласных, кроме заднеязычных, которые сохраняют твердость перед этими суффиксами.

Д. Суффиксы, вызывающие чередование по твердости-мягкости только у заднеязычных, а в основах с исходом на другие парные согласные, вызывающие чередования иного направления (мягкие → твердые).

Е. Суффиксы, могущие вызывать и не вызывать чередование согласных, парных по твердости-мягкости.

Рассмотрим названное чередование во всех перечисленных группах.

---

[1] См.: S. Karcevski. Remarques sur la phonologie du russe. «Cahiers Ferdinand de Saussure». Géneve, 1943, № 3, стр. 7—8.

[2] См. об этом: «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 29—31.

[3] Мы считаем в соответствии с тем, как это доказывается в ряде фонологических работ, что в современном языке заднеязычные фонемы являются парными по твердости-мягкости, т. е. существуют фонемы ⟨к⟩, ⟨к'⟩, ⟨г⟩, ⟨г'⟩, ⟨х⟩, ⟨х'⟩.

§ 76. Группа А

Имена существительные

***-ист**: аквалангист — аквалангист'-ист, штанга — штангист'-ист, станок — станкист'-ист, значок — значкист'-ист, Мах — махист'-ист, баян — баянист'-ист, футбол — футболист'-ист, террор — террорист'-ист;* ср. с иным чередованием: *шпага — шпажист-ист;*

***-изм**: кучка — кучкизм, Мах — махизм, реформа — реформизм, капитал — капиталист'-изм, Будда — буддизм;*

***-ич**: Лука — Лукич, Никита — Никитич, Савва — Саввич, Фома — Фомич, шляхта — шляхтич, Москва — москвич, Кострома — костромич.*

Имена прилагательные

***-ин**: дедушка — дедушкин, Петька — Петькин, иволга — иволгин, муха — мухин, папа — папин, мама — мамин, сестра — сестрин.*

§ 77. Группа Б

Имена существительные

***-j**⟨о⟩, **-j**⟨а⟩: сырой — сыр'-j⟨о⟩, тряпка — тряп'-j⟨о⟩, хам — хам'-j⟨о⟩, солдат — солдат'-j⟨о⟩; вера — безвер'-j⟨о⟩, зима — предзим'-j⟨о⟩; колдун — колдун'-j⟨а⟩, плясун — плясун'-j⟨а⟩, сват — сват'-j⟨а⟩;*

-ø + система флексий существительных женского рода типа *кость: гнилой — гниль, сырой — сырь, высокий — высь, широкий — ширь* (с усечением *ок*);

***-'онок/-'ат(а)**: сом — сом'-онок/сом'-ата, орел — орл'-онок/орл'-ата, повар — повар'-онок/повар'-ата;*

***-'онк(а)**: работа — работ'-онка, изба — изб'-онка, сила — сил'-онка;*

***-ин(а)**: лысый — лыс'-ина, газета — газет'-ина, дом — дом'-ина, виноград — виноград'-ина;* в отдельных лексемах перед этим суффиксом наблюдается иной вид чередования: *верблюд — верблюж-ина;*

***-инк(а)**: изюм — изюм'-инка, желтый — желт'-инка, веселый — весел'-инка;*

***-изн(а)**: белый — бел'-изна, голубой — голуб'-изна, желтый — желт'-изна* [1];

***-их(а)**: трус — трус'-иха, франт — франт'-иха;*

***-ишк(а), -ишк(о)**: вор — вор'-ишка, плут — плут'-ишка, город — город'-ишко, лес — лес'-ишко, альбом — альбом'-ишко;*

-ищ(е) [2], ***-ищ(а)**: дом — дом'-ище, воз — воз'-ище, лес — лес'-ище; лиса — лис'-ища, конфета — конфет'-ища;*

***-иц(а)**: тигр — тигр'-ица, орел — орл'-ица, вода — вод'-ица;*

***-ик**: дом — дом'-ик, стол — стол'-ик, нос — нос'-ик, кот — кот'-ик;*

***-ец**: слепой — слеп-ец, удалой — удал-ец, мудрый — мудр-ец, зуб — зуб-ец, Ленинград — ленинград-ец;*

***-атин(а)**: кислый — кисл'-атина, пошлый — пошл'-атина, дрозд — дрозд'-атина;* ср. иное чередование: *медведь — медвеж'-атина;*

***-атник**: слон — слон'-атник, куры — кур'-атник;*

***-анин**: Афины — афин'-анин, село — сел'-анин, север — север'-анин;* ср. иное чередование: *Рим — римл'-анин, Киев — киевл'-анин;*

***-аг(а)**: милый — мил'-ага, бедный — бедн'-ага, шторм — шторм'-ага, спирт — спирт'-ага, матрос — матрос'-ага;*

***-уг(а)**: подлый — подл'-уга, жадный — жадн'-уга, ветер — ветр'-уга, смешной — смешн'-уга.*

Имена прилагательные

***-ан-**: дрова — дров'-аной, глина — глин'-аный, крупа — круп'-аной;*

***-j-**: коза — коз'-ий, бегемот — бегемот'-ий, корова — коров'-ий, баран — баран'-ий;*

***-ин-**: пчела — пчел'-иный, комар — комар'-иный, оса — ос'-иный, козел — козл'-иный, крыса — крыс'-иный;*

***-ист-**: лес — лес'-истый, смола — смол'-истый, болото — болот'-истый, зерно — зерн'-истый, лед — льд'-истый;*

***-енн-**: здоровый — здоров-енный, толстый — толст-енный, тяжелый — тяжел'-енный.*

---

[1] Суффикс ***-изн(а)*** отнесен к этой группе на основании того, что существует чередование ***ц/ч*** в паре *отец — отч-изна*. Других производных с суффиксом ***-изн(а)*** от основ на заднеязычные и ***ц*** среди общелитературной современной лексики не имеется.

[2] Фонематически ***-ище***=<ищо>.

78. Группа В

Имена существительные

-ник: *пчела — пчель-ник, школа — школь-ник;*

-ниц(а): *мыло — мыль-ница, пепел — пепель-ница, чернила — черниль-ница;*

-н'(а): *караул — карауль-ня, колокол — колоколь-ня;*

-чик: *стул — стуль-чик, камзол — камзоль-чик;*

-щик: *стекло — стеколь-щик, одеяло — одеяль-щик;*

-щин(а): *посол — посоль-щина, дьявол — дьяволь-щина;*

-ств(о): *нахал — нахаль-ство, фискал — фискаль-ство, генерал — генераль-ство;*

-ш(а): *генерал — генераль-ша, адмирал — адмираль-ша.*

Имена прилагательные

-н-: *мыло — мыль-ный, сало — саль-ный, школа — школь-ный, нахал — нахаль-ный;*

-ск-: *посол — посоль-ский, генерал — генераль-ский, маршал — маршаль-ский.*

§ 79. Группа Г

Эта группа чередований включает только имена прилагательные: ***-еньк(ий)/-енек***, ***-оньк(ий)/-онек:*** *частый — част-ёнек, добрый — добр-ёнек, мудрый — мудр-ёнек,* но: *тугой — туг-бнек, строгий — строг-бнек, дорогой — дорог-бнек, далекий — далек-бнек, сухой — сух-оньский, сух-бнек, легкий — лег-оньский, лег-бнек, мягкий — мяг-оньский, мяг-бнек;*

-охоньк(ий)/-охонек: *белый — бел'-охоньский, густой — густ'-охоньский,* но: *тихий, тих-ая — тих-бхонек, легкий, легкая — лег-бхонек, высокий — высок-бхонек.*

§ 80. Группа Д

Эта группа чередований включает только имена существительные с суффиксами ***-ин'(а)*** и ***-иш:***

-ин'(а): *бог — бог'-иня, герцог — герцог'-иня, шах — шах'-иня, монах — монах'-иня;* ср. шутливые новообразования: *геолог — геолог'-иня, хирург — хирург'-иня.* В основах с исходом на другие согласные твердый согласный сохраняется *(гордый — горд-ыня, твердый — твердыня),* а мягкий чередуется с твердым: *гусь — гус-ыня, сударь — сударь-ыня, государь — государь-ыня, барин — бар-ыня.* Исключение: *граф — граф'-иня;*

-иш**: мягкий, мягкая — мяк'-иш* (в старомосковском произношении прилагательное содержало твердый заднеязычный в ряде форм, в том числе в форме именительного падежа единственного числа мужского рода. Твердый согласный чередовался с мягким перед суффиксом ***-иш: *мя́х*[къ̯] — *мя́*[к'иш]).

В основах с другими конечными согласными твердый сохранялся: *голый — гол-ыш, круглый — кругл-ыш, крепкий — креп-ыш* (с усечением конца основы).

§ 81. Группа Е

В производных со следующими суффиксами нет единства в оформлении конца производящей основы, т. е. в одних производных чередования на морфемном шве отсутствуют, а в других наличествуют.

Имена существительные

***-ак**:* 1) без чередований: *простой — прост-ак, русый — рус-ак, левый — лев-ак, резать — рез-ак;*

2) с чередованием конечного твердого с мягким: *пошлый — пошл'-ак, светлый — светл'-ак, бедный — бедн'-ак, холостой — холост'-ак, товарный — товарн'-ак, ветер — ветр'-ак;*

3) с иным направлением чередования — чередование конечного мягкого с твердым: *гусь — гус-ак, пять — пят-ак, чет-верть — четверт-ак, рысь — рыс-ак.*

***-аш**:* 1) без чередований: *торговать — торг-аш, морда — морд-аш;*

2) с чередованиями: *круглый — кругл'-аш;*

***-оха**:* 1) без чередований: *опивать — опив-оха, подбирать — подбир-оха, обирать — обир-оха;*

2) с чередованиями: *дура — дур'-оха, растерять — растер'-оха.*

Имена прилагательные

Прилагательные с суффиксом ***-ущ(ий)***, производные от одних и тех же основ, могут образовываться как с чередованиями, так и без чередований в основе: *черный — черн-ущий, черн'-ущий; желтый — желт-ущий, желт'-ущий; мокрый — мокр-ущий, мокр'-ущий; модный — модн-ущий, модн'-ущий* и т. п. Лишь в производных от основ на *л* всегда наблюдается чередование: *злой — зл'-ущий, веселый — весел'-ущий, теплый — тепл'-ущий.*

§ 82. Прежде чем перейти к характеристике других видов чередований, подведем некоторые итоги вышеизложенному.

1) Мы видели, что чередование фонем происходит по строго определенным для каждой фонемы и для каждой словообразовательной позиции нормам. Это значит, что: а) любая фонема может вступать в чередование не с любой фонемой, а лишь с определенной; б) те или иные чередования происходят не в любых, а в определенных словообразовательных типах при наличии определенных морфонологических условий.

2) Между некоторыми видами чередований наблюдается близкая связь. «Нередко если при образовании каких-либо форм происходит чередование одних фонем (например, ***к*** и ***ч***), то при образовании тех же форм наблюдается параллельное чередование и других фонем. Так, при образовании личных форм фонема ⟨к⟩ чередуется с ⟨ч⟩ *(пек-ут — печ-ошь)*, а параллельно в тех же формах ***г*** чередуется с ***ж*** *(берег-ут — береж-ошь)*, ***т*** с ***т'*** *(мет-ут — мет'-ошь)*, ***д*** с ***д'*** *(вед-ут — вед'-ошь)* и т. д. В этом случае, следовательно, отдельные чередования, закономерно проявляясь при образовании определенных форм, имеют одно и то же грамматическое значение. Поэтому они объединяются в один общий ряд соотносительных чередований, например, ряд, в котором фонема ***к*** так относится к фонеме ***ч***, как ***г*** к ***ж***, как ***т*** к ***т'***, как ***д*** к ***д'*** и т. д., т. е. ***к : ч = г : ж = т : т' = д : д'*** и т. д.»[1].

С этой точки зрения все виды чередований распадаются на два класса: чередования, образующие соотносительные цепи аналогичных чередований, и чередования изолированные[2]. Примером первых, кроме названных выше, могут быть чередования: п/п'/пл' — б/б'/бл' — в/в'/вл' — ф/ф'/фл' — м/м'/мл', примером вторых — чередование ***о/а*** (см. о нем ниже). Чередование заднеязычных с шипящими — одно из наиболее широко представленных в русском словообразовании соотносительных чередований. Членами чередо-

---

[1] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, стр. 76.

[2] См.: М. В. Панов. О грамматической форме. «Ученые записки МГПИ им. Потемкина», т. 73, вып. 6. М., 1959, стр. 28.

вания в нем являются все три заднеязычные фонемы. Если в какой-либо грамматической позиции один из чередующихся членов отсутствует, это свидетельствует не об отсутствии такого чередования в русском языке, а лишь о том, что оно лексически не представлено (не встретилось в изученном материале, а может быть, и отсутствует в фактах языка). «Это лексическая «заскорузлость», негибкость данного корня» [1]. Однако в том случае, если понадобится образовать соответствующее производное, оно непременно будет содержать ожидаемое чередование [2]. Такова особенность всех цепей чередований.

Понятие морфонемы

§ 83. Итак, алломорфы одной морфемы могут различаться чередующимися фонемами. Ряд чередующихся фонем, выступающих в алломорфах одной морфемы, называется м о р ф о н е м о й [3]. Ряд может быть представлен несколькими членами и одним членом, например: $\left\{\frac{к}{ч}\right\}$ *(рука — ручка)*, $\left\{\frac{г}{ж}\right\}$ *(друг — дружеский — дружба)*, $\left\{\frac{х}{ш}\right\}$ *(монах — монашеский — монашество — монашек)*.

Существует иной вид записи морфонемы — с помощью фигурных скобок: {с — с' — ш}, {з — з' — ж}, {т — т' — ч}, {д — д' — жд — ж}, {б — б' — бл'}, {ф — ф' — фл'}, {в — в' — вл'}, {п — п' — пл'}, {к — ч}, {г — ж} и т. п.

Понятие морфонемы служит объединению различных морфов в одну морфему (см. подробнее ниже).

---

[1] См.: М. В. Панов. О грамматической форме, стр. 25.

[2] Ср.: «Иногда то или иное чередование отсутствует в корне, но потенциально присуще ему. Например, в корне {топ} *(топка)* есть чередование <п>/<п'>/<пл'> *(топить, топлю);* в корне *лоб* чередование согласных <б>/<б'> *(лбище)* реализовано языковыми формами, а чередование <б>/<бл'> существует потенциально. Оно неизбежно выявится при образовании, например, глаголов *залобить, отлобить, перелобить — залоблю, отлоблю, перелоблю*» (М. В. Панов. О грамматической форме, стр. 27).

[3] Близкое определение морфонемы дано в кн.: К. Болла, Э. Палл, Ф. Папп. Курс современного русского языка, под ред. Ф. Паппа. Budapest, 1968, стр. 110. Ср. определение морфонемы как «переменного сегмента» в рамках одной морфемы (Ю. С. Маслов. Промежуточные уровни в структуре языка. В кн. «Проблемы языкознания». М., 1967).

Не все представители морфонемы равноправны. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что не все члены чередующегося ряда могут занимать любые грамматические позиции.

Как установить, какой из представителей морфонемы главный? Естественно, основным представителем морфонемы считать тот член, из которого можно легче всего предсказать все остальные члены чередовательного ряда [1]. Например, можно ли в парах ***т*/ч** и ***к*/ч** считать *ч* основным представителем морфонемы в каждой чередующейся паре? Нет, так как *ч*, входя в два ряда чередований, может «предсказать» нам в качестве своих «сочередователей» и *т*, и *к*, тогда как *т* и *к* однозначно предсказывают *ч*. Следовательно, основными членами этих морфонем являются *т* и *к*. Ср. пример М. В. Панова: «*обмолотить — обмолотивший — обмолоченный — обмолочу — обмолотишь — ...ит — ...им — ..ите — обмолотят — обмолотил — обмолотив* . . . В конце корня встречаем только ⟨т'⟩ или ⟨ч⟩. Значит ли это, что в данном корне только две фонемы способны чередоваться: ⟨т'⟩ — ⟨ч⟩? Такой вывод неправомерен. Действительно, во всех формах встречается ⟨т'⟩ или ⟨ч⟩, но все эти формы допускают только мягкие фонемы перед аффиксальными элементами ... Поэтому при образовании отглагольного существительного ... «восстанавливается» основной вид морфонемы: *обмолот*» [2].

О неравноправности представителей морфонемы свидетельствует еще одно обстоятельство, обнаруживающееся в условиях ослабления звуковой нормы,— замена образований с чередованиями, требуемыми нормами, иными образованиями. В таких условиях членом, заменяющим нормативное чередование, всегда будет более сильный представитель морфонемы.

М. В. Панов пишет об этом: «Формы *кручу*, *провожу*, *пущу* в условиях ослабления языковой нормы могут быть преобразованы в *крутю*, *проводю*, *пустю* (просторечие, детская речь, диалекты и пр.). Влияет инфинитив и другие личные формы: *крутить*, *крутишь*; *проводить*, *проводишь*; *пустить*, *пустишь*. Но эти формы (инфинитив, 2—3-е лицо

---

[1] Такое мнение было высказано Д. С. Уортом при ознакомлении с рукописью этой книги.

[2] М. В. Панов. О грамматической форме, стр. 23.

единственного числа, 2—3-е лицо множественного числа) никогда не преобразуются в *кручить*, *кручишь*; *провожить*, *провожишь*; *пущить*, *пущишь*. Это позволяет заключить, что чередование ⟨т' — ч⟩, или ⟨д' — ж⟩, или ⟨ст' — щ⟩ имеет направление, является «векторным»: «слева направо» оно не такое же, как «справа налево» . . . Иначе говоря, члены этих чередований неодинаковы по своей устойчивости и функциональной весомости» [1]. Эту мысль можно выразить так: в русском языке чередование направлено, причем направление идет от о с н о в н о г о п р е д с т а в и т е л я морфонемы. Косвенным показателем направления чередования являются, кроме фактов «нарушения» чередований при ослаблении языковой нормы, встречающиеся в речи случаи «восстановления» неуменьшительных образований (типа *лога* от *ложка*, *варега* от *варежка*, *сыроега* от *сыроежка* и т. п.).

В соответствии с мнением о том, что один из представителей морфонемы является основным (главным), некоторые ученые применяют морфонологическую транскрипцию, которая изображает именно этого главного представителя, например: РУКА, РУКНОЙ; МОГТ', МОГУ, МОГОШ и т. п. «При такой записи уже в самом деле обеспечивается тождественность одной и той же морфемы во всех случаях ... В морфонологической записи следует изображать МОГТ' через ***т'*** потому, что в большинстве случаев морфема инфинитива реализуется как *t'* (*-ть*)» [2]. И далее авторы поясняют, что написания такого рода «являются только символами тождественных морфем и непосредственно не соответствуют ни звукам, ни фонемам, ни требуемым орфографией буквам» [3].

§ 84. Для словообразования, как мы видели, характерна н а п р а в л е н н о с т ь ч е р е д о в а н и й от основного (или более сильного) члена морфонемы к более слабым ее представителям, т. е. производящая основа обычно содержит основной (или более сильный) член мор-

---

[1] М. В. П а н о в. О грамматической форме, стр. 18—19. О понятии «направление чередования» см. также: С. М. Т о л с т а я. О некоторых трудностях морфонологического описания. «Вопросы языкознания», 1971, № 1.

[2] К. Б о л л а, Э. П а л л, Ф. П а п п. Курс современного русского языка. Budapest, 1968, стр. 111.

[3] Т а м ж е.

фонемы, а производная — более слабый, например: *друг — дружить — дружба, сухой — сушь — сушить, волк — волчица, волчонок, медведь — медвежонок, желтый — желт'-ить, желт'-инка* и т. п. При этом в ряду чередующихся фонем, являющихся членами одной морфонемы, из пары согласных, коррелятивных по твердости-мягкости, основным является твердый. Именно он выступает, как правило, в производящих основах.

Существуют, однако, производные, в которых обнаруживается иное (противоположное) направление чередования, а именно производящая основа содержит представитель морфонемы, обычно (в большинстве других словообразовательных типов) появляющийся в слабой позиции, а производная — представитель морфонемы, обычный для сильной позиции. Назовем примеры такого чередования.

§ 85. Чередование парных мягких согласных с твердыми, т. е. «обратное» направление чередования, наблюдается в словообразовании разных частей речи. Как правило, оно обнаруживается в основах с исходом не на все согласные. В некоторых производных это чередование распространяется на все конечные согласные основы, кроме *л* (которое в производном чередуется с *л'*) и заднеязычных (которые чередуются с шипящими). Сюда относятся:

имена существительные с суффиксами:

***-ств(о)**: зверь — звер-ство, дикарь — дикар-ство*, но: *посол — посоль-ство, чиновник — чиновнич-(е)ство;*

***-ш(а)**: секретарь — секретар-ша*, но: *адмирал — адмираль-ша;*

имена прилагательные с суффиксами:

***-к-**: дверь — двер-ной, конь — кон-ный, кость — костный;*

***-ск-**: конь — кон-ский, зверь — звер-ский, январь — январ-ский* [1], *море — мор-ской, дети — дет-ский.*

В производных с другими суффиксами чередование мягкий—твердый обнаруживается непоследовательно. Так, в существительных с суффиксом ***-ка*** наблюдается чере-

[1] Не подчиняются этому правилу производные от названий месяцев: *июньский, ноябрьский, октябрьский, сентябрьский, декабрьский.*

дование мягких конечных согласных производящей основы (в том числе и *л*) с твердыми: *морковь — морков-ка, голубь — голуб-ка, тетрадь — тетрад-ка, дикарь — дикар-ка, лекарь — лекар-ка, девять — девят-ка, десять — десят-ка, бутыль — бутыл-ка, гребень — гребен-ка, басня — басен-ка, песня — песен-ка, сотня — сотен-ка.* Однако в основах на сонорные, в первую очередь на *л'* и *н'*, чередование может и отсутствовать: *колыбель — колыбель-ка, карамель — карамель-ка, неделя — недель-ка, туфля — туфель-ка, капля — капель-ка, доля — доль-ка, няня — нянь-ка, ступень — ступень-ка, баня — бань-ка, гиря — гирь-ка*; ср. также *зорька*. Отсутствует указанное чередование и в именах собственных с основами, имеющими различные мягкие согласные в исходе: *Петя — Петь-ка, Надя — Надь-ка, Боря — Борь-ка, Леля — Лель-ка, Леня — Лень-ка, Люся — Люсь-ка* и т. д.; также и в существительных нарицательных: *дядь-ка* (но: *тёт-ка*); просторечные: *сись-ка, бать-ка, тять-ка, авось-ка.*

Нерегулярное чередование конечной мягкой фонемы с твердой наблюдается также:

в производных существительных с суффиксом **-ок**: *локоть — локот-ок, ноготь — ногот-ок, голубь—голуб-ок, десять — десят-ок.*

Мягкость сохраняется, по-видимому, преимущественно: в основах на *н'* и *л'* (*окунь — окун'-ок, конь — кон'-ок, перстень — перстен'-ок, куль — кул'-ок, уголь — угол'-ок, стебель — стебел'-ок*), но не только в них (ср.: *зять — зят'-ок, зверь — звер'-ок, князь — княз'-ок*);

в отприлагательных наречиях с суффиксом **-о**: *поздний — поздн-о, давний — давн-о, ежегодний — ежегодн-о, искренний — искренн-о* (и *искренн-е*); ср. без чередований: *древний — древн-е, средний — средн-е, крайний — крайн-е, вечерний — вечерн-е, летний — летн-е, зимний — зимн-е* и т. д.;

в отыменных глаголах с суффиксом ***-ова(ть)***: *линия — лин-овать, глазурь — глазур-овать;* ср. без чередования: *горе — гор-евать, шпакля — шпакл-евать.*

§ 86. Итак, мы рассмотрели различные виды чередований согласных фонем на границе морфов. Подытожим наше описание, перечислив суффиксы, вызывающие чередования:

суффиксы существительных: ***-ник, -ниц(а), -н'(а),***

-к(а), ***-ок***, ***-к(о)***, ***-ств(о)***, ***-онок(а)***, ***-'онок/-'ат(а)***, ***-j(о)***, ***-j(а)***, ***-ениj(е)***, ***-ищ(е)/-ищ(а)***, ***-ин(а)***, ***-инк(а)***, ***-их(а)***, ***-иц(а)***, ***-изн(а)***, ***-ик***, ***-ишк(о)/-ишк(а)***, ***-изм***, ***-ист***, ***-ич***, ***-ин'(а)***, ***-ø*** (+система флексий существительных типа *кость*), ***-ец***, ***-атин(а)***, ***-атник***, ***-анин***, ***-'аг(а)***, ***-чик***, ***-щик***, ***-щин(а)***, ***-ш(а)***, ***-уг(а)***, ***-ур(а)***, ***-ак***, ***-аш***, ***-ох(а)***;

суффиксы прилагательных: ***-н-***, ***-ск-***, ***-j-***, ***-ин***, ***-ист-***, ***-лив-***, ***-чат-***, ***-ач-***, ***-ан-***, ***-н'-***, ***-нин***, ***-ав-***, ***-енн-***, ***-еньк-/-оньк-***, ***-охоньк-/-ошеньк-***, ***-ущ-***;

суффиксы глаголов: ***-нича-***, ***-ø-/-и-***, ***-е-***.

§ 87. Перейдем к рассмотрению чередований других видов.

В производных от иноязычных основ наблюдаются специфические чередования. Укажем основные их виды.

1. При производстве имен прилагательных на ***-ический*** от основ иноязычных существительных с исходом на ***-с***, ***-з***, ***-сия***, ***-зия***, ***-зм*** наблюдается чередование ***с/т'***, ***з/т'***, ***зм/ст'***: *хаос — хаот'-ический*, *эллипс — эллипт'-ический*, *апоплексия — апоплект'-ический*, *гипноз — гипнот'-ический*, *сарказм — саркаст'-ический*.

В отдельных случаях возможно и чередование конечных твердых согласных субстантивной основы с мягкими или вариантные образования (*экстаз — экстат'-ический* и *экстаз — экстаз'-ический*, *апокалипсис — апокалипт'-ический* и *апокалипс'-ический*); *синтаксис — синтакс'-ический* и *синтакт-ический* [1].

Чередование ***з/т'***, ***с/т'*** наблюдается также в некоторых других группах производных: *невроз — неврот'-ик*, *наркоз — наркот'-ик*, *склероз — склерот'-ик; гипноз — гипнот'-изировать*, *наркоз — наркот'-изировать; абрикос — абрикот'-ин; рефлекс — рефлект'-ивный* (и *рефлекс'-ивный*). В отдельных группах производных отмечается чередование ***к/ц***, например: *клиника — клиниц-ист*, *публика — публиц-ист*, *рубрика — рубриц-ировать*.

---

[1] Еще в конце XIX в. нормам соответствовало прилагательное с чередованием: *синтактический*. Об этом свидетельствует замечание А. А. Потебни в некрологе А. В. Попову. «Следует: *синтактические*» (В кн.: А. В. Попов. *Синтаксические* исследования. Воронеж, 1881, стр. 1).

2. Как отмечалось выше (см. гл. III), среди заимствований имеется много слов с связанными корнями, т. е. не употребляемых вне соединения со словообразовательными аффиксами. Образования этого рода нередко содержат чередования согласных в корнях. Так, в глаголах и однокоренных существительных со значением отвлеченного действия, а также иногда в существительных со значением деятеля и в отыменных прилагательных наблюдаются следующие виды чередований:

т'/***с***': *инверт*'-*ировать* — *инверс*'-*ия*, *инверс*'-*ионный*, *рефлект*'-*ировать* — *рефлекс*'-*ия*, *дискут*'-*ировать* — *дискусс*'-*ия*, *дискусс*'-*ионный;*

д, ***д***'/***з***': *суспенд*'-*ировать* — *суспенз*'-*ия*, *претенд-овать* — *претенз*'-*ия*, *эрод*'-*ировать* — *эроз*'-*ия;*

т, ***т***'/***ц***: *инспект*'-*ировать* — *инспекц-ия*, *инспект-ор*, *корректт*'-*ировать* — *коррекц-ия*, *коррект-ор*, *инструкт*'-*ировать*, *инструкц-ия*, *инструкт-ор*, *редакт*'-*ировать* — *редакц-ия*, *редакт-ор*, *конструкт*'-*ировать* — *конструктор*, *конструкт*'-*ивный*, *конструкц-ия* — *конструкц-ионный*;

ц/***к***: *провоц-ировать* — *провок-ация* — *провок-атор*, *фальсифиц-ировать* — *фальсифик-ация* — *фальсифик-атор*, *дислоц-ировать* — *дислок-ация*, *синдиц-ировать* — *синдик-ат*, *индуц-ировать* — *индук-ция*, *проец-ировать* — *проек-ция* [1];

н'/***з***': *транспон*'-*ировать* — *транспоз*'-*иция*, *депон*'-*ировать* — *депоз*'-*ит*.

Таким образом, слова с иноязычными корнями представляют собой целые серии родственных образований, содержащих чередования согласных на стыке корня и суффикса. В ряде случаев наблюдается следующее явление: корень с одним согласным в исходе употребляется свободно, тот же корень с другим согласным в исходе употребляется лишь в связанном виде. Для примера приведем

---

[1] В случаях *реаг*'-*ировать* — *реак-ция*, *абстраг*'-*ировать* — *абстрак-ция* нет чередования фонем <г> — <кц>. Написание *реакция*, *абстракция* орфографически передает позиционное изменение звуков (оглушение ***г*** перед ***ц***.) Фонемный состав: *реа*<гц>*ия*. Аналогичное явление наблюдаем в словах *транскрибировать* — *транскрипция*. Орфография передает позиционное оглушение ***б*** перед ***п***. Ср. тот же факт в латинской орфографии: *scribo*, *scribere*, но *scripsi*, *scriptum*.

группу образований со свободным корнем *рефлекс* и связанным корнем *рефлект-*:

1. *рефлексировать*
2. *рефлексивный*
3. *рефлексия*
4. *рефлексный*
5. *рефлексионный*

1. *рефлектировать*
2. *рефлективный*
3. *рефлектировщик*[1]
4. *рефлектик*[2]
5. *рефлектёр*[3]
6. *рефлектированный*
7. *рефлектированность*
8. *рефлектёрство*

ЧЕРЕДОВАНИЯ В АФФИКСАЛЬНЫХ МОРФАХ

§ 88. Чередования с о г л а с н ы х в аффиксальных морфах малохарактерны для русского словообразования.

1. Чередование фонем ⟨ш'⟩/⟨ч⟩ обнаруживается в морфах суффиксов ***-щик/-чик***, ***-щиц(а)/-чиц(а)***, ***-щин(а)/-чин(а)***. Морфы с фонемой ⟨ч⟩ выступают «после основ на фонемы *т*, *д*, которым не предшествует иной согласный (обычно сонорный): *развед-чик*, *плакат-чик*, *лет-чик*, *навод-чик*»[4]; *газет-чица*, *буфет-чица; солдат-чина*, *склад-чина*. Морфы с фонемой ⟨ш'⟩ выступают в других позициях после основ на все согласные (кроме *т*, *д*), а также после основ на *т*, *д*, которым предшествует согласная фонема: *фрезеров-щик*, *экскаватор-щик*, *алиментщик*, *флейт-щик; подаваль-щица*, *бан-щица; хлестаковщина*, *молчалин-щина*, *тамбов-щина*, *рязан-щина* и т. п.[5]

У морфонемы {ш'— ч} суффикса ***щик/-чик*** основным

[1] Например: «Я резонер и *рефлектировщик*» (Б е л и н с к и й).

[2] Например: «Не страх смерти должен определять нашу жизнь, как у *рефлектиков*, как у людей умирающих классов...» (Г л а д к о в. Энергия).

[3] Например: «— Коли ты *рефлектер* и меланхолик,— снова шептали его губы, какой же ты к черту революционер?» (Т у р г е н е в. Новь).

[4] Условия употребления морфов ***-щик/-чик***, ***-щина/-чина*** подробно описаны Н. А. Янко-Триницкой в кн. «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 184.

[5] «Что касается таких слов, как *разносчик*, *извозчик*, то сочетания *сч*, *зч* в какой-то мере являются орфографическими, поскольку звучит здесь *щ*, т. е. [ш'], которое звучало бы и в том случае, если бы писали *сщ* и *зщ* (дополнительной долготы *ш* здесь не было бы)». «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 184.

вариантом следует признать морф с фонемой ⟨ш̄'⟩, так как он выступает в тех позициях, в которых возможен морф ***-чик*** с другим значением: ср. *стаканщик* (о человеке) — *стаканчик* ('маленький стакан'); *барабанщик* (о человеке) — *барабанчик* ('маленький барабан').

В отличие от ранее рассмотренных видов чередований согласных здесь обнаруживается прогрессивное направление воздействия соседнего морфа («слева направо», от основы к суффиксу).

2. Чередование ***н/р/м*** наблюдается в морфах иноязычной по происхождению приставки ***ин-/ир-/им-*** со значением 'не'. Приставка содержит согласную фонему, подобную той, которой начинается основа, а именно: ***н*** перед зубными, ***м*** перед губными, ***р*** перед ***р***: *ин-детерминизм*, *им-моральный*, *ир-регулярный*, *ир-рациональный*. Таким образом, здесь мы наблюдаем регрессивное направление воздействия («справа налево»). Однако, как и в чередовании ⟨ш̄'⟩/⟨ч⟩ в суффиксах, воздействие идет от основы.

3. Чередование согласной фонемы ⟨з⟩ с нулем звука обнаруживается в приставке ***де-/дез-***. Морф ***де-*** выступает перед основами, начинающимися согласными: *де-милитаризация*, *де-мобилизация*, *де-централизация;* морф ***дез-*** перед основами, начинающимися гласными фонемами: *дез-информация*, *дез-актуализация*, *дез-организация*, *дез-ориентировать* [1]. Основным вариантом морфа является ***де-***, потому что появление *з* объясняется законами морфонологии русского языка: согласный *з* устраняет зияние между гласными. Если же считать ***дез-*** основным видом морфа, то исчезновение *з* перед начальной согласной основы нельзя было бы объяснить законами построения русского слова, так как сочетание *з* с основами на согласные вполне допустимо в русском языке (ср.: *разминуться*, *возможность* и отсутствие «***дез-***+*милитаризация*»; *расцеловать* и отсутствие «***дез-***+*централизация*» и т. п.) [2].

[1] Таким образом, чередование ***з/Ø*** позиционно. Фонема ⟨з⟩ выступает в позиции перед гласными, *Ø* — перед согласными. Пример новообразования: «Десятки номеров «Современной архитектуры». Работы Охитовича, Милютина, Леонидова, Гинзбурга... Урбанизм и *дезурбанизм*» («Комсомольская правда» от 26 ноября 1966 г.).

[2] Такое мнение было высказано Д. С. Уортом при ознакомлении с рукописью этой книги.

4. Для русского языка более характерно различие в морфах одного и того же суффикса или префикса такого типа, как ***в-/во-***, ***с-/со-***, ***от-/ото-***, ***-ок/-к***, ***-ец/-ц***, ***-еск-/-ск-***, ***-еств-/-ств-***, т. е. один морф отличается от другого наличием/отсутствием фонемы ⟨о⟩ или ⟨е⟩. Как рассматривать такие гласные? Представляют ли они чередования гласных с нулем звука или эти гласные являются здесь интерфиксами? Ответ на этот вопрос будет дан ниже (см. раздел «Интерфиксация», § 101, 102).

Б. Чередования не на морфемном шве

§ 89. Чередования не на морфемном шве для русского словообразования малохарактерны. Они обнаруживаются лишь в морфах о с н о в ы и представлены несколькими непродуктивными или малопродуктивными видами, мало существенными для живого русского словообразования (такого типа, как *жать — жму*, *жать — жну*, *понять — понимать*, *брать — беру — выбираю*).

Рассмотрим два вида чередований внутри основы.

§ 90. 1. Чередования г л а с н ы х с н у л е м з в у к а[1] встречаются внутри корневых морфем при словоизменении: *лоб — лøб-а*, *мох — møх-а*, *рот — рøт-а*, *день — дøн'-а* и т. п. В словообразовании, как правило, в производном слове выступает морф с нулем, если суффикс производного слова содержит гласную фонему: *мох — møш-истый*, *лоб — лøб-ище*, *день — дøн-евной* и т. п. (ср., впрочем, исключения: *рот — рøта*, но *рот-ище*, *лоб — лøба*, но *лоб-ик*, *лоб-астый*, *лоб-ан* и т. п.).

В ряде словоформ наблюдается различие в строении тех или иных единиц, которое может показаться неоправданным, если не учитывать чередования гласных с нулем звука. Таково, например, различие в структуре форм косвенных падежей, имеющих омонимичную форму именительного падежа единственного числа *посол* (1) человек; 2) действие по глаголу). Формы косвенных падежей

[1] Напомним, что гласные, чередующиеся с нулем звука, называются б е г л ы м и.

первого омонима содержат беглую гласную, чередующуюся с нулем звука перед гласной флексии и выступающую в виде полноценной гласной перед нулевой флексией (*посол-$ø_ф$*, *посøл-а*, *посøл-у*...), у второго омонима беглой гласной нет (*посол-$ø_ф$*, *посол-а*, *посол-у*...). Это различие, непонятное при изучении лишь фонологической структуры основ *посол*$_1$ и *посол*$_2$, т. е. «структуры поверхностной», доступной непосредственному наблюдению, получает объяснение при изучении морфонологической структуры основ, т. е. «структуры глубинной» [1], являющейся своего рода абстракцией. При таком подходе нерегулярность оказывается мнимой. Различие в склонении этих омонимов объясняется различием «глубинных структур» соответствующих производящих основ: основа производящего глагола *послать* содержит беглую гласную, или, точнее, морфонему {гласная/нуль} (ср.: *послать*, *пошлю*, *посылать*), которая обнаруживается в производных (*посол-$ø_ф$*, *посøл-а*); основа производящего глагола *посолить* беглой гласной не содержит (ср.: *соль*, *сол'-и*; *посол'-и́ть*, *посол'-у́* и т. д.).

Такая кажущаяся непоследовательность наблюдается и в строении деривационных аффиксов. Ср. глаголы *во-брать* и *в-бросить*, *подо-брать* и *под-бросить*. Почему перед одним и тем же сочетанием фонем ⟨бр⟩ употребляются разные префиксальные морфы: ***во-*** и ***в-***, ***подо-*** и ***под-***? Это объясняется различием в морфонологической (т. е. глубинной) структуре основ *бра(ть)* и *брос(ить)*. Основа первого глагола содержит морфонему {гласная/*ø*}; ср.: *беру*, *берешь*..., но *бøрать*. Основа второго глагола такой морфонемы не содержит: *брошу*, *бросишь*... *бросить*.

Употребление префиксальных морфов ***вø-/во-***, ***подø-/подо-*** зависит от строения морфа основы и регулируется специальными правилами (см. ниже § 101—102). Поэтому и здесь обращение к морфонологической (глубинной) структуре основы помогает объяснить ее фонемное (поверхностное) строение.

Таким образом, в русском языке существует особая

---

[1] О понятии глубинных и поверхностных структур см.: D.S. Worth. «Surface Structure» and «Deep Structure» in Slavic Morphology. «American Contribution to the Sixth International Congress of Slavists», vol. I. Linguistic Contributions. Mouton, 1968.

морфонема {гласная/нуль}, играющая важную роль в словообразовании [1].

2. Чередование в корневых морфемах гласных фонем ⟨о/а⟩ продуктивно в образовании форм несовершенного вида глагола с помощью суффикса ***-ива-***: *вынóсить — вына́шивает*, *расспрóсить — расспра́шивает*, *обуслóвить — обусла́вливает*. Это чередование не отличается регулярностью, т. е. не распространяется на все случаи образования указанных форм. Например, оно отсутствует в глаголах *пририсова́л — пририсóвывал*, *вы́ковал — выкóвывал*, *опорóчил — опорóчивал* (возможно и *опора́чивал*), *подкова́л — подкóвывал* и др.

§ 91. Рассмотрим функции чередования в словообразовании. Чередования не имеют самостоятельного значения в словообразовании, а используются лишь как дополнительное средство, сопровождающее аффиксацию. П. С. Кузнецов писал о чередованиях в русском языке: «...на протяжении всей истории русского языка они почти всегда играют лишь дополнительную роль при каких-нибудь других грамматических средствах» [2]. Этим фактом объясняется ослабление чередований в современном словообразовании, замена многих старых образований с чередованиями образованиями того же типа без чередований (ср.: *казахский* и устар. *казашский*, *калмыкский* и *калмыцкий*, *устюгский* и *устюжский* и др.).

Устранение или отсутствие чередования нисколько не меняет значения производного слова. Ср. формы с чередованиями и без них, имеющие одно и то же словообразовательное значение:

медвеж-онок	и	*лебед'-онок*
таганрож-цы	и	*таганрог-цы*
риж-ский	и	*лейпциг-ский*
пылесош-у	и	*пылесос-ю*

[1] Чередования гласных с нулем в русском словообразовании описаны в работе: Д. С. Уорт. Чередования гласных с нулем в словообразовании. «Предварительные публикации Института русского языка АН СССР», вып. 18. М., 1971. См. также: D. S. Worth. Studies in Russian Morphology. II. Vowel — Zero Alternation in Derivation. California, 1968. В этих и ряде других работ морфонему {гласная/нуль} принято изображать знаком #.

[2] П. С. Кузнецов. О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1952, вып. 1, стр. 75.

Примеры наглядно показывают, что чередования не являются носителями словообразовательного значения производных слов [1].

Примечание.

Существует мнение, что в русском словообразовании имеется один словообразовательный тип, в котором чередование — совместно с нулевым суффиксом — является показателем словообразовательного значения: существительные со значением отвлеченного признака, производимые от основ прилагательных *(рваный — рвань, гнилой — гниль, зеленый — зелень, сухой — сушь)*. Без чередования такие формы были бы омонимичны формам именительного падежа единственного числа мужского рода краткого прилагательного *(рван, гнил, зелен, сух)*[2]. Это мнение не совсем верно, так как, кроме различий в твердости-мягкости конца основы, между единицами типа *рвань* и *рван* имеются и более существенные различия. В отличие от *рван* единица *рвань* имеет категориальное значение имени существительного, грамматическое значение «женский род», особые формы словоизменения *(рвань, рвани, рванью* и т. д.), специфические формы сочетаемости с другими словами *(Выброси эту рвань; Какая рвань!* и т. п.). Однако важное значение имеет то, что нулевой словообразовательный аффикс отвлеченных существительных омонимичен нулевому словоизменительному аффиксу формы именительного падежа единственного числа мужского рода кратких прилагательных. Этот омонимичный нуль требует поддержки со стороны других показателей. Именно поэтому в рассматриваемом словообразовательном типе существительных чередование никогда не устраняется. Оно держится и в старых словах, и в индивидуальных новообразованиях[3]. Между тем многие (не все!) чередования имеют тенденцию к устранению, особенно в новых словах.

---

[1] См.: А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики. В кн. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 109; М. В. Панов. О грамматической форме, стр. 10—11.

[2] См.: А. А. Реформатский. Введение в языковедение, изд. 4. М., 1967, стр. 280.

[3] Приведем несколько поэтических новообразований:

«Это раковины ли сказанье,
Или слуха покорная *сонь*...»
(Б. Пастернак. Зима)

Особенно любил такие образования С. Есенин, производивший их не только от основ прилагательных, но и от основ существительных и глаголов:

«Цветы людей и в *солнь* и *стыть*
Умеют ползать и ходить».
(«Цветы»)

«Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую *цветь*».
(«Отговорила роща золотая...»)

См. также примеры в гл. X.

§ 92. Подведем и т о г всему сказанному о чередованиях.

1) Чередования в русском словообразовании — м о р ф о н о л о г и ч е с к о е явление, как правило, не имеющее самостоятельного деривационного значения.

2) Продуктивные высокочастотные чередования сближаются по регулярности проявления с фонетическими позиционными изменениями звуков; непродуктивные чередования утрачиваются прежде всего в новообразованиях.

3) Среди чередований есть такие, которые образуют соотносительные цепи. Кроме того, существуют чередования изолированные.

4) Наиболее характерны для словообразования чередования на морфемном шве. Из них самые распространенные и разнообразные — чередования согласных в основных морфах на границе основы и суффикса. Наиболее продуктивные виды такого чередования — чередование согласных, парных по твердости-мягкости, и чередование заднеязычных с шипящими. Эти чередования охватывают наибольшее число словообразовательных типов.

5) Чередования разных типов вызываются суффиксами, имеющими в начале слова одни и те же фонемы. Чаще всего в таких случаях выступают фонемы ⟨н'⟩, ⟨н⟩ [*-н-*, *-ник*, *-ниц(а)*, *-н(я)*, *-нича(ть)*] и ⟨и⟩ [*-ик*, *-ищ(е)*, *-ин(а)*, *-инк(а)*, *-их(а)*, *-иц(а)*, *-ишк(а)*, *-ин(ый)*, *-ист(ый)*, *-ø/-и(ть)*].

Производные разных частей речи при сочетании с суффиксами одинакового начала обычно обнаруживают одно и то же чередование.

6) Чередования в аффиксальных морфах менее характерны для словообразования. В этой позиции наиболее распространены чередования гласных с нулем. Иные виды чередований представлены лишь в отдельных суффиксах и приставках.

7) Чередования не на морфемном шве обнаруживаются лишь в корневых морфах. В аффиксах они не представлены. Как правило, такие чередования не обладают регулярностью, наиболее распространено из них чередование гласных с *ф*.

ИНТЕРФИКСАЦИЯ

§ 93. Другой вид явлений, происходящих на границе морфем,— интерфиксация. Она состоит в том, что между двумя морфемами вставляется асемантическая (незначимая) прокладка, устраняющая сочетания фонем, запрещенные законами морфонологии или нетипичные для структуры русского слова. Такие прокладки могут появляться в слове также по аналогии. Межморфемные прокладки, играющие в структуре слова чисто соединительную функцию, называются интерфиксами [1].

Вот ряд примеров:

1) *убеж-ище*
прибеж-ище
суди-(л)-ище
вмести-(л)-ище

2) *бор-ец*
твор-ец
жи-(л)-ец
пои-(л)-ец
пе-(в)-ец

3) *бодр-ость*
весел-ость
будущ-(н)-ость
настоящ-(н)-ость

4) *кип-уч-ий*
гор'-уч-ий
жг-уч-ий
пе-(в)-уч-ий

5) *сахар-н-ый*
дорож-н-ый
лес-н-ой
шоссе-(j)-н-ый
кофе-(j)-н-ый
реле-(j)-н-ый

6) *гагарин-ит*
куба-(н)-ит
ангара-(л)-ит

7) *ленинград-ск-ий*
лондон-ск-ий
чит-(ин)-ск-ий
ялт-(ин)-ск-ий
орл-(ов)-ск-ий
дели-(j)-ск-ий
чили-(j)-ск-ий
америк-(ан)-ск-ий
африк-(ан)-ск-ий

8) *ленинград-ец*
лондон-ец
чит-(ин)-ец
ялт-(ин)-ец
орл-(ов)-ец
дели-(j)-цы
чили-(j)-цы
америк-(ан)-ец
африк-(ан)-ец

Идея выделения в слове незначимых соединительных элементов принадлежит Н. С. Трубецкому, который называл такие элементы Verbindungsmorphemen («соединительные морфемы») [2].

---

[1] Для отграничения интерфиксов от значимых частей слова — морфов — здесь и далее заключаем интерфиксы в круглые скобки.

[2] См.: Н. С. Трубецкой. Das morphonologische System der russischen Sprache. Prague, 1934.

Термин интерфикс предложен А. М. Сухотиным и принят в ряде работ [1]. Существуют и другие названия этого явления: пустые морфы, «вставки», «прокладки», empty morph, concatenator [2]. Мы выбираем термин «интерфикс». Он удобен тем, что:

1) состоит из одного слова и легко образует производные — прилагательное интерфиксальный; существительное — интерфиксация;

2) имеет прозрачную внутреннюю форму; ср. термины *префикс*, *суффикс*, *постфикс* и др., включающие терминоэлемент *-фикс* и латинские приставки с пространственным значением. Вместе с тем этот термин страдает одним существенным недостатком. Он стоит в одном ряду с терминами, называющими значимые части слова — морфемы: *суффикс*, *префикс*, *аффикс* и т. п., тогда как интерфикс *не относится* к числу морфем, является незначимым [3].

Близко к понятию интерфиксов понятие формативов («технических единств»), предложенное Г. О. Винокуром в статье, написанной в 1943 г. и опубликованной в 1959 г. [4]. Под формативами Г. О. Винокур понимал такие элементы слова, «которые сами по себе никаким значением не обладают и служат чисто механическими средствами соединения значащих единств между собой» [5]. Среди формативов Г. О. Винокур различал две разновидности: а) соединительные формативы в сложных словах *(пар(о)ход, пол(у)пальто)*; б) тематические формативы, служащие «для придания основе того вида, который нужен ей для того, чтобы к ней могло быть присоединено окончание, например: *писать*, *лететь*, *пишешь*, *любишь*» [6].

Интерфиксация не способ словообразования (о способах словообразования см. в гл. V), стоящий в одном ряду с суффиксацией и префиксацией, это одно из морфонологических средств,

---

[1] См., например: А. А. Реформатский. Введение в языковедение, изд. 4. М., 1967, стр. 266.

[2] См., например: M. Shapiro. Concatenators and Russian Derivational Morphology. «General Linguistics», 1967, т. 7, № 1.

[3] О явлении интерфиксации см. в работе: Е. А. Земская. Интерфиксация в русском словообразовании. В кн. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964.

[4] См.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

[5] Там же, стр. 398.

[6] Там же, стр. 403.

используемых для соединения морфов в слове. Она по своей функции аналогична чередованию.

§ 94. Возникает вопрос, почему, изучая словообразование с синхронной точки зрения, нельзя считать интерфиксы особым видом суффиксов, например «консонантизирующими» или «вокализирующими» суффиксами.

Интерфиксы не имеют значения в составе слова. Их функция чисто соединительная, строевая. Между тем и суффиксы, и приставки в составе слова значимы, имеют определенную семантическую нагрузку. Ставя интерфиксы в один ряд с суффиксальными или префиксальными морфемами, мы разрушаем определение морфемы как наименьшего значимого элемента в составе слова. Включение интерфиксов в число морфем привело бы к тому, что термином «морфема» стали бы называться явления функционально различные: семантические части слова и асемантические прокладки [1]. Это вредно и для теории словообразования, и для практики изучения структуры слова.

Примечание.

Существует мнение, что интерфиксы — это морфы, обладающие нулевым означаемым (ср. англ. термин empty morph), подобно тому как нулевые аффиксы — это аффиксы, обладающие нулевым означающим (например, флексия родительного падежа множественного числа в словоформах *женщин-∅*, *груш-∅* или суффикс отвлеченного действия в слове *обгон-∅* и т. п., см. подробнее в гл. II). Однако нуль в языке — показатель значимого отсутствия, т. е. отсутствия, которое имеет

---

[1] Ср.: «Несмотря на то что наличие семантики как важнейший признак морфемы признают все исследователи, практически с этим положением считаются не все и не всегда. Нередко к морфемам относят и такие части слов, которые никакой семантикой (в общепринятом смысле) не обладают, что выразительно подчеркивает и сам термин, обозначающий эти части слов,— «асемантические морфемы». Примеры: *вис-е-ть; чит-а-ть; гранат-о-мет; америк-ан-ец//америк-ан-ка// америк-ан-ск-ий*; *кино-щ-ник; куба-н-ит* и т. п.» (А. Н. Тихонов. О семантике морфемы. В кн. «Проблемы изучения семантики языка» (тезисы докладов), ч. II. Днепропетровск, 1968, стр. 56). См. также: А. Н. Тихонов. Структура глагольной основы в русском языке. «Труды Самаркандского гос. университета». Новая серия, вып. 194. Самарканд, 1970; В. С. Гимпелевич. Асемантические элементы в производных словах русского языка. «Вопросы семантики» (тезисы докладов). Институт востоковедения. М., 1971.

значение. Нулевое означающее у флексии в словоформах *женщин*, *груш* и т. п. есть показатель значения «род. п. мн. ч.». С этой точки зрения смысл выражения «морф, имеющий нулевое означаемое», ясен, так как в данном случае отсутствие означаемого не является значимым, т. е. функционально нагруженным и, следовательно, нулевым. Поэтому подобное понимание интерфиксов не представляется плодотворным, во всяком случае до тех пор, пока не будет показана его целесообразность.

§ 95. Во многих учебниках и исследованиях по словообразованию интерфиксы как особый структурный элемент слова не выделяются. Вместо этого вычленяются многочисленные производные суффиксы, не отличающиеся по значению от соответствующих простых. Так, например, наряду с простым суффиксом ***-н(ый)*** выделяются производные суффиксы ***-шн(ый); -йн(ый);*** наряду с ***-ник*** — суффиксы ***-шник***, ***-йник***, ***-овник***, ***-очник;*** наряду с ***-ит*** — суффиксы ***-нит***, ***-лит***, ***-инит;*** наряду с ***-ист*** — суффиксы ***-аист***, ***-атист***, ***-етист***, ***-аност***, ***-иност;*** наряду с ***-ец*** — суффиксы ***-вец***, ***-овец***, ***-нец***, ***-лец***, ***-инец***, ***-анец;*** наряду с ***-ств(о)*** — суффиксы ***-овств(о)***, ***-тств(о)***, ***-начеств(о);*** наряду со ***-ск(ий)*** — суффиксы ***овск(ий)***, ***-инск(ий)***, ***-анск(ий)***, ***-йск(ий)*** и т. д. Между тем в каждой группе «производные суффиксы» тождественны по значению простому. Правомерно ли в таком случае выделение производных суффиксов как особых значимых единиц? Нет, так как носителем значения является не весь отрезок, расположенный после основы, а лишь тот элемент, который присутствует во всех производных словах с данным деривационным значением, т. е. простой суффикс. Он необходим и достаточен для выражения значения суффикса. Поэтому с функциональной точки зрения, а только она и имеет значение при синхронном исследовании, в качестве суффикса следует выделять ту минимальную [1] часть слова, которая является носителем значения. Отрезок, расположенный между производящей основой и суффиксом, не имеет значения в составе слова.

---

[1] Производный суффикс можно выделять как особую единицу лишь в тех случаях, когда он имеет специфическое значение, отличное от значения простого суффикса. Таков, например, суффикс ***-инк(а)***, выступающий в словах *грустинка*, *веселинка*, *слабинка* и т. п. (см. о них § 106).

Примечание.

Высказывалось мнение, что интерфиксы не обладают значением, но имеют в языке сигнификативную функцию [1]. Автор, по-видимому, берет термин А. А. Реформатского, противопоставляющего сигнификативную функцию звуков перцептивной. А. А. Реформатский называет сигнификативной функцией звуков их свойство «иметь способность различать вышестоящие, значимые элементы языка — морфемы, слова, предложения: *пот, бот, мот, тот, нот, лот, рот, кот...*» [2], т. е. функцию смыслоразличения. Перенося понятие сигнификативной функции по отношению к интерфиксам, по-видимому, следует думать, что они также способны различать вышестоящие значимые единицы языка, т. е. суффиксы и производные слова. Посмотрим, так ли это. Н. А. Крылов считает, что интерфикс ***-л-*** помогает разграничивать суффикс лица ***-ец*** от омонимичных суффиксов [3]. Ср. *жи(л)ец, пои(л)ец, корми(л)ец* и *хлеб-ец, урод-ец, народ-ец, доход-ец*, где ***-ец*** имеет значение уменьшительности. Однако было бы ошибкой думать, что мы узнаем значение лица в словах *жилец* и др. по наличию в них ***-л-***. Мы столь же легко узнаем значение лица в словах *борец, творец, ловец* и т. п., не имеющих интерфикса ***-л-***. Никто не подумает, что эти существительные имеют значение уменьшительности, например: что *лов-ец* обозначает «маленький лов». Что же тогда дает нам возможность узнать это? Вовсе не наличие (или отсутствие) интерфикса в слове, а характер основы (а также место ударения). Суффикс ***-ец,*** присоединяясь к основам глаголов и прилагательных, производит имена лиц (ср.: *глупец, скупец*), присоединяясь к основам существительных (не названиям населенных мест и не именам собственным [4]) — уменьшительные образования. В этом, а не в интерфиксе ***-л-*** скрыто различие между омонимичными суффиксами ***-ец.*** Знаменательно, что мы легко разграничиваем омонимичные суффиксы и при отсутствии интерфиксов. Ср. три группы слов с суффиксом ***-ка:*** 1) *артист-ка, студент-ка;* 2) *развес-ка, подбор-ка, разнос-ка;* 3) *нож-ка, голов-ка, дорож-ка, бумаж-ка.* Интерфиксов нет, т. е. эти суффиксы не имеют дополнительной сигнификативной функции, однако различие в значении производных этих трех групп выступает совершенно отчетливо: 1) «имя лица женского пола»; 2) «отвлеченное действие»; 3) «уменьшительное существительное». Помогает в этом характер производящей основы.

§ 96. Для того чтобы сделать более наглядной мысль о незначимости интерфиксов в семантике слова, сравним

---

[1] См.: Н. А. Крылов. Несколько замечаний об интерфиксации. «Вопросы филологии». «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», № 341, 1969, стр. 157—158.

[2] А. А. Реформатский. Введение в языковедение, изд. 4. М., «Просвещение», 1967, стр. 29.

[3] См.: Н. А. Крылов. Несколько замечаний об интерфиксации, стр. 157—158.

[4] Ср.: *ленинград-ец, лондон-ец, мичурин-ец, стаханов-ец.*

процедуру выделения суффиксов с процедурой выделения корневых морфов [1]. Возьмем слова *пароход*, *паровоз*, *паровик*, *паровой*. В них можно выделить в качестве корневого морфа четырехфонемный отрезок *паро-*. Он встречается во всех приведенных словах, имеющих нечто общее в значении. Однако, продолжая изучать словарь языка, мы обнаружим однокорневые слова *пар*, *парить*, *парильня*, *парилка*, в которых с тем же значением в качестве корневого морфа выступает трехфонемный отрезок *пар-*. Есть ли у нас основания считать, что в двух анализируемых группах слов мы встречались с вариантом корня *пар-/паро-* (или «производным корнем» *паро-*)? Значение отрезков *пар-* и *паро-* тождественно. Таким образом, значение корня выражается элементом *пар-*, и мы должны считать, что правильным будет выделение в качестве корня отрезка *пар-*, а фонема ⟨о⟩ в состав корневого морфа не входит. Аналогичную процедуру необходимо применять при вычленении суффиксов. Возьмем ряд слов: *тульский*, *лондонский*, *парижский*, *ленинградский*, *орловский*, *ялтинский*, *никарагуанский*, *карасуйский*. Выделяя в качестве суффикса отрезки ***-овск-***, ***-инск-***, ***-нск-***, ***-йск-***, мы поступаем неправомерно, так как приписываем отрезкам ***-овск-***, ***-инск-***, ***-нск-***, ***-йск-*** то значение, которое выражает только отрезок ***-ск-***. Сравнивая между собой эти отрезки, мы видим в них общую часть ***-ск-***, которая сама по себе, б е з д о б а в л е н и я к а к и х - л и б о э л е м е н т о в выражает деривационное значение «относящийся к тому, что названо производящей основой» (ср. также: *таллинский*, *стокгольм-ский*, *чикаг-ский*, *владивосток-ский*, *римский*, *риж-ский*, *перм-ский* и др.). Поэтому у нас нет никаких оснований считать, что в отрезках ***-овск-***, ***-инск-***, ***-нск-***, ***-йск-*** и подобных им носителем значения, т. е. суффиксальным морфом, является в е с ь к о м п л е к с, а не только элемент ***-ск-***. Мы вынуждены признать, что выразителем значения является элемент ***-ск-*** (=суффиксальный морф), а предшествующие ему отрезки ***-ов-***, ***-ин-***, ***-н-***, ***-й-*** не входят ни в состав суффикса, ни в состав корня; следовательно, они не имеют значения в составе

---

[1] Далее используется пример, приведенный М. В. Пановым в докладе «Членение слова на единицы, бо́льшие, чем фонемы», прочитанном 7 мая 1969 г. на заседании кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

слова, выполняют чисто соединительную функцию, т. е. являются интерфиксами.

§ 97. Незначимость интерфикса в семантике слова доказывается наличием тождественных по значению образований с интерфиксами и без них.

Ср. производные с интерфиксом ***-ов-*** и без него: *агитпроп-(ов)-ский* и *агитпроп-ский*, *завком-(ов)-ский* и *завком-ский*, *профком-(ов)-ский* и *профком-ский*, *санпросвет-(ов)-ский* и *санпросвет-ский*, *исполком-(ов)-ский* и *исполком-ский*, *нэпман-(ов)-ский* и *нэпман-ский*, *рабкор-(ов)-ский* и *рабкор-ский*, *бригадмил-(ов)-цы* и *бригадмиль-цы*, *техникум-(ов)-ский* и *техникум-ский*, *антант-(ов)-ский* и *антант-ский*, *мефистофел-(ев)-ский* и *мефистофельский;*

производные с интерфиксом ***-оч-*** и без него: *склад-(оч)-н-ый* [1] и *склад-н-ой*, *процент-(оч)-ник* [2] и *процент-ник*.

В ряде случаев в образованиях без интерфиксов производящая основа выступает в усеченном виде, например: *жалюзи — жалюзный*, ср.: *жалюзи-(й)-ный; купе — куповый*, ср.: *купе-(й)-ный; пралине — пралин-овый*, ср.: *пралине-(й)-ный; кенгуру — кенгур'-онок*, ср.: *кенгуру-(ч)-енок; волаби — волаб'-енок*, ср.: *волаби-(н')-енок, колибри — колибр'-онок*, ср.: *колибри-(н')-онок*. В таких случаях нормам словообразования больше соответствуют производные с интерфиксом, так как у них соотносительность между производящей и производной основами выступает более наглядно, а это очень важно для четкости понимания производного слова.

§ 98. Незначимость интерфикса, т. е. достаточность для выражения деривационного значения суффикса без интерфикса, доказывается также наличием тождественных по значению образований с различными интерфиксами. Вот ряд примеров образований с разными интерфиксами: *кабаре — кабаре-(й)-ный, кабаре-(т)-ный; Брно — брн-(ов)-ский, брн-(ен)-ский; Петушки — петушк-(ин)-ский,*

---

[1] Например: «...широчайший навес, а под ним род летних *складочных* кроваток» («Комсомольская правда» от 1 сент. 1925 г.).

[2] Например: «Окончил училище. С большим успехом. В числе каких-то *процентчиков* держал экзамен в медицинский институт» («Лит. газ.» от 5 сент. 1964 г.).

петушк-(ов)-ский: глубокое — глубок-(ов)-ский, глубок-(ин)-ский; Воркута — воркут-(ин)-ский, воркут-(ов)-ский.

Образование производных с разными интерфиксами от одной и той же основы может объясняться тем, что более продуктивный интерфикс, представленный в большом кругу лексики, вытесняет интерфикс менее продуктивный. Так, прилагательные с суффиксом ***-ск-*** от несклоняемых существительных на ***-е*** — названий городов — могут образовываться с помощью интерфикса ***-н-***: *Душанбе — душанбе-(н)-ский, Улан-Удэ — улан-удэ-(н)-ский.* Однако под влиянием обширной группы слов с интерфиксом ***-ин-***, относящихся к тому же лексико-семантическому классу, и от основ на ***е*** создаются производные с интерфиксом ***-ин-*** (при этом ***е*** производящей основы усекается): *Душанб-(ин)-ский, улан-уд-(ин)-ский;* ср.: *Туапсе — туапсинский, Бодайбо — бодайбинский, Курган-Тюбе — курган-тюбинский, Пуучиту — пуучитинский* и т. п. Очевидно, что во всех таких производных достаточным носителем деривационного значения является общая предфлексионная часть, т. е. «простой» суффикс.

§ 99. Являясь, как и чередование фонем, одним из видов взаимоприспособления морфов на морфемном шве, интерфиксация имеет целый ряд отличий от чередований. Рассмотрим эти отличия.

1. Чередование фонем — явление регулярное. Оно обнаруживается в морфемах определенного строения в строго определенных позициях и потому предсказуемо. Мы заранее можем сказать, что уменьшительные образования с суффиксом ***-к(а)*** или прилагательные с суффиксом ***-н-***, если их основа оканчивается на заднеязычные, будут содержать чередования с шипящими: ***г/ж***, ***к/ч***, ***х/ш;*** глаголы на ***-ить*** с основами на губные в 1-м лице единственного числа будут иметь перед флексией ***-у*** сочетание «губной +*л'*» (*разграфить — разграфл'-у* и т. п.).

В отличие от чередований, действующих в строго определенных морфонологических позициях, интерфиксация не отличается строгостью и неизбежностью. Интерфиксация — типизированное, но не всегда регулярное явление. Взяв ряд производящих основ, близких в семантическом и структурном отношении, мы не можем с уверенностью сказать, какой именно

интерфикс будет содержать производное и будет ли оно его содержать вообще. Так, прилагательные от географических названий с суффиксом ***-ск-*** могут производиться с интерфиксами и без них, ср.: *Чита — чит-(ин)-ский, Зима — зим-(ин)-ский, Ялта — ялт-(ин)-ский*, но: *Нида — нид-ский* (а не «нид-(ин)-ский»), *Тула — туль-ский, Рига — риж-ский, Прага — праж-ский; Кара-су — карасу-(й)-ский*, но: *Тарту — тарту-ский; Сомали — сомали-(й)-ский, Дели — дели-(й)-ский*, но: *Сухуми — сухум-ский, Тбилиси — тбилис-ский* (с усечением конечного ***-и*** основы).

2. Интерфиксация нередко (но не всегда!) допускает выбор из нескольких интерфиксов, тогда как при чередовании это невозможно (см. выше, § 98). Ср. названия минералов, содержащие разные интерфиксы: *куба-(н)-ит*, но *ангара-(л)-ит;* названия детенышей: *гну-(н')-онок* и *гну-(ч)-онок, куду-(н')-онок* и *куду-(ч)-онок, кабарга-(н')-онок* и *кабарга-(ч)-онок, харза-(н')-онок* и *харза-(ч)-онок, тупай-(н')-онок* и *тупай-(ч)-онок, тафа-(н')-онок, тафа-(ч)-онок* и *тафа-(л')-онок* и т. п.

3. Интерфиксация обычно действует по аналогии. Аналогическое воздействие может оказывать слово или группа слов, близких в каком-либо отношении образуемому (по семантике, стилистической окраске, характеру производящей основы). Ср.: *авиа-(н)-изация* и *телефонизация, витамин-изация; чили-(н)-изм* и *аргентин-изм; выдр-(ен')-онок, лис-(ен')-онок, арбуз-(ен')-онок*[1] и *олен'-онок, слон'-онок.*

Аналогическое действие интерфиксации обнаруживается в том, что в производных от определенного лексико-семантического класса слов (независимо от строения производящих основ) обычно используется один и тот же интерфикс, «уединоображивающий» производные основы. Так, в прилагательных на ***-ский*** от названий (географических и некоторых других) широко употребителен интерфикс ***-ин***, который первоначально встречался перед суффиксом ***-ск-***, для того чтобы устранить скопление согласных на морфемном шве. Закрепившись в прилагательных от названного круга основ, интерфикс ***-ин-*** под воздействием аналогии стал применяться и в основах, не имеющих

[1] Например, в экспрессивной устной речи: «Какой *арбузенёнок* славный!»

скопления согласных в исходе, т. е. независимо от строения производящей основы: *Алма-Ата — алма-ат-(ин)-ский, Йошкар-Ола—йошкар-ол-(ин)-ский, Махачкала — махачкал-(ин)-ский, Воркута — воркут-(ин)-ский* и т. д.

Интерфикс ***-ин-*** употребляется особенно активно в словопроизводстве от географических названий, омонимичных обычным словам — именам нарицательным: *Счастье — счастьинский, Зима — зиминский, Тайга — тайгинский, Шахты — шахтинский.* Интерфиксация в таких случаях помогает отличать прилагательное, произведенное от имени собственного, от прилагательного, произведенного от имени нарицательного. Ср.: *тайгинский* и *таежный, зиминский* и *зимний, шахтинский* и *шахтный, счастьинский* и *счастливый* [1].

Вариантивность интерфиксов также объясняется аналогическим характером интерфиксации. См. названия детенышей, приведенные выше. Очевидно, что образования с интерфиксом ***-ч-*** произведены под влиянием слов типа *волчонок*, а образования с интерфиксом ***-н-*** —под влиянием слов типа *слоненок.*

§ 100. В русском словообразовании интерфиксы обычно используются для соединения: 1. основы и суффикса; 2. двух основ в составе сложного слова. Рассмотрим наиболее типичные случаи употребления интерфиксов.

1. Использование интерфиксов на границе основы и суффикса — самый распространенный вид интерфиксации в русском словообразовании.

а) После основы, кончающейся гласной фонемой, перед суффиксом, начинающимся гласной, обычно употребляется интерфикс, состоящий из согласной фонемы.

Так как основы на гласные не характерны для строения русского слова, этот вид интерфиксации выступает преимущественно в образованиях от заимствованных основ и служит, таким образом, средством

---

[1] Например:

«В *зиминском* госпитале раненым
давал концерт наш детский хор».
(Е. Евтушенко. Армия)

«Представитель *тайгинского* горкомсомола заявил, что задание по размещении займа выполнено Тайгой на 140%» («Правда» 1 дек. 1931 г.); «...вывески: *Счастьинский* дом культуры, *Счастьинская* музыкальная школа...» («Неделя», 1963, № 23).

включения заимствованных слов в русское словообразование. В таких случаях чаще всего употребляются:

интерфикс **-т-**: *арго — арго-(т)-изм, арго-(т)-изация, арго-(т)-ический; кабаре — кабаре-(т)-ист; бонмо* (от фр. *bon mot*) *— бонмо-(т)-ист;*

интерфикс **-н-**: *авиа-(н)-изация, чили-(н)-изм;* интерфикс **-н-** нередок в названиях детенышей: *волаби-(н')-онок, куду-(н')-онок, колибри-(н')-онок.* Для названий детенышей типичен и интерфикс **-ч-**: *куду-(ч)-онок, волаби-(ч)-онок, гну-(ч)-онок* [1] и т. п.

Интерфикс **-н-** может выступать также в основах с исходом на *j*, который не включается в производное: *Византиj-а — византи-(н)-ист, византи-(н)-(о)-вед, морфий — морфи-(н)-ист.*

Интерфиксы-согласные встречаются также в тех образованиях, в которых производное создается не от основы, а от формы именительного падежа существительного, оканчивающейся на **-а.** Например, в названиях минералов: *ангара-(л)-ит, куба-(н)-ит;* в названиях детенышей: *тафа-(л')-онок, кабарга-(н')-онок.* Очевидно, что здесь действует стремление сохранить в наиболее полном виде производящее слово в составе производного. Так, например, если бы был создан термин «кубит» (а не *кубанит*), он был бы лишен четкой соотносительности со словом *Куба* (возникали бы нежелательные ассоциации с *кубом*).

Среди р у с с к и х по происхождению основ исход на гласные встречается лишь у глагольных основ. Поэтому основа с исходом на гласный + суффикс с начальным гласным «требует» интерфиксации лишь в производных от глагольных основ. Вот примеры. Интерфикс **-л-** находим в словах *жи-(л)-ец, пои-(л)-ец, корми-(л)-ец* и т. п.

Как справедливо писал Г. О. Винокур, «эти существительные соотнесены, разумеется, не с основой прошедшего времени на *-л-*, с которой они связаны только этимологически, а с основой глагола, взятого в отвлечении от значения времени» [2].

---

[1] Например: «Кажется, нет никому дела до матери и *гнучонка*» («Комсомольская правда» от 31 июля 1969 г.).

[2] Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию, стр. 432. Ср. образования того же типа без интерфикса **-л-** от основ на согласный: *бор-ец, твор-ец.*

Интерфикс **-л-** соединяет глагольную основу на гласный и суффикс **-ище**: *обита-(л)-ище*, *игра-(л)-ище*, *суди-(л)-ище*, *жи-(л)-ище*, *храни-(л)-ище*, *вмести-(л)-ище*, *учи-(л)-ище*, *чисти-(л)-ище* [1]. Ср. отсутствие интерфикса в словах того же типа от основ на согласные: *прибеж-ище*, *убеж-ище*.

Интерфикс **-в-** употребляется в прилагательных с суффиксом **-учий**: *петь — пе-(в)-учий*, *жить — жи-(в)-учий;* ср. отсутствие интерфикса в производных от основ на согласные: *гор'-учий*, *кип-учий*, *полз-учий*, *лин'-учий*.

б) Интерфиксы-согласные появляются обычно после основ на гласные и в том случае, если суффикс начинается согласным. Здесь действует тенденция «избавиться» от основ на гласные, нетипичные для структуры русского слова.

В этом случае чаще всего выступают интерфиксы **-j-**, **-ш-**, **-в-**, **-н-**.

Интерфикс **-j-** употребляется во многих словообразовательных типах:

в прилагательных с суффиксом **-н-** от основ на гласные **-е**, **-и**: *кофе-(й)-ный*, *шоссе-(й)-ный*, *жалюзи-(й)-ный*, *реле-(й)-ный; купе — купе-(й)-ный; регби — регби-(й)-ный* [2];

в существительных с суффиксами **-ник** и **-щик**, производимых от тех же основ: *кофе-(й)-ник*, *шоссе-(й)-ник*, *реле-(й)-щик;*

в прилагательных с суффиксом **-ск-**, производимых от географических названий с основами на гласные: *Поти — поти-(й)-ский*, *Сомали — сомали-(й)-ский*, *Аше—аше-*

---

[1] Вот пример специальных образований этого рода: «Когда это произойдет, вода в реке поднимется. Она зальет *нерестилища*, и семге придется плохо» («Лит. газ.»). Ср. индивидуальные образования в поэзии: «Ты где, писательница малосольная, Молоховец... В каком раю? Чистилище? *Мучилище? Костедробилище?* (А. Тарковский. Елена Молоховец).

[2] Примеры: «...пирожные — песочно-фруктовые, *безейные*, с зефиром и т. д.» («Вечерняя Москва» от 17 июня 1957 г.); «Создание комплекса *релейной* защиты» («Известия» от 18 февр. 1964 г.); «*жалюзийные* решетки» («Вечерняя Москва» от 22 дек. 1952 г.); «Для *таксийного* шофера редкая удача — получить пассажира с утра, по пути к вокзалу» (М. Кольцов. Три дня в такси). Ср. в составе музыкальных терминов: «...Относятся к инструментам строя Ц (in C), или, как принято говорить в духовых оркестрах, «*цейного*» строя...» («Музыка и быт». М., 1927, № 8); «...низкие басы (так называемый «*бейный*» бас)...» (там же, 1927, № 3).

(й)-ский, Хуло — хуло-(й)-ский, Кара-Су — кара-су-(й)-ский;

в именах существительных с суффиксом ***-ец/-ц***, производимых от тех же основ: *Дели — дели-(й)-цы, Капри — капри-(й)-цы, Сомали — сомали-(й)-цы, Чили — чили-(й)-цы;*

в прилагательных с суффиксом ***-ск-*** и в существительных с суффиксом ***-ец/-ц***, производимых от аббревиатур на ***-и:*** *ИФЛИ — ифли-(й)-ский, ифли-(й)-цы, МОПИ — мопи-(й)-ский, мопи-(й)-цы.*

Интерфикс ***-ш-*** выступает в образованиях сниженной стилистической окраски [1]. Он употребителен:

в прилагательных с суффиксом ***-н-*** и в существительных с суффиксом ***-ник***, производимых от несклоняемых существительных с основой преимущественно на ***-о:*** *кино — кино-(ш)-ный, кино-(ш)-ник, метро — метро-(ш)-ный, домино — домино-(ш)-ный, домино-(ш)-ник;*

в прилагательных с суффиксом ***-н-*** и существительных с суффиксом ***-ник***, производимых от аббревиатур с исходом на гласные: *МГУ — эмгэу-(ш)-ный, эмгэу-(ш)-ник, ГТО — гэтэо-(ш)-ный, гэтэо-(ш)-ник, ФЗУ — фэзэу-(ш)-ный, фэзэу-(ш)-ник, ГАИ — гаи-(ш)-ник* [2].

Интерфикс ***-в-*** встречается в производных не от глагольных основ (обычно с исходом на *о* или *у*): *интервью — интервью-(в)-щик, МГУ — эмгэу-(в)-ский, ПВО — пэвэо-(в)-ные (занятия).*

Интерфикс ***-т-*** употреблен в производных от иноязычных основ, например: *комильфо-(т)-ный, комильфо-(т)-ство, кабаре-(т)-ный* и т. п.

в) В производных с основами, оканчивающимися групной согласных, и суффиксом, начинающимся согласным,

---

[1] Это придает интерфиксу ***-ш-*** стилистическую значимость и сближает со «стилистическими суффиксами». См.: М. А. Шелякин. Историко-семантическая структура образований с приставкой ***пре-***. Лингвистический сборник. Новосибирск, 1963; Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, стр. 147.

[2] Примеры: «На нашем заводе работает около шестисот ребят — вчерашних школьников и «пэтэушников» — выпускников профтехучилищ («Комсомольская правда» от 11 янв. 1967 г.); «Вячеслав Александрович Воронов тренировал ребят на маленьком *гетеошном* трамплине» («Советский спорт» от 6 февр. 1964 г.); «— У меня завтра лекция у *фэпэкашников*» (из разговорной речи; от *ФПК* — факультет повышения квалификации); «*Киношники*, прошу вас, верьте мне, не допускайте брака и халтуры» (С. Куняев. Кино на целине).

обычно употребляются интерфиксы, начинающиеся гласной. Наиболее употребительны в этом случае интерфиксы ***-ов-***, ***-ин-***. Примером употребления этих интерфиксов могут быть производные от географических названий прилагательные с суффиксом ***-ск-***:

(ов)-: *Столб-цы — столбц-(ов)-ский, Копотня — копотн-(ев)-ский, Клинцы — клинц-(ов)-ский* и т. п.

-ин-: *Ялта — ялт-(ин)-ский, Клязьма — клязьм-(ин)-ский, Вязьма — вязьм-(ин)-ский, Можга — можг-(ин)-ский, Бугульма — бугульм-(ин)-ский, Караганда — караганд-(ин)-ский, Лысьва — лысьв-(ин)-ский, Висла — висл-(ин)-ский.*

г) Интерфиксация расширяет круг основ, от которых могут создаваться суффиксальные производные. Так, многие нарицательные существительные, не образующие производных, попадая в разряд имен собственных — становясь названиями городов, поселков, учреждений и т. п., получают способность давать производные с помощью интерфиксов, посредством которых суффикс присоединяется к основе, ранее лишенной производящей силы в словообразовании. Ср. производные от названий: газета «*Известия*» — *извест-(ин)-ский, извест-(ин)-цы* — от обычного слова *известия* производных нет; село *Старые горки — старогорк-(ин)-ский, старогорск-(ин)-цы* — от нарицательного уменьшительного существительного *горка* производных нет; журнал «*Огонек*» — *огоньк-(ов)-ский, огоньк-(ов)-цы* — от нарицательного уменьшительного *огонек* производных нет; «*Знанье*» — *знань-(ев)-цы* [1]. Производные создаются и от названий, омонимичных наречиям [2].

Целую группу производящих основ, вовлеченных в словообразование с помощью интерфиксации, составляют названия населенных пунктов, имеющие форму прилагательного. Они образуют с помощью интерфикса ***-ин-*** [3]

---

[1] Например: «Я же мог возмущаться непониманием «*знаньевцев*» (А. Белый. Воспоминания о Л. Андрееве).

[2] Например: «Был у меня А. Н. Толстой со свитой из «*накануновцев*» (Е. Лундберг. Записки писателя); «Станкевич — *постепеновец*» (там же); «Я ведь с «*накануновцами*» уже спюхался...» (И. Эренбург).

[3] В орфографии нет единообразия в написании этого интерфикса, пишут то ***-ин-***, то ***-ен-***. Считаем целесообразным везде писать ***-ин-***, так как под ударением встречается только ***-ин-***.

прилагательные с суффиксом ***-ск-*** и имена жителей с суффиксом ***-ец***: *Попутный — попутн-(ин)-ский, попутн-(ин)-цы; Ягодное — ягодн-(ин)-ский, ягодн-(ин)-цы; Рудный — рудн-(ин)-ский, рудн-(ин)-цы; Мирный — мирн-(ин)-ский, мирн-(ин)-цы* и т. п.

д) В современном суффиксальном словообразовании интерфиксация — очень продуктивное явление, охватывающее целые серии слов. Наиболее продуктивны интерфиксы ***-ов-***, ***-ин-***, ***-ан-***, ***-j-*** и ***-ш-***. Рассмотрим для примера сферу действия интерфикса ***-ов-*** в двух очень продуктивных словообразовательных типах — отсубстантивных прилагательных с суффиксом ***-ск-*** и именах лиц с суффиксом ***-ец***. Эти интерфиксы употребляются при создании производных:

от фамилий: *мольер-(ов)-ский, мольер-(ов)-ец, шекспир(ов)-ский, гамлет-(ов)-ский, дарвин-(ов)-ский* и т. п.;

от аббревиатур разного типа: *ООН — оон-(ов)-ский, оон-(ов)-ец, ГЭС — гэс-(ов)-ский, гэс-(ов)- ец, ОАР — оар-(ов)-ский, оар-(ов)-ец, МТС — эмтээс-(ов)-ский, эмтээс-(ов)-ец, райпищеторг — райпищеторг-(ов)-ский, райпищеторг-(ов)-ец, вуз—вуз-(ов)-ский, вуз-(ов)-ец, истфак—истфак-(ов)-ский, истфак-(ов)-ец* и т. п.;

от названий разного рода (в том числе неоднословных): «*Плуг и молот*» — *плуг-и-молот-(ов)-ский*, «*Бубновый валет*» — *бубнововалет-(ов)-ский, бубновалет-(ов)-цы*, «*Спартак*» — *спартак-(ов)-ский, спартак-(ов)-цы*, «*Зенит*» — *зенит-(ов)-ский, зенит-(ов)-цы*, «*Вехи*» — *вех-(ов)-ский, вех-(ов)-цы*, «*Гудок*» — *гудк-(ов)-ский, гудк-(ов)-цы*, [клуб] «*Космонавт*» — *космонавт-(ов)-цы* [1]. Ср. производные от нарицательных существительных, омонимичных названиям: *зенит — зенитный, гудок— гудочный;* ср. также: «*Новое время*» — *нововрем-(ен)-ский* и *время — вре́менный* и *временно́й, райцентр — райцентр-(ов)-ский*

---

[1] Примеры таких производных: «Восемь *кремлевцев* были награждены орденами Красного Знамени» («Комсомольская правда» от 23 февр. 1963 г.); «*Подшипниковцы* рассказывают о своих личных планах» («Коммунист» от 28 ноября 1962 г.); «Только *гудковцы* угадывают за этими пестрыми подписями подлинного автора» (М. Штих. В старом «Гудке»); «В прошлом году ребята из ЛЭТИ работали в одном целинном отряде в совхозе «Коммунизм»... Их называют «*коммунизловцами*» («Молодой целинник» от 10 сент. 1963 г.).

и *центр — центральный*, «*Мосгорсправка*» — *мосгорсправк-(ов)-ский* и *справка — справочный*, *роддом — роддом-(ов)-ский* и *дом — домовый;*

в производных от названий городов (примеры см. выше).

Несмотря на общую продуктивность интерфиксации, она нередко встречает противодействие —образование производных без интерфиксов. Это бывает и в тех случаях, когда интерфикс требуется по законам морфонологии, и в тех случаях, когда наличие интерфикса обусловлено действием аналогии, а не морфонологией.

2. Использование интерфиксации для соединения основ в составе сложного слова — продуктивное явление [1]. Фонема ⟨о⟩ [2] — наиболее распространенный интерфикс в этой позиции: *пар-(о)-воз*, *дым-(о)-ход*, *сам-(о)-лет*, *желт-(о)-зеленый*, *хлеб-(о)-булочный*, *снег-(о)-очиститель*, *син-(е)-зеленый*. В некоторых сложных словах конечный мягкий согласный первой производящей основы чередуется с твердым (преимущественно в образованиях с первой частью *кров'-* и *кост'-*); в таких случаях интерфикс изображается буквой ***о:*** *кост-(о)-ед* (ср.: *кост-(е)-образование)*, *кров-(о)-подтек*, *кров-(о)-пролитие*, *кров-(о)-пускание*, *кров-(о)-течение* (ср.: *кров-(е)-потеря*, *кров-(е)-останавливающий)*. Возможны параллельные образования типа *кровообращение — кровеобращение.*

В сложных словах с основой числительного в первой части выступают интерфиксы ***-и-***, ***-у-***, ***-ух-*** и др.: *пят-(и)-этажный*, *дв-(у)-слойный*, *дв-(ух)-сложный* и т. п. Отрезки ***-и-***, ***-у-***, ***ух-*** незначимы в составе слова, они не являются показателями родительного падежа и поэтому должны быть признаны интерфиксами. В самом деле, можем ли мы сказать, что эти отрезки — флексии родительного падежа? Нет, не можем. Флексия должна иметь значение, а эти отрезки в составе слова не выражают ни одного из значений, свойственных родительному падежу.

---

[1] Характеристика интерфиксов, употребляемых в сложных словах, дана в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970), стр. 172—173.

[2] По правилам орфографии после твердых согласных пишется буква ***о***, после мягких — ***е***; буква ***е*** пишется также после ряда твердых фонем (шипящих и ***ц***).

Они лишены синтаксического окружения, которое обусловливает и определяет падежное значение [1]. Следовательно, они незначимы и выполняют роль интерфиксов [2].

В некоторых сложных словах с первым глагольным компонентом (число их невелико) используется интерфикс *-и-: перекат-(и)-поле, держ-(и)-дерево* и т. п. Какие основания позволяют нам считать элемент *-и-* интерфиксом? Он выполняет чисто соединительную функцию в составе слова [3]. Могут возразить: *-и-* является показателем повелительного наклонения. С этим нельзя согласиться, так как элемент *-и-* в составе сложных слов лишен значения, десемантизирован. Перечисленные и им подобные существительные не имеют семантики повеления, их именная часть не есть ни объект, ни субъект глагола в повелительном наклонении, они не выражены падежной формой, которую «требует» повелительное наклонение (ср.: *сорвиголова* и сочетание слов *сорви голову*). В значении таких существительных нет семантического компонента «повеления», императивности (*держидерево* — 'дерево, которое держит', а не 'дерево, которому велят держать')

Интерфиксация или чередование с нулем звука?

§ 101. Выясним, что представляют собой беглые гласные, чередующиеся с нулем звука на стыке основы и суффикса или на стыке основы и приставки. Во-первых, они не имеют никакого значения в слове; во-вторых, роль их, подобно интерфиксам, чисто соединительная: они служат для соединения морфов в составе слова. Этим они отли-

---

[1] См.: М. В. Панов. О сложных словах типа *держи-дерево двухвальный* (в печати).

[2] Такого же мнения придерживается Н. А. Янко-Триницкая в работе «Флексии базового слова в морфологически выводимой основе» (в кн. «Вопросы филологии». М., 1969, стр. 388). См. также: «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 172—173; ср. иное мнение: З. А. Потиха. Современное русское словообразование. М., 1970, стр. 50. Автор склонен считать подобные отрезки суффиксами, не указывая при этом, какое значение в составе слова они имеют.

[3] В болгарских сложных словах аналогичной структуры (типа *нехранимайка* — 'негодяй') также принято рассматривать элемент *-и-* как соединительный гласный.

чаются от беглых гласных в корнях, которые, находясь внутри корневого морфа, не выполняют функции соединения морфов. Вместе с тем они имеют глубокое отличие от интерфиксов.

Беглые гласные в суффиксах и приставках неоднородны по условиям употребления. Одни из них и по условиям употребления близки интерфиксам, т. е. их применение регулируется не только действием морфонологических закономерностей, но и явлением аналогии; действие других столь же строго и категорично, как действие фонетических чередований.

§ 102. Рассмотрим подробнее указанную выше сторону функционирования беглых гласных.

1. Беглые гласные встречаются в суффиксах существительных ***-ок-/-к-***, ***-ец-/-ц-***, ***-еств-о/-ств-о***, в суффиксах прилагательных ***-еск-ий/-ск-ий***, ***-ен-/-н-*** и в глагольных приставках, оканчивающихся на согласные: ***в-/во-***, ***вз-/взо-***, ***без-/безо-***, ***из-/изо-***, ***над-/надо-***, ***низ-/низо-***, ***от-/ото-***, ***под-/подо-***, ***пред-/предо-***, ***раз-/разо-***, ***с-/со-***, ***чрез-/чрезо-***.

2. Закономерности употребления морфов с беглыми гласными установил Н. С. Трубецкой [1].

Морфы ***-ц-*** и ***-к-*** (т. е. морфы с нулевой гласной) выступают тогда, когда последующий морф начинается гласным: *пуш-ок/пуш-к-а*, *кив-ок/кив-к-а*, *брос-ок/брос-к-а*, *ленинград-ец/ленинград-ц-а*, *комсомол-ец/комсомоль-ц-а*, *жилец/жиль-ц-а*.

Однако форма суффикса зависит не только от последующего морфа, но и от предыдущего. Если предшествующий морф кончается соединением согласного с сонорным или ***в***, то суффикс сохраняет гласный в своем составе и чередование отсутствует: *мертвец — мертвеца*, *беглец — беглеца*, *подлец — подлеца*, *хитрец — хитреца*, *челнок — челнока*.

В ряде суффиксов наличие беглого гласного целиком определяется свойствами предшествующего морфа и не

---

[1] См.: Н. С. Трубецкой. Das morphonologische System der russischen Sprache. «Travaux du cercle linguistigue de Prague», t. V, v. 2, 1934; Д. С. Уорт. Чередование гласных с нулем в словообразовании. «Предварительные публикации Института русского языка АН СССР», вып. 18. М., 1971.

зависит от последующего. Так, суффиксы ***-еск-(ий)/-ск-(ий)***, ***-еств (о) /-ств(о)*** выступают в форме с гласными после основ, кончающихся на *ж*, *щ*, *ч*, *ш* и *ж'* (которые сами могут чередоваться с *г*, *к*, *х*, *сг*, *ск*), в остальных случаях они имеют форму без гласного; ср.: *зверство — зверств*, *ругательство — ругательств* и *княжество — княжеств*, *монашество — монашеств*, *отрочество — отрочеств; редакторский*, *учительский*, *воинский*, *детский* и *вражеский*, *юношеский*, *отроческий*, *товарищеский*.

3. Наличие беглых гласных в префиксах также зависит от свойств последующего морфа. «Если следующая морфема является односложным корнем, который сам обнаруживает чередования с беглым гласным, тогда нормально префикс, кончающийся согласным, получает звуковую форму без гласного; например: *поджечь — подожгу*, *отпереть — отопру*, *разгоню — разогнать*» [1].

4. В тех случаях, когда наличие-отсутствие беглого гласного зависит от характера последующего морфа, отсутствием-наличием беглых гласных различаются разные словоформы одной лексемы: *разотру*, *разотри*, но *растер*, *растереть*, *продавец*, но *продавца*, *прыжок*, но *прыжка*. В таких случаях, очевидно, беглые гласные не являются интерфиксами, так как они не используются для образования данной производной основы. В производной основе имеется морфонема {гласная/нуль}, которая при словоизменении превращается в одних словоформах в гласную, в других — в *ø*. Таким образом, чередование «гласная/нуль» здесь факт словоизменения [2]. В тех же случаях, когда наличие-отсутствие гласного зависит от характера предшествующего морфа, гласный наличествует (или отсутствует) во всех словоформах лексемы; ср.: *юношеский*, *юношеского*, *юношескому... юношество*, *юношества*, *юношеств...* и *офицерский*, *офицерского*, *офицерскому...; офицерство*, *офицерства...* Такие гласные ближе интерфиксам, так как интерфикс — принадлежность слова, а не словоформы.

---

[1] Н. С. Трубецкой. Das morphonologische System der russischen Sprache. «Travaux du cercle linguistigue de Prague», t. V, v. 2, 1934, стр. 55—56.

[2] Это мнение высказал в замечаниях на рукопись данной книги Д. С. Уорт.

5. Итак, беглые гласные в суффиксах и приставках неоднородны по условиям употребления. Полярные позиции в этом отношении занимают суффиксы *-ец/-ц-, -ок/-к-*, с одной стороны, и *-ск-/-еск-* — с другой.

Условия употребления гласных в суффиксах существительных *-ец* и *-ок* целиком определяются их морфонологической позицией в слове, они всеобщи и этим напоминают позиционные фонетические изменения. Таким образом, по условиям употребления гласные в суффиксах *-ец* и *-ок* наиболее далеки от интерфиксов. Поэтому мену *-ец/-ц-, -ок/-к-* целесообразно рассматривать как чередование гласных с нулем звука.

Беглый гласный в суффиксе *-еск-* имеет иные условия функционирования. Эти условия определяются не только морфонологической позицией суффикса в слове, но и факторами лексическими, аналогическими и др. На наших глазах происходит подтачивание морфонологических условий этого старого чередования. За морфом *-еск-* была раньше закреплена позиция после шипящих и заднеязычных (с соответствующими чередованиями). Вместе с тем в той же позиции изредка встречался и *-ск-* (главным образом в образованиях от топонимов): *волжский, калужский, рижский, парижский, чешский*. Образования от поздних заимствований производятся без чередований заднеязычных с шипящими и без беглого гласного: *лейпцигский, нюрнбергский, хельсинкский;* ср. также *петербургский*, наряду с которым в XIX в. употреблялось и *петербуржский*. Морф *-ск-* в наше время употребляется также после заднеязычных в образованиях от названий народностей: *каракалпакский, лакский, казахский, кумыкский* и др. В отдельных случаях *-ск-* встречается и в производных не от географических названий: *герцогский, команчский, эдекский, апашский* [1]. Встречается *-ск-* в словах, в которых раньше было *-еск-*: *мужской* и *мужеский* (устар. и просторечн.).

Таким образом, происходит расширение сферы действия морфа без беглого гласного *-ск-* за счет морфа *-еск-*. Строгая морфонологическая разграниченность морфов *-ск-/-еск-* разрушается. На их распределение начинают

---

[1] Например: «В третьих кафе часами режутся в карты молодые здоровенные мужчицы *апашского* вида» (Л. Любимов. На чужбине).

влиять такие факторы, как характер лексики (топонимы, этнонимы), аналогия. В результате этого элемент *-е-*, используемый для присоединения суффикса *-ск-* к основам, сближается с интерфиксами не только по своей функции в слове, но и по условиям употребления. Аналогично положение в языке элемента *-е-*, выступающего перед суффиксом *-ств(о)*. Таким образом, гласный *е* в позиции перед суффиксами *-ск-* и *-ств (о)* целесообразно рассматривать как интерфикс.

Сложные слова или простые?

§ 103. Как мы видели выше, типическим интерфиксом сложных слов является фонема ⟨о⟩, выступающая в значительных по количеству группах сложных слов разных частей речи. Однако этот интерфикс выступает не только в сложных словах. Он употребителен в существительных с элементами *-тека*, *-дром*, *-рама*, *-фикация* и некоторыми другими (например: *игротека*, *картотека*, *модотека*, *фильмотека*, *винотека*, *тканетека; ракетодром*, *танкодром*, *планеродром; циркорама*, *кругорама; звукофикация*, *теплофикация)*. Такие слова нет оснований считать сложными, так как сложными являются лишь слова, включающие не менее двух корневых морфем. Между тем отрезок, следующий за элементом *-о-* (или *-и-* [1]), не играет в русском языке роли корневой морфемы: он не употребляется самостоятельно и при этом всегда выступает как постфикс — после какой-либо корневой морфемы. Таким образом, рассматриваемые слова следует считать не сложными, а суффиксальными.

Возникает вопрос: как членить подобные слова? Следует ли послекорневые гласные относить к суффиксу или их надо вычленять в качестве незначимой прокладки — интерфикса?

Как указывает Д. Н. Шмелев, свидетельством того, что в подобных словах в качестве суффикса выступают отрезки *-дром*, *-тека*, *-рама*, *-фикация* и т. п. (а не «-одром», «-отека»...), служит то обстоятельство, что при лексикализации таких морфем, т. е. при употреблении их

[1] В небольшой группе слов выступает фонема ⟨и⟩: *газ-(и)-фикация*, *электр-(и)-фикация*.

в качестве самостоятельных слов [1], они функционируют именно в таком виде, без интерфиксальных *-о-*, *-и-*.

Таким образом, в современном языке возникают новые словообразовательные структуры: существительные с иноязычными (обычно интернациональными) суффиксами, присоединяемыми к основе (русской или иноязычной) посредством интерфиксов *-о-*, реже *-и-* [2]. Следовательно, интерфикс *-о-* перестает быть исключительным показателем сложных слов. Знаменательно, что встречное течение — образование сложных слов без соединительного гласного — явление, активно развивающееся в современном языке [3].

§ 104. Происхождение интерфиксов — сфера интересов исторического словообразования, поэтому скажем о нем кратко. Интерфиксы в русском языке очень разнообразны. С точки зрения происхождения они представляют три неравные группы: 1) возникшие в результате процессов переразложения из конечных (чаще всего суффиксальных) частей основы; 2) возникшие на границе морфем по законам морфонологии; 3) перенесенные в русский язык из конца иноязычной заимствованной основы.

К первой (самой многочисленной группе) относятся такие интерфиксы, как *-ов-*, *-оч-*, *-ин-*, *-л-*, *-в-* (см. многочисленные примеры выше). Примером интерфиксов второй группы может быть *-j-*, ср.: *верди-(j)-евский*, *ифли-(j)-цы*. Интерфиксы третьей группы разнообразны (например, *-т-*, *-д-*), но представлены в русском языке в незначительных по количеству группах лексики. В языке-источнике они могут быть частью корня, суффиксом (или его частью). Этот конечный согласный слова произносится не во всех позициях, нередко является лишь «орфографическим концом» производящего слова. Такие элементы

---

[1] Например: «Мы новую *-теку* завели: собираем вырезки из газет» (из разговора в библиотеке); «У нас будет такая *вопросникотека* что ли, и в этой *-теке* будут отражены разные явления» (из устной речи); «— Я тебе всяких *-дром'ов* насобирал!» (из устной речи).

[2] См.: «Русский язык и советское общество». Словообразование современного русского литературного языка». М., «Наука», 1968, стр. 225—226.

[3] См.: А. И. Мельникова. Об одной новой контаминированной модели сложения слов. «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», 1962, вып. 184.

отсутствуют в непроизводных словах, заимствованных в русском языке, именно поэтому они вычленяются как интерфиксы при сопоставлении производящего и производного. Ср.: *комильфо — комильфо-(т)-ный, комильфо-(т)-ство* (фр. *comme-il-faut*), *бонмо — бонмо-(т)-ист* (фр. *bon mot*), *арго — арго-(т)-ический, арго-(т)-изм, арго-(т)-изация* (фр. *argot*), кабаре — *кабаре-(т)-ист* (фр. *cabaret*), *ню — ню-(д)-исты* [1] (фр. *nud, nude* — 'голый, голая').

§ 105. Подведем итоги рассмотрения интерфиксации.

1) Интерфиксация — морфонологическое явление, способствующее расширению круга производящих основ в современном словообразовании.

2) Один и тот же интерфикс обычно обслуживает производные с различными аффиксами от одной и той же основы *(кофе-(й)-ня, кофе-(й)-ник, кофе-(й)-ный; орл-(ов)-ский, орл-(ов)-ец; пе-(в)-ец, пе-(в)-ица, пе-(в)-учий, пе-(в)-ун; гну — гну-(ч)-иха, гну-(ч)-онок* [2]*; кант-(иан)-ец, кант-(иан)-ский, кант-(иан)-ствовать)* [3], способствуя единообразию структуры производного слова.

3) Для присоединения одного и того же аффикса к различным производным основам обычно используются разные интерфиксы. Именно поэтому, если рассматривать возникающие при этом комплексы «интерфикс + суффикс» в качестве «производных суффиксов», число последних возрастает во много раз. С другой стороны, сравнивая многочисленные разные «производные суффиксы», легко заметить, что многие из них содержат повторяющуюся общую часть. Так, например, ***-ов-*** повторяется более

---

[1] Например: «Слюнявые морды. Стриптиз. Кривлянье *нюдистов:* айда нагишом по улицам» («Молодая гвардия», 1964, № 3); «Зато дали себе волю нью-йоркские *кабаретисты*» («Известия» от 26 янв. 1963 г.)

[2] Например: «По числу голов первенство в кратере держат антилопы гну. ...Вблизи от озера мы наблюдаем любопытную сцену. Молодая *гнучиха* только что родила. Она с испугом глядит на мокрое существо и робко, осторожно начинает лизать *гнучонка*» (В. Песков. Золотой кратер. «Комсомольская правда» от 31 июля 1969 г.).

[3] Ср. индивидуальное: *кантианить*. Например: «...тогдашняя философская молодежь «*кантианила*» (А. Белый. Между двух революций).

чем в десяти производных суффиксах: ***-овск-***, ***-овец***, ***-овств(о)***, ***-овк(а)***, ***-овник***, ***-овниц(а)***, ***-овн(ый)***, ***-овнича(ть)***, ***-овщик***, ***-овщиц(а)***, ***-овищ(е)***, ***-овщин(а)***, ***-овин(а)***, ***-овизн(а)***. Если такие повторяющиеся сегменты рассматривать как особые «строевые» элементы слова, описание структуры русского слова упростится, хотя мы и введем новую единицу — интерфикс.

Таким образом, выделение производных суффиксов, тождественных по значению простым суффиксам, не только неправомерно (см. об этом § 94—95), но и нецелесообразно [1]. При таком описании резко возрастает число суффиксов (или их вариантов), что очень осложняет описание словообразования. Между тем цель каждого научного описания — возможная наибольшая простота его.

§ 106. Как же быть с понятием «производный суффикс»? Имеет ли оно право на существование в синхронном словообразовании?

В синхронном словообразовании, рассматривающем единицы языка с точки зрения их функций, а не с точки зрения их происхождения, понятие производной и простой морфемы отсутствует. Если «производный суффикс» тождествен по значению простому, он рассматривается как «интерфикс + суффикс». Если же производная по происхождению морфема приобрела свое специфическое значение, отличное от значения составляющих ее частей, она рассматривается как особая самостоятельная морфема. Ср. три группы слов: 1) *соломина*, *горошина*, *изюмина*, *макаронина;* 2) *соломинка*, *горошинка*, *изюминка*, *макаронинка;* 3) *весёлинка*, *задоринка*, *слабинка*, *живинка*, *безуминка*, *лукавинка*, *чудинка*. Очевидно, что слова третьей группы отличаются от слов второй группы, хотя и в тех и других есть отрезок ***-инка***. Суффикс ***-инк(а)*** в словах третьей группы не обозначает единичности с оттенком уменьшительности, как в словах типа *соломинка*. У него свое целостное значение, как бы конкретизирующее отвлеченное значение производящей основы [2]. Его можно было бы сформули-

[1] Ср.: M. Shapiro. Concatenators and Russian Derivational Morphology. «General Linguistics», 1967, t. 7, № 1.

[2] О формировании группы слов на ***-инка*** см.: Д. Н. Шмелев. Об одном случае активной аналогии в современном русском языке. В кн. «Развитие современного русского языка». М., 1963.

ровать так: «отвлеченный признак или носитель признака, названного производящей основой, с оттенком уменьшительности — ласкательности», например: *лукавинка* — 'нечто лукавое; легкое лукавство', *мохнатинка* (см. пример ниже) — 'что-то маленькое и мохнатое' и т. п. В отличие от слов типа *горошинка* приведенные существительные образуются не от основ вещественных существительных (типа *солома*, *изюм*, *горох*), а от основ качественных прилагательных *(лукавинка*, *веселинка*, *слабинка)*, отвлеченных существительных *(лжинка*, *смешинка)* и — реже — глаголов или отглагольных существительных *(прищуринка*, *отединка*, *чудинка)*.

Приведем несколько примеров употребления этого формирующегося в современном языке типа слов:

«Вы к былям звали собеседника,
К волне до вас прошедших дней,
Чтобы последнею *отединкой*
Последней капли кануть в ней».

(Б. Пастернак)

«Брусничинки в траве тревожно тлеют,
И ягоды шиповника алеют
С *мохнатинками* рыжими внутри».

(Е. Евтушенко)

«Курдянка-девочка с *безуминкой* во взгляде
Нам по четвертой чашке принесла
И, слушая, таится где-то сзади».

(А. Межиров)

В таких случаях и с точки зрения синхронного, и с точки зрения диахронического словообразования мы имеем дело с новым суффиксом. Примерами производных приставок, имеющих целостное специфическое значение, могут быть ***недо-***, ***обез-***: *недослышать* — 'не вполне расслышать', *недовидеть* — 'не вполне увидеть', *недопонять*, *недосмотреть; обесточить* — 'лишить тока'; *обезжирить*, *обессолить* и т. п.

УСЕЧЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩИХ ОСНОВ

§ 107. Усечение производящей основы при аффиксальном словообразовании — один из видов взаимоприспособления морфем, стоящий в одном

ряду с чередованием фонем и интерфиксацией [1]: в производной основе отсутствует конечная фонема (или группа фонем) производящей основы. Это явление противоположно интерфиксации. При интерфиксации происходит распространение, увеличение производной основы, а при усечении — ее сокращение. Усечению могут подвергаться основы существительных, прилагательных и глаголов. Усекается конечная часть основы. Обычно усекается суффикс (или совпадающий с ним субморф) или конечный гласный корня. Последнее бывает только в несклоняемых существительных с исходом на гласный. В соответствии с этим можно различать усечения: 1) морфонологические, 2) фонологические. Цель усечений — избежать нарушения каких-либо законов морфонологии, а именно: а) устранить скопление согласных на морфемном шве, т. е. облегчить суффиксу, начинающемуся согласным, присоединение к основе; б) устранить скопление гласных на морфемном шве, т. е. придать основе на гласный, имеющей несвойственное русскому языку строение, более «привычный» для словообразования вид.

В русском языкознании еще нет полного описания усечений, происходящих при словообразовании [2]. Рассмотрим наиболее типичные их виды.

§ 108. При словообразовании от основ существительных происходит два вида усечений.

1. Усечение конечных гласных основы несклоняемых существительных [3]. Несклоняемые существительные с ис-

---

[1] Усечение основ при суффиксальном способе словообразования — одно из морфонологических средств. Его не следует путать с усечением (сокращением) основ как способом словообразования (см. гл. V и XI). В последнем случае производство сокращенных слов может соединяться с нулевой аффиксацией (*интеллектуальный — интеллектуал-Ø*, *примитивный — примитив-Ø* и т. п.), а также действовать самостоятельно (*магнитофон — маг*, *бадминтон — бад*, *семинарист — семинар* и т. п.)

[2] Из работ последнего времени см.: «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», 1972, № 15, а также работу: D. S. Worth. «Surface Structure» and «Deep Structure» in Slavic Morphology.

[3] Мнение о том, что «в такого рода словах конечный гласный, не представляя собой настоящего окончания, т. е. части слова, указывающей на отношение данного слова к другим словам, вместе с тем не является также неотъемлемой принадлежностью основы и осознается в ряде случаев как нечто подобное окончанию» (см.:

ходом на гласный, как правило, иноязычного происхождения, малоактивны в русском словообразовании. Есть две возможности сделать их основу более обычной для русского словообразования: подвергнуть усечению конечную гласную или прибавить к основе интерфикс (см. об этом выше). Таким образом, эти два морфонологических средства дополняют друг друга и, как правило, находятся в отношении дополнительной дистрибуции, т. е. если выступает одно, отсутствует другое. Ср., например, производные *жалюзи-(й)-ный* и *жалюз-ный* от *жалюзи*.

Приведем примеры различных типов производных, в которых производящая основа на гласный усекается:

а) Образования от имен нарицательных: *либретто — либретт-ист*, *ватерполо — ватерпол-ист*, *самбо — самб-ист*, *каноэ — кано-ист*, *сальто-мортале — сальтомортал-ист*, *чека — чек-ист*, *пальто — пальт-ишко*, *пальт-ище*, *пальт-ецо*, *кенгуру — кенгур-енок*, *кенгур-иный; декольте — декольт-ировать*, *протеже — протеж-ировать*, *резюме — резюм-ировать*, *кукареку — кукарек-ать*.

б) Образования от имен собственных: *Франко — франк-ист*, *Пуанкаре — пуанкар-ист*, *Коцебу — коцебятина* [1], *Кутаиси — кутаис-ский*, *кутаис-ец*, *Тбилиси — тбилис-ский*, *тбилис-ец*, *Рустави — рустав-ский*, *Миссисипи — миссисип-ский*, *Сухуми — сухум-ский*, *сухумец*, *Ахалцихе — ахалцих-ский* и др.

И. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию. Изд-во МГУ, 1968, стр. 83), представляется нам неверным. Окончание — это часть слова, изменяющаяся при склонении (или спряжении). При склонении конечный гласный в словах типа *пальто*, *кенгуру* не меняется. Следовательно, *о* и *у* в этих словах нельзя считать окончаниями, или же следует дать иное определение термину «окончание». Если же использовать термин «окончание» в общепринятом значении, то придется признать конечные гласные в словах такого рода не окончаниями, а частью основы. Поскольку эта часть основы не входит в производное, необходимо говорить о ее усечении при словообразовании. Замечание, что такие части основы есть «нечто подобное окончанию», на наш взгляд, ничего не объясняет, так как никакой функциональной или иной близости между такими частями основы и окончаниями нет. Ведь усекаются они как раз не при словоизменении, а при словообразовании.

[1] Например: «Париж наводнили драмой и водевилем и жалкими подделками под Расина и Корнеля, а германские театры так называемой «*коцебятиной*», по имени изобретателя, некоего Коцебу...» (А. Южин-Сумбатов. Воспоминания).

Особенно широко употребительно усечение конечных гласных (чаще всего *и* или *е*) в производных от географических названий. Впрочем, производные без усечений конечного гласного основы также широко распространены. В таких случаях выступает интерфикс: *Сомали — сомали-(й)-ский, Мали — мали-(й)-ский, Аше — аше-(й)-ский, Поти — поти-(й)-ский, Хуло — хуло-(й)-ский, Чили — чили-(й)-ский, Дели — дели-(й)-ский* и т. п.

В ряде случаев возможны параллельные образования — от усеченной и неусеченной основ: *каноэ — каноист* и *каноэ-(т)-ист, кенгуру—кенгур-(ин)-ый* и *кенгуру-(ш)-ный*. Здесь особенно наглядно выступает параллелизм явлений интерфиксации и усечения производящих основ, каждый из которых обычно связан с одним из двух алломорфов основы — полным или усеченным.

2. Усечение конечных суффиксов или субморфов, включающих согласные или сочетания с согласными.

Усекаемые отрезки являются суффиксами или субморфами существительных.

а) В образованиях от имен нарицательных усекаются отрезки:

-к-: девчонка — девчон-ский, амазонка — амазон-ский, одышка — одыш-ливый, смекалка — смекал-истый, тряпка — тряп-je, байдарка — байдар-ить, краска — красить [1], *кокетка — кокет-ничать; дудка — дуд-еть, лягушка — лягуш-онок, лягуш-иный, утка — ут'-онок, ут'-иный;*

***-ак, -ок, -ик**: желвак — желв-астый, подонок — подонствовать, козырек — козыр-ять, жулик — жуль-ничать, праздник — праздн-овать, сумерки — сумер-ничать;*

***-ец**: тунеядец — тунеяд-ствовать;*

***-ив**: юродив-ый — юрод-ствовать;* индивидуальное: *юрод-ить* [2];

***-ат**: кастрат — кастр-ировать, дегенерат — дегенер-ировать, цитата — цит-ировать, результат — результ-ировать*, но: *результат-ивный, результатный;*

---

[1] См.: Р. В. Бахтурина. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом *-∅-/-и(ть)*. В кн. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966, стр. 100—101.

[2] Например: «—Алексей-то Михайлыч — ...коли он «*юродит*» — так из ума» (А. Белый. Между двух революций).

***-ик(а)**: гидропоника — гидропон-ный* [1], *математика — математ-изировать, техника — техн-изация, математика — математ-изация, арифметика — арифметизация.*

б) Образования от имен собственных. В производных от названий населенных пунктов прилагательных с суффиксом ***-ск-*** и именах лиц с суффиксом ***-ец,*** как правило, усекаются суффиксы (или субморфы) производящей основы:

***-к-**: Камчатка — камчат-ский, Пятихатка — пятихат-ский, пятихат-цы, Каховка — кахов-ский, кахов-цы, Жмеринка — жмерин-ский, жмерин-цы, Ахтырка — ахтыр-ский, ахтыр-цы;*

***-ок**: Новогрудок — новогруд-ский, новогруд-цы;*

иноязычные показатели именительного падежа ***-ас, -ис, -ай**: Капсукас — капсук-ский, капсук-цы, Паневежис — паневеж-ский, паневеж-цы, Ионишкис — ионишкский, ионишк-цы, Райсеняй — райсен-ский, райсен-цы.*

Производные разных типов от фамилий также обычно не включают суффиксы ***-ск, -швили,*** иногда ***-ов**: Маяковский — маяков-цы, Мунаковский — мунаков-цы, Рахманинов — рахман-ист* [2], *Тургенев — турген-иана.*

§ 109. Производные от основ прилагательных обычно не включают суффиксы и субморфы производящих прилагательных ***-ск-, -н-*** (если последнему предшествуют элементы ***-аль-, -ив, -ар-*** и др.), ***-к-, -ок.*** Такое усечение наблюдается:

в существительных с суффиксом ***-щина:** вульгарный — вульгар-щина, популярный — популяр-щина, банальный — баналь-щина, тривиальный — тривиаль-щина, субъек-*

---

[1] Например: «На полках вновь оборудованного корпуса засеяны *гидропонные* «делянки» кукурузы и ячменя» («Вечерняя Москва» от 22 февр. 1964 г.). Ср. производные без усечения ***-ик(а)**: мнемоника — мнемонический, механика — механический, техника — технический*; ср.: *клубника — клубничный, земляника — земляничный.*

[2] Например: «Снова стучат. Почта. Бандероль. Книга искусствоведа В. Брянцевой о Рахманинове с дарственной надписью: Николаю Даниловичу Баженову, удивительному энтузиасту — *рахманисту*, на добрую память» («Комсомольская правда» от 28 янв. 1965 г.). Ср. производное того же типа без усечения основы: *пушкин-ист* и т. п.

тивный — субъектив-щина, повседневный — повседневщина, прямолинейный — прямолиней-щина [1];

в именах лиц с суффиксом ***-щик:*** *реактивный — реактив-щик, субъективный — субъектив-щик, моментальный — моменталь-щик, театральный — театраль-щик, тривиальный — тривиаль-щик* [2];

в существительных на ***-к(а)*** (преимущественно в разговорной речи): *Третьяковская галерея — Третьяков-ка, Историческая библиотека — Историч-ка, зарубежная литература — зарубеж-ка, персональное дело — персоналка, генеральная репетиция — генерал-ка, попутная машина — попут-ка, вечерняя газета — вечер-ка* [3];

в существительных на ***-ыш:*** *крепкий — креп-ыш;*

в существительных на ***-ик:*** *любопытный—любопытик* [4];

в существительных с суффиксом ***-ист:*** *парадоксальный — парадоксал-ист, максимальный — максималист, моментальный — моментал-ист, объективный — объектив-ист, конституциональный — конституционалист;*

в отвлеченных именах существительных с нулевым суффиксом: *высокий — выс'-ø, глубокий — глуб'-ø, крепкий — креп'-ø, бездарный — бездар'-ø* [5], *нудный — нуд'-ø;*

в глаголах на ***-ова(ть)*** [*-ирова(ть), -изирова(ть)*]: *объективный — объектив-ировать, нейтральный — нейтрал-изовать, специальный — специал-изировать, герметический — гермет-изировать;*

---

[1] Например: «Можно себе представить ту неумолимую повседневную *прямолинейщину*, которая валилась на него при жизни...» («Комсомольская правда» от 4 дек. 1964 г); «Никакого риска, никакой *субъективщины* — все сосчитано» («Лит. газ.» от 2 июля 1964 г.); «Тонкий силуэт женщины обрисовался на исписанной *похабщиной* стене» (К. Паустовский. Блистающие облака).

[2] Например: «...Один из первых советских *реактивщиков*» (М. Галлай. Испытано в небе); «Включен станок, сложный, универсальный. *Универсальщики* тут все виртуозы» («Комсомольская правда» от 26 дек. 1968 г.).

[3] О закономерностях усечения существительных такого типа см. в работе: Н. А. Янко-Триницкая. Процессы включения в лексике и словообразовании. В кн. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., «Наука», 1964, стр. 28—29.

[4] Например: «Придумать веселых человечков для «Турнира смекалистых» — такое задание дали мы в 1-м туре. Сегодня мы печатаем «*Любопытика*» («Пионерская правда» от 3 апр. 1964 г.). Ср. без усечения: *шустрый — шустр-ик, умный — умн-ик.*

[5] Например: «Теперь не надышишься *крепью* густой» (Б. Пастернак. После дождя); «Вокруг меня немые трусы И воплощенная *бездарь*» (И. Северянин).

в глаголах на ***-ну(ть)***: *крепкий — креп-нуть*, но *горький — горк-нуть*. Ср. нетипизированное фонологическое усечение ***-р-***: *мокрый — мок-нуть*;

в глаголах на ***-ø-/-и(ть)***: *редкий — проред-ить*, *жидкий — разжид-ить*, *узкий — обуз-ить*, *высокий — повысить*, *низкий — пониз-ить*, *короткий — укорот-ить*, *разнообразный — разнообраз-ить*, *благородный — облагородить*, *парадоксальный — парадоксал-ить*, *банальный — банал-ить*, *бесславный — бесслав-ить* [1];

в глаголах на ***-еть***: *робкий — роб-еть*, *редкий — редеть*, *мерзкий — мерз-еть*, *безлюдный — безлюд-еть*, *холодный — холод-еть* (ср. также *холоднеть*), *скудный — скуд-еть* (ср. также *скуднеть*)[2]. Как показывают материалы, усечение суффикса ***-н-*** в глаголах на ***-еть*** — явление в современном языке непродуктивное, оно сохраняется преимущественно в старых лексемах.

§ 110. Подведем и т о г и сказанному об усечении основ.

1) Усечение основ в производных от имен и от глаголов имеет разный характер.

Как правило, в словообразовательных типах, включающих слова с усеченными основами существительных и прилагательных, имеются и производные, в которые производящая основа входит целиком, т. е. производные с усеченными основами составляют какую-то часть среди

---

[1] Здесь действует следующая морфонологическая закономерность: «Суффикс прилагательного ***-н-***, следующий за согласным, не включается в глагольную основу, если глагол получает ударение на последнем слоге основы и ударение предшествует возможному стечению согласных: *благорóдный — благорóдить*, *провóрный — провóрить*, *шикáрный — шикáрить*, *вульгáрный — вульгáрить*; тот же суффикс в той же позиции включается в глагольную основу, если глагол получает ударение на суффиксе ***-ø-/-ить*** и ударение следует за стечением согласных: *грязнóй — грязнúть*, *трýдный — трудúть*, *роднóй — роднúть*, *тёмный — темнúть* (Р. В. Бахтурина. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом ***-ø-/-и(ть)***. В кн. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966, стр. 94).

[2] Суффикс прилагательного ***-н-*** обычно сохраняется в глаголе: *жадный — жаднеть*, *бедный — беднеть*, *бледный — бледнеть*, *людный — люднеть*, *влажный — влажнеть*, *грузный — грузнеть*, *грязный — грязнеть*. См.: И. С. Улуханов. Глаголы на ***-еть*** в современном русском языке. В кн. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966.

всех производных того или иного типа, а само усечение не является обязательной характеристикой словообразовательного типа. Ср.: *ленинград-ец*, *лондон-ец*, *саратов-ец* и *Челябинск — челябин-ец*, *Тбилиси — тбилис-ец*, *Сухуми — сухум-ец; лебедь — лебед-енок*, *рысь — рыс-енок* и *кенгуру — кенгур-енок*, *лягушка — лягуш-онок; цемент — цемент-ный*, *школа — школь-ный* и *жалюзи — жалюзный; бытовой — бытов-щина* и *вульгарный — вульгарщина*, *популярный — популяр-щина; черный — черн-ыш* и *крепкий — креп-ыш*.

Иначе обстоит дело с производными от глагольных основ. В них подвергаются усечению только глагольные суффиксы или тематические гласные. Усечение или неусечение суффикса есть обязательный признак словообразовательного типа. Иными словами, среди отглагольных словообразовательных типов есть такие, которые включают производящие основы всегда усеченные или всегда неусеченные. Например, всегда полностью включают производящую глагольную основу производные существительные с суффиксом **-тель** (*получать — получа-тель*, *отправить — отправи-тель*, *распорядиться — распоряди-тель*, *оформить — оформи-тель* и т. п.).

В производных других типов, например существительных с суффиксами **-ун-**, присутствует основа, равная корню (без тематического гласного или показателя глагольного класса): *бегать — бег-ун*, *прыгать — прыг-ун*, *колдовать — колд-ун*, *лгать — лг-ун*, *моргать — морг-ун*, *бодаться — бод-ун*, *скакать — скак-ун*, *колоть — кол-ун*, *храпеть — храп-ун*, *пачкать — пачк-ун*, *хрипеть — хрип-ун*, *щебетать — щебет-ун*, *хохотать — хохот-ун*, *болтать — болт-ун* и т. п.; в производных от таких глаголов, которые имеют корень с исходом на гласный, используется интерфикс **-в-**: *петь — пе-(в)-ун*.

2) Непременным условием усечения и глагольных, и именных основ является сохранение в производном той части основы, которая несет семантическую информацию о слове. Усекается, как правило, элемент основы, не имеющий самостоятельного значения (субморф), или суффикс, имеющий общее категориальное значение части речи производящей основы, т. е. основа строения *Ав* (где *А* — корень, *в* — аффикс) при словообразовании утрачивает элемент *в*: $Ав + с = Ас$, тогда как формула $Ав + с = вс$ невозможна.

3) При словообразовании от основ имен существительных и прилагательных наблюдается фонологическая общность усекаемых морфов, а именно чаще всего усекаются единицы, содержащие фонемы ⟨к⟩ (например, *-ск-*, *-к-*, *-ок-*) или ⟨н⟩.

§ 111. Рассмотрим, как соотносится усечение производящих основ со смежными морфонологическими явлениями.

Усечение производящих основ и интерфиксация

И интерфиксация, и усечение основ — явления, которые служат одной цели: приспособить производящую основу к созданию производного слова. Поэтому результаты этих явлений обнаруживаются в производной, а не в производящей основе (ведь сама по себе производящая основа не требует никаких приспособлений). Вот почему в *намок-нуть* или в *раз-ред-ить* (по сравнению с *мокр-ый*, *редк-ий*) налицо усечение производящей основы: *мокр-*, *редк-*. Результат этого усечения мы обнаруживаем в производном глаголе. В случаях же *ялт-ин-ский-* (по сравнению с *Ялта*), *жи-л-ец* (по сравнению с *жить*), *пе-(в)-ец* (по сравнению с *петь*) мы видим интерфиксацию. В этих словах нет усечения производящей основы, напротив, наблюдается противоположное явление: в производном слове обнаруживается добавочный элемент по сравнению с производящим.

Покажем различие между интерфиксацией и усечением основ в таблице:

Таблица 4

Явления морфемного шва	Производящая основа	Производная основа
Усечение основы	A	$A-x+a$
Интерфиксация	A	$A+y+a$

Производящая основа: A.
Усекаемый элемент: x.
Интерфикс: y.
Суффикс: a.

Таким образом, усечение основ и интерфиксация — явления, служащие одной цели, но идущие к ней противоположными путями.

Как, учитывая сказанное, следует рассматривать соотношение типа *буржуа — буржуазный*, *буржуа — буржуазия*, о котором писал Г. О. Винокур? В производных обнаруживается лишний элемент по сравнению с производящим *буржуа*. Следовательно, в таких случаях мы имеем интерфикс, а не усечение основы. Иными словами, так называемые исходные формы (т. е. корень без деривационных аффиксов) никогда не выступают ни в усеченном виде (ср.: *мокр-(ый)*, *мокр*, *крепк-(ий)*, *кенгуру*), ни в сочетании с интерфиксами.

Усечение производящих основ и чередование с нулем звука

Как говорилось выше, в принципе все случаи усечения основ можно трактовать как чередование фонемы (или сочетания фонем) с нулем звука. На наш взгляд, это нецелесообразно по двум причинам:

1) Чередование — явление регулярное. Регулярные чередования с нулем в русском языке характерны лишь для гласных ⟨о⟩ и ⟨е⟩, и наблюдаются они в следующих позициях: а) внутри корня *(сон — сна, день — дня)*; б) на границе приставки и основы *(разбил — разобью, вгоню — вогнать)*; в) на границе основы и суффикса *(певец — певца, прыжок — прыжка)*. Наличие фонемы ⟨о⟩, ⟨е⟩ или *ø* объясняется наличием-отсутствием гласной фонемы в соседнем морфе (см. подробнее выше).

Если трактовать любое усечение основы как чередование с нулем звука, появилось бы много чередований редких, единичных, например: *мокр-/мокø-*, *редк-/редø-*, *кенгуру/кенгурø-*, *пальто/пальтø-*, *скудн-/скудø-* и др. (см. выше описание разных типов усечений).

Эти чередования наблюдались бы в позициях совершенно иных, чем вышеназванные, и членами их оказались бы не только гласные фонемы, но и согласные, а также сочетания фонем.

2) С точки зрения методики описания языка: описание очень усложнилось бы введением большого количества

нулей звука [1]. Между тем нуль звука в описании языка следует использовать лишь в тех случаях, когда он функционально нагружен и, следовательно, необходим. Очевидно, что никакой нагрузки при такой трактовке нуль не имеет.

Усечение производящих основ и связанные корни

Об усечении производящих основ принято говорить в тех случаях, когда какие-либо две основы связаны отношениями производности и в одной из них (производной) отсутствует конечный отрезок производящей основы, т. е. в производную основу входит «укороченный» вариант производящей [2].

Казалось бы, между этими двумя явлениями, связанными корнями (см. о них в гл. III) и усечением, нет ничего общего, они строго различны. Однако дело обстоит не так. Имеется масса случаев, трактуемых лингвистами по-разному: то как связанные корни, то как усечение основ. Как, например, рассматривать основы слов типа: *космос*, *космический; эпос*, *эпический; утка*, *утенок*, *утиный; лягушка*, *лягушонок*, *лягушиный; скрипка*, *скрипач; пианино*, *пианист; бочка*, *бочар; тряпка*, *тряпье* и т. п.?

Можно ли в этих и им подобных рядах слов видеть связанные корни? Или это свободные основы, но основа первого слова каждого ряда имеет усеченный вариант и этот усеченный вариант выступает в производных: *космос — косм-ический*, *эпос — эп-ический* (в производных усекается конечный отрезок ***-ос***), *утка — ут'-онок*, *ут'-иный* (в производных усекается конечный отрезок ***-к-***) и т. п.?

Примечание.

Любопытно, что возможность такой двоякой интерпретации часто остается незамеченной. Излагая свою точку зрения на

[1] По этим же причинам нерационально рассматривать интерфиксы как элементы слова, чередующиеся с нулем звука.

[2] Ср. определение усечения в новой академической грамматике: «Усечение заключается в том, что в структуре мотивированного слова отсутствует конечная фонема (фонемы) основы мотивирующего слова» («Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 44). Напомним, что термины «мотивированная» и «мотивирующая» основы употребляются авторами грамматики в том же значении, что и термины «производная» и «производящая» основы.

тот или иной факт, автор не указывает возможность иного толкования. Так, Н. М. Шанский в ряду слов со связанными основами приводит слова *тряпка*, *тряпье*, *тряпорезка* [1], признавая таким образом фонему <к> в слове *тряпка* «нефлексийным» аффиксом (а именно суффиксом [2]), а слово *тряпка* — находящимся в отношениях равнопроизводности со словами, содержащими ту же самую связанную основу» [3]. На наш взгляд, и то, и другое неверно. Семантика слова *тряпка* не разлагается на части, которые можно было бы связать с элементами *тряп-* и *-к-*: она имеет целостный, нерасчлененный, немотивированный характер. Полная и усеченная основа (*тряпк-* и *тряп-*) тождественны по значению, элемент *-к-* в слове *тряпка* не имеет никакого значения и, следовательно, не является суффиксом. Существительное *тряпка* не находится в отношениях равнопроизводности со словами *тряпье* и *тряпорезка*. Оно является производящим и для собирательного *тряпье*, и для сложного *тряпорезка*. Ср. соотношения: *зверь — звер'-j(o)*, *старый — стар'-j(o)* и *тряпка — тряп-j(o)*; *солома — соломорезка* и *тряпка — тряпорезка*.

Чтобы разграничить эти два явления — усечение основ и связанные основы, необходимо более строго придерживаться определения связанных основ, данного Г. О. Винокуром, которое было приведено выше (см. гл. III). А именно: связанными надлежит считать лишь такие основы, которые не употребляются вне соединения с аффиксами. Следовательно, в их значении должен быть семантический компонент, выразителем которого является

---

[1] См.: Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, стр. 139. Ср. мнение З. А. Потихи о том, что в слове *космос* выступает связанный корень (З. А. Потиха. Современное русское словообразование. М., «Просвещение», 1970, стр. 30). Это мнение, как нам представляется, не согласуется с приведенным в данной книге высказыванием В. В. Лопатина и И. С. Улуханова о словах со связанными корнями (с которым З. А. Потиха, очевидно, согласен): «...значение корневой морфемы в этих словах выявляется не само по себе, а лишь в связи со словообразовательным значением аффиксов» («Основы построения описательной грамматики русского языка». М., 1966, стр. 54). Какое значение придает З. А. Потиха элементу *-ос* в основе *космос*, остается неясным.

[2] Ср. определение Н. М. Шанского: «Связанные основы представляют собой такие непроизводные основы, которые известны только в составе производных основ родственных слов и неизменно выступают в связи либо с теми или иными «нефлексийными» аффиксами, либо с другой основой» (Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, стр. 139).

[3] «Отношения между производными основами, содержащими в себе связанные основы, можно охарактеризовать как отношения равнопроизводности» (Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, стр. 139).

аффикс, тогда как значение самого связанного корня может быть неясным, недостаточно четким и т. п. Поэтому не следует считать связанными основы таких слов, как *космос*, *скрипка*, *тряпка*, *утка*, *пианино* и т. п. Отрезки ***-ос-***, ***-к(а)***, ***-ин(о)*** не выражают никакого значения в составе выше приведенных слов, следовательно, не являются аффиксами. Значение слов *космос*, *скрипка*, *тряпка*, *утка*, *пианино* не разлагается на элементы, которые можно было бы связать с материальными частями этих слов. Основы этих слов выступают как производящие по отношению к другим словам, но входят в них не целиком, а утрачивая конечный отрезок, т. е. в усеченном варианте: *космос — косм-ический; скрипка — скрип-ач; тряпка — тряп-j(о); утка — ут'-онок, ут'-иный; пианино — пиан'-ист.*

Таким образом, в приведенных рядах имеются отношения производности, типичные для словообразовательной системы русского языка. Такие отношения аналогичны отношениям между производными и производящими, не подвергающимися усечению. Ср. с вышеприведенными: *сцена — сцен-ический, труба — труб-ач, зверь — звер-j(о), орел — орл'-онок, орл'-иный, гармонь — гармон'-ист.*

Итак, нет оснований считать словами со связанными корнями все те ряды однокоренных слов, в которых одно из слов является производящим для других слов с тем же корнем, но основа которого входит в производные не целиком, причем усекаемая часть незначима в составе слова и, следовательно, не является аффиксом. Таковы ряды типа *бочк-а — боч-ар* (ср.: *овца — овч-ар*); *лягушк-а — лягуш-онок, лягуш-иный* (ср.: *сокол — сокол'-онок, сокол'-иный*); *без пальца — бес-пал-ый* (ср.: *без носа — без-нос-ый*).

НАЛОЖЕНИЕ (ИЛИ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ) МОРФОВ

§ 112. Особый вид явлений, происходящих на границе морфем, составляет н а л о ж е н и е (или и н т е р ф е р е н ц и я) морфов, т. е. совмещение конца одного и начала другого морфа [1].

[1] Ср. понятие «частичное совпадение морфем» у П. Л. Гарвина. См.: П. Л. Гарвин. Относительная анализируемость морфологических данных. В сб. «Принципы типологического анализа языков различного строя». М., 1972.

Наложение (интерференция) морфов — особый вид г а п л о л о г и и (т. е. исчезновения одного из двух тождественных слогов, непосредственно следующих друг за другом). Наложение морфов — с л о в о о б р а з о в а т е л ь н а я г а п л о л о г и я, один из видов морфонологического взаимоприспособления морфов на границе морфем.

Целесообразность ввода специального термина для называния этого явления диктуется следующим. Гаплологию принято рассматривать как явление фонетическое. Наложение морфов — явление морфонологическое, осуществляемое в определенных морфологических условиях — на морфемном шве. Кроме того, наложение морфов может касаться не только слогов.

§ 113. Рассмотрим слова *розоватый* и *лиловатый*. С помощью какого суффикса они образованы? Нет сомнения, что в этих прилагательных имеется тот же суффикс ***-оват-***, обозначающий слабую степень обнаружения признака, что и в словах *желтоватый*, *черноватый*, *красноватый* и др. Какова основа этих слов? Они соотносятся по форме и по значению с прилагательными *розовый* и *лиловый*, так как *розоватый* — 'розовый в слабой степени', *лиловатый* — 'лиловый в слабой степени'. Однако если мы соединим основы производящих прилагательных с суффиксом ***-оват-***, то получим вместо наших прилагательных *розов-оватый*, *лилов-оватый*, т. е. слова с лишним слогом ***-ов-***. Может быть, мы неверно выделили суффикс и следовало выделить ***-ат-***? Но суффикс ***-ат-*** не имеет значения слабой степени признака. Попробуем иначе выделить основу. Однако в русском языке нет основы *лил-*, которая обозначала бы определенный цвет, основа *роз-* тоже нам не подходит, так как это основа существительного, а суффикс ***-оват-*** со значением слабой степени признака соединяется лишь с основами качественных прилагательных.

Вывод один: наше первоначальное выделение суффикса и основы правильно, но при словообразовании один из тождественных слогов ***-ов-*** утратился. Произошла интерференция соединяющих морфов, они не соприкоснулись, а один «наехал» на другой.

§ 114. Наложение морфов происходит на стыке:

1) основы и суффикса, например: *лиловый* + *-оватый* = *лиловатый*, *коричневый* + *-оватый* = *коричневатый*, *розовый* + *-оватый* = *розоватый*, *Архангельск* + *-ский* = *архангельский*, *Свердловск* + *-ский* = *свердловский*, *Смоленск* + + *-ский* = *смоленский* [1] и т. п.

Наложение морфов можно видеть также в производных от основ на гласные: *такси* + *-ист* = *таксист*, *нацизм* + + *изм* = *нацизм*, *нацизм* + *-ист* = *нацист*, *денди* + *-истый* = *дендистый*, *регби* + *-ист* = *регбист*, *Мэри* + *-ин* = = *Мэрин*, *Китай* + *-ин* = *Китин*, *пальто* + *-овый* = *пальтовый*, *манго* + *-овый* = *манговый*;

2) основы и интерфикса: «*Динамо*» + *овский* = *динамовский*, «*Динамо*» + *-овец* = *динамовец*, *гороно* — *гороновский*, *гороновец*, *СЕАТО* — *сеатовский*, *сеатовец*, *НАТО* — *натовский*, *натовец*, *сельпо* — *сельповский*, *сельповец*.

Интерференция может происходить и при усечении производящей основы, например: *радио* — *радист*, *радировать*;

3) двух основ. Это явление факультативное. Ряд сложных слов производится с интерференцией морфов:

[1] Иначе рассматривает членимость основ прилагательных типа *смоленский* Н. А. Янко-Триницкая в статье «Наложение морфем в основе русского слова» («Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1970, № 6, стр. 481).

знаменосец (из *знамен-(о)-носец*), *морфонология* (из *морф-(о)-фонология*), *муравьед* (из *муравь-(е)-ед*), *некрасовед* (из *некрасов-(о)-вед*), *лермонтовед* (из *лермонтов-(о)-вед*), *тургеневед* (из *тургенев-(о)-вед*), *некрасоведение* и т. п.[1].

Однако наложение морфов может отсутствовать при встрече двух тождественных фонем или двух тождественных слогов в составе сложного слова — на стыке интерфикса и начала основы: *красн-(о)-носый*, *длинн-(о)-носый*, *крепк-(о)-кожий*, *кругл-(о)-лобый*, «*Бубновый валет*» — *бубнов-(о)-валетовский* (встречается, впрочем, и *бубн-(о)-валетовский*), *воздух-(о)-ход* [2], *тих-(о)-ход*.

§ 115. Почему мы считаем, что в рассмотренных выше случаях произошло наложение морфов, а не усечение производящей основы? Ведь можно предположить, что в словах типа *таксист* (и других разобранных выше) используется усеченная основа *такс-* и суффикс *-ист* [3]. Выясним, какое толкование более правильно. Услышав слово *таксист*, нельзя решить, произошло ли в нем усечение основы или наложение морфов. Само строение основы, т. е. сам языковой факт, не дает нам ответа. Спорная гласная фонема не несет на себе показателей ее принадлежности ни к основе, ни к аффиксу. В подобных случаях наложение морфов и усечение основ не разграничены, произошла нейтрализация этих двух способов соединения морфов. Следовательно, есть две возможности: 1) признать правомерность обоих решений; 2) найти основания для предпочтения одного из них.

Мнение, что в словах типа *таксист* произошло усечение основы базируется на следующих аргументах:

[1] О наложении морфов в производных на *-вед* см.: Н. А. Еськова. О структурных ограничениях в словообразовании существительных. «Вопросы культуры речи», вып. 5. М., 1964.

[2] Например: «Французские инженеры сконструировали новые пассажирские аппараты на воздушной подушке. Это первые во Франции «*воздухоходы*», переданные промышленностью для внедрения» («Комсомольская правда» от 29 марта 1969 г.).

[3] Некоторые лингвисты считают, что все виды наложения морфов следует рассматривать как усечение производящей основы. См. статью А. В. Исаченко «Роль усечения в русском словообразовании» („International Journal of Slavie Linguistics and Poetics", 1972, № 15). См. также: Н. А. Янко-Триницкая. Приспособление заимствованных слов на гласный к русскому словообразованию. «Русский язык в национальной школе», 1970, № 6; Н. А. Янко-Триницкая. Наложение морфем в основе русского слова. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1970, вып. 6.

а) усечение основ является «наиболее распространенным способом приспособления подобных [т. е. заимствованных] слов к современной системе словообразования»[1]; б) если основы того же типа и даже те же самые основы утрачивают гласные перед другими суффиксами (ср.: *такси* + *-ист* = *таксист*, но: *такси* + *-'ор* = *таксер*) и если перед тем же суффиксом другие гласные усекаются (*регби* + *-ист* = *регбист*, но: *ватерполо* + *-ист* = *ватерполист*), то «почему можно предполагать, что при совпадении конечного гласного слова и начального гласного суффикса они сохраняются?!»[2].

Разберем оба эти аргумента. На наш взгляд, первый не является доказанным. Для того чтобы можно было с уверенностью сказать, что усечение является главным способом приспособления заимствованных основ к словообразованию, требуется тщательное изучение всего массива таких основ и их производных. По нашим наблюдениям, усечение заимствованных основ на гласные характерно преимущественно для старых, давно образованных производных, а из новообразований лишь для слов со значением субъективной оценки (но не всех, ср.: *кафешка*, *киношка* и т. п.). Что касается новообразований, а именно они отражают тенденции развития словообразовательной системы, то они чаще образуются с сохранением конечной гласной фонемы (ср., например, новое слово *хоббист*, от *хобби*). Сравнение многих производных, образованных тем и другим способом, показывает малую употребительность, «ущербность» слов с усечением. Ср. хотя бы *киношка* и *кинцо*, *киношник* и *кинщик*, *жалюзийный* и *жалюзный*, *купейный* и *куповый*. Первые члены каждой пары более употребительны, чем вторые, и более соответствуют словообразовательным тенденциям языка.

Аргумент второй также не кажется убедительным. Действительно, можно считать верным одно из двух: либо слово *таксист* членится так: *такс'-ист* (так как есть *такс'-ор*), т. е. корень *такси-* обнаруживает усечение, либо слово *таксист* имеет такой состав: *таксист*, т. е. произошло наложение морфов, корень не усекается. Доказательством того, что перед суффиксом ***-ист*** корни

[1] Н. А. Янко-Триницкая. Приспособление заимствованных слов на гласный ..., стр. 74.

[2] Там же.

могут сохранять конечную гласную фонему основы, служат производные типа *дзюдо-ист*, *каноэ-ист*.

Какое же из предположений верно? Чтобы решить это, надо выяснить, существует ли иерархия явлений морфемного шва, т. е. следует ли (при возможности неединственной интерпретации того или иного факта [1]) отдавать предпочтение тому, а не иному явлению морфемного шва.

По мнению некоторых лингвистов (например, Н. А. Янко-Триницкой), наложение морфем «хуже», чем усечение основ, так как оно заставляет «отступать от линейного членения основ, которое, несомненно, проще»[2]. С нашей точки зрения, дело обстоит как раз наоборот, т. е. наложение не «хуже», а «лучше» усечения, поскольку при нем производящая основа сохраняется целиком и, следовательно, не затемняется соотношение между производящим и производным. Что касается линейной выделимости морфов, то при наложении она не устраняется. Каждый морф вполне четко линейно выделяется, несмотря на наличие общей части у двух соседних морфов.

§ 116. Явлением наложения объясняется тот факт, что в русском словообразовании в один словообразовательный тип объединяются слова с исторически производными суффиксами и слова с суффиксами простыми, присоединяемыми к основам, оканчивающимся на тот же формальный элемент, который отличает простой суффикс от производного. При этом обычно простой суффикс бывает непродуктивен вне указанных условий, т. е. употребляется только в сочетании с основами, конец которых как бы дополняет простой суффикс до производного. По существу мы имеем в таких случаях один и тот же суффикс, выступающий в основах с наложением морфов и без наложения морфов. Это явление характерно для следующих словообразовательных типов:

---

[1] О принципиальной возможности неединственности лингвистических решений см.: И. А. Мельчук. К проблеме выбора описания при неединственности морфологических решений. В кн. «Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского». М., «Наука», 1971.

[2] Н. А. Янко-Триницкая. Приспособление заимствованных слов..., стр. 74.

1) глаголов, производимых с помощью суффикса ***-нича-(ть)*** от основ имен существительных без ***-ник*** *(лентяй-ничать, либераль-ничать, столяр-ничать, слесар-ничать)* и от основ существительных на ***-ник*** *(школьник — школьничать, безобразник — безобразничать, разбойник — разбойничать);*

2) прилагательных с суффиксом ***-чат-***, производимых от основ неуменьшительных существительных *(рукавчатый, матерчатый)* и от существительных с основами на ***к***, ***ц***, чередующимися с ***ч*** перед суффиксом *(сетчатый*, ср.: *сетка; бугорчатый*, ср.: *бугорок; сборчатый*, ср.: *сборка; дырчатый*, ср.: *дырка)*. Для многих из таких прилагательных характерна возможность двойной мотивированности — и уменьшительным, и неуменьшительным существительным: *бугорчатый — бугор, бугорок, дырчатый — дыра, дырка, скорлупчатый — скорлупа, скорлупка.*

Подтверждением того факта, что в прилагательных от основ на ***к***, ***ц*** используется суффикс ***-чат-***, а не ***-ат-*** (т. е. происходит наложение морфов), является наличие чередования ***к/ч***, ***ц/ч*** в этих производных. Если бы в них функционировал суффикс ***-ат-***, чередование должно было бы отсутствовать, так как перед этим суффиксом ***-ат-*** заднеязычные не чередуются с шипящими, т. е. производные от уменьшительных имен должны были бы сохранять ***к*** в основе: *лапка — «лапк-атый»*, *скорлупка — «скорлупкатый»* и т. д., подобно *рога — рогатый, рука — рукатый, брюхо — брюхатый.*

§ 117. Наложение морфов происходит в тех случаях, когда на морфемном шве должно было произойти столкновение двух тождественных слогов ***(-ов + ов***, ***-ло + ло***, ***-но + но***, ***-фо + фо)***, двух тождественных гласных фонем ***(и + и, о + о)*** или двух тождественных сочетаний согласных ***(ск + ск)***.

При столкновении тождественных согласных фонем интерференции не происходит: *вагон — вагонный, целина — целинный, гулять — гулливый* и т. п.

§ 118. На стыке приставки и основы в современном словообразовании интерференция отсутствует. Ср., например, в производных, имеющих тождественные гласные

фонемы: *со-отчет*, *со-опекун*, *архи-искренний*, *анти-исторический*, *ультра-активный*. Отсутствует она и в производных, имеющих два тождественных сочетания фонем: *при-рисовать* [1], *архи-хитрый*, *ультра-радостный*.

В этом факте обнаруживается бóльшая самостоятельность приставки в слове, чем суффикса, ее бóльшая отъединенность, отграниченность от основы (см. в гл. II).

§ 119. Наложение не приводит к разобщению производных с интерферированными и неинтерферированными морфами одного и того же словообразовательного типа. В производных с интерферированными морфами сохраняется линейная выделимость морфов и ясная соотносительность производной основы с производящей.

РАЗНОВИДНОСТИ МОРФОВ ОДНОЙ МОРФЕМЫ

§ 120. В предыдущих разделах были рассмотрены морфонологические условия взаимоприспособления морфов, расположенных в линейной последовательности, т. е. синтагматический аспект морфонологии. Перейдем теперь к рассмотрению вопроса о том, какие из морфов составляют одну единицу более общего характера, иными словами, объединяются в одну морфему, т. е. к парадигматическому аспекту морфонологии. Эту проблему называют проблемой отождествления (или идентификации) морфем[2]. Частично она рассматривалась в гл. II. Там говорилось, что в одну морфему объединяются морфы, которые по отношению друг к другу являются вариантами или алломорфами. Напомним определение тех и других.

Вариантами одной морфемы называются морфы, которые тождественны и по значению, и по позиционному распределению и способны в любой позиции заменять друг друга (т. е. находятся в отношениях свободного

---

[1] Например: «*Пририсуйте* мне сюда цветок для живописности» (из устной речи).

[2] См. об этом: Н. Д. Арутюнова и Е. С. Кубрякова. Морфология в трудах американских дескриптивистов. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961. См. там же литературу вопроса.

варьирования). Таковы, например, флексия ***-ой/-ою*** существительных и прилагательных *(водой/водою, рукой/рукою; чёрной/чёрною, белой/белою)*, суффикс прилагательных ***-ошеньк-/-охоньк-*** *(белёшенький/белёхонький, синёшенький/синёхонький)*.

Алломорфами называются тождественные по значению морфы, функционирование которых определяется их позицией в слове; следовательно, они находятся в отношении дополнительного распределения (дистрибуции). Необходимо добавить, что позиция того или иного алломорфа может определяться положением перед, положением после определенного класса единиц или положением между какими-то классами единиц.

§ 121. В русском словообразовании алломорфия развита гораздо значительнее, чем вариантность морфем, поэтому остановимся на ней подробнее.

Как следует из определения, в отличие от вариантов алломорфы имеют два различия: формальное и позиционное. Поэтому, рассматривая разновидности алломорфов с точки зрения этих двух различий, их можно классифицировать по двум признакам:

А. по характеру позиций.

Б. по характеру формального различия.

Разберем обе названные группы.

А. В зависимости от того, какого рода условия существенны для функционирования того или иного морфа, различаются следующие виды позиционно противопоставленных морфов:

А. 1. Морфы, выбор которых определяется фонетической позицией. Так, в конце слова звонкие согласные чередуются с парными глухими: [дуб-ы́] — [дуп]. Такие разновидности морфов не представляют интереса для словообразования, так как они являются результатом действующих в языке живых фонетических законов. Выбор морфа никак не связан с грамматикой и, следовательно, с морфонологией. Будем называть такие разновидности морфов фонетическими. Еще несколько примеров таких единиц, в корнях: [луг-а́] — [лук], [афц-а́] — [о́фц-ы]; в приставках: [с]-*ки́нуть* — [з]-*бро́сить*, [ф]-*тащи́ть* — [в]-*дви́нуть*. Морфы этой разновидности встречаются и в разных словах, и в разных формах одного слова (см. приведенные выше примеры).

Морфы, выбор которых зависит от сочетаемости с единицами определенного грамматического характера, т. е. от грамматической позиции.

Различаются две разновидности этой позиции: собственно грамматическая и морфонологическая. Собственно грамматическая позиция не связана с фонемным составом единиц, она определяется только их грамматическим характером. Морфонологическая позиция связана и с грамматическим характером единиц, и с их фонемным составом, т. е. характеристика этой позиции включает в себя ограничения и грамматические, и фонологические.

А. II. Морфы, выбор которых определяется собственно грамматической позицией. Например, морфы наречного суффикса ***-о/-и*** различаются сочетаемостью с производящими основами прилагательных: морф ***-о*** выступает в позиции после основ прилагательных (непроизводных и производных с суффиксами различного фонемного состава), морф ***-и*** — после основ прилагательных с суффиксами ***-j-*** и ***-ск-*** *(мил-о, ленив-о, ходк-о, виноват-о, умн-о,* но *волчj-и, дружеск-и, разбойническ-и, отцовск-и).*

Почему мы утверждаем, что в таких случаях играет роль не фонемный состав соседней единицы, а лишь ее грамматический характер? Если мы возьмем прилагательные *броский, тряский, ноский* и т. п., в которых к основам *брос-, тряс-, нос-* присоединен суффикс ***-к-*** (ср. этот суффикс в прилагательных *мыл-кий, ход-кий, топ-кий*), то, несмотря на наличие сочетания фонем ⟨ск⟩ в конце основы, такие прилагательные будут образовывать наречия с помощью морфа ***-о***, а не ***-и***, как следовало бы ожидать, если бы в распределении этих морфов играл роль фонемный состав соседнего морфа, а не его грамматический характер. Таким образом, одно и то же сочетание фонем ⟨ск⟩ ведет себя по-разному в зависимости от того, является ли оно суффиксом ***-ск-*** или сочетанием конечного согласного основы с суффиксом ***-к-***.

Алломорфы этой разновидности могут выступать только в разных словах; в формах одного слова они не встречаются.

А. III. Морфы, выбор которых зависит от сочетаемости с единицами определенного грамматического харак-

тера и фонемного состава, т. е. от морфонологической позиции.

Например, в корневых морфемах с исходом на заднеязычные фонемы в позиции перед суффиксами существительных и прилагательных, начинающимися фонемами ⟨н⟩ или ⟨н'⟩, а также перед глагольным суффиксом ***-нича-*** заднеязычные чередуются с шипящими: ***г/ж***, ***к/ч***, ***х/ш*** *(книга — книж-ный, книж-ник, рука — руч-ной, подручный, песок — песоч-ный, песоч-ница, бродяга — бродяжничать, скоморох — скоморош-ничать)*.

Перед глагольным суффиксом ***-ну-/-н-*** названное чередование отсутствует: *ох-нуть, ох-нет, ах-нуть, ах-нет, трах-нуть, ик-нуть, бряк-нуть, прыг-нуть* и т. п. (а не «ошнуть», «брячнуть»).

На границе морфов сочетание заднеязычных с фонемами ⟨н⟩ и ⟨н'⟩ недопустимо: *кнут, книга, гном, гнить, хна, о хне*.

Еще пример. Суффиксальные морфы ***-ок-/-к-*** чередуются в зависимости от фонемного состава последующего морфа: если он содержит гласную фонему, употребляется морф ***-к-***, если он не содержит гласной — морф ***-ок-***, например: *прыж-ок*, но *прыж-к-а, прыж-к-у, кивок*, но *кив-к-а, кив-к-у* и т. д.[1].

Морфы этой разновидности могут выступать:

а) в разных словах: *книг-а/книж-ный, песок/песочница;*

б) в разных формах одного слова: *прыж-ок/прыж-к-а, брос-ок/брос-к-а, кив-ок/кив-к-а*.

Таким образом, позиции алломорфов третьей разновидности устанавливаются в зависимости от двух условий: грамматического характера и фонемного состава соседних единиц. Роль второго условия сказывается в том, что морфы, включающие одни и те же фонемы, одинаковым образом влияют на строение рассматриваемого алломорфа. Так, чередование заднеязычных с шипящими в корнях вызывается соседством с разными суффиксами, начинающимися фонемами ⟨н⟩, ⟨н'⟩, ⟨к⟩, ⟨и⟩ (см. примеры выше, в разделе «Чередование фонем»). Ср.: *книг-а* и

---

[1] В ряде слов суффиксальный морф ***-ок*** не имеет алломорфа ***-к***, что объясняется строением основы; отсутствует названное чередование, если предсуффиксальный морф содержит группу согласных: *езд-ок, езд-ок-а, езд-ок-у*, см. подробнее выше.

книж-н-ый, *книж-ник*, *книж-иц-а*, *книж-ищ-а*, *книж-к-а*; *ног-а* и *нож-н-ой*, *нож-ищ-а*, *нож-к-а* и т. п.

А. IV. В качестве разновидностей морфов, тождественных по значению и находящихся в отношении дополнительного распределения, нередко рассматривают морфы, закрепленные в лексически определенных, нетипизированных позициях [1]. Таковы морфы *колодец-* и *колодез'-* (ср.: *колодез-ный*) [2] и им подобные. Такие единицы различаются составом морфонем, а не чередованием фонем. Чередование — явление регулярное, повторяющееся в определенных условиях [3]. Если нет повторяющихся условий, нет и чередования. Таким образом, мы не видим в указанных случаях чередования фонем или морфонем. Г. О. Винокур предлагал называть описываемое явление вариантами основы[4].

§ 122. Выясним, насколько правомерно называть одним термином — алломорфы — четыре указанные выше разновидности морфов. Удовлетворяют ли эти разновидности морфов данному выше определению алломорфов?

По принятому определению выбор одной из разновидностей обусловливается позицией. Однако понятие позиции принимает разное содержание в применении к четырем выше рассмотренным разновидностям морфов. По направлению от фонетической позиции к лексической про-

---

[1] Г. Глисон называет позиционную обусловленность такого рода морфологической. На наш взгляд, это неудачное применение термина «морфологический», так как последний предполагает обобщение условий, связанное с какой-то грамматической формой. В данном же случае мы имеем единичное, неповторяющееся условие, т. е. лексическую обусловленность (см.: Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 104—105).

[2] В производных перед суффиксами *-н-* и *-ник* выступает лишь морф с конечной ⟨з⟩; перед падежными флексиями *ц — з'* свободно варьируются.

[3] См.: Г. О. Винокур. Заметки по современному русскому словообразованию, стр. 428.

[4] См. указ. соч., стр. 428. Ср. также: «Такие разновидности одной и той же морфемы, между звуковыми составами которой нет регулярного соответствия, при сохранении тождественности самой морфемы будем называть вариантами морфемы» (Г. О. Винокур. Чередование звуков и смежные явления в современном русском языке, стр. 17).

исходит сужение понятия позиции и ослабляется признак отсутствия исключений. Фонетическая позиция наиболее строга, она не допускает нарушений.

Собственно грамматическая позиция определяется соседством с каким-либо грамматическим классом единиц независимо от его фонемного состава.

Для морфонологической позиции характерно обнаружение одного и того же чередования в разных грамматических позициях, т. е. обобщение ряда позиций с точки зрения проявления в них одного и того же чередования.

Таким образом, по сравнению с фонетической позицией морфонологическая и грамматическая позиции «менее всеобщи» [1]. Они иногда допускают исключения (см. примеры выше, в разделе о чередованиях).

По отношению к морфам четвертой разновидности (вариантам основы) действует «лексическая позиция». Совершенно ясно, что в этом случае понятие «позиция» приобретает иное содержание, так как оно теряет свое существенное свойство — обобщающий характер, ибо лексическая позиция — нечто индивидуальное, нетипизированное. Между тем в фонологии и грамматике само понятие позиции предполагает обобщение каких-то условий функционирования лингвистической единицы. В этом состоит смысл, сущность этого понятия. «Распределение по лексическим позициям» означает отсутствие каких-либо закономерностей в распределении, «индивидуальность» позиции, словарную заданность. Поэтому, говоря о лексических позициях, мы покидаем область словообразования и вторгаемся в область лексики [2]. Следовательно,

---

[1] Ср. такие формулировки фонетической и грамматической позиции: «положение перед звуком *у*» и «положение перед флексией 1-го л. ед. числа — *у*» (т. е. не перед всеми *у*, а перед теми, которые являются флексией 1-го л. ед. ч.). Очевидно, что во втором случае названы более жесткие ограничения.

[2] Вероятно, о лексических позициях можно говорить, рассматривая позицию слова в составе каких-то более крупных единиц. В таком случае выбор вариантов типа *шкаф* — *шкап* (просторечн.) может быть призван мотивированным стилистически — помещением в тексте того или иного характера. Однако позиция такого рода не есть позиция морфа в слове, это позиция слова в каких-то более крупных единицах языка. Между тем алломорфами являются морфы, распределение которых обусловлено их позицией именно в слове.

четвертая разновидность морфов (варианты основы) — факт не словообразования, а словаря [1].

Единицы типа *шкап — шкаф*, характеризуемые индивидуальными, не повторяющимися различиями, являются вариантами основы (или корня), т. е. объединяются на уровне лексики. На морфемном уровне они представляют собой разные единицы, следовательно, не являются алломорфами.

Первая, вторая и третья разновидность морфов позиционно распределены. Существует, однако, различие, проводящее резкую границу между первой и двумя другими разновидностями. Морфы первой разновидности — единицы фонетического уровня, они находятся за пределами морфологии и словообразования. Поэтому следует их ограничить терминологически и назвать фонетическими разновидностями морфов. Морфы второй и третьей разновидности — единицы морфонологии и словообразования. Поэтому термин алломорфы должен быть закреплен за ними.

§ 123. Для того чтобы сделать наши рассуждения более наглядными, произведем сопоставление морфонологии с фонологией.

В фонологии

а) В фонологии существует позиционное чередование аллофонов. Позиционное чередование — явление регулярное, в определенной фонологической позиции обнаруживающееся без исключений. Например, в позиции

---

[1] Напомним мнение Л. В. Щербы о различии между грамматикой и лексикой: «Принимая во внимание единичность лексических элементов и применимость правил грамматики о словообразовании и словоизменении ко многим словам, можно противополагать лексическое грамматическому как единичное — типовому. В этом смысле я предлагаю говорить о явлениях словарных и типовых» (разрядка автора.— *Е. З.*) (Л. В. Щерба. Преподавание иностранных языков в средней школе. М.— Л., 1947, стр. 82). Ср. также: «С одной стороны, все индивидуальное, существующее в памяти как таковое и по форме никогда не творимое в момент речи — лексика, и, с другой стороны,— все правила образования слов, формы слов, группы слов и других языковых единств высшего порядка — грамматика» (Л. В. Щерба. Очередные проблемы языковедения. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1945, № 5, стр. 181).

конца слова звонкие всегда чередуются с глухими: [дубы́] — [дуп], [луга́] — [лук] и т. п.; [б] и [п], [г] и [к] являются аллофонами одной фонемы. Это позиционное фонетическое чередование.

б) В словоформах *смазать — смажу* наблюдаем разные звуки [з] и [ж]. Их мена не является позиционным фонетическим чередованием, так как во многих других случаях [з] в позиции перед звуком [у] не чередуется с [ж], например: *роза — ро́зу, воз — во́за — во́зу; глаза́ — в глазу́*. Таким образом, мена [з] и [ж] не является фонетическим чередованием: она не определяется фонетической позицией. Следовательно, в словоформах *смазать — смажу* с точки зрения фонологии нет чередования аллофонов, а разный состав фонем.

В морфонологии

Позиционная мена единиц в морфонологии определяется иначе, чем в фонологии.

а) В словоформах *смазать — смажу* мена ***з/ж*** определяется морфологической позицией: она происходит перед флексией ***-у*** 1-го лица единственного числа глаголов, а не перед фонемой ⟨у⟩ и обнаруживается у глаголов определенных классов типа: *возить — вожу, сказать — скажу, резать — режу*. Мена ***з/ж*** поэтому является морфонологическим чередованием. Чередование ***з(з')/ж*** обнаруживается и в других грамматических позициях, например, в формах страдательных причастий прошедшего времени перед суффиксом ***-ен-***; в соотносительных формах глаголов совершенного и несовершенного вида конечное ***з(з')*** основы чередуется с ***ж***: *заморозить — заморож-ен, нагрузить — нагруж-ен; замозить — замораж-ивать, нагрузить — нагруж-ать* и т. п.

Таким образом, в словоформах *заморозить — заморожен, смазать — смажу* происходит чередование фонем (не аллофонов!), являющихся членами одной морфонемы: {з — з' — ж}.

б) В случаях типа *броск-о/дружеск-и* имеем чередование не фонем, а морфонем (более абстрактных единиц), обусловленное грамматической позицией аффикса (принадлежностью основы к определенному грамматическому классу единиц).

Итак, чередование аллофонов (членов одной фонемы) определяется фонетической позицией, чередование фонем

(членов одной морфонемы) — морфонологической позицией, чередование морфонем — грамматической позицией. При отсутствии позиционного распределения любого из названных уровней имеем не чередование соответствующих единиц, а нерегулярное различие в составе единиц.

§ 124. В случаях типа *колодез'-/колодец* на уровне морфонологии нет чередования фонем ⟨з'⟩ и ⟨ц⟩, так как мена ***з'*** — ***ц*** не является регулярной, т. е. не существует никакой морфонологической позиции, в которой происходило бы регулярное чередование этих фонем. Мена ***з'*** и ***ц*** в случае *колодез'-/колодец* не является и чередованием морфонем, так как не существует и грамматической позиции, в которой происходило бы чередование фонем ⟨з'⟩ и ⟨ц⟩ в других корневых морфемах, кроме вышеприведенной. Именно поэтому в случае *колодез'-/колодец* мы видим нерегулярное различие в основе (варианты основы), а не чередование фонем или морфонем.

§ 125. Рассмотрим противопоставление алломорфов по второму признаку *(Б)*, т. е. по характеру различия между ними. Здесь существует две подгруппы:

Б. I. Алломорфы, различающиеся чередованием конечных элементов;

Б. II. Алломорфы (только корневые!), различающиеся усечением/отсутствием усечения конечных элементов. Такие алломорфы характеризуются тем, что один из них является укороченным вариантом другого; в остальном они тождественны.

Теоретически можно предположить, что подгруппы *Б.I* и *Б.II* алломорфов могут встречаться во всех выше рассмотренных видах позиций. Посмотрим, так ли это.

Б.I. Алломорфы этой подгруппы встречаются в фонетической, грамматической и морфонологической позициях (см. примеры выше, § 121).

Б.II. Алломорфы этой подгруппы менее изучены, чем алломорфы, различающиеся чередованием. По предварительным наблюдениям, можно полагать, что они встречаются в позициях двух видов: фонетической и морфонологической.

а) Фонетическая позиция конца слова: алломорфы тождественны по составу, но в одном из них конечная фонема отсутствует, например в устной речи: *пусть* —

[пус'], *театр* — [т'ат], *Петр* — [п'от]. Разновидности такого рода, как и другие фонетические разновидности, не представляют интереса для морфонологии, так как их выбор определяется живыми фонетическими закономерностями.

б) Морфонологическая позиция: алломорфы тождественны по составу, но в укороченном морфе отсутствует конечная фонема, имеющаяся в неусеченном морфе: *пальто/пальт-*, *кенгуру/кенгур-*, *редк-/ред-*, *мокр-/мок-*. Употребление таких морфов определяется их морфонологической позицией, распространяющейся обычно на ряд основ, характеризуемых какими-то общими свойствами. Например, морф *пальто* употребляется вне сочетания с деривационными аффиксами, морф *пальт-* — в сочетании с различными суффиксами субъективной оценки: *пальт-ецо*, *пальт-ище*, *пальт-ишко;* также: *либретто*, но *либретт-це*, *либретт-ище*, *либретт-ишко*, *сопрано*, но *сопран-це*, *сопран-ишко*, *кенгуру*, но *кенгур-ища*, *кенгур-ишка* и т. п.

Морф *редк-/редч-* употребителен в составе прилагательного *(редкий, редчайший)*, усеченный морф — в глаголах с суффиксом *-ø-/-и-: проред'-ить*, *разред'-ить*. Ср. употребление морфов *крепк-/крепч-* и *креп-: крепк-ий*, *крепчайший*, но *укреп'-ить*, *прикреп'-ить*. И эта разновидность алломорфов различается составом фонем и морфонем. Здесь можно было бы видеть чередование фонемы с нулем, но это неправомерно (см. подробнее выше, § 111).

§ 126. При объединении морфов в морфему, как видно из вышеизложенного, учитывалось тождество значения морфов и их распределение (дополнительное распределение по позициям или свободное варьирование в любых позициях). Выясним, нужно ли при этом учитывать фонемную близость объединяемых отрезков.

По этому вопросу существуют разные мнения. Как справедливо указывают В. В. Лопатин и И. С. Улуханов, «положительное решение этого вопроса требует точного определения понятия формальной близости морфов, а этого до сих пор (по всяком случае применительно к русскому языку) не было сделано» [1]. Из примеров видно, что

[1] В. Лопатин, И. Улуханов. О принципах словообразовательного анализа и классификации морфов. «Русский язык в национальной школе», 1969, № 5, стр. 16.

принципы отождествления алломорфов, сформулированные выше, приводят к объединению в одну морфему как морфов, имеющих фонематическую общность (типа *книг-/книж-*), так и лишенных ее (типа алломорфов наречного суффикса ***-о/-и***). Такое решение является приемлемым, если оно проводится последовательно.

§ 127. Некоторые лингвисты объединяют в одну морфему тождественные по значению и разные по форме деривационные аффиксы, даже если они не находятся в отношении свободного варьирования и/или дополнительной дистрибуции, исходя из мнения, что в одну морфему должны объединяться тождественные по значению морфы независимо от близости их фонемного состава [1]. Эти единицы предложено называть «суффиксемы» и «префиксемы» [2]. Таким образом конструируются единицы, так же относящиеся к суффиксам и префиксам, как морфема к морфам. Например, Г. С. Зенков объединяет в одну суффиксему суффиксы ***-тель*** и ***-льщик***, ***-ние*** и ***-к(а)*** [3].

Посмотрим, находятся ли суффиксы ***-льщик*** и ***-тель*** в дополнительной дистрибуции или в свободном варьировании. Как показывает Г. С. Зенков, эти суффиксы встречаются в одной позиции при основах глаголов несовершенного вида *(копнитель — копнильщик)*. Однако они взаимозаменимы в этих условиях не всегда, а это является необходимым для позиции свободного варьирования. Приведем примеры, в которых суффикс ***-льщик*** не может заменить ***-тель*** при основах несовершенного вида: *любитель*, *правитель*, *каратель*, *житель* и т. п. У нас нет слов «любильщик», «правильщик», «жильщик» и т. п. Поэтому нельзя говорить о позиционном распределении этих суффиксов и, следовательно, объединять их в одну морфему. Проводя последовательно точку зрения Г. С. Зенкова, следовало бы объединять в одну морфему суффиксы ***-н-***, ***-ов-***, ***-ск-*** относительных прилагательных, префиксы ***архи-***, ***ультра-***, ***пре-***, ***сверх-*** существительных и прилагательных, суффиксы существительных со значением действующего лица: ***-тель***, ***-щик/-чик***, ***-ун***, ***-ец/-ц-***, суффиксы

---

[1] См., например: Г. С. Зенков. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969.

[2] См. там же, стр. 60—64.

[3] См. там же, стр. 61.

существительных со значением отвлеченного признака: ***-изн(а)***, ***-ин(а)***, ***-от(а)***, ***-ость*** и т. д., т. е. единицы, тождественные по значению и распределенные каким-то образом среди основ.

Посмотрим внимательнее, как именно организовано распределение таких единиц, как ***-тель***, ***-ун***, ***-ец***, ***-щик/-чик*** и т. п. Если взять однородную в семантико-грамматическом отношении группу глаголов движения, то с точки зрения синхронного изучения языка не существует ни фонетических, ни морфонологических, ни грамматических объяснений тому факту, что имя деятеля от глагола *плавать* образовано с помощью суффикса ***-ец(плов-ец)***, от глагола *ходить* с помощью суффикса ***-ок*** *(ход-ок)*, а от глаголов *прыгать*, *летать*, *ползать*, *бегать* с помощью суффикса ***-ун*** *(прыг-ун, лет-ун, полз-ун, бег-ун* [1]). Это распределение суффиксов узуальное: индивидуальное, лексическое, нерегулярное. В качестве другого примера, иллюстрирующего наличие словарного распределения в функционировании тождественных по значению суффиксов, можно привести употребление суффиксов, производящих имена существительные со значением отвлеченного признака: ***-изн(а)****: голуб-изна, желт-изна, прям-изна, крут-изна;* ***-ев(а)****: син-ева;* ***-от(а)****: шир-ота, выс-ота, черн-ота, красн-ота, прям-ота;* ***-ин(а)****: глуб-ина, шир-ина;* ***-ость****: смел-ость, храбр-ость, весел-ость, розов-ость, фиолетов-ость, крут-ость, широк-ость;* ***-ø*** (плюс система флексий слов типа *кость*): *ширь-ø, высь-ø, синь-ø, глубь-ø* [2].

Таким образом, объединение подобных аффиксов в «суффиксему» не отвечает условиям идентификации морфем. Если считать их членами какой-то общей единицы, то это будет единица иной степени абстракции, чем та, которую называют морфемой. Члены этой единицы (в отличие от членов морфемы) лишены позиционной распределенности (упорядоченности), они находятся в лексическом, словарно заданном распределении. Правила их распределения отсутствуют. Именно в этом состоит прин-

---

[1] Ср. наличие слов *летчик* и *беглец* с иным лексическим значением.

[2] См. также гл. VII, в которой рассматривается отсутствие строгих закономерностей в образовании производных слов, наличие многих ограничений, накладываемых на соединение деривационных морфем с основами.

ципиальное различие между алломорфами и вариантами одной морфемы, с одной стороны, и тождественными по значению, но разными аффиксами типа ***-тель***, ***-ун***, ***-ец***, ***-щик/-чик*** и т. п.— с другой.

Итак, алломорфы — это такие тождественные по значению морфы, выбор которых определяется их позицией (грамматической или морфонологической). Иными словами, в распределении таких единиц существуют закономерности, которые могут быть изложены в виде правил. В тех случаях, когда распределение ряда тождественных по значению морфов является лексическим (словарно заданным), имеем дело с разными единицами — синонимическими аффиксами (например, ***-тель, -ун, -ец, -щик/-чик)*** или вариантами основы (например, *шкаф — шкап)*.

Дополнительная литература к главе IV

Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., Учпедгиз, 1945.

Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию (1946). В кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1959.

Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику (пер. с англ.). М., 1959, гл. 5,6, 7.

«Грамматика современного русского литературного языка». М., «Наука», 1970.

Е. А. Земская. Интерфиксация в современном русском словообразовании. В кн. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., «Наука», 1964.

П. С. Кузнецов. О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1952, вып. 1.

Ю. С. Маслов. О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема». «Ученые записки ЛГУ», т. № 301. Серия филологических наук, вып. 60, 1961.

Ю. С. Маслов. Промежуточные уровни в структуре языка. В кн. «Проблемы языкознания». М., «Наука», 1967.

М. В. Панов. О грамматической форме. «Ученые записки МГПИ им. Потемкина», т. 73, вып. 6. М., 1959.

А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики. В кн. «Вопросы грамматического строя». М., 1955.

N. S. Trubetzkoy. Das morphonologische System der russischen Sprache. «Travaux du cercle linguistique de Prague», t. V, 2, 1934.

Н. М. Шанский. О соединительной гласной как словообразовательной морфеме. «Русский язык в школе», 1958, № 5.

Глава V

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

§ 128. Понятие «способ словообразования» в синхронном и в диахроническом словообразовании имеет разное содержание. В диахроническом словообразовании это понятие служит для ответа на вопрос, с помощью какого средства (или каких средств) образовано производное слово; в синхронном словообразовании оно используется для ответа на вопрос, с помощью какого средства (или каких средств) выражается деривационное (словообразовательное) значение производного слова (о понятии «деривационное значение» см. в гл. VI).

§ 129. Обычно называют четыре способа словообразования и определяют их следующим образом:

лексико-семантический — образование нового слова в результате изменения значения уже существующего слова; ср., напр. *кулак* и *кулак* (богатый крестьянин);

лексико-синтаксический — создание нового слова из словосочетания в результате объединения двух или более слов, например *сумасшедший* (из *с ума сшедший*);

морфолого-синтаксический — возникновение нового слова в результате перехода слова или отдельной словоформы в другую часть речи, например: *батюшки!* — междометие (из формы множественного числа существительного), *благодаря* — предлог (из формы деепричастия глагола *благодарить*);

морфологический — образование производного слова в результате присоединения словообразовательных (деривационных) аффиксов к производящей основе, на-

пример: *барабан — барабан-**щик**, конфета — конфет-**н**ый, ехать — **при**-ехать.*

Подобное определение способов словообразования относится к диахроническому словообразованию.

§ 130. Выясним, какие способы словообразования характерны для синхронного словообразования и как их следует определять.

К синхронному словообразованию относится прежде всего тот способ словообразования, который принято называть морфологическим. Он включает основное многообразие производных с синхронной точки зрения слов. Однако термин «морфологическое словообразование» не передает точно содержание обозначаемого понятия и содержит ненужные ассоциации с термином «морфология». Более точно, на наш взгляд, соответствующие понятия выражает термин «аффиксальное словообразование». Синхронное понимание этого термина таково: способ словообразования, в котором средством выражения деривационного значения производного слова является аффикс (или аффиксы).

Лексико-семантический способ действует в сфере диахронического словообразования. Слова, образованные этим способом, обычно бывают продуктом длительного исторического развития. Многие из них в системе современного языка являются непроизводными, т. е. не связанными со словами, породившими их когда-то. Так, с точки зрения синхронного изучения языка не имеет значения, произошло ли название *речная коса* от *коса* (женская) и т. п. Изучение путей и способов образования таких слов — задача исторического языкознания.

Кроме того, в современном языке существуют регулярные способы семантических переносов, производимые на основе метонимического сближения понятий; например, названия вместилищ употребляются для обозначения содержимого этих вместилищ (ср.: *стакан* — 'сосуд' и 'содержимое сосуда': *выпил два стакана*) [1]. Однако в результате таких переносов образуются не особые слова, а особые значения слова, так что нет основания считать

[1] См. наблюдения Д. Н. Шмелева над этим явлением в кн. «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 106 и след.

такие переносы способом словообразования [1]. Изучение подобных явлений — задача лексической семантики.

Лексико-синтаксический способ так же, как правило, действует в сфере исторического словообразования. Слова, образуемые этим способом, создаются в результате длительного исторического развития и обычно производятся индивидуальным путем, а не каким-либо типизированным образом. Ср.: *сегодня* (из *сего дня*), *нельзя* (из *не*+*льзя; льзя* — древнерусск. *можно*) и т. п.

С точки зрения синхронного изучения языка существует лишь один типизированный вид лексико-синтаксического словообразования — сращение. К этому способу принадлежат прилагательные, соотносимые со словосочетаниями, состоящими из «прилагательного (или причастия) + определяющее их слово», например: *быстрорастворимый, долгоиграющий* (см. подробнее ниже). Средство выражения деривационного значения — закрепленный порядок частей и единое ударение.

Морфолого-синтаксический способ объединяет обычно разные явления. К диахроническому словообразованию относятся происходящие в результате длительного исторического развития изменения принадлежности той или иной единицы к определенной части речи, к синхронному — регулярные виды перехода слов какой-либо части речи в иную часть речи. К последним относится субстантивация — образование существительных на базе прилагательных, мотивирующих их формально и семантически. Субстантивация действует именно как способ синхронного словообразования [2]. Существуют постоянно пополняемые серии производных, характеризуемых единообразным отношением к производящим и единым обобщенным значением. Таковы, например, названия помещений по лицу, для которого оно предназначено: *учительская, профессорская, прорабская, диспетчерская, ординаторская;* названия денежных выплат: *командировочные, квартирные, суточные, северные*. Средство выра-

[1] Такого же мнения придерживаются авторы работы «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., «Наука», 1966, стр. 69.

[2] О субстантивации как способе синхронного словообразования см.: В. В. Лопатин. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. В кн. «Русский язык. Грамматические исследования». М., «Наука», 1967.

жения деривационного значения — изменение функции словоизменительных аффиксов производящего слова.

От субстантивации как способа синхронного словообразования следует отличать иные виды перехода слов или словоформ одних частей речи в другие, например переход словоформ различных частей речи в междометия *(батюшки! господи!)*, переход причастий в прилагательные *(блестящий ум, начитанный мальчик)* [1], а также употребление словоформ различных частей речи в роли существительных («Ваше *ох* меня испугало»; «Это резкое *уходи́те!* до сих пор звучало в ушах»). Очевидно, что в этом случае новых имен существительных не образуется: *ох* и *уходи́те!* в выше приведенных примерах не особые новые имена существительные, а именно употребление междометий и форм глагола в функции существительного[2]. Поэтому употребление форм различных частей речи (глагола, наречия, междометия и т. п.) в функции имен существительных необходимо отличать от субстантивации прилагательных и причастий и терминологически.

Целесообразно сохранить термин «субстантивация» лишь за тем явлением, результат которого — существительное, производное по отношению к однокоренному прилагательному, причастию или другому слову адъективного склонения.

§ 131. Перейдем к рассмотрению способов синхронного словообразования современного русского языка. Они подробно рассмотрены в книгах: В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове (М., 1947) и «Грамматика современного русского литературного языка» (М., 1970) [3].

Так как способы словообразования устанавливаются в зависимости от того, какие средства используются

---

[1] В. В. Лопатин убедительно показывает, что адъективация в отличие от субстантивации не является способом синхронного словообразования. См.: В. В. Лопатин. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию. «Вопросы языкознания», 1965, № 5.

[2] Ср.: В. В. Лопатин. Субстантивация как способ словообразования..., стр. 206.

[3] О способах именного словообразования в современном русском языке см.: В. В. Лопатин. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования. «Вопросы языкознания», 1966, № 1, стр. 86—87.

для выражения деривационного значения производного слова, в русском языке следует различать две основные группы способов словообразования: аффиксальные и безаффиксальные.

А. В аффиксальных способах словообразования основным средством выражения деривационного значения производного слова является аффикс (один или в сочетании с другими средствами, в первую очередь с парадигмой словоизменения производного слова). Естественно, что при этом учитываются и нулевые аффиксы (= значимое отсутствие аффикса; см. о них в гл. II).

Б. В безаффиксных способах словообразования аффиксы не участвуют. Для выражения деривационного значения производного слова служат другие средства, например, такие, как порядок следования частей производного слова, усечение производящей основы (или основ), изменение парадигмы словоизменения, единое ударение.

В зависимости от того, сколько производящих основ участвует в словообразовании, различают способы образования простых и сложных слов. Если в качестве производящей выступает одна основа, производное является простым словом. Если производящих основ две или более, производное является сложным словом [1].

§ 132. Рассмотрим аффиксальные способы словообразования.

Аффиксальные способы словообразования разграничивают, исходя из того, какого рода аффиксы (суффиксы, префиксы) принимают участие в выражении

---

[1] В составе сложного слова может быть и более двух компонентов (число их в принципе неограниченно). Однако сложные слова, в которые входит более трех компонентов, крайне редки и относятся к области окказионального словообразования (см. гл. X). Вот несколько примеров многокомпонентных сложных слов: «...нам нужен был какой-то сложный гибрид: *гидо-шофер-переводчико-бессеребренник*» (Ильф и Петров. Одноэтажная Америка);

«*Красно-желто-зеленооконный дом*
Светит в сетке тоненьких веток»
(В. Луговской. Московское небо);

«Экономистам надо... наводить сквозной порядок во всех этих *ресторанно-морально-материальных* делах» («Известия» от 2 авг. 1963 г.); «Подруги Лагутиной, пребывавшие сейчас в едином *озорно-задушевно-грустном* настроении» (Л. Карелин. Микрорайон).

Как правило, такие сложные слова свойственны художественной речи или шутливому разговорному языку.

деривационного значения. С другой точки зрения различают смешанные и несмешанные (чистые) аффиксальные способы словообразования. В несмешанных способах основным словообразовательным средством является один показатель (например, суффикс или префикс). В смешанных способах одновременно выступает несколько показателей (например, суффикс и префикс).

§ 133. Суффиксальный способ словообразования (суффиксация) — выражение деривационного значения с помощью суффикса и системы флексий производного слова. Как правило, производные одного и того же словообразовательного типа относятся к одному и тому же типу словоизменения. Однако среди суффиксальных существительных есть такие типы, в которых производные в зависимости от каких-то причин имеют разные парадигмы словоупотребления [1]. Выбор парадигмы производного может зависеть от грамматических признаков производящего, например категории рода. Так, существительные с увеличительным суффиксом ***-ищ-*** относятся к среднему роду, если производящее мужского или среднего рода *(нос — нос-ище, город — город-ище, ружье — ружь-ище)*; если же производящее существительное женского рода, то и производное относится к женскому роду *(рука — руч-ища, нога — нож-ища)*.

Суффиксация действует в словообразовании всех основных частей речи. Производные относятся как к той же части речи, что и производящие, так и к иной.

Существительные: *переплет — переплет-чик, учитель — учитель-ница, лимон — лимон'-ище; желтый — желт-ок; учить — учи-тель, разносить — раз-нос-чик.*

Прилагательные: *мама — мам'-ин, асфальт — асфальт-ов-ый, глаз — глаз-аст-ый, разрезать — разрез-н-ой.*

Глаголы: *лентяй — лентяй-нича-ть, белый — бел-е-ть, черный — черн'-и-ть.*

Наречия: *красивый — красив-о, глупый — глуп-о.*

§ 134. Префиксальный способ словообразования (префиксация) — выражение деривацион-

[1] См. об этом: «Грамматика современного русского литературного языка», стр. 41.

ного значения производного слова с помощью префиксов. Действует в словообразовании всех основных частей речи, но в отличие от суффиксов производное всегда относится к той части речи, что и производящее.

Существительные: *удар — контр-удар, фашист — анти-фашист, счастье — не-счастье, роман — анти-роман, пятитонка — супер-пятитонка, скорость — сверх-скорость.*

Прилагательные: *умный — пре-умный, прочный — сверх-прочный, военный — анти-военный.*

Глаголы: *читать — пере-читать, бежать — вы-бежать, думать — раз-думать, звенеть — от-звенеть.*

Наречия: *красиво — пре-красиво, быстро — пре-быстро, глупо — сверх-глупо.*

§ 135. Префиксально-суффиксальный способ — выражение деривационного значения производного слова с помощью префикса и суффикса. Оба аффикса участвуют в едином акте словообразования одновременно. Внутри префиксально-суффиксального способа словообразования различаются два подвида.

1) Производящим является сочетание существительного с предлогом. Предлог в составе производного преобразуется в приставку [1]. Наряду с приставкой в состав производного входит суффикс.

Существительные: *без денег — без-денежь-je, за рекой — заречь-je, за Волгой — за-волжь-je, под окном — под-окон-ник, на рукаве — на-рукав-ник.*

Прилагательные: *на столе — на-столь-ный, при школе — при-школь-ный, меж колхозами — меж-колхозный* [2].

2) В качестве производящей используется основа какой-либо части речи, к которой одновременно присоединяются приставка и суффикс. Производное не соотносится с сочетанием с предлогом.

Существительные: *накипь — анти-накип'-ин, спазма — анти-спазм'-ин, сын — па-сын-ок, курс — со-курс-ник, нос — пере-нос'-ица.*

Прилагательные: *размер — со-размер-ный, предел — со-предель-ный.*

---

[1] См.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 108, 137.
[2] См. там же, стр. 223.

Глаголы: *читать — в-читать-ся, думать — задумать-ся, бегать — на-бегать-ся, простой — у-прост'-и-ть.*

Наречия: *умный — по-умн-ому, честный — по-честн-ому, благородный — по-благородн-ому; французский — по-французск'-и.*

§ 136. Сложносуффиксальный способ — выражение деривационного значения производного с помощью словосложения и суффиксации. Действует в словообразовании имен существительных: *орденоносец, канатоходец, землепроходец* (не существует ни слов «орденонос», «канатоход» и т. д., ни слов «носец», «ходец» и т. д.).

§ 137. Нулевая суффиксация — выражение деривационного значения производного слова с помощью нулевого суффикса. Может выступать в чистом виде и в сочетании с другими словообразовательными средствами. Нулевая суффиксация без применения других средств словообразования представлена только в словообразовании имен существительных.

Сюда относятся отглагольные и отприлагательные существительные со значением отвлеченного действия (типа *приход, вывоз*), отвлеченного признака (типа *синь, сушь, гниль*), лица, названного по действию (типа *обжора, зайка*) и некоторые другие [1].

§ 138. Префиксация в сочетании с нулевой суффиксацией — выражение деривационного значения слова с помощью префикса и нулевого суффикса. Обнаруживается в словообразовании существительных (*седой — проседь, синий — просинь* и т. п.) и прилагательных (*без ноги — безногий, без головы — безголовый* и т. п.).

§ 139. Сложение в сочетании с нулевой суффиксацией — выражение деривационного значения производного слова с помощью словосложения и нулевой суффиксации. Действует в словообразовании существительных (например, существительные с общим значением действия типа *ледоход, сенокос* и т. п., со значением действующего лица типа *скалолаз* и т. п.) и прилагательных (например, *светловолосый, белозубый* и т. п.).

---

[1] Подробное описание существительных с нулевым суффиксом см. в работе: В. В. Лопатин. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования. «Вопросы языкознания», 1966, № 1.

§ 140. Рассмотрим безаффиксные способы словообразования. Они используются преимущественно в словообразовании сложных слов. Существует пять разновидностей безаффиксного способа словообразования.

§ 141. Чистое сложение — производное слово является соединением одной или нескольких основ какой-либо части речи с самостоятельным словом. Последний компонент — основной в сложении, так как именно он является носителем морфологических показателей.

Этот способ действует в словообразовании существительных и прилагательных.

Начальный член (или члены) может находиться с основным как в равноправных отношениях — отношениях сочинения *(черно-белый, сине-зеленый, диван-кровать, плащ-палатка)*, так и в неравноправных — отношениях подчинения *(водонепроницаемый, засухоустойчивый)*.

Компоненты, входящие в сложение, могут объединяться: а) посредством соединительного гласного [1]; б) без соединительного гласного (только существительные). Примеры см. выше.

Показателями цельнооформленности сложного слова являются закрепленный порядок компонентов, единое ударение (обычно на последней части), а также отсутствие изменяемости (при склонении) у начальных членов сложений, в том числе и тех, которые не имеют соединительной гласной: «Он спал, укрывшись *плащ-палаткой*»; «Не люблю я *диван-кроватей*»; «— Спросите разрешение *генерал-майора*» [2].

§ 142. Сращение. Этот способ действует только при образовании имен прилагательных (*быстрорастворимый, долгоиграющий* и т. п.).

Сращения отличаются от сложений тем, что они во всех своих формах тождественны по морфемному составу словосочетаниям, на базе которых они образованы. От соответствующих словосочетаний сращения отличаются тем, что имеют единое ударение и закрепленный порядок

---

[1] О природе соединительного гласного см. в гл. IV.

[2] Последний признак является факультативным для некоторых сложений. Например: «—Пообедай в *вагоне-ресторане*».

чаще (ср. с вышеприведенными словами: *растворимый быстро*, *играющий долго*, см. также § 145).

§ 143. Аббревиация — сложение усеченных основ или усеченных и полных основ. Способ аббревиации действует только в словообразовании имен существительных: *колхоз*, *СССР*, *ВЛКСМ*, *ООН*, *СЭВ*, *райфо*, *райздрав*, *исполком*, *зарплата* и др. Производные слова, относящиеся к способу аббревиации, называются аббревиатурами (или сложносокращенными словами). По значению аббревиатуры эквивалентны словосочетаниям, путем сокращения которых они образованы: *ГУМ* — Государственный универсальный магазин, *ООН* — Организация Объединенных Наций, *СЭВ* — Совет Экономической Взаимопомощи. При утрате соотносительности между аббревиатурой и словосочетанием утрачивается ее словообразовательная мотивированность, т. е. происходит ее опро́щение. В зависимости от того, из каких компонентов складывается аббревиатура, различают разные их виды (см. в гл. XI).

§ 144. В современном языке под влиянием аббревиации создается еще один способ безаффиксного словообразования — усечение производящей основы по аббревиатурному способу, т. е. вне зависимости от границы морфем. Этот способ действует только в словообразовании имен существительных (например, *магнитофон — маг*, *рок-н-ролл — рок*, *бадминтон — бад*, *трансформатор — транс* и т. п.) [1].

Возможно, что активизации этого способа словопроизводства в современном русском языке способствовало влияние современных западноевропейских языков [2].

---

[1] См.: Е. А. Земская. Понятие производности, оформленности и членимости основ. В кн. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966; Н. А. Янко-Триницкая. Влияние на словообразовательную систему новой структурно единой группы слов. В кн. «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского языка». М., 1968, стр. 269—280.

[2] См., например: С. Б. Берлизон. Сокращения в современном английском языке. «Иностранные языки в школе», 1963, № 3. Ср. в разговорном английском языке: *dok (doktor)*, *lab (laboratory)*; в разговорном французском языке: *exam (examen)*, *Huma («Humanité»)*, *prof (professeur)*, *labo (laboratoire)*, *maths (mathématiques)*.

§ 145. Безаффиксные способы образования сложных слов характерны только для имен существительных (чистое сложение и аббревиация) и прилагательных (сращение). Их отличие от аффиксальных способов состоит в том, что производные слова не имеют категориального, классифицирующего значения (носителем которого является аффикс), отличающего их от производящего. Значение производного складывается из объединения значений производящих слов. Однако деривационное значение этих слов не «сводится к объединению лексических значений основ, из которых так или иначе слагается мотивированное слово» [1]. Обычно производное не является простой суммой значений производящих, а содержит нечто своеобразное — какое-то обобщение значений производящих, иногда некоторый элемент терминологизации значения. Последнее особенно характерно для сращений и отражается на их сочетаемости с существительными. Так, прилагательное *долгоиграющий* применяется только к пластинкам (можно лишь в шутку сказать о ребенке «какой у нас *долгоиграющий* Петенька!»), *быстрорастворимый* — к сахару и т. п. Этой семантической и сочетаемостной прикрепленностью сращения как целостные слова отличаются от свободных сочетаний слов, послуживших базой для их образования.

§ 146. В словообразовании особое место занимает способ, при котором деривационное значение в производном выражается с помощью специфического преобразования парадигмы словоизменения производящего. Этот способ принято называть конверсией [2].

В русском языке конверсия действует при образовании имен существительных, мотивированных и по форме, и по смыслу прилагательными или причастиями. Данный способ словообразования называется субстантивацией (ср. термин субстантив — «имя существительное»). При этом парадигма прилагательного или причастия преобразуется: 1) количественно — существительное сохраняет лишь часть «прилагательной» парадигмы (формы одного из трех родов или формы множественного числа)

---

[1] В. В. Лопатин. Способы именного словообразования в современном русском языке. Автореферат канд. дис. М., 1966, стр. 20.

[2] От латинского conversio — «обращение».

и 2) качественно — согласовательные флексии прилагательного или причастия преобразуются в независимые аффиксы существительного [1]. Например: *сладкое*, *холодное*, *заливное*, *спиртное*, *третье*, *первое*, *второе*, *рвотное*, *слабительное*, *наружное*, *внутреннее* и т. п.; *бобовые*, *зонтичные*, *цитрусовые*, *парнокопытные* и т. п.; *ванная*, *аппаратная*, *телевизорная*, *бильярдная*, *душевая* и т. п. Такие производные называют субстантиватами.

Сущность этого способа состоит в том, что изменение парадигмы словоизменения производящего играет роль словообразовательного средства. Таким образом, этот способ занимает промежуточное место между способами безаффиксными (при которых аффиксы не играют роли словообразовательного средства) и аффиксальными (при которых действуют специальные деривационные аффиксы).

Примечание:

Некоторые лингвисты понимают конверсию более широко [2] и относят к ней некоторые производные тех способов, которые мы рассматривали как нулевую суффиксацию, например: *приход*, *уход*; *глушь*, *тишь*; *заика*, *плата*, *замена*, *утрата* и т. п. По мнению этих ученых, выразителем деривационного значения в таких случаях является словоизменительная парадигма производного [3]. На наш взгляд, между подобными производными и субстантиватами имеется существенное различие. В производных с нулевыми суффиксами флексии не служат для выражения словообразовательного значения: 1) *тихий — тишь-Ø* и *голубой — голубизн-(а)*; 2) *обжигать — обжиг-Ø*, *утратить — утрат-Ø-(а)* и *обжигать — обжига-ние*. Де-

---

[1] Ср. следующее высказывание В. В. Виноградова: «Окончания прилагательных, попадая в категорию предметности, там функционально преобразуются. Они становятся окончаниями-суффиксами существительного, переставая быть знаками качества» (В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 189).

[2] См., например: А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 71 и след.; M. Dokulil. Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha, 1962, стр. 59. По отношению к русскому языку аналогичное мнение высказал К. А. Тимофеев в статье «О так называемом «безаффиксном» способе словообразования» («Вопросы языка и литературы», вып. II, ч. I. Новосибирск, 1968), рассматривая производные типа *глушь*, *синь*. Он называет этот способ способом «замены флексии».

[3] Ср. толкование термина «конверсия» в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (М., 1966, стр. 202): «Образование нового слова путем перевода данной основы в другую парадигму словоизменения».

ривационное значение производных в каждой группе одно и то же, а парадигма словоизменения у них разная. Причем несовпадение парадигмы словоизменения производных с парадигмой словоизменения производящих наблюдается и при наличии в производном словообразовательного аффикса. Следовательно, мы не можем считать, что для выражения деривационного значения «отвлеченный признак» служит парадигма словоизменения типа *тишь, тиши* ..., а для выражения деривационного значения «отвлеченное действие»—парадигма типа *обжиг, обжига*... и *утрата, утраты*...

Деривационное значение в этих случаях передается значимым отсутствием суффикса, т. е. нулевым суффиксом (см. гл. II). Что же касается субстантиватов, то при их образовании происходит специфическое явление: качественно и количественно преобразованная парадигма производящего прилагательного или причастия сохраняется в субстантивате. Таким образом, данный способ отличается и от «обычной», и от нулевой суффиксации. Именно это заставляет выделять данный способ и рассматривать его как особый. Следовательно, в русском языке о конверсии как способе словообразования следует говорить лишь по отношению к субстантивации прилагательных и причастий.

§ 147. Итак, в современном словообразовании действует двенадцать способов словообразования: семь аффиксальных, пять безаффиксных. Из них семь используются для производства простых слов (суффиксация, префиксация, нулевая суффиксация, префиксально-суффиксальный способ, префиксация в соединении с нулевой суффиксацией, усечение, субстантивация), пять используются для производства сложных слов (чистое сложение, сращение, аббревиация, сложение в соединении с суффиксацией, сложение в соединении с нулевой суффиксацией).

Дополнительная литература к главе V

В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.— Л., Учпедгиз, 1947.

«Грамматика современного русского литературного языка». М., «Наука», 1970, стр. 41—43.

К. А. Левковская. О специфике префиксации в системе словообразования. «Вопросы грамматического строя». М., Изд-во АН СССР, 1955.

В. В. Лопатин. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования. «Вопросы языкознания», 1966, № 1.

В. В. Лопатин. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. Сб. «Русский язык. Грамматические исследования». М., «Наука», 1967.

«Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., «Наука», 1966.

Глава VI

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП

ПОНЯТИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА

§ 148. Рассмотрение способов словообразования показало, сколь многообразны возможности создания новых слов в русском языке. Однако изучение одних только способов словообразования не дает точных сведений о том, как именно образовано то или иное слово и — шире — как образуются новые слова. Для того чтобы уяснить это, надо ввести более конкретное понятие — понятие словообразовательного типа. Словообразовательный тип — это схема (формула) строения производных слов, характеризуемых общностью трех элементов: (1) части речи производящей основы, (2) семантического соотношения между производными и производящими, (3) формального соотношения между производными и производящими, а именно: общностью способа словообразования, а для аффиксальных способов тождественностью аффикса[1].

Словообразовательный тип — основная ячейка словообразовательной системы языка, так как именно в пределах словообразовательного типа и происходит преимущественно образование новых слов. Мы пишем «преиму-

[1] Близкое определение словообразовательного типа принято в работах: M. Dokulil. Tvoření slov v češtině, I. Praha, 1962, стр. 202; «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964, стр. 279; «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., 1966, стр. 59; «Грамматика современного русского литературного языка», 1970, стр. 39.

щественно» потому, что какое-то количество слов (ничтожное по сравнению с общей массой слов) образуется вне словообразовательных типов — по образцу отдельных слов, с нарушениями законов типового словообразования (см. ниже, гл. X).

§ 149. Для того чтобы установить, к какому словообразовательному типу относится то или иное слово, необходимо убедиться, что данное слово является производным, а для этого соотнести анализируемое слово с производящим (см. гл. I). Следующим этапом анализа является установление тех трех признаков словообразовательного типа, о которых говорилось выше. Определение всех этих показателей словообразовательного типа возможно только при соотнесении подвергнутой первоначальному анализу пары слов с другими словами, обладающими теми же признаками. Естественно, что легче всего подобрать слова с аффиксом, имеющим одну и ту же форму, и произведенные одним и тем же способом словообразования. Рассматривая их, можно установить, обладают ли они общностью семантического соотношения производящего и производного. При отрицательном ответе следует сделать вывод, что производные относятся к разным словообразовательным типам. Так, не относятся к одному словообразовательному типу существительные, произведенные от основ имен существительных суффиксальным способом с помощью суффикса **-ина** (т. е. обладающие общностью двух элементов): *конина*, *газетина*, *севрюжина*, *белужина*, *котлетина*, *горошина*, *домúна*, *изюмина*, *соломина*. Объясняется это тем, что приведенные существительные характеризуются разными семантическими соотношениями между производными и производящими. Среди этих существительных выделяются три группы слов, каждая из которых характеризуется одинаковыми семантическими соотношениями производящих и производных: 1) *конь : конина = севрюга : севрюжина = белуга : белужина = верблюд : верблюжина*, т. е. «название животного» : «название мяса этого животного», иными словами, производное обозначает 'мясо того животного, которое названо производящей основой'; 2) *газета : газетина = котлета : котлетина = дом : домина*, т. е. «название предмета» : «название того же предмета большей величины», иными словами, производное имеет значение увеличитель-

ности — ‘увеличительное наименование того, что названо производящей основой’; 3) *горох : горошина = изюм : изюмина = солома : соломина*, т. е. «совокупность вещества (или предметов)» :«один предмет из этой совокупности», иными словами, производное имеет значение единичности — ‘один предмет из совокупности, названной производящей основой’ [1].

Установив семантические соотношения между производящими и производными, мы тем самым определяем словообразовательное значение слов данного типа. Таким образом, словообразовательное (деривационное) значение является общим для производных данного типа и устанавливается на основании семантического соотнесения производящих и производных.

Словообразовательное значение производных слов разных типов обладает разной степенью конкретности. Наряду с такими конкретными значениями, как ‘мясо животного, названного производящей основой’, существуют такие отвлеченные значения, как ‘обозначение лица или предмета, связанного каким-либо образом с тем, что названо производящей основой’. Именно так формулируется деривационное значение существительных с суффиксом ***-ник***, производимых от основ существительных, типа *дневник*, *ночник*, *вечерник*, *утренник* и т. п. [2].

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТИПОВ

§ 150. По разным основаниям словообразовательные типы делятся на ряд групп. В зависимости от характера деривационного значения различают две группы словообразовательных типов:

---

[1] Так как производные второго типа образуются от более широкой в семантическом отношении группы основ, то значение увеличительности может совмещаться со значением производных первого и третьего типов, создавая омонимию: *слонина* — ‘мясо слона’ и ‘большой слон’, например: «В жизни не ел *слонины*»; «У! Какой *слонина* громадный!» (из устной речи).

[2] Ср. наблюдения над семантикой существительных с суффиксом ***-к(а)*** (*двухлетка*, *трехлетка*, *четырехлетка*, *пятилетка*, *шестилетка* и т. д.) в ст.: И. С. Улуханов. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем. В кн.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 167—168.

1) лексическое значение производных тождественно значению производящих, производные отличаются от производящих лишь принадлежностью к иной части речи (и, следовательно, синтаксической функцией);

2) лексическое значение производных не тождественно значению производящих.

Явления первого рода предложено называть синтаксической деривацией, явления второго рода — лексической деривацией[1], а соответствующие производные — синтаксическими и лексическими дериватами.

§ 151. К области синтаксической деривации относятся такие словообразовательные типы, как:

отглагольные существительные со значением отвлеченного действия (типа *раздумывание*, *переписывание*, *подборка*, *разборка*, *вывоз*, *перелет*, *ходьба*, *молотьба* и т. п.);

отприлагательные существительные со значением отвлеченного признака (типа *веселость*, *звонкость*, *синь*, *глушь*, *доброта*, *чернота*, *белизна*, *синева* и т. п.);

отсуществительные прилагательные, обозначающие общее, неконкретизированное в производном отношение к тому, что названо производящей основой (*вкусовой*, *грязевой*, *пылевой*, *автомобильный*, *лесной* и т. п.).

Что объединяет названные словообразовательные типы и отличает их от явлений лексической деривации?

Перечисленные производные тождественны по лексической семантике производящим. Они выражают то же значение, что и производящие, но средствами иной части речи и, следовательно, имеют иные синтаксические функции. При этом они, конечно, имеют различные общекатегориальные значения, определяемые их принадлежностью к разным частям речи. Так, прилагательное *автомобильный* имеет то же лексическое значение, что и существительное *автомобиль*, но выражает его не в виде значения предмета, а в виде значения признака ('относящийся к автомобилю').

---

[1] См.: Е. Курилович. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 57—70.

§ 152. Присмотримся внимательнее к семантике существительных, обозначающих отвлеченное действие и отвлеченный признак.

Что значит *белизна* сравнительно с *белый* или *смелость* по сравнению со *смелый*? Лексическое значение однокорневых слов тождественно: существительное обозначает без всякой семантической добавки опредмеченный признак, выражаемый прилагательным. Совсем в иных семантических соотношениях находятся слова *белый* и *белок*, *беляк* или *смелый* и *смельчак*. Эти существительные называют какие-то предметы, наделенные признаком, обозначаемым производящим прилагательным. Для словообразования неважно, что существительные эти называют определенные предметы, характеризуемые признаком, обозначенным производящей основой (*белок* — 'часть яйца', *беляк* — 'заяц', *смельчак* — 'смелый человек'); для словообразования важно лишь то, что эти существительные обозначают нечто, наделенное признаком, предмет — носитель признака, а не отвлеченный признак (или, точнее, признак в отвлечении от его носителя), как слова *белизна*, *смелость* и им подобные. Именно это значение «носитель признака» и есть тот семантический «довесок» (добавка), который отличает слова типа *белок*, *смельчак* от производящих прилагательных *белый*, *смелый*, с одной стороны, и отграничивает их от синтаксических дериватов (слов типа *белизна*, *смелость*) — с другой [1].

Такого же рода отличия наблюдаются между производными словами во втором и третьем столбцах, приведенных ниже:

I	II	III
возить	*возка*	*возчик*, *возница*
носить	*носка*, *ношение*	*носильщик*
косить	*косьба*	*косец*
учить	*учение*	*учитель*, *ученик*

Существительные *возчик*, *возница*, *носильщик*, *косец*, *учитель* обозначают лицо — производитель (субъект) действия или лицо — объект действия *(ученик)*, а не отвлеченное действие (точнее, действие в отвлечении от производителя — субъекта) и этим отличаются от синтаксических дериватов *возка*, *носка*, *ношение*, *косьба*, *учение*.

[1] Ср.: А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. О семантическом синтезе. «Проблемы кибернетики», вып. 19, М., 1967.

§ 153. Выясним, как обстоит дело с прилагательными типа *лесной*, *вкусовой*, *пылевой*. Неужели и они тождественны по значению производящим существительным и являются синтаксическими дериватами?

В современном русском языке среди отсубстантивных прилагательных имеется большая группа образований, резко отличающихся по значению от всех других типов прилагательных. Ее составляют в основном прилагательные с суффиксами ***-н-***, ***-ов-***, ***-ск-***, имеющими самые широкие связи с производящими основами. Значение таких прилагательных является в собственном смысле относительным.

Они обозначают отношение к тому, что названо производящей основой, причем отношение, не конкретизированное в прилагательном, а в принципе любое.

Характер отношения, выражаемого прилагательным, получает конкретизацию лишь в контексте (в сочетании с существительным или более широком контексте). Рассмотрим сочетания с рядом прилагательных. Выясним, с какими существительными может сочетаться, например, слово *лесной* (иными словами, что может быть названо *лесным?*): *пейзаж*, *дорога*, *прогулка*, *край*, *цветок*, *ягоды*, *проблема*, *птица*, *житель*, *пожар*, *санаторий*, *школа*, *происшествие*, *знакомство*, *спутник*, *озеро*, *вид*, *наряд*, *жизнь*, *охрана* и многое, многое другое. Ср. также сочетания с прилагательными *асфальтовый*, *банановый*, *стартовый: асфальтовая мостовая*, *асфальтовый завод*, *асфальтовый блеск*, *асфальтовый запах*, *асфальтовая проблема*; *банановая кожура*, *банановые плантации*, *банановый сок*, *банановый вкус*, *банановая война; стартовый стол*, *стартовые полотнища*, *стартовые протоколы*, *стартовая прямая*, *стартовый номер*, (полминутный) *стартовый разрыв*, *стартовая пятерка* (советской команды), *стартовый пистолет*, *стартовая лихорадка*, *стартовое волнение* [1].

Как показывает материал, сочетания с нашими прилагательными очень разнообразны. Эти сочетания выражают разные виды отношений между двумя предметами: тем, которое называет существительное, и тем, которое называет основа прилагательного. Перечислим некоторые из них: отношение к материалу (*асфальтовая дорога* — ‘дорога из асфальта’), отношение к месту (*лесная дорога* —

[1] Сочетания взяты из современных газет и устной речи.

'дорога в лесу', 'дорога, проходящая в лесу'), отношение части к целому (*банановая кожура* — 'кожура банана'), причинно-временные отношения (*стартовая лихорадка*, *стартовое волнение* — 'лихорадка, волнение из-за старта, перед стартом').

Назвав эти виды отношений, мы далеко не исчерпали все возможности употребления рассматриваемых прилагательных. Можно утверждать, что число их очень велико, в принципе оно не поддается точному учету, так как в разных конкретных ситуациях отсубстантивные прилагательные могут выражать самые различные виды отношений к тому, что названо производящей основой[1]. Так, прилагательное *автомобильный* наряду с такими частотными сочетаниями, как *автомобильное колесо*, *автомобильная дорога*, *автомобильный завод* и т. п., может выступать и в менее типичных сочетаниях, порожденных определенной ситуацией, например: *автомобильные деньги*. Причем само это сочетание может иметь разные значения: 'деньги, накопленные на покупку автомобиля', 'деньги, полученные за продажу автомобиля', 'деньги, найденные в автомобиле', 'деньги, забытые в автомобиле' и т. п. [2]. Поэтому неверно было бы думать, что прилагательные типа *автомобильный*, *лесной*, *асфальтовый* имеют разные значения в сочетании с разными существительными. Прилагательные сами по себе, вне контекста, обозначают лишь общую идею атрибутивно выраженного отношения к предмету. Их значение чисто формальное, не обогащенное никакой содержательной «добавкой». Именно поэтому оно по-разному конкретизируется в сочетании с разными существительными. Само прилагательное обозначает общее, широкое, недифференцированное отношение к предмету, названному производящей основой. Таким образом, прилагательные типа *лесной*, *асфальтовый* есть перевод зна-

---

[1] Пожалуй, единственным видом отношений, которые не могут выражать прилагательные с суффиксом *-н-*, являются отношения к лицу и вообще живому существу. См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного», М., 1964, стр. 343, 350—354.

[2] Ср. ситуационно обусловленное сочетание *плюшечная лихорадка* ('лихорадка, возникшая из-за объедения плюшками'), употребленное в детской сказке А. Линдгрен «Малыш и Карлсон, который живет на крыше» (пер. со шведск. Л. Лунина, М., 1965).

чения предмета (субстанции) в значение признака («относящийся к...») [1].

§ 154. Для того чтобы более наглядно показать специфику значения прилагательных — синтаксических дериватов, сравним их с однокоренными прилагательными — лексическими дериватами.

Важным свидетельством принципиального семантического различия между прилагательными — синтаксическими дериватами и однокоренными лексическими дериватами является тот факт, что наряду почти с каждым производным прилагательным первой группы имеется прилагательное второй группы, ср.: *лесной* ('относящийся к лесу') и *лесистый* ('обильно покрытый лесом'), *глазной* ('относящийся к глазу') и *глазастый* ('с большими глазами'), *вкусовой* ('относящийся к вкусу') и *вкусный* ('имеющий хороший вкус'), *грязевой* ('относящийся к грязи') и *грязный* ('испачканный').

Еще ярче семантические особенности рассматриваемых прилагательных обнаруживаются при сравнении сочетаний, включающих синтаксические дериваты, и сочетаний, включающих однокорневые лексические дериваты, ср.: *грязная дорога*, *грязный костюм*, *грязное лицо*, *грязные туфли*, *грязный пол* и т. п. и *грязевое лечение*, *грязевые ванны*, *грязевой компресс* [2].

Во всех сочетаниях с прилагательным *грязный* реализуется значение 'испачканный'. Именно поэтому это значение и можно считать лексическим значением данного

---

[1] В польской лингвистической традиции такие образования прилагательных принято называть структуральными (В. Дорошевский), чисто формальными или транскатегориальными. См.: A. Sieczkowski. Struktura słowotwórcza przymiotników czeskich i polskich. Wrocław, 1967, стр. 67—68. Ср.: Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке, стр. 91. Ср. также характеристику семантики отсубстантивных относительных прилагательных в современном словацком языке — «транспонирование сущности на уровень признака» (см.: G. Horák. K problému zaradenia živočíšnych pridavných mien. «Acta Universitatis Carolinae. Slavica pragensia,» IV. (Praha, 1962, стр. 403).

[2] О различиях в семантике между однокоренными прилагательными с суффиксами *-н-* и *-ов-* см.: Е. А. Земская. О некоторых факторах развития словообразовательной системы современного русского языка. В кн. «Проблемы современной филологии». М., «Наука», 1965.

слова. В сочетаниях же с прилагательным *грязевой* и другими синтаксическими дериватами выражаются разные виды отношения к тому, что названо производящей основой (ср. выше сочетания с прилагательным *лесной* и другими; ср. также: *пылевые очки*, *пылевая буря*, *пылевое заграждение*, *пылевой налет*, *пылевой осадок; глазной врач*, *глазной кабинет*, *глазной осмотр*, *глазное яблоко*, *глазные капли*, *глазная мазь* и т. п.). Вот почему значение таких прилагательных есть выражение отношения к предмету, обозначенному производящей основой, и только. А какой вид отношения будет назван, станет известно лишь из сочетания прилагательного с существительным или из более широкого контекста.

В отличие от синтаксических дериватов лексические дериваты обозначают и вне контекста признак вполне определенный, независимый от того, какой предмет они определяют. Выражаемое ими отношение к предмету, обозначенному производящей основой, бывает конкретизировано в самом слове и часто содержит какую-то семантическую «добавку» к значению отношения. Так, *бородатый* — 'имеющий бороду', *болотистый* — 'характеризуемый обилием болот', *глазастый* — 'с большими глазами', *ворсинчатый* — 'имеющий много ворсинок' и т. п. Сочетаемость этих прилагательных с существительными и определяется характером называемого ими признака.

Показателем семантических различий между прилагательными — синтаксическими и лексическими дериватами — является тот факт, что сама сочетаемость первых с существительными принципиально иная. Лексические дериваты не сочетаются, как правило, с существительными — именами действия (синонимично родительному падежу субъекта или объекта), тогда как для синтаксических дериватов такое сочетание возможно. Вот сочетания, в которых прилагательное имеет значение субъекта действия: *президентская речь* — 'речь президента', *писательские выступления* — 'выступления писателей', *покупательский контроль* — 'контроль покупателей', *пешечный штурм* — 'штурм пешек'; объекта действия: *президентские выборы* — 'выборы президента', *глазной осмотр* — 'осмотр глаза', *траекторные измерения* — 'измерения траектории'. Выражать объектные отношения могут также сочетания, соотносительные с конструкциями, включающими другие косвенные падежи (ср.: *продовольст-*

венное и книжное снабжение — 'снабжение продовольствием и книгами', *лесные заботы* — 'заботы о лесе', *шахматный отчет* — 'отчет о шахматах' и т. п.). Способность выражать субъектные и объектные значения является типическим признаком прилагательных — синтаксических дериватов. Очевидно, конечно, что иметь субъектное значение могут преимущественно прилагательные, произведенные от основ существительных одушевленных, однако не только они (ср. выше *пешечный штурм*).

§ 155. Итак, производные, относимые к области синтаксической деривации, объединяются специфичностью семантики. Они имеют то же лексическое значение, что и их производящие, но выраженное словом иной части речи, ср.: *белый снег* и *белизна снега*, *смелый поступок* и *смелость поступка* (выражение признака в виде субстанции), *читать газету* и *читка газеты*, *развешивать белье* и *развешивание белья* (выражение процесса в виде субстанции), *лечить грязью* и *грязевое лечение*, *колесо автомобиля* и *автомобильное колесо*, *ручка двери* и *дверная ручка* (выражение субстанции в виде признака).

Деление словообразовательных типов на область синтаксической и лексической деривации [1] есть основное принципиальное деление всей системы словообразования.

§ 156. В зависимости от того, относится ли производное слово к той же части речи, что и производящее,

---

[1] Ср.: M. Dokulil. Ke koncepci porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti «tvoření slov». «Slovo a slovesnost», 1962, № 2. М. Докулил дает несколько иную классификацию словообразовательных типов. Он различает три группы типов: транспозиционные (близки синтаксической деривации), мутационные и модификационные. См. также: «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., 1966, стр. 76—77.

К модификационным относятся такие типы, производные которых обозначают разного рода видоизменения (модификацию) значения производящей основы. Это прежде всего типы существительных, прилагательных и наречий с суффиксами и префиксами субъективной оценки, типы существительных со значением собирательности и единичности, типы существительных женского рода, называющие лиц женского пола по отношению к названиям лиц мужского пола, типы существительных со значением 'детеныш, невзрослое существо', типы префиксально-суффиксальных глаголов, выражающих разного рода количественно-временные характеристики процесса (см. подробнее в гл. XI).

или переходит в иную часть речи, различают транспозиционные и нетранспозиционные словообразовательные типы [1]. Очевидно, что вся сфера синтаксической деривации относится к транспозиционным типам, так как сущность синтаксической деривации и состоит в переводе производного в иную часть речи, чем производящее. Поэтому деление на транспозиционные и нетранспозиционные существенно лишь для сферы лексической деривации, так как в ней есть типы и транспозиционные, и нетранспозиционные. К последним принадлежат все типы, относящиеся к префиксальному способу словообразования, а также часть суффиксально-префиксальных и суффиксальных типов.

Производные модификационных (по Докулилу) словообразовательных типов всегда принадлежат той же части речи, что и их производящие (например, *синий — синенький*, *синеватый*, *волк — волчонок*, *студент — студенчество*). Значения производных немодификационных словообразовательных типов разнообразны и в большей степени «лексически капризны».

Немодификационные словообразовательные типы могут относиться и к той же части речи, что производящее, и к иной (например, *корова — коровник*, *сахар — сахарница*, *учить — учитель*, *желтый — желток*, *желтеть* и т. п.).

ПОНЯТИЕ МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

§ 157. В лингвистической литературе часто используют недифференцированно, как синонимы, термины «словообразовательный тип» и «модель». При этом в них вкладывают то содержание, которое мы придаем термину «тип».

Термин «модель» целесообразно использовать для обозначения морфонологических разновидностей внутри одного и того же словообразовательного типа. Слова одного и того же словообразовательного типа могут производиться с разными морфонологическими особенностями (= по разным морфонологическим моделям): 1) с чередованием

[1] Под транспозицией понимается перевод слова из одной части речи в другую. См.: Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, стр. 90.

фонем на границе морфов и без него (ср.: *таганрожский — таганрог-ский; риж-ский; лейпциг-ский*); 2) с помощью интерфиксов и без них (ср.: *ленинград-ский; орл(ов)-ский; ялт-(ин)-ский*); 3) с усечением основы и без него (ср.: *манилов-щина и прямолиней-щина; самбо — самб-ист* и *каноэ — каноэ-ист*); 4) с наложением морфов и без него (ср.: *лиловый — лиловатый* и *красный — красноватый; манго — манговый* и *банан — банановый*).

Таким образом, в одном словообразовательном типе могут объединяться слова, произведенные по разным моделям. Для одних словообразовательных типов это характерно, другим это не свойственно.

Полное описание морфонологических особенностей русского словообразования должно содержать характеристику всех морфонологических особенностей, происходящих при словопроизводстве, т. е. характеристику всех морфонологических моделей различных словообразовательных типов.

При этом обнаружатся общие черты, объединяющие слова разных типов, произведенные по одним и тем же моделям, т. е. выявятся черты сходства между производными, для которых свойственно усечение основ, чередование фонем на границе морфем и т. п. Отдельные черты такого сходства были показаны выше, при описании отдельных морфонологических особенностей русского словообразования (см. гл. IV).

Дополнительная литература к главе VI

Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, гл. 4.

M. Dokulil. Tvoření slov v češtině, t. I. Praha, 1962, стр. 191—219 (резюме на русском языке).

А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. О семантическом синтезе. «Проблемы кибернетики», вып. 19. М., «Наука», 1967.

Е. А. Земская. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке. В кн.: «Историко-филологические исследования». М., «Наука», 1967.

Е. Курилович. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Глава VII

ОГРАНИЧЕНИЯ В СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОРФЕМ В СЛОВЕ

§ 158. При образовании производных разных типов действуют ограничения, определяющие возможности соединения деривационных морфем с производящей основой.

Рассмотрим подробнее, *какого* рода ограничения определяют сочетаемость деривационных морфем и производящих основ в составе производного слова. Когда изучается сочетаемость производящей основы и аффикса или вообще каких-либо двух элементов, условия, определяющие эту сочетаемость, могут рассматриваться двояко.

Можно ставить вопрос:

1) С чем сочетается данный аффикс (или, что то же самое: При каких условиях данный аффикс не сочетается с производящими основами? = Каковы ограничения в сочетаемости данного аффикса?)?

2) С какими словообразовательными аффиксами сочетается данная основа или данный тип основ?

Выбор первого или второго пути описания в принципе безразличен. Верно сделанное описание условий сочетаемости словообразовательных аффиксов или условий сочетаемости производящих основ должно дать одни и те же результаты — данные о *закономерностях соединения морфем* в составе производного слова.

Из двух возможных путей рассмотрения названного вопроса изберем первый, т. е. будем отвечать на вопрос,

каковы ограничения в соединении того или иного аффикса с производящими основами.

§ 159. Существует несколько видов ограничений, определяющих сочетаемость морфем в составе производного слова:

1) семантические,
2) формальные,
3) стилистические,
4) лексические,
5) словообразовательные.

Рассмотрим названные виды ограничений на материале словообразования различных частей речи.

§ 160. Семантические ограничения в сочетаемости морфем очень разнообразны. Они объясняются чаще всего семантической несовместимостью морфем.

Самые широкие ограничения такого рода относятся к ограничениям в сочетаемости аффикса с основами той или иной части речи, поскольку части речи являются самыми общими лексико-грамматическими разрядами слов.

Так, суффикс действующего лица ***-тель*** сочетается лишь с основами глаголов; сочетание с основами существительных и прилагательных для него невозможно.

Суффиксы, обозначающие степень проявления признака (***-оват-***, ***-ущ-***, ***-енн-***, ***-оньк-*** и др.), сочетаются только с основами прилагательных. Суффикс ***-ш(а)***, обозначающий жен по мужу, сочетается лишь с основами имен существительных — наименованиями лиц мужского пола.

Существуют семантические ограничения более частного характера. Рассмотрим их.

а) Имена прилагательные с суффиксом ***-оват-***, производимые от основ прилагательных: *черный — черноватый*, *красный — красноватый*, *белый — беловатый*, *глупый — глуповатый*. Во всех этих парах отношения между производящим и производным аналогичны: производящее обозначает какой-либо признак, производное — слабую степень признака, названного производящей основой, т. е. деривационное значение производных — «обозначение слабой степени признака, названного производящей основой». Постараемся установить лексико-грамматические свойства производящих основ. Это основы имен прилагательных качественных. От основ относительных и притя-

жательных прилагательных производные этого типа не образуются. Возникает вопрос: от всех ли качественных прилагательных образуются наши производные? Наблюдения над этими прилагательными показывают, что они производятся не от всех качественных прилагательных, а только от тех, «которые означают цвет, ощупь, вкус, меру и вид, вес, недостатки физические и нравственные». Это очень тонкое наблюдение сделал А. Х. Востоков еще в первой половине XIX в. [1]. И действительно, прилагательные с суффиксом ***-оват-*** не образуются от основ прилагательных, означающих достоинства, совершенства, тогда как от их антонимов, означающих недостатки, они производятся свободно, ср.: *глупый — глуповатый* и отсутствие «умноватый», *старый — староватый* и отсутствие «молодоватый». При этом наблюдается одна дополнительная особенность: если какой-либо признак, являясь отвлеченно, вне контекста, названием достоинства, совершенства, в определенном случае выступает как недостаток, от него может быть образовано прилагательное с суффиксом ***-оват-***. Таковы, например, прилагательные *быстрый* и *молодой*, обозначающие достоинства. В определенных ситуациях эти достоинства могут быть нежелательны, т. е. оцениваться как недостатки: *езда для больного быстровата; для невесты она молодовата* и т. п.

б) Такого же рода ограничения действуют при образовании прилагательных с суффиксом ***-енн(ый)*** (типа *страшенный*). Они производятся от основ прилагательных, обозначающих сильную, большую степень проявления признака. Обычно при наличии антонимичных прилагательных, одно из которых обозначает «сильный», другое — «слабый» признак, суффикс ***-енн-*** присоединяется лишь к первым, ср.: *высоченный, широченный, большенный, толстенный* при отсутствии «низенный», «узенный», «маленный», «худенный» и т. п. Это объясняется тем, что значение полноты, чрезмерности признака, окрашенное экспрессией грубоватости, не может проявляться у прилагательных, обозначающих признаки слабые, неполные.

в) Узкие ограничения со стороны семантики производящих свойственны не всем словообразовательным

---

[1] См.: А. Х. Востоков. Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная, изд. 10, СПб., 1859, стр. 40.

типам. Так, существительные с суффиксом ***-ость*** со значением отвлеченного признака производятся от качественных прилагательных самой разнообразной семантики. В последнее время в сферу действия этого типа вовлекаются относительные прилагательные и даже причастия (ср.: *водность*, *посещаемость*, *заболеваемость*, *успеваемость* и др.). Приведем несколько примеров из газет: «В 1962 году *приживаемость* посадок еще выше» («Сельская жизнь» от 6 сент. 1964 г.); «Другой важнейший элемент оценки достоинства корма — его *поедаемость* скотом» («Сельская жизнь» от 8 сент. 1962 г.); «Новинки московских текстильщиков — различные ткани с применением лавсана. Это придало им *несминаемость* и повысило прочность» («Правда» от 22 окт. 1962 г.); «...уменьшилась *водность* рек, понизился уровень грунтовых вод» («Молодой целинник» от 5 окт. 1963 г.).

§ 161. Формальные ограничения в сочетаемости морфем изучаются морфонологией. В главе IV были рассмотрены некоторые виды таких ограничений, преимущественно с точки зрения того, какие средства использует язык, чтобы избежать запрещенных морфонологией сочетаний фонем, как происходит взаимоприспособление морфов при их соединении в составе слова.

Здесь мы приведем примеры формальных ограничений разного рода, налагаемых морфонологией на сочетаемость морфем и не устраняемых такими явлениями взаимоприспособления, как интерфиксация или усечение производящей основы. Так, например, чисто структурное ограничение для сочетаемости суффикса ***-ость*** с производящими основами представляет место ударения в производящих: прилагательные с ударной флексией. «Поскольку суффикс ***-ость*** всегда безударен, присоединение его к прилагательному, имеющему ударение на флексии, предполагает изменение места ударения в производном слове по сравнению с производящим, а именно перенос ударения с флексии на основу. Этот перенос осуществляется с большими ограничениями» [1]. Вот почему «образование существительных на ***-ость*** от прилагательных с ударными

[1] Н. А. Еськова. О структурных ограничениях в словообразовании существительных. «Вопросы культуры речи», вып. 5. М., 1964, стр. 137—138.

флексиями — явление крайне редкое»[1]. От таких прилагательных, как *огневóй*, *передовóй*, *деловóй*, *ходовóй*, *рядовóй*, *роковóй*, *типовóй*, *сквознóй*, *озорнóй* и т. п., существительные на **-ость** не образуются. Исключение составляют лишь единичные термины *(цветнóй — цвéтность*, *слоговóй — слоговóсть*, *двувидовóй*, возможно и *двувúдовый — двувúдовость)*[2].

§ 162. Стилистические ограничения в сочетаемости морфем вызываются стилистической несовместимостью морфем и объясняются тем обстоятельством, что словообразовательные морфемы, подобно словам, могут обладать определенной стилистической окраской. Обычно наблюдается тенденция к стилевой однородности сочетающихся морфем; например, аффиксы, имеющие литературно-книжную окраску, тяготеют к соединению с производящими основами слов, наделенных такой же окраской. При этом, естественно, ограничения не касаются нейтральных в стилистическом отношении слов. Последние могут сочетаться с морфемами любой окраски и употребляются в любом стилистическом окружении (в этом и состоит их нейтральность).

Стилистические ограничения в сочетаемости морфем имеют иной характер, чем ограничения семантические и формальные. Они обнаруживаются именно как тенденции сочетаемости-несочетаемости, а не как строгие, ненарушаемые законы. В определенных условиях эта необычность производных существительных, создаваемая контрастностью сочетающихся в составе слова единиц, может понадобиться говорящему, желающему использовать выразительные возможности языка. Важно, чтобы это было сделано умело, со вкусом.

Рассмотрим на нескольких примерах действие стилистических ограничительных тенденций.

а) Суффикс существительных, обозначающих отвлеченный признак, **-ость** тяготеет к сочетанию с основами, имеющими книжную или нейтральную стилистическую

---

[1] Н. А. Еськова. О структурных ограничениях в словообразовании существительных. «Вопросы культуры речи», вып. 5. М., 1964, стр. 138.

[2] Там же, стр. 138—139. Естественно, что в производных с односложной основой ударение падает на суффикс: *злой — злость*.

окраску, а сочетание с основами, имеющими сниженный характер (разговорными и особенно просторечными), ему противопоказано [1]. Так, если попробуем образовать существительные на ***-ость*** от прилагательных *глазастый*, *рукастый*, *бровастый*, то почувствуем затруднение. Тем не менее произвести такие образования можно *(рукастость*, *глазастость*, *бровастость)*, так как формальных и семантических запретов в соединении таких основ и аффикса нет. Имеются ограничительные тенденции, а не запретительные законы.

Приводимые ниже примеры показывают свободу сочетаемости суффикса ***-ость*** с основами разного строения, стилистической окраски и разной семантики: «Он, Стасов, прав, говоря, что у тебя есть *французистость*...» (Репин. Письмо В. Д. Поленову, 20 янв. 1877 г.); «Почему же сейчас мысль встать, побежать по улицам, разыскать в какой-то комнате Михаила и обжечься губами о его пламенную *вихрастость* казалась ей отвратительной» (И. Эренбург);

> «Нанесли мы венков — ни пройти, ни проехать,
> раскатили стихов долгозвучное эхо;
> удивлялись *глазастости*, гулкости баса,
> называли певцом победившего класса...»
>
> (Н. Асеев. Памятник);

«При всей своей *базарности* Венеция не может стать пошлой» (Брюсов. Дневники, май — июнь 1902).

б) В тех случаях, когда суффикс имеет сниженную стилистическую окраску, он тяготеет к сочетанию со сниженными основами (просторечными и разговорными) и «не любит» книжных основ. Таковы суффиксы прилагательных ***-ущ(ий)*** и ***-енн(ый)***, обозначающие большую степень проявления признака; ср.: *жирнющий*, *толстущий*, *здоровущий* — от *здоровый* (просторечн. в значении «большой»), *вреднющий*, *страшнущий*; *толстенный*, *здоровенный* и т. п.

От прилагательных книжного стиля образование производных с этими суффиксами затруднено. Вряд ли воз-

---

[1] См.: В. Д. Пятницкий. О системном характере выражения качества в современном русском языке. «Русский язык в школе», 1968, № 6, стр. 106—107.

можны прилагательные типа «культурнущий», «активнущий» и т. п.

Чтобы показать разницу между стилистическими ограничительными тенденциями в сочетаемости морфем и запретами формальными и семантическими, приведем примеры. Прилагательные с выше названными суффиксами ***-ущ(ий)*** и ***-енн(ый)*** образуются лишь от основ непроизводных. От прилагательных с суффиксами ***-ист-***, ***-аст-***, ***-лив-*** и некоторыми другими, называющими признак через отношение к предмету или действию, они не образуются (запрет формальный и семантический). Поэтому недопустимы прилагательные типа «рукастущий», «рукастенный», «задиристущий», «задиристенный», «счастливущий», «счастливенный» и т. п. Мы не можем нарушить этот запрет. Также невозможно нарушить формальный запрет и произвести существительные на ***-ость*** от прилагательных с ударной флексией: «ро́ковость», «ти́повость» и т. п. (см. об этом выше).

в) Выше (см. гл. II) мы говорили о том, что для диахронического словообразования важно противопоставление исконно русских и заимствованных морфем. Это различие, но только в преобразованном виде, существенно и для синхронного изучения языка. Нерусское происхождение морфемы (факт истории языка) может влиять на ее стилистическую окраску, становясь фактором синхронного словообразования (выступать как стилистическое ограничение в сочетаемости морфем). Именно поэтому многие морфемы иноязычного происхождения, приобретая активность в русском языке, сохраняют сочетаемость — преимущественную или исключительную — с книжными заимствованными основами. Так, суффикс ***-фикацj(а)*** существительных, обозначающих ‘снабжение тем, что названо производящей основой’, проявляет активность на почве русского языка, но функционирует при этом преимущественно в кругу нейтрально-книжных заимствованных основ: *телефикация*, *радиофикация*, *кинофикация*, *газификация*, *электрификация*. Возможны образования и от русских основ, лишенных стилистической окраски сниженности: *теплофикация*, *звукофикация* и даже *часофикация*. В тех случаях, когда производящая основа относится к области бытовой лексики, образования на ***-фикация*** невозможны. Если же они создаются, то производят комическое впечатление. Таково, например, слово *гвоздификация*.

Аналогичные ограничительные тенденции действуют по отношению к суффиксу существительных мужского рода **-аж**, обозначающих совокупность того, что названо производящей основой: *лист-аж*, *литр-аж*, *тонн-аж*, *метр-аж*. Произведенные по этому образцу слова типа *строк-аж*, *блюд-аж* непригодны как «серьезные» термины, смешны.

В кругу только книжных, заимствованных по происхождению основ действуют суффиксы существительных **-ант** *(диплом — диплом-ант, проект — проект-ант, курсы — курс-ант)* и **-ёр** *(киоск — киоск-ёр, комбайн — комбайн-ёр)* и др.

§ 163. Лексические ограничения. Появлению новообразования того или иного типа могут препятствовать ограничения, идущие со стороны лексики. В качестве причин ограничения выступают в основном: а) явления омонимии; б) занятость данного «семантического места» другим словом; в) расхождение между возможностями данного словообразовательного типа и лексическими нормами, регулирующими его реализацию.

Все эти причины по существу объясняются несоответствием между возможностями словообразовательной системы и лексическими нормами словоупотребления.

Рассмотрим подробнее каждую из этих причин.

а) Появлению производного слова определенного типа может препятствовать наличие в лексической системе языка слова с другим значением, омонимичного тому, которое должно было бы быть произведено. По этой причине отсутствуют некоторые соотносительные с именами лиц мужского пола наименования женщин с суффиксом **-к(а)**. Нет пар *пилот* — «пилотка», *матрос* — «матроска», *штукатур* — «штукатурка», *электрик* — «электричка», *выходец* — «выходка» (ср.: *проходимец* — *проходимка*), так как соответствующие слова на **-ка** уже заняты в лексической системе, т. е. имеют другие значения: *пилотка* — ‘шапка’, *матроска* — ‘одежда’, *штукатурка* — ‘материал’ и ‘действие по глаголу’, *электричка* — ‘поезд’, *выходка* — ‘отрицательно оцениваемый поступок’ [1].

---

[1] См.: Н. А. Янко-Триницкая. Наименование лиц женского пола существительными женского и мужского рода. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966, стр. 201.

Однако наличие омонимов не всегда препятствует действию словообразовательного типа. Ср.: *пионер — пионерка* и «*Пионерка*» — (газета «Пионерская правда»), *комсомолец — комсомолка* и «*Комсомолка*» (газета «Комсомольская правда») и др. Это относится прежде всего к случаям, когда омонимами являются имена собственные и нарицательные.

б) Образованию производного слова какого-то типа могут препятствовать не только факты омонимии (т. е. занятость слова той же формы выражением иного значения), но и занятость данного «семантического места» иным словом, например непроизводным словом другого корня. Так, при наличии активного суффикса ***-онок*** для образования названий детенышей наряду с частотным соотношением типа *тигр — тигренок*, *волк — волчонок*, *слон — слоненок*, *орел — орленок*, *заяц — зайчонок* в русском языке есть соотношения *собака — щенок*, *свинья — поросенок*, *курица — цыпленок*, *лошадь — жеребенок*, *овца — ягненок*. Наличие этих названий детенышей (соотношения такого рода называют супплетивным словообразованием[1]) препятствует образованию слов с суффиксом ***-онок*** от перечисленных основ. В таких производных нет необходимости. Они могли бы быть созданы лишь в шутку или с несколько иным значением (например, переносно о ребенке: «Он такой *свиненок*!»). По этой же причине отсутствуют производные слова, обозначающие самок животных, при существительных *баран*, *бык*, *селезень* и др. Их место занимают непроизводные слова с иными корнями: *овца*, *корова*, *утка*. Ср. выражение значения 'самка животного, названного производящей основой' с помощью производных слов: *лев — львица*, *тигр — тигрица*, *орел — орлица*, *волк — волчиха*, *слон — слониха*, *заяц — зайчиха*.

в) Созданию производного слова могут мешать и более общие причины, выражающиеся в несоответствии между нормами лексики и потенциями словообразовательного типа, а не только наличие какого-то слова, совпадающего с «непроизведенным» по форме или по смыслу. Интересно

---

[1] О супплетивном словообразовании (или словообразовательном супплетивизме) см.: И. А. Мельчук. К понятию словообразования. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1967, вып. 4, стр. 355.

на конкретном примере проследить, как возможности системы словообразования реализуются в значениях слов, построенных аналогичным образом. Возьмем группу слов со второй частью ***-летка*** и числительным в первой части [1]. Очевидно, что — в принципе, следуя закономерностям системы — они могут обозначать любой предмет, связанный со сроком, названным в основе («нечто, относящееся, длящееся 2, 3, 4, 5, 6, ... лет»). Реально же в языке встречаем слова трех групп: 1) «план, длящийся какое-то число лет» (*пятилетка*, *семилетка*), 2) «живое существо или растение, имеющее столько-то лет» (*однолетка*, *трехлетка*, *четырехлетка*), 3) «школа с таким-то сроком обучения» (*семилетка*, *десятилетка*, *одиннадцатилетка* ...).

Таким образом, широкие возможности системы норма реализует определенным образом, сужает.

Расхождения между системой и нормой могут перерастать в конфликты, когда норма отрицательно оценивает, не допускает в «хорошее словоупотребление» те или иные закономерные в словообразовательном отношении и реально встречаемые в речи образования. Таков конфликт между лексической нормой и наречием *по-быстрому*, входящим в тип продуктивных префиксально-суффиксальных наречий (*по-умному*, *по-хорошему*, *по-честному*, *по-справедливому* и т. д.). На наречие *по-быстрому* наложен запрет нормами хорошего словоупотребления. Вероятно, это объясняется тем, что оно связано общественным языковым сознанием с «трамвайной ситуацией» и такими контекстами, как «*Проходите по-быстрому, местов нет!*»

§ 164. Под словообразовательными ограничениями в образовании производных слов имеется в виду неучастие тех или иных видов производных основ в качестве производящих. Для примера можно назвать имена прилагательные с суффиксами субъективной оценки ***-оньк(ий)***, ***-охоньк(ий)/-ошеньк(ий)***, ***-оват(ый)***, ***-ущ(ий)***, ***-енн(ый)*** (типа *желтенький*, *желтехонький/желтешенький*, *желтоватый*, *желтущий*, *желтенный*). От прилагательных этих типов не образуются никакие

[1] См. об этом: И. С. Улуханов. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем (в сравнении с образованием форм слов). В кн. «Русский язык. Грамматические исследования». М., «Наука», 1967, стр. 166—177.

производные, даже самых продуктивных типов [1]. В таких случаях сама система словообразования накладывает ограничения на использование в качестве производящих основ, относящихся к тем или иным словообразовательным типам.

§ 165. Итак, при изучении словообразования требуется исследовать закономерности сочетаемости морфем в слове, определяемые возможностями системы данного языка, а не только строение слов, зафиксированных словарями или попавших в картотеку лингвиста. При этом необходимо изучить не только то, что реально существует, но и то, что возможно [2], хотя лексически не представлено [3]. Такое изучение поможет обнаружить расхождения между потенциями системы словообразования и тем, как их реализует норма языка. Кроме того, должны быть изучены и факты «необразований», нереализаций. Только рассмотрение всех этих явлений даст полное представление о системе словообразования данного языка.

§ 166. Особенности словообразования ярко выступают при его сравнении с морфологией. Для морфологии характерна следующая закономерность: слова, относящиеся к одной и той же части речи, имеющие одни и те же лексико-грамматические признаки, имеют один и тот же набор словоформ, одну и ту же парадигму склонения или спряжения.

Это не свойственно словообразованию. Как было показано выше, в нем действует много ограничений разного характера, в результате чего производящие основы, относящиеся к одной части речи и даже к одной и той же узкой семантической группе, имеют далеко не одинаковый набор производных. Это зависит и от различных свойств производящих основ, и от набора и свойств словообразо-

---

[1] См.: М. А. Бакина. Имена прилагательные как производящие основы современного словообразования. В кн. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966, стр. 72.

[2] См.: В. Н. Топоров. О некоторых фонетических особенностях славянских языков в связи со словообразованием. «Prace filologiczne», 1964, т. 17, № 2.

[3] См.: М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967.

вательных аффиксов, и от наличного исторически сложившегося состава лексики.

Приведем для примера набор производных (их можно было бы назвать «словообразовательными парадигмами») двух групп слов, каждая из которых с лексико-грамматической точки зрения представляет собой единство. Набор производных в первой группе более единообразен, во второй — более разнороден, «капризен». Для простоты сравнения рассмотрим лишь суффиксальные производные.

I.	*красный*	*синий*	*белый*	*желтый*	*черный*
	красненький	*синенький*	*беленький*	*желтенький*	*черненький*
	красноватый	*синеватый*	*беловатый*	*желтоватый*	*черноватый*
	краснущий	*синющий*	*белющий(?)*	*желтущий*	*чернущий*
	краснеть	*синеть*	*белеть*	*желтеть*	*чернеть*
	краснить	*синить*	*белить*	*желтить*	*чернить*
	краснуха	*синюха*	—	*желтуха*	—
	краснота	—	—	—	*чернота*
	—	*синева*	—	—	—
	—	*синяк*	*беляк*	*желтяк*	*черняк*
	—	*синь*	—	—	*чернь*
	—	—	*белизна*	*желтизна*	—
	—	—	*белила*	—	—[1]
	—	—	*белок*	*желток*	—
	—	—	—	—	*чернушка*
	—	—	*белянка*	—	—

Рассмотренные качественные прилагательные со значением цвета имеют пять производных, аналогичных по строению: формы субъективной оценки (степени качества), переходные глаголы на ***-ить*** и непереходные глаголы на ***-еть***. Остальные члены словообразовательной парадигмы у них различны. Некоторые производные совпадают попарно у двух (или трех) из пяти производящих. Это существительные со значением отвлеченного признака *(красн-ота, черн-ота, белизна, желтизна)* и носителя признака *(желток, белок; синяк, желтяк, беляк, черняк; краснуха, синюха, желтуха)*.

---

[1] Существительное *чернила* разошлось по значению с прилагательным *черный* (ср.: *синие, зеленые, фиолетовые, красные чернила*) и в современном языке не является производным от данного прилагательного.

Гораздо меньшее сходство наблюдается между производными от слов второй группы — глаголов со значением движения, у которых имеется лишь по два члена парадигмы, общих для всей группы: существительные на **-ние** со значением отвлеченного действия и существительные на **-ун** со значением действующего лица.

Кроме того, имеются члены парадигмы, общие для трех или двух глаголов: прилагательные с суффиксом **-уч-** *(ползучий, летучий, плавучий)*, отвлеченные существительные с нулевым суффиксом *(бег-ø, лет-ø* [1]*)*, имена деятеля с суффиксом **-ец** *(беглец, пловец)*, прилагательные с суффиксом **-тельн-** *(плава-тельн-ый* [2]*, лета-тельн-ый*[3]*)*.

II. *бегать*	*прыгать*	*ползать*	*летать*	*плавать*
бегание	*прыгание*	*ползание*	*летание*	*плавание*
бегун	*прыгун*	*ползун*	*летун*	*плавун*
бег	—	—	*лет*	*(плав)*
бегство	—	—	—	—
беглец	—	—	—	*пловец*
—	*прыжок*	—	—	—
—	*прыгалка*	—	—	—
—	*(прыгучий)*	*ползучий*	*летучий*	*плавучий*
бегунок	—	*ползунки*	—	—
—	—	—	*летчик*	—
—	—	—	*летательный*	*плавательный*

Рассмотренные словообразовательные парадигмы наглядно показывают отличие их от парадигм словоизменительных (парадигм склонения и спряжения).

Очень выразительно о «капризности» соотношений, которые объединяют словообразовательные аффиксы, и резком отличии этих соотношений от соотношений, объединяющих аффиксы словоизменительные, писал Г. О. Винокур: «...морфема **-ушк-** в слове *женушка*, хотя и может быть поставлена в один ряд с аффиксами, выделяющимися в составе слов *женщина, женский, жених*, тем не менее не образует с ними такого цельного комплекса знаков [как окончания **-а**, **-ы**, **-е** и т. д. в слове *жена.— Е. З.*], переносимых как одно целое от основы к основе. Поэтому

---

[1] Слово «ущербное», встречающееся лишь в составе наречных сочетаний *(налету, влет)*.

[2] Например, *плавательный бассейн*.

[3] Например, *летательный аппарат*.

и само по себе слово *женушка* не есть еще свидетельство того, что остальные слова данного ряда существуют в языке в реальном употреблении или даже в возможности, равно как не предполагается этого и в отношении слов *головушка*, *сторонушка*. Так, рядом со словом *дама* невозможно «дамушка», «дамщина», «дамих», но есть *дамский*, равно как при *сторонушка* нет «линиюшка», при *головушка* нет «рукушка», «ногушка». Зато при *рука* есть *рученька*, но рядом с *губа* нет ни «губенька», ни «губушка», а только *губка* и при некоторых условиях *губочка*. При слове *купец* есть *купчиха*, при *пловец* — *пловчиха*, но слова *делец*, *скупец*, *молодец*, *подлец* не имеют таких параллельных образований. При *село* есть *сельский*, но при *окно* — *оконный*, а не «оконский», при *полотно* — *полотняный*, а не «полотенский» или «полотенный». При *сберегать* имеем *сберегательный*, но при *строгать* — *строгальный* и т. д.» [1].

---

[1] Г. О. Винокур. Форма слова и части речи в русском языке. В кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 399—400.

Глава VIII

ПОНЯТИЕ ПРОДУКТИВНОСТИ

§ 167. Понятие продуктивности употребляется по отношению к разным уровням языка. Говорят о продуктивных (или непродуктивных) типах склонения и спряжения, классах глаголов, синтаксических конструкциях, моделях предложения, способах и типах словообразования, словообразовательных аффиксах и некоторых других явлениях. Продуктивными называют такие типы (модели, конструкции), которые в языке той или иной эпохи служат образцом для построения новых слов, словоформ, синтаксических конструкций и т. п. единиц. Если речь идет о продуктивности отдельных элементов языка (например, морфем), то имеют в виду их активность в образовании новых словоформ или слов, способность производить новые формы слова и новые слова.

§ 168. Рассмотрим, как используется понятие продуктивности в словообразовании. «Понятие продуктивности можно в принципе применять как к целому типу, так и к любой составной части словообразовательной структуры слова» [1], т. е. можно изучать продуктивность аффиксов, производящих основ, словообразовательных типов, способов словообразования.

Наиболее существенно для словообразования понятие продуктивности словообразовательного типа, потому что словообразовательный тип является, как говорилось ранее, той схемой (формулой), по образцу которой в основном и происходит создание новых слов.

---

[1] M. Dokulil. Tvoření slov v češtině, I. Teorie odvozování slov. Praha, 1962, стр. 205.

§ 169. Чешский ученый Милош Докулил предложил различать два вида продуктивности в словообразовании: эмпирическую и системную[1]. Рассмотрим эти два вида продуктивности применительно к понятию словообразовательного типа.

1) Эмпирической продуктивностью обладает словообразовательный тип, по образцу которого в языке определенной эпохи производятся новые слова. Чтобы решить, продуктивен или нет тот или иной тип в тот или иной период времени, следует установить, служит ли он в этот период образцом для производства новых слов. Ответ на этот вопрос можно получить только эмпирическим путем, исследуя новообразования определенной эпохи.

Таким образом, эмпирическая продуктивность — понятие диахронического словообразования. Она зависит в значительной степени от общественных потребностей в производстве слов определенного типа.

2) Системная продуктивность типа зависит от ограничений разного рода, налагаемых системой языка и регулирующих производство слов данного типа. Она устанавливается экспериментальным способом — путем выяснения условий, ограничивающих возможность производства слов данного типа.

Таким образом, системная продуктивность — понятие синхронного словообразования. Она зависит от внутриязыковых факторов[2].

§ 170. Определить, обладает ли какой-либо тип эмпирической продуктивностью,— это значит ответить на вопрос, дает ли он новообразования, активен ли он как образец в тот или иной период времени.

Устанавливая эмпирическую продуктивность, различают два полюса: типы непродуктивные, замкнутые (т. е. не дающие новообразований; такие типы можно

[1] См.: M. Dokulil. Tvoření slov v češtině, I. Teorie odvozování slov. Praha, 1962, стр. 79 и сл., стр. 204—206. (Резюме на русском языке.)

[2] Ср. следующее высказывание Н. Д. Арутюновой: «...при изучении системы словообразования очень существенно отличать собственно лингвистические факторы, ограничивающие активность модели (термин «модель» Н. Д. Арутюновой равен нашему термину «тип».— *Е. З.*) от факторов неязыковых, связанных с развитием понятий, составляющих содержание лексики языка» (Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, стр. 56).

задавать списком) и типы продуктивные, открытые, незамкнутые (т. е. порождающие новообразования). Примером первых может быть тип отглагольных существительных с суффиксом ***-с(а)***, обозначающих лицо по действию: *плакать — плакса*, *хныкать — хныкса*. Примером вторых — отприлагательные существительные с суффиксом ***-ость*** со значением отвлеченного признака (например, *яркость*, *стойкость*, *радостность*), отглагольные существительные с суффиксами ***-ние*** и ***-к(а)*** со значением отвлеченного действия *(чтение, объявление; разноска, прибавка)*, отприлагательные наречия с суффиксом ***-о*** *(хорошо, быстро, легко, мило)*.

Между типами очень высокой, почти неограниченной продуктивности (к ним относятся типы только что перечисленные) и типами полностью непродуктивными находится масса промежуточных случаев, отражающих многообразие фактов языка. Поэтому нередко делаются попытки установить дробные степени продуктивности (шкалу продуктивности). Различают типы высоко-, средне-, малопродуктивные. Эти попытки часто оказываются субъективными, так как никаких критериев установления степени продуктивности не выработано и тип, который один исследователь называет малопродуктивным, другой назовет среднепродуктивным и т. п. Помогает уточнить степень эмпирической продуктивности типа указание на то, в каких сферах языка продуктивен тот или иной тип (продуктивен в научно-технической терминологии, в разговорной речи и т. п.) [1].

[1] Так, например, отприлагательные существительные со значением отвлеченного признака (типа *синь*, *глушь*, *сушь*) обнаруживают продуктивность преимущественно в поэтической речи:

«*Неумь, разумь и безумь* —
три сестры плясали вместе...»
(В. Хлебников. Творения)

«Я нежно болен воспоминаньем детства,
Апрельских вечеров мне снится *хмарь* и *сырь*».
(Есенин. Исповедь хулигана)

«Пограничник не боится
Быстри.
Не уйдет подмеченный им
Враг...»
(Есенин. Батум)

«Запретный плод, не сорванный никем,
На землю пал, зарылся в *прель* глубоко...»
(А. Межиров. Прощание со снегом)

Продуктивны только в разговорной речи имена существитель-

§ 171. Так как системная продуктивность типа зависит от собственно языковых причин, т. е. от ограничений, накладываемых системой языка на действие типа, любой словообразовательный тип (поскольку он существует) обладает какой-то системной продуктивностью. Нет словообразовательных типов, не обладающих системной продуктивностью [1]. Поэтому нужно ставить вопрос не о том, есть ли у данного типа системная продуктивность, а о том, какова она. Ответ на этот вопрос состоит в определении точных условий функционирования словообразовательного типа, т. е. требуется установить, каковы возможности его действия и каковы структурные, семантические и стилистические ограничения в производстве слов данного типа, как ограничивает его действие соседство синонимических типов, а также наличный состав лексики:

а) Для того чтобы установить сферу действия определенного типа, следует, определив лексико-грамматический круг производящих основ, проследить, от каких основ данного круга не могут быть произведены слова изучаемого типа и почему [2]. Таким образом, важно уста-

---

ные с экспрессивными суффиксами *'-уга*, *'-ага*: *ветер — ветр'-уга, дождь — дожд'-уга, грязь — гряз'-уга; молодец — молодч-ага, парень — парн'-ага, шторм — шторм'-ага.*

[1] Сказать, что какой-то тип не обладает системной продуктивностью,— это значит утверждать, что он не имеет никаких возможностей для производства слов, а лишь одни ограничения, следовательно, не существует слов, образованных по этому типу, следовательно, сам этот тип — пустое место, фикция.

[2] Ср. следующее замечание Н. Д. Арутюновой: «Если словообразование опирается на четко определившуюся, поддающуюся учету производящую базу, полезно сопоставить число производных с количеством производящих основ» (Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке, стр. 68); см. там же, стр. 58—61.

В качестве примера исследований такого рода, кроме указанной работы Н. Д. Арутюновой, можно назвать: И. С. Улуханов. Глаголы на *-еть* в современном русском языке (О продуктивности и регулярности словообразовательного типа). В кн. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1969; Р. В. Бахтурина. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом *-ø-/-ить*. В кн. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966; В. К. Радзиховская. О семантических и морфологических структурных ограничениях при образовании отадъективных прилагательных с суффиксом *-оват-(-aw-, -przy-)* в русском и польском языках. «Ученые записки МГПИ им. Ленина», № 292, 1968.

новить не только возможности образования слов данного типа, но и отсутствие возможностей («невозможности»).

При этом полезно использовать метод лингвистического эксперимента [1], конструирование возможных новообразований данного типа с последующей оценкой их информатами (т. е. лицами, хорошо владеющими данным языком), составление вопросников разного рода и другие приемы.

Примечание.

Оценка степени системной продуктивности словообразовательного типа может быть разноречивой, так как она зависит от того, как именно (широко или узко) дана характеристика производящих основ изучаемого типа.

Ср. для примера две характеристики одного и того же типа (во вторую включена более точная характеристика производящих основ): 1) тип непереходных глаголов, производимых от основ прилагательных с помощью суффикса *-е-* и обозначающих «делаться, становиться каким» *(желтеть, скудеть, розоветь);* 2) тип непереходных глаголов, производимых от основ качественных прилагательных (непроизводных, а также с суффиксами *-н-, -ов-* и др.) с помощью суффикса *-е-* и обозначающих «делаться, становиться каким» *(желтеть, скудеть, розоветь).*

Очевидно, что продуктивность типа есть явление объективное и она не должна зависеть от того, как сформулированы условия его действия, т. е. рассматриваемый тип глаголов имеет одну и ту же продуктивность независимо от его характеристики. Тем не менее, работая со второй формулировкой, исследователь найдет меньше ограничений в действии данного словообразовательного типа (ведь они включены в определение типа) и сочтет его более продуктивным. Именно поэтому во избежание разнобоя в оценке продуктивности необходимо в пределах одной и той же работы давать однородные характеристики производящих основ словообразовательного типа (только «широкие» или только «узкие»). В последнем случае, однако, трудно определить ту степень детализации круга производящих основ, которая должна войти в формулировку типа. В принципе она может быть исчерпывающей, т. е. включать полный набор ограничений разного рода, вплоть до списка производящих основ,

[1] См.: Л. В. Щерба. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», 1931, № 1.

если он поддается перечислению. Включая такие ограничения в общее определение типа, мы уже даем характеристику системной продуктивности типа. Поэтому представляется более целесообразным в общее определение типа вносить лишь указание на то, к какой части речи относится производящая основа, а указание того, какие существуют ограничения в этих общих пределах, относить к характеристике системной продуктивности типа.

б) Другой важный вопрос, который необходимо изучить при установлении системной продуктивности типа: каковы его соотношения с синонимичными типами?

Если какой-либо тип не является единственным выразителем определенного значения, а имеет конкурентов, необходимо сопоставить широту действия этих типов. При этом может выясниться, что какой-то тип не дает образований, так как ограничен, исчерпан круг его производящих основ, в то время как действие другого типа сдерживается конкуренцией «соседних» типов [1], тогда как круг его производящих основ не исчерпан. Примером первых может быть тип прилагательных с суффиксом ***-ат-***, обозначающих «наделенный тем, что называет производящая основа» и производимых, как правило, от существительных — названий частей тела человека или животного: *горб — горбатый*, *борода — бородатый*, *нос — носатый*, *хвост — хвостатый*, *чуб — чубатый* и т. п. Примером вторых — отглагольные существительные — «наименования лиц по действию», производимые с помощью суффикса ***-тель*** (типа *учитель*, *писатель*), образование которых в современном языке тормозится конкуренцией отглагольных существительных с суффиксом ***-щик*** (типа *формовщик*, *нормировщик*, *сортировщик*).

Если какое-либо значение выражается лишь одним типом производных слов, новое слово данной семантики всегда создается по этому типу, его строение предопределено. Следовательно, данный тип обладает высокой сис-

---

[1] Ср.: «При синхронном исследовании словообразования необходимо иметь в виду принципиальную разницу между замкнутостью понятийного (лексического) класса и замкнутостью словообразовательного ряда. Последняя обычно характеризуется тем, что соответствующая лексическая категория начинает обслуживаться другими языковыми (не обязательно словообразовательными) средствами» (Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, стр. 58—61).

темной продуктивностью, даже если новообразования данного типа немногочисленны. В том же случае, когда какое-то значение выражается несколькими словообразовательными типами, происходит борьба конкурирующих типов, что ослабляет их системную продуктивность. В таком случае обычно высокой системной продуктивностью обладает один из них, тормозящий активность других. Именно поэтому учет места, занимаемого данным типом в системе выражения синонимичных значений (и в первую очередь среди синонимичных словообразовательных типов), является необходимым этапом в изучении системной продуктивности типа.

Вместе с тем очевидно, что не всякое сравнение продуктивности словообразовательных типов целесообразно. «Нельзя признать правомерным сопоставление количественной продуктивности аффиксов, обслуживающих различные семантические категории» [1]. В таком случае количественное сопоставление новообразований семантически не связанных типов может дать искаженное представление о фактах, так как тип, продуктивность которого ослабляется конкуренцией более сильного соседа, может тем не менее давать большее число новообразований, чем тип, который является единственным выразителем какого-то значения и который, следовательно, занимает более прочное и важное место в системе языка.

Итак, обладающими высокой системной продуктивностью должны быть признаны типы: а) действие которых не имеет ограничений (формальных, лексических, семантических, стилистических и словообразовательных) в пределах определенного круга основ; б) не имеющие конкурентных синонимических средств или занимающие среди конкурентных средств ведущее место. Новые слова таких типов «создаются по мере необходимости в процессе речевого общения почти с такой же легкостью и свободой, с которой конструируются словосочетания и парадигматические формы слова» [2].

§ 172. Рассмотрим на примерах, как соотносятся понятия эмпирической и системной продуктивности.

---

[1] Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, стр. 59.

[2] Там же, стр. 68. См. также: «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, стр. 28—34.

Очевидно, что системная и эмпирическая продуктивность — понятия взаимосвязанные. Чем выше системная продуктивность типа, тем больше возможностей для появления новообразований, т. е. для обнаружения эмпирической продуктивности; и, наоборот, чем ниже системная продуктивность типа, тем меньше и его эмпирическая продуктивность.

Однако возможны случаи, когда системная продуктивность типа велика, а эмпирическая мала (или совсем отсутствует). Это бывает в двух случаях:

а) Эмпирическая продуктивность типа при наличии высокой системной продуктивности может отсутствовать или быть очень слабой, когда круг производящих основ семантически ограничен, замкнут. Так обстоит дело с прилагательными типа *без-нос-ый*, *без-глаз-ый*, потому что производящими основами для них служат обычно имена существительные — названия частей тела человека или животного. Естественно, что круг таких слов ограничен и это препятствует производству новых прилагательных.

б) При высокой системной продуктивности типа эмпирическая продуктивность тормозится какими-либо внеязыковыми условиями, что приводит к ее ослаблению по сравнению с предшествующими эпохами. Примером может быть производство наименований лиц женского пола по профессии, соотносительных с наименованиями лиц мужского пола (таких типов, как *формовщик — формовщица*, *браковщик — браковщица*, *учитель — учительница* и т. п.).

Системная продуктивность слов двух названных типов очень высока, т. е. от любого имени лица мужского пола с суффиксами ***-щик*** и ***-тель*** могут быть произведены имена лиц женского пола с одним и тем же стандартным семантическим соотношением [1]. Тем не менее в языке советской эпохи внеязыковые факторы (равноправие женщин, давшее им возможность овладеть многими профессиями, которыми раньше занимались только мужчины) способствовали не увеличению, а ослаблению эмпирической продуктивности производных существительных женского рода, так как активизировалась тенденция называть именем

---

[1] См.: И. Ф. Протченко. О родовой соотносительности названий лиц (из наблюдений над лексикой советской эпохи). В кн. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964.

существительным мужского рода лиц женского пола [1]. Ср. такие вполне обычные фразы, как: «*Учителя* нашей школы *Иванова*, *Смирнова* и *Николаева* летом едут в Крым» (не: *учительницы!*); «*Мария Ивановна — талантливый писатель*»; «За пять лет *Таня Семенова стала* опытным *фрезеровщиком*»; «*Маша поступила* работать *кладовщиком*».

Возможности такого употребления объясняются тем, что существительные мужского рода рассматриваемых типов получили способность обозначать не только лиц мужского пола, но и лиц независимо от их пола, т. е. получили более широкое, обобщенное значение. Как показывает Н. А. Янко-Триницкая, этому способствовали внеязыковые факторы — равноправие женщин с мужчинами, овладение женщинами многими профессиями (раз женщина имеет ту же профессию, что мужчина, ее как специалиста можно и называть тем же словом, что мужчину). В конечном счете это и привело к ослаблению эмпирической продуктивности у слов женского рода рассматриваемых типов.

По-видимому, иной вид соотношений двух продуктивностей (высокая эмпирическая при слабой системной) несвойствен русскому словообразованию.

Дополнительная литература к главам VII—VIII

Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961 (в книге приводится много фактов русского языка), стр. 51—68.

M. Dokulil. Tvoření slow v češtině, t. I. Praha, 1962, стр. 204—206 (резюме на русском языке).

Н. А. Еськова. О структурных ограничениях в словообразовании существительных. «Вопросы культуры речи», вып. 5. М., 1964.

«Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962.

В. Н. Топоров. О некоторых фонетических особенностях славянских языков в связи со словообразованием. «Prace filołogiczne», 1964, т. 17, № 2.

И. С. Улуханов. Глаголы на *-еть* в современном русском языке (О продуктивности и регулярности словообразовательного типа). «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966.

---

[1] См.: Н. А. Янко-Триницкая. Изменения в значении деривационных аффиксов. В кн. «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 191 и след.

Глава IX

СЛОВА РЕАЛЬНЫЕ И СЛОВА ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ

§ 173. Как было показано в предыдущих главах, словообразовательные связи морфем могут быть очень узкими (предельный случай узости — связи унификсов, спаянных с одной-единственной корневой морфемой) и очень широкими (предельный случай широты — связь со словами нескольких частей речи [1]). Высокопродуктивные морфемы, связанные с широким кругом производящих основ и отличающиеся стандартностью значения, образуют производные свободно, подобно тому как производятся формы слов.

Примером таких высокопродуктивных типов могут быть префиксальные существительные (с приставками ***анти-***, ***сверх-***, ***не-***), прилагательные (с приставками ***архи-***, ***анти-***, ***сверх-***), глаголы (с приставками ***за-***, ***от-***, ***до-***, ***пере-*** в некоторых значениях), существительные с суффиксами ***-тель***, ***-ниj(е)***, ***-ость***, ***-ищ(е)*** с увеличительным значением, прилагательные с суффиксами ***-ск-***, ***-ов-***, ***-н-*** [2] и другие типы.

---

[1] Очевидно, что степень системной продуктивности словообразовательной морфемы в таком случае очень высока. Ведь если морфема «ограничена» сочетанием с основами каких-то частей речи, то по существу ее продуктивность безгранична, так как в пределах каждой части речи число слов может быть бесконечно велико. Степень эмпирической продуктивности морфемы, как говорилось выше, зависит от внеязыковых факторов.

[2] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964.

§ 174. Производные названных и подобных высокопродуктивных словообразовательных типов имеют ряд особенностей и заслуживают специального рассмотрения.

В тех случаях, когда морфемы имеют широкие связи с основами по отношению к отдельным словам, образованным с помощью этих морфем, бывает трудно установить, являются ли они новыми в языке или уже и ранее существовали в нем. Время появления таких слов установить невозможно. Они живут в языке под спудом, заключены в словообразовательных возможностях языка, но реально могут и не появляться, если в них нет нужды. Такие слова, имеющиеся в языке в потенции, называют потенциальными словами[1].

Когда говорящий произносит такое слово, он не повторяет ранее слышанное знакомое слово, а создает новое слово по известному ему образцу. Новизна этих слов обычно незаметна. Если же они иной раз и кажутся новыми, то эта новизна может быть мнимой, так как невозможно установить, когда то или иное слово было употреблено в первый раз. По существу это чистая реализация возможностей словообразовательного типа (например, *возражатель*, *повторятель* и т. п.).

Итак, потенциальными называются слова, которые произведены, но еще не закреплены традицией словоупотребления или могут быть произведены по образцу слов высокопродуктивных словообразовательных типов[2].

§ 175. Потенциальные слова отличаются от реальных слов характером своего значения. Значение потенциальных слов целиком складывается из значения составляющих их частей, в нем нет ничего добавочного, индивидуального, а значение производных реальных слов, хотя оно и складывается из значения составляющих его морфем,

---

[1] Г. О. Винокур писал: «В каждом языке, наряду с употребляющимися в повседневной практике словами, существуют, кроме того, своего рода «потенциальные слова», т. е. слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность...» (Г. О. Винокур. Маяковский — новатор языка. М., 1943, стр. 15).

[2] Ср.: А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 17—18; Е. А. Земская. Как делаются слова, стр. 52—57; Э. И. Ханпира. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966, стр. 153—154.

хотя оно и определяется значением исходного простого слова, может иметь нечто добавочное, индивидуальное, свое, что нельзя узнать из модели, а необходимо знать заранее.

Как уже упоминалось в главе I, это свойство М. В. Панов называет фразеологичностью семантики слова. «Слово как целое почти всегда значит больше, чем его части. Как сказано, это признак фразеологизма. В свободном словосочетании целое также больше, чем простая сумма частей, целое скорее произведение частей, но это произведение целиком определяется значением частей (везде разрядка автора.— *Е. З.*). Если мы ни разу не слышали сочетания *вертолет парит*, но известно значение всех частей сочетания, то поймем и целое. В слове же целое есть не только произведение частей, но и еще добавочно некая величина $A \times B + (X)$. Зная части *змей-* и *-овик*, понимая их смысл..., мы все же не понимаем смысл целого.

Действительно, есть несколько разных слов (омонимов) *змеевик:*

змеевик [1]— горная порода зеленого цвета (похожа по окраске на змеиную кожу);

змеевик [2] — растение..., имеет змеевидные стебли;

змеевик [3] — трубка витками...;

змеевик [4] — подвесной амулет с изображением головы, окаймленной змеями (Византия и пр.).

Морфемы не указывают на то, что в первом случае именуется горная порода, во втором—растение и т. д. Это не вытекает из смысла соединенных морфем, не вытекает из их смыслового соединения. Это добавочно (разрядка автора.— *Е. З.*) дано в слове» [1].

Сравним потенциальные и реальные слова с суффиксом ***-тель***. Что значат потенциальные слова *возражатель*, *спрашиватель* и им подобные? [2]

---

[1] М. В. Панов. О слове как единице языка. «Ученые записки МГПИ им. Потемкина», т. 51. М., 1956, стр. 146—147. См. там же анализ слов *дневник*, *вечерник*, *ночник*, *утренник*.

[2] От переходных глаголов с основой на гласный существительные на ***-тель*** образуются свободно, возникая по мере надобности:

[Арина]: Вот он, *разлучитель-то* наш, сидит, толстый да губастый! (А. Островский. Бедность не порок, д. 3, явл. 1); «В *«возражатели»* записывалось десяток декадентов» (Брюсов. Дневники, февр.— март. 1903); «Художник — по преимуществу натура

Возражатель — 'тот, кто возражает или любит возражать', *спрашиватель* — 'тот, кто спрашивает или любит спрашивать'. Таков ли характер значения реальных слов *учитель*, *писатель* и им подобных (ср. также *числитель*, *знаменатель*, *вытрезвитель*, *распределитель* и др.)? Нет, другой. *Учитель* — это не просто 'тот, кто учит или любит учить', а так же, как и *писатель*, название определенной профессии, рода занятий. Лишь в шутку мы можем назвать писателем человека, который пишет письмо или школьное сочинение. Значение реальных слов обычно включает в себя нечто своеобразное, фразеологическое. По этой же причине нельзя догадаться, что существительное *электричка* обозначает именно электрический поезд, а не электрический чайник, бритву или плитку, слово *попутка* — попутную машину, а не попутный ветер или спутницу, слово *вечерка* — вечернюю газету, а не вечернюю бабочку, вечерний спектакль или вечерние занятия в школе.

§ 176. Рассмотрим некоторые из вышеназванных словообразовательных типов, по которым создаются потенциальные слова.

1) Существительные с приставкой ***анти-***. В современном языке и системная, и эмпирическая продуктивность таких образований очень высока [1]. Приставка ***анти-*** легко сочетается с существительными самой разнообразной семантики: и отвлеченной, и конкретной, с существительными одушевленными и неодушевленными. Значение

творческая, одаренная фантазией индивидуальность, которой тягостно постоянное подчинение одной доктрине целой корпорации. В нем как *отразителе* задач своего момента возникают вдруг прямо противоположные мотивы» (И. Репин. Далекое — близкое); «...не сумели разглядеть человека, и он тут столько дров наломал с этим завинчиванием гаек... Но, честно говоря, не с неба свалился этот *ломатель* дров...» («Лит. газ.» от 26 авг. 1961 г.); «Заместитель директора института доцент Лишневский, не щадя фантазии, говорил на юбилее, что Арчил Нестерович — светило науки, *открыватель* новых путей, благородный рыцарь, стоящий на страже прогресса» («Лит. газ.» от 11 июня 1955 г.); «Вот *спрашиватель* нашелся. Вечно он спрашивает» (из устной речи).

Примеров слов этого рода можно привести сколько угодно.

[1] Объяснение этого явления и наблюдения над такими существительными сделаны Е. И. Голановой. См.: «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского языка». М., 1968, стр. 160—163.

приставки в таких производных стандартно, она обозначает противоположность, отрицание.

Вот ряд примеров: «Открытия современной физики несколько сместили элементарные представления, долгое время господствовавшие в нашем сознании и пока еще затверженные в школьной программе. *Антивещество. Антимир.* Совместимость разных ходов времени. Аннигиляция материи...» («Лит. газ.» от 22 сент. 1964 г.); «Когда я только начал читать липатовский цикл, у меня появилось ощущение, что автор задумал *антидетектив*, пародию...» («Лит. газ.», 1968, № 12); «Великолепие жизни, открывающееся в преодолении всего того, что можно было бы назвать «*антижизнью*», разве не просвечивает в образах Наташи и Анны?» («Лит. газ.», 1968, № 4)»; «А Сергей уже тогда предпочитал иметь дело с анализом конкретных текстов, но не с гипотезами и *антигипотезами*...» («Комсомольская правда» от 27 апр. 1969 г.); «Что такое *Анти-Кавказ?*» [заголовок] («Вокруг света», 1928, № 18); «...оригинальность внезапно превращается в обезьяничание, в *антиоригинальность*» («Лит. газ.» от 23 июля 1962 г.); «Она — *анти-Лида*» (из устной речи).

Для характеристики семантики таких слов показательны газетные заголовки, включающие существительное с приставкой ***анти-*** и без нее: «Ученики и «*антиученики*» («Лит. газ. от 10 окт. 1964 г.); «Новинки и «*антиновинки*» французского экрана» («Советская культура» от 23 июля 1964 г.).

Интересны в этом отношении и случаи, когда автор сам толкует существительные с ***анти-***. Вот отрывок из статьи в «Литературной газете» (1968, № 2): «В последнее время филологов и критиков волнует важная проблема. И какая, вы думаете, это проблема? Выразить ее можно одним словом: *антироман*. Что же такое *антироман?* А это такой роман, который порывает с наследием классического романа, с его сюжетом, композицией и привычной системой образов. Надо сказать, что и поэзия не отстает от прозы: в ней появился *антипунктуацилизм*. Сторонники этого течения пишут стихи без знаков препинания, утверждая, что в таком виде поэзия гораздо эмоциональней и доходчивей». И далее автор, иронически комментируя приведенные слова, рассказывает о новом виде башмаков — *антибашмаках* («башмаки без подошв») и о новом виде охотничье-рыболовных рассказов — *анти-*

рассказе, «который в отличие от последних будет основан на абсолютно достоверных фактах».

Как видим, существительные с ***анти-*** создаются с большой легкостью. Возникла известная мода на них [1].

2) В системе глагольной префиксации высокопродуктивны словообразовательные типы с приставками ***от-*** (со значением завершения действия: 'перестать что-нибудь делать'), ***за-*** (со значением начала действия) [2], ***до-*** (со значением довершения действия), ***пере-*** (со значением повторности действия: 'еще раз', 'снова') [3]. Рассмотрим два из этих типов.

а) Приставка ***от-*** со значением завершения действия соединяется с глаголами разнообразной семантики [4], особенно часто с глаголами речи, звучания: *отгреметь*, *отзвенеть*, *отгрохотать*, *отговорить*, *откричать* и т. п.

Вот несколько случаев употребления потенциальных глаголов с приставкой ***от-*** в указанном значении из языка художественной литературы и газет.

«Настанет день — печальный, говорят!
Отцарствуют, *отплачут*, *отгорят*,—
Остужены чужими пятаками,—
Мои глаза, подвижные, как пламя...»

(М. Цветаева. «Настанет день — печальный, говорят...»)

---

[1] Показателем этой моды может служить шутливое стихотворение Вадима Бабичкова «Античные стихи»:

«Зажав в зубах *антиказбек*,
В согласье с данными науки,
Шагает *античеловек*,
Неся в починку *антибрюки*.
В недоуменье морщу лоб,
Живя в плену понятий старых,—
Я слышал лишь про *антилоп*
И кое-что об *антикварах*,
Но до того теперь дойти,
Чтоб это стало повсеместно,
Чтоб было все подряд *анти*!
Необычайно... *антиресно*».

(«Лит. газ.» от 4 дек. 1968 г.)

[2] См.: Е. А. Земская. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке. «Исследования по грамматике русского литературного языка». М., 1965, стр. 9—12.

[3] См.: И. С. Улуханов. О закономерностях сочетаемости..., стр. 183—184.

[4] См. подробнее: Е. А. Земская. Указ. выше соч., стр. 14—16.

«*Отволнуюсь.*
Отлюблю.
Отдышу.
И когда последний час
грянет, звеня,—
несговорчивую смерть
попрошу
дать пожить мне».
(Р. Рождественский. Место под солнцем)

«Характер всех любимых одинаков!
Веселые, они вдруг загрустят,
Отревновав, *отмучившись*, *отплакав*,
Они угомонятся и простят».
(Евг. Винокуров. Любимые)

«Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я *отскандалил*,—
Пусть хоть ветер теперь начинает
Под микитки дубасить рожь».
(С. Есенин. «Я усталым таким еще не был»)

«Сделан шаг.
Еще не *отхрустела*
под подошвой попраная пыль...»
(Л. Мартынов. Шаг)

«Пар! *Отпыхтел* свое он и уплыл...»
(Л. Мартынов. «Да, многое исчезло без следов!..»)

«*Отшпионили!*» [заголовок] («Известия» от 30 ноября 1961 г.); «— Ну уж, тетушка, осудила племянницу. Не осуждай, не осуждай, Онисья Захаровна... Мы с тобою свое *отшалили*» (Ф. Абрамов. Пелагея).

б) Приставка ***до-*** со значением довершения действия потенциально соединяется с глаголами разнообразной семантики. Вот примеры из газет: «...какие-то цехи строятся, монтируются, другие расширяются, *дооборудуются*» («Советский спорт» от 15 янв. 1964 г.); «Автоматы в магазине «Прогресс» достаточно загрузить перед началом работы магазина и частично *догрузить* во второй половине дня» («Комсомольская правда» от 6 сент. 1963 г.);

«... не изъявляли желания *доисследовать* вопрос хотя бы о птичьем населении люблинских полей...» («Комсомольская правда» от 1 дек. 1966 г.).

Из языка художественной литературы: «... примите меры, чтоб товарищи, которые недопонимают, *допоняли*» (И. Зверев. Горький привкус).

Из разговорной речи: «— Сейчас я *допришью* воротник»; «— Катя! *Доподшей* мне юбку! *Доподошьешь?*»; «— *Довыучивай* географию и иди гулять!»; «— Никак не кончу *дописывать*».

3) В качестве примера высокопродуктивных типов прилагательных, производящих потенциальные слова, можно привести прилагательные с приставками ***при-***, ***за-***, ***над-***, ***на-***, ***после-***, ***около-***, образованные префиксально-суффиксальным способом.

Значение таких образований складывается из значения составляющих частей: «... Живет в одном из *приарбатских* переулков Москвы немолодой архитектор» («Лит. газ.» от 21 марта 1964 г.); «Непролазные джунгли! Их сменяет роща туранга — коренастых *приречных* тополей» («Сельская жизнь» от 4 мая 1963 г.); «Чтобы не повредить тонкий *надмерзлотный* слой почвы, его не пашут, только боронуют» («Знание — сила», 1963, № 12); «А за *надкрышной* мглой, на плотине, горит и горит невидимая свеча» (Ал. Малышкин. Люди из захолустья).

«Мой заживо-смертный тес!
Спасибо, что рос и рос
Со мною, по мере дел
Настольных — большал, ширел...»
(М. Цветаева. Из цикла «Стол», 1)

«Вот он, грузов *наспинных*
Бич, мечтателей меч!»
(М. Цветаева. Ода пешему ходу)

«Кружился снег на тихом перекрестке,
Блестел у *наворотных* фонарей
И грудами рассыпчатой известки
За полночь наметался у дверей».
(А. Артемов. Ночь в голубиной пади)

«Над головой в разрывах облаков — лоскутки бледно-голубого *послерассветного* неба» (Л. В. Смыслов. Мы

идем по Карпатам); «Александра Михайловна предложила дочери сходить за малиной на дальние *околопокосные* подсеки» («Сельская жизнь» от 19 марта 1963 г.).

4) Так же легко образуются существительные с суффиксами ***-тель***, ***-ние***, ***-ость***, о которых говорилось выше (см. выше, гл. VI).

§ 177. Можно ли пересчитать все существительные с приставками ***анти-*** и ***сверх-***, все глаголы с приставками ***от-***, ***до-***, все существительные с суффиксами ***-тель***, ***-ость*** или ***-ние*** и подобные им образования? Нет, конечно. Число их неизвестно, так как возможности образования таких слов очень велики и мы никогда не знаем, осуществлены ли они полностью, образованы ли этими способами все возможные слова или еще могут образоваться новые и новые. Поэтому составители толковых словарей не стремятся включить в словарь все слова этого рода, а дают лишь наиболее употребительные из них («реальные» слова), указывая на широкие возможности образования подобных слов. Так, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. I. М., 1938) о глаголах с приставкой ***за-*** говорится следующее: «Так как глаголы с приставкой «***за-***» в 1, 2 и 5-м значениях очень легко образуются и вполне понятны, то в словаре далее приводятся только наиболее употребительные глаголы с приставкой «***за-***» в этих значениях» (стр. 883). Включать в словарь все слова этого рода невозможно и нецелесообразно. Невозможно потому, что, даже стремясь к исчерпывающей полноте, никогда нельзя быть уверенным, что собраны все слова. А почему нецелесообразно? Потому, что значение многих из таких слов совершенно аналогично значению других слов, образованных так же. Зная несколько распространенных слов этого типа, легко понять все остальные потенциальные слова этого типа. Поэтому нет смысла увеличивать объем словаря, включая в него слова в одно и то же время и всем понятные, и не частые, может быть, даже еще никем не употребленные.

§ 178. Подведем итоги и выясним, каковы же признаки потенциальных слов.

1) Потенциальные слова относятся к словообразовательным типам, обладающим высокой системной продуктивностью.

2) Их значение всегда целиком мотивируется значением составляющих частей, т. е. лишено фразеологичности; этим потенциальные слова отличаются от реальных слов, для которых характерна семантическая фразеологичность.

3) Очевидно, что если фразеологичность (неполная мотивированность) является характерной чертой семантики слова, следует предположить, что потенциальные слова расположены на границе между словом и «соседними» с ним единицами: словосочетанием и словоформой [1]. И действительно, одни потенциальные слова тяготеют к словосочетаниям (это слова с приставками ***анти-***, ***сверх-*** и т. п., ведущими себя подобно самостоятельным препозитивным частицам), другие — к словоформам (это высокопродуктивные синтаксические дериваты, образующиеся с легкостью словоформ — отприлагательные и отглагольные существительные с суффиксами ***-ость*** и ***-ние***).

4) Разные словообразовательные типы обладают различной способностью производить потенциальные слова.

Есть такие типы, по которым производятся преимущественно потенциальные слова, так как производные этих типов всегда — в принципе — лишены фразеологичности в семантике. Таковы, например, существительные с приставками ***архи-***, ***анти-***, ***сверх-***.

Другие словообразовательные типы лишены способности производить потенциальные слова, так как их производные всегда фразеологичны по семантике. Таковы, например, существительные с суффиксом ***-к(а)***, содержащие основу прилагательного, а семантически соотносительные с словосочетаниями (типа *зачетная книжка — зачетка*, *электрический поезд — электричка*).

И наконец, есть словообразовательные типы, по которым производятся и реальные, и потенциальные слова. Таковы, например, отглагольные существительные с суффиксом ***-тель*** (ср.: *писатель* и шутливое *повторятель*).

---

[1] Эта мысль была высказана Е. В. Красильниковой в устной беседе. Ср. следующее замечание Д. Н. Шмелева: «Существование таких единиц, которые находятся на границе слова и морфемы, на границе слов и словосочетания — несомненный факт самого языка» (Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. Автореферат докт. дис. М., 1969, стр. 6).

Глава X

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 179. Выше (см. гл. VI) мы говорили о том, что образование новых слов происходит преимущественно в пределах словообразовательных типов. Чем вызвана оговорка — «преимущественно»? Дело в том, что какое-то количество новых слов образуется с нарушением тех или иных законов действия словообразовательного типа.

Для того чтобы стало ясно, о чем идет речь, приведем несколько примеров слов, необычность которых ясна интуитивно, без специального анализа: «*Разбукетилось* небо к вечеру. Замерзло окно» (М. Кузьмин. «Разбукетилось небо к вечеру...»); «Я работник центрального значения, пускай другие *колхозятся*» (Маяковский. Баня); «— У мамы волосы *бигудятся*, а у меня вьются» (Из детской речи. «Вечерняя Москва» от 16 июня 1964 г.); «Пишут нам читатели и о репродукторах, беспрерывно «*громкоговорящих*» в парках и на площадях, в поездах и на сельских улицах» («Правда» от 17 авг. 1967 г.); «Нет, видно, не зря я ехала в Ивантеевку. Пришлось-таки защищать правду. Не от того, от чего думалось, а от неверия в нее, опошления всякими *вправдуневерцами*» («Комсомольская правда» от 7 мая 1969 г.); «Все меньше несуразностей встречаешь в книгах, хотя, конечно, и сейчас высказываются идеи, дезориентирующие читателя. К таким идеям можно было бы отнести... создание *мыслелетов*» («Лит. газ.» от 6 окт. 1968 г.).

Важной отличительной чертой подобных слов является их тесная связь с контекстом; нередко они бывают непонятны вне породившего их контекста. Н. И. Фельдман пишет о таких словах: «Тесная связь слов-самоделок с контекстом, из которого они как бы вырастают, делает

их уместными и особо выразительными на своем месте, однако вместе с тем, как правило, препятствует им оторваться от контекста и обрести жизнь вне его» [1].

Такие необычные слова, существующие, как правило, лишь в определенном, породившем их контексте, не вошедшие в язык, принято называть окказиональными словами (или окказионализмами) [2].

Окказиональные слова отличаются от новообразований языка (неологизмов) тем, что сохраняют свою новизну, свежесть независимо от реального времени их создания. Окказионализмы Державина, Пушкина и других писателей прошлого дышат и сейчас новизной, хотя им более ста лет, а молодые слова *колхоз*, *ООН*, *ракетодром*, *телевидение*, *капрон* сейчас уже и не воспринимаются как неологизмы.

§ 180. Термином «окказиональный» принято называть факты, не соответствующие общепринятым языковым нормам (ср. лат. *occasio* — «случайность», фр. *occasionnel* — «случайный»).

Окказиональные слова отличаются тем, что при их образовании нарушаются (обычно сознательно, в целях экспрессивности) законы построения соответствующих общеязыковых единиц, нормы языка. Окказиональные факты — это факты речи, а не факты языка. Окказиональные слова противостоят словам узуальным (от лат. *usus* — «обычай», «привычка»).

§ 181. Окказиональные явления обычно бывают индивидуальными новшествами, принадлежащими отдельным лицам, часто писателям. Поэтому окказионализмы разного рода иногда называют индивидуальными (или авторскими), подчеркивая их «необщепринятость» и отнесенность к известному создателю. При этом окказиональное (или индивидуальное) противопоставляют общенародному, языковому.

---

[1] Н. И. Фельдман. Окказиональные слова и лексикография. «Вопросы языкознания», 1957, № 4, стр. 66.

[2] Об окказиональном словообразовании, кроме названной статьи Н. И. Фельдман, см.: Г. О. Винокур. Маяковский — новатор языка. М., 1943; Э. И. Хаппира. Окказиональные элементы в современной речи. В кн. «Стилистические исследования (на материале современного русского языка)». М., «Наука», 1972.

Принципиальной особенностью окказионализмов является не их связь с определенным творцом (индивидуальный характер), а тот факт, что при их образовании произошло нарушение действующих в языке законов производства тех или иных единиц. С этой точки зрения нет принципиальных отличий между окказионализмами авторскими (писательскими) и окказионализмами, не претендующими на авторство, — детскими или разговорными, ибо в этих трех сферах преимущественно и создаются окказионализмы.

Кроме того, окказионализмы широко представлены в языке газет и журналов, т. е. в периодической печати. Эстетическая выразительность может быть свойственна окказионализмам всех названных сфер, так что и в этом отношении между ними нет принципиальной разницы. Между окказионализмами и фактами языка нет непереходимой грани. Окказиональные единицы в отдельных случаях — обычно, когда их семантика становится общественно актуальной — могут становиться фактами языка (см. об этом ниже). Естественно, что возможны и переходные случаи.

§ 182. С точки зрения того, как именно нарушаются при окказиональном словообразовании законы действия словообразовательного типа, можно различать два вида окказионализмов: 1) произведенные с нарушением законов системной продуктивности словообразовательных типов; 2) произведенные по образцу типов непродуктивных и малопродуктивных в ту или иную эпоху, т. е. с нарушением законов эмпирической продуктивности.

В окказионализмах первого вида нарушаются условия образования производных слов того или иного типа безразлично к тому, обладает ли данный тип эмпирической продуктивностью или нет. Чаще в таком случае в качестве образца выступают продуктивные типы.

В окказионализмах второго вида нарушается общая пассивность, бездеятельность типа в ту или иную эпоху, но условия образования производных слов этого типа не затрагиваются.

Образцом для производства окказионализмов может быть не только непродуктивный словообразовательный тип, но и отдельное непроизводное, но членимое слово. В таком случае говорят о словообразовании по

конкретному образцу [1] (третий вид окказионализмов).

Этот вид окказионального словообразования объясняется тем, что непроизводные, но членимые слова (см. гл. III) являются определенными структурами, которые могут действовать как образец [2].

§ 183. Окказиональное словообразование названных видов (как и любое словообразование) совершается под воздействием аналогии. Аналогия при этом действует и как фактор регулярности, единообразия (так как окказионализм берет за образец обычное слово), и как фактор нарушения регулярности (так как окказионализм, беря за образец обычное слово, чем-то не похож на него, отличается от него) [3]. Рассмотрим несколько примеров окказионализмов разных видов.

§ 184. Окказионализмы первого вида производятся обычно по образцу слов продуктивных типов, но с нарушением условий их образования.

1) Наиболее типично при создании окказионализмов первого вида изменение характера производящей основы: производное создается от основ иной семантики или иных грамматических свойств, чем это характерно для языка.

Так, например, существительные с суффиксом ***-инк(а)***, имеющие значение единичности, совмещенной с уменьшительностью, образуются от основ существительных, обозначающих нерасчлененные совокупности чего-либо (*горошинка*, *соломинка*, *изюминка* и т. п.). В поэтической речи встречаем *сиренинка* от существительного иной семантики — *сирень*.

«Ухожу в лесок —
как вода в песок.
И в зеленый лист,
и в залетный свист.
В воду талую,
в хвою палую
и в *сиренинку*
пятипалую».

(Р. Казакова)

---

[1] Термин Н. А. Янко-Триницкой.

[2] Ср.: Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке, стр. 47.

[3] О сложности действия фактора аналогии в словообразовании см.: Д. Н. Шмелев. Об одном случае активной аналогии в современном языке. В кн. «Развитие современного русского языка». М., 1963.

Ярким примером окказионализма такого рода может служить слово *канцелярúт*, созданное К. Чуковским по образцу названий болезней *плеврит*, *бронхит* и т. п. В этом словообразовательном типе в качестве производящих используются существительные, называющие части организма. К. Чуковский нарушил эту семантическую ограниченность, использовав как производящую основу имени существительного *канцелярия*. Ср.: *бронхи: бронхит = канцелярия: канцелярист*.

Ср. в шутливой устной речи существительное *болтунит* («Витя заболел. У него *болтунúт*»), в производстве которого используется основа существительного *болтун;* производные от фамилий: «*перельманúт* мозга» (от фамилии *Перельман*) (Л. Успенский. Слово о словах. Л., 1962); «— У нее *большукúт*» [от фамилии *Большук;* об увлечении Большуком] (из устной речи).

Словообразовательный тип существительных с нулевым суффиксом, обозначающих отвлеченный признак (*синь*, *сушь* и т. п.), производится в общелитературном языке от основ непроизводных качественных прилагательных. В языке художественной литературы окказиональные образования этого типа производятся и от других видов основ [1].

От основ производных прилагательных (в том числе сложных): «...вернулись в Москву в *непролазь* и мглу позднего октября» (А. Мариенгоф); «Одну *неправдуподобь* сменяет другая,— более величественная» (там же).

От основ глаголов: «...Она похудела, на нее вдруг пал такой холод, такая *нехоть* ко всему» (Гончаров. Обломов).

«Но дыханием моим,
сердцебиеньем,
голосом,
каждым остриём издыбленного в ужас
волоса...
ежью кожи,
гнева брови сборами...

---

[1] Об окказиональном типе наречий на *-о*, функционирующем в языке художественной литературы, см. в статье: О. П. Ермакова. О связи словообразовательных и синтаксических явлений. В кн. «Вопросы синтаксиса русского языка». Калуга, 1969.

не приемлю,
ненавижу это
все».

(Маяковский. Про это)

«И пускай я на рыхлую *выбель*
Упаду и зароюсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу».

(Есенин. «Мир таинственный, мир мой древний...»)

«Не жаль души сиреневую *цветь*».

(Есенин. «Отговорила роща золотая...»)

«На твоих ресницах льдинки,
Холод в сердце,
стынь в глазах...»

(И. Груздев. Лирическое)

От основ существительных:

«Я усталым таким еще не был.
В эту серую *морозь* и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь».

(Есенин. «Я усталым таким еще не был...»)

«Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую *водь*».

(Есенин. «Мы теперь уходим понемногу...»)

2) При образовании окказионализмов могут нарушаться формальные ограничения, присущие словообразовательному типу.

От существительных на ***-ение*** затруднено производство прилагательных. Если же они образуются, то это бывают прилагательные на ***-енческий*** (или ***-енский***, устар.): *приключение — приключенческий*, *просвещение — просвещенческий*, *управление — управленческий* (и *управленский* — устар.).

В детской речи встречаем *воскресенный* («Какое-то воскресенье у нас вышло *не воскресенное*»,— говорит девочка 9 лет). От существительного *воскресенье* отсутствует общепринятое прилагательное. Если бы оно было в язы-

ке, оно должно было бы иметь форму «воскресенческий». Вероятно, в образовании слова *воскресенный* сыграло роль влияние близких в семантическом отношении пар, таких, как *понедельник — понедельничный*, *вторник — вторничный*, а также общая продуктивность суффикса относительных прилагательных ***-н-***.

§ 185. Окказионализмы второго вида, т. е. производимые по образцу слов непродуктивных типов, очень разнообразны. При их создании обычно используются в качестве производящих основы той части речи, которая характерна для данного типа, но иной семантики.

С точки зрения выражаемого ими значения и степени новизны различаются две подгруппы таких окказионализмов:

а) Окказионализм не имеет близких (или тождественных) по значению «обычных» производных слов с той же основой, но иных словообразовательных типов, т. е. окказионализм нов и по форме, и по значению.

б) Окказионализм близок (или тождествен) по значению «обычному» производному слову с той же основой, но иного словообразовательного типа, т. е. окказионализм нов лишь по форме.

Приведем примеры окказионализмов обеих групп.

Группа а)

«— Профессор побывал в *бесильне* [1].

— А что это такое?

— Название этого учреждения происходит от слова «*беситься*» (С. Лем. Звездные дневники Иона Тихого, пер. с польск.).

Подобные слова необычны и по форме, и по значению: не существует названия помещения от глагола *беситься*.

Группа б)

«Видишь, как себе вода
не находит места.
Та вода идет, идет
к *седоте* [2] глубинной,
где давно меня он ждет,
мой седой любимый».

(Е. Евтушенко. Невеста)

---

[1] *Беситься — бесильня* по типу: *красить — красильня*, *париться — парильня*.

[2] *Седой — седота* по типу: *высокий — высота*, *широкий — широта* и т. п.

«По-моему, нет ничего бесполезнее и бессмысленнее, чем *«пилеж»*[1] («Комсомольская правда» от 28 июня 1967 г.).

Окказионализмы этой группы новы лишь по форме. Ср. с вышеприведенными окказионализмами обычные слова той же семантики: *седина — «седота»*, *пиление, пилка — «пилеж»*.

Окказионализм может помещаться в ряд одноструктурных образований, часть которых составляют обычные слова данного типа, т. е. образец дан тут же, в контексте. В таких случаях новизна окказионализма выступает особенно ярко. Например, в воспоминаниях В. Пескова о путешествии по Африке: «Без Миши путешествие не могло состояться. В шуточных разговорах я звал его: «К о р м и л е ц, п о и л е ц, *водилец*, *переводилец*». Водить машину и переводить было для Миши добавочной нагрузкой в этой нелегкой поездке» («Комсомольская правда» от 20 апреля 1969 г.). Ср.: обычное *водитель* и *водилец*, обычное *переводчик* и *переводилец*.

Создание окказионализма по образцу слов непродуктивного типа может способствовать оживлению внутренней формы слов, непосредственно сопоставляемых с окказиональным словом:

«За *мыслевом кружевом*,
кружевом — тужевом
Тын я воздвиг
В мой сладостный, младостный,
Радостный миг».
(В. Х л е б н и к о в. Чад-птица)

В этом отрывке два окказионализма: *мыслево* (от *мыслить*) и *тужево* (от *тужить*). Они входят в ряд образований с непродуктивным суффиксом ***-ево***: *варить — варево*, *крошить — крошево*, *курить — курево* и др. Помещение слова *тужево*, четко членящегося и по форме, и по смыслу, рядом с существительным *кружево*, утратившим живую связь с породившим его глаголом, способствует оживлению в последнем внутренней формы, *кружево* начинает ассоциироваться с *кружить(ся)*.

§ 186. Рассмотрим два словообразовательных типа, очень активные в порождении окказионализмов.

[1] *Пилить — пилеж* по типу: *грабить — грабеж*, *галдеть — галдеж*, *кутить — кутеж*.

1) Существительные с суффиксом ***-есс(а)***, являющиеся наименованиями лиц женского пола по отношению к однокоренным наименованиям лиц мужского пола, представляют собой непродуктивный тип. Число таких слов ограничено: *поэтесса*, *принцесса*, *патронесса*, *виконтесса*, *чемпионесса* [1], *дожесса* (и *догаресса*[2]), *алькальдесса* [3], *стюардесса*. Многие из таких слов являются наименованиями, редко употребительными в современном русском языке *(виконтесса*, *принцесса*, *патронесса*, *догаресса*, *алькальдесса)*.

Своеобразный по строению, непохожий на русские суффиксы, удобный своей однозначностью, суффикс ***-есс(а)*** нередко используется для производства новообразований сатирического или шутливого характера.

Приведем примеры (все окказионализмы отсутствуют в «Словаре современного русского литературного языка»): «Эх, г-жа *критикесса*, надо же знать меру и соблюдать хоть некоторую последовательность» (М. Семенов. Тайна суровой *критикессы*); «...*епископесса*» себе притирала к руке туберозу «Лубен», выпуская из крашеных губ «благодать» папироски...» (А. Белый); «Агенты и *агентессы*» [Шварц и Эрдман (киносценарий), «Каин XVIII»]; «И вот последний день. «C'est tout»,— сказала наша *гидесса*, провожая нас на парижский аэродром Бурже; «Се «Ту-104»,— добавила я» (И. Нович. Жизнь на стороне революции);

«— Никакая я не баронесса,
Я Марина, *аспирантесса*»

(шуточные стихи)

А вот поздравление женщинам-писательницам с днем 8 Марта, опубликованное на 16 стр. «Литературной газеты» (1968, № 10): «В связи с наступлением 8 Марта мужская часть администрации «Клуба ДС» постановляет:

---

[1] «Словарь современного русского литературного языка» (М., Изд-во АН СССР, т. 17) дает с пометкой *устар.*

[2] Например, у А. С. Пушкина: «Старый дож плывет в гондоле с *догарессой* молодой». Встречалось и *дожесса* («Толковый словарь», 1864).

[3] В «Словаре современного русского литературного языка» (Изд-во АН СССР) отсутствует. Встретилось в газетном сообщении об Испании: «Одетые в национальный костюм, *алькальдессы* привлекают к себе огромное внимание прессы...» («Вечерняя Москва» от 25 марта 1964 г.).

Поздравить
а) поэтесс, б) *прозаесс*, в) *драматургесс*, г) *критикесс*, д) *очеркесс*, е) *переводесс*, ж) *фельетонесс*, з) *баснописцесс*, и) *юморесс*, к) *сатирикесс* и вообще всех женщин» [1].

2) Целый фейерверк окказионализмов породил развивающийся, но малопродуктивный тип имен существительных с суффиксом ***-дром*** (ср. неологизмы *ракетодром*, *танкодром*, *космодром*, *лунодром* [2] и т. п.).

Актуальность слов на ***-дром***, объясняющаяся всенародным интересом ко всему, что связано с освоением космоса, сделала слова на ***-дром*** излюбленным материалом для использования в качестве образца. В художественной и устной речи рождаются *поэтодромы*, *рюходромы*, *океанодромы*, *скотодромы*, *скалодромы*, *змеедромы* [3] и другие далекие от космоса слова. Например: «Молодой поэт Ю. Панкратов мечтает о времени, «когда в дни поэтических состязаний и выступлений будет так же трудно пробиться к «*поэтодрому*», как сейчас трудно пробиться в Лужники» («Лит. газ.» от 9 авг. 1962 г.). Н. Тихонов пишет в «Страницах воспоминаний»: «Настоящий *рюходром*, как у Павлова в Колтушах» («Знамя», 1963, № 3); «*Скалодром* над морем» (из газет); «Творческая мысль прокладывает себе путь... Лос-Анджелес предлагает соорудить большой *океанодром*; Чикаго — аэропорт на искусственном насыпанном острове...» (А. Хейли. Аэропорт, пер. с англ.); «До пяти — на заводе, до 12 — на *скотодроме*» («Комсомольская правда» от 25 июля 1965 г.; о месте испытаний доильных установок).

§ 187. Третий вид окказионализмов — образования по конкретному образцу, обычно по образцу слов членимых, но непроизводных, не входящих в словообразовательные типы.

---

[1] Обращает внимание, что часть слов на ***-есс(а)*** произведена от имен лиц мужского пола (*критик — критикесса*, *сатирик — сатирикесса*, *баснописец — баснописцесса*), а часть — от названий литературных жанров (*юмор — юморесса*, а не *юморист — «юмористесса»*, *очерк — очеркесса*, а не *очеркист — «очеркистесса»*), т. е. с нарушением законов действия этого типа.

[2] Например: «Модель лунохода испытывалась на искусственном *лунодроме*...» («Правда» от 6 февр. 1971 г.); «Строительство *лунодрома* началось сразу же, как только на листках ватмана появились первые контуры будущей лунной машины» («Комсомольская правда» от 19 ноября 1970 г.).

[3] *Змеедром* — место для испытания змей.

Иллюстрацией этого вида окказионализмов может быть детское *звучок*, произведенное от глагола *звучать* по образцу непонятного для ребенка *смычок*, в котором вычленяется субморф ***-ок***: «У меня эти пальчики умеют за струны держаться, а эти — *звучок* держать».

Другим примером словообразования по конкретному образцу могут быть слова с элементом ***-ландия*** — шутливые названия вымышленных стран. В стихах С. Кирсанова:

«В глазах ваших, карих и серых,
есть *Новой Желандии* берег,
вы всходите поступью скорой
на Вообразильские горы».

«Всего несколько месяцев работает музей, но книга отзывов уже полна записей, и каждый день сотни человек совершают путешествие в страну «*Гринландию*» («Лит. газ.» от 29 сент. 1970 г.). *Гринландия* — надпись на карте в музее *А. Грина* в г. Феодосия); «*Спортландия* (из газет); «Страна *Киноландия*» (название статьи Ф. Французова, «Советский экран», 1968, № 9).

Эти окказионализмы вызывают на память слова *Финляндия*, *Гренландия* и *Лапландия* — названия стран, в которых есть элемент — ***-ландия*** (или ***-ляндия***). Причем если в слове *Финляндия* вычленяется свободный корень (ср.: *финны*, *финский*), то слова *Гренландия* и *Лапландия* содержат радиксоиды и имеют более низкую степень членимости.

§ 188. Выше мы упоминали, что нет непроходимой грани между окказиональными словами и неологизмами — новыми словами общенародного языка. Особенно ярко отсутствие непроходимой границы доказывают случаи, когда окказиональные образования переходят в категорию обычных слов. Как правило, это происходит, когда какой-либо окказионализм в силу особой общественной актуальности своей семантики получает широкое распространение и «права гражданства» в русском языке. Так произошло на наших глазах с глаголами *прилуниться*, *приводниться*. Они были созданы как слова, употребительные лишь в фантастической литературе, юмористике и т. п. жанрах [1]. Сейчас эти глаголы и их производные часто употребляются в научных сообщениях, деловых

[1] См.: Е. А. Земская. Как делаются слова, стр. 10—11.

документах: «У лунного отсека два двигателя. С помощью первого он *прилуняется*» («Комсомольская правда» от 11 марта 1969 г.); «13 марта «Аполлон-9» должен *приводниться* неподалеку от Бермудских островов» (там же); «На верхнем снимке: *приводнившаяся* кабина «Аполлона-11» («Комсомольская правда» от 26 июля 1969 г.); «Сегодня в 19 часов 52 минуты по московскому времени корабль «Аполлон-10» благополучно *приводнился*» («Правда» от 27 мая 1969 г.); «Прошло несколько томительных минут, пока с «Орла» не последовал радиосигнал о благополучном *прилунении*» («Лит. газ.» от 23 июля 1969 г.); «Командир Нейл Армстронг взял управление на себя, вывел лунный отсек из опасной зоны и *прилунил* его милях в четырех от намеченной цели» (там же).

Превращение окказиональных слов в обычные может сопровождаться превращением окказионального словообразовательного типа в общеязыковой словообразовательный тип.

§ 189. Потенциальные и окказиональные слова представляют собой два полюса словообразования: первые являются реализацией законов словообразования, вторые — нарушением этих законов. Это — антиподы. Однако и те, и другие по существу демонстрируют возможности, заложенные в системе языка, только в первом случае это возможности, которые вот-вот станут реальностью, уже пробившие себе дорогу, а во втором случае — это возможности глубинные, лишь изредка, с трудом выбивающиеся на поверхность. Вполне вероятно, что часть последних при их особой активности, благоприятных внутриязыковых условиях и помощи социальных факторов пробьет себе дорогу в жизнь. Именно об этих случаях можно сказать, что крайности (слова потенциальные и слова окказиональные) сходятся, т. е. имеется пограничная полоса, в которой расположены образования, наделенные чертами и потенциальных слов, и окказионализмов[1].

Имеются в виду такие образования, как, например,

[1] Ср. следующее высказывание Д. Н. Шмелева о сочетаемости слов: «Даже в тех случаях, когда сочетаемость слова с фразеологически связанным значением предельно ограничена, не всегда можно с полной уверенностью решить, является ли то или иное ее расширение в индивидуальной речи нарушением (намеренным или бессознательным) нормы или оно должно быть расценено как

глагол *васильковеть* [1] со значением выявления признака. Он содержит редкое для глаголов на ***-еть*** число слогов — четыре (ср.: *шелудиветь*, *волосатеть*, *угреватеть*, *деревенеть* [2]). И эту особенность можно рассматривать как некоторое нарушение законов действия данного типа, т. е. черту окказиональности. Однако по всем другим свойствам (деривационное значение, семантико-грамматические признаки производящей основы — качественное прилагательное с суффиксом ***-ов-*** со значением цвета) этот глагол принадлежит к явлениям чистой реализации типа, т. е. потенциальным словам.

Ср. глагол такого же рода из устной речи: «Тебе не кажется, что я — как бы это сказать — *помускули́стела?*»

Такого же рода различия имеются между узуальными существительными на ***-ость***, рассмотренными в главе VIII и нижеприведенными:

«А еще, несмотря на бритость,
Сытость, *питость* (моргну — и трачу!),
За какую-то — вдруг — побитость,
За какой-то их взгляд собачий,
Сомневающийся...»

(М. Цветаева. Хвала богатым)

«Труба! Труба! Лбов искаженных
Последнее: «Еще мы тут!»
Какая насмерть *осужденность*
В той жалобе последних труб!
Как в вашу бархатную сытость
Вгрызается их жалкий вой!
Какая *заживо-зарытость*
И *выведенность* на убой!»

(М. Цветаева. Заводские)

Существительные — названия городов со второй частью ***-град*** — продуктивный в современном языке словообра-

---

реализация каких-то ее потенциальных возможностей» (Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). Докт. дис. М., 1969).

[1] Например: «Разорванный, праздный, длинный
Конверт на ковре *васильковел*».

(З. Гиппиус. Голубой конверт)

[2] См.: И. С. Улуханов. Глаголы на ***-еть*** в современном русском языке. В кн. «Развитие словообразования современного русского языка». М., «Наука», 1966, стр. 137.

зовательный тип: *Ленинград*, *Кировоград*, *Целиноград*, *Волгоград*, *Кедроград* [1] и др. Существительные на ***-град*** активно пополняются словами «правильного» с точки зрения рассматриваемого типа строения, но несколько иной семантики. Такие слова являются не официальными названиями городов, а их образными характеристиками. Например, поэт пишет о городе Иваново:

«Привет тебе,
Иваново,
российский *Ситцеград*!»
(Вяч. Кузнецов. Ситцеград)

Город Норильск называют *Книгоградом:* «...пожалуй наибольшее впечатление производит второе имя Норильска—*Книгоград*. Я слышал это имя от многих норильчан... в Норильске почти каждая семья имеет две-три сотни книг» («Комсомольская правда» от 21 февраля 1956 г.).

Корреспондент, рассказывая о посещении «нефтяного» города Стрежевого, называет свою статью «Встреча с *Нефтеградом*» («Правда» от 23 ноября 1967 г.). Ср. еще заголовки: «*Атомоград* у Тихого Дона» («Комсомольская правда» от 25 ноября 1964 г.); «*Птицеград*» («Правда» от 21 мая 1972 г.)

Таким образом, эта группа слов теряет черты окказиональности и становится общеязыковой, а словообразовательный тип слов на *-град* приобретает семантический подтип: «наименования городов по какой-либо характерной черте, названной первой частью сложного слова».

Дополнительная литература к главам IX и X

Г. О. Винокур. Маяковский — новатор языка. М., 1943.
О. П. Ермакова. О связи словообразовательных и синтаксических явлений. В кн. «Вопросы синтаксиса русского языка». Калуга, 1969.
М. В. Панов. О слове как единице языка. «Ученые записки МГПИ им. Потемкина», т. 51, 1956.
Н. И. Фельдман. Окказиональные слова и лексикография. «Вопросы языкознания», 1957, № 4.
Э. И. Ханпира. Окказиональные элементы в современной речи. «Стилистические исследования». М., «Наука», 1972.

---

[1] Например: «Пятилетие *Кедрограда*» [заголовок] («Лит. газ.» от 28 янв. 1965 г.).

Глава XI

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 190. Четыре основные знаменательные части речи — имя существительное, имя прилагательное, глагол и наречие — характеризуются своеобразием словообразования как в отношении способов, так и в отношении деривационных аффиксов и характерных для каждой части речи деривационных значений.

Нами будут рассмотрены лишь типические черты словообразования названных частей речи [1].

§ 191. При описании словообразования разных частей речи целесообразно использовать данную выше классификацию словообразовательных типов, а также понятие более широкое, чем словообразовательный тип, а именно понятие словообразовательной категории. Словообразовательная категория формируется группой словообразовательных типов, объединяемых общностью: 1) деривационного значения, 2) способа словообразования, 3) производящих основ; но словообразовательные типы, образующие словообразовательную категорию, различаются словообразовательными аффиксами. В качестве примера словообразовательной категории можно привести категорию имен существительных: 1) об-

---

[1] Наиболее подробное описание словообразования различных частей речи содержится в работах: В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1947; «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970.

ладающих значением «производитель действия, названного производящей основой», 2) образуемых суффиксацией, 3) производимых от основ глаголов. В эту категорию входят существительные с суффиксами ***-тель***: *отправи-тель*, *получа-тель*; ***-ец***: *бор-ец*, *твор-ец*; ***-ун***: *бег-ун*, *крик-ун*; ***-щик***: *нормиров-щик*, *сортиров-щик* и т. п.

Словообразование каждой части речи целесообразно описывать, исходя из того, какие словообразовательные категории действуют в пределах разных способов словообразования.

§ 192. Опираясь на данное выше разграничение словообразования на области синтаксической и лексической деривации (см. выше, гл. VI), в словообразовании каждой части речи будем эти две деривационные области рассматривать раздельно. При этом необходимо учитывать, что производные, образованные одним и тем же способом от одних и тех же основ с помощью одних и тех же аффиксов, могут относиться к разным деривационным областям. Ср. с этой точки зрения прилагательные *пыльный* и *цементный*. Первое имеет вполне определенное лексическое значение ‘покрытый пылью’. Это значение качественное (ср.: *пыльнее*, *самый пыльный*), поэтому прилагательное *пыльный* относится к области лексической деривации [1].

Прилагательное *цементный* имеет чисто относительное значение. Оно обозначает ‘относящийся к цементу’. Следовательно, это прилагательное отличается по значению от производящего существительного лишь принадлежностью к иной части речи, и поэтому оно является синтаксическим дериватом.

Как мы видели выше (гл. VI), многие отсуществительные прилагательные с суффиксом ***-н-*** имеют чисто относительное значение и принадлежат к области синтаксической деривации. Таковы, например, прилагательные *автомобильный*, *лесной*, *сахарный*.

Таким образом, среди имен прилагательных с суффиксом ***-н-***, производимых от основ имен существительных, имеются и лексические дериваты (прилагательные с ка-

[1] Прилагательным — синтаксическим дериватом — к слову *пыль* является прилагательное *пылевой* (см. выше, гл. VI).

чественными значениями), и синтаксические дериваты (прилагательные с относительными значениями). Аналогичное положение наблюдается в группе прилагательных с суффиксом *-ск-* [1].

Кроме того, возможны случаи, когда одно и то же производное имеет значение синтаксического деривата и еще какое-либо индивидуально свойственное ему значение. Это наблюдается в группе отглагольных имен существительных [2] и отприлагательных существительных [3].

Очевидно, что для словообразования важны значения, относящиеся к области синтаксической деривации. Именно они являются деривационным значением данных типов [4], составляют их семантическую основу, так как значения иного рода нерегулярны, свойственны не всем членам типа, а индивидуально развиваются у некоторых слов. Поэтому в описании данные типы отнесены к области синтаксической деривации. Лишь в типе прилагательных с суффиксом *-ск-*, производимых от основ существительных одушевленных, наряду со значением 'свойственный роду лиц, названных производящим именем' развивается качественно-характеризующее значение, которое обнаруживается вполне регулярно и является полноправным деривационным значением [5]. Ср. прилагательные, имеющие устойчивые («словарные») качественные значения: *ангельский, царский (царская роскошь), рыцарский, шутовской, чертовский, дьявольский, щеголь-*

---

[1] Синтаксические дериваты имеют чисто относительное значение: *президентские выборы* — '*выборы президента*', *президентская речь* — '*речь президента*', лексические дериваты — значение свойственности, подобия: «Он относился к соседке с *братской любовью*».

[2] Ср.: «*Синька* белья ее утомила» и «Купи *синьку*»; «Дежурный сделал необходимые *объявления*» и «На доске появилось новое *объявление*» и т. п.

[3] Ср.: «*Известность* его имени поразила всех присутствующих» и «Он — большая *известность*»; ср. также: «*колкость* хвои» и «наговорил *колкостей*».

[4] Напомним, что деривационное значение устанавливается на основании семантического соотнесения производных и производящих и является общим для слов данного типа (см. гл. VI).

[5] См. об этом: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964, стр. 315—316, 318 и след.

ской, *отцовский*, *материнский*, *братский*, *сестринский*, *приятельский*, *сиротский* и т. п.

Таким образом, отсубстантивные имена прилагательные с суффиксом ***-ск-*** составляют два семантических подтипа: один относится к области синтаксической, а другой — к области лексической деривации. Общее значение типа можно сформулировать так: «относящийся к лицу или роду лиц, свойственный роду лиц, названных производящей основой» [1].

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 193. Имя существительное в словообразовательном отношении — самая богатая часть речи. Кроме способов словообразования, действующих в сфере других частей речи, имеются специфические субстантивные способы словообразования: аббревиация, усечение основ, нулевая суффиксация, субстантивация. Существует лишь один способ словообразования, не распространяющийся на существительные,— сращение (это способ словообразования прилагательных).

Суффиксация

§ 194. В словообразовании существительных широко представлена суффиксация. Этим способом словообразования производятся существительные от основ различных частей речи: имен существительных, прилагательных, глаголов и реже наречий. По сравнению со словообразованием других частей речи число суффиксов существительных самое значительное.

§ 195. Производные, относящиеся к области синтаксической деривации, образуются от основ имен прилагательных и глаголов.

---

[1] Оба значения легко совмещаются в пределах одного прилагательного, что доказывает их близость, обеспечивающую единство типа. Ср. «*Отцовская смерть* потрясла его» (=смерть отца; значение синтаксического деривата: «относящийся к отцу») и «*Отцовская заботливость* этого едва знакомого человека вызывала удивление» (= заботливость, свойственная отцу, как у отца; значение лексического деривата).

От прилагательные синтаксические дериваты имеют значение отвлеченного признака и образуются с помощью суффиксов:

***-ость**: глупый — глуп-ость, веселый — весел-ость;*

***-от(а)**: добрый — добр-от-а, прямой — прям-от-а;*

***-ин(а)**: тихий — тиш-ин-а;*

***-изн(а)**: белый — бел'-изн-а, голубой — голуб'-изн-а;*

-ø + изменение конечного согласного основы (твердые согласные, имеющие мягкие корреляты, чередуются с мягкими, заднеязычные чередуются с шипящими [1]) + система флексий существительных типа *кость: зеленый — зелень, гнилой — гниль, рябой — рябь, сухой — сушь* и т. п.;

-ø + усечение суффикса или субморфа ***-н-*** производящей основы + система флексий существительных типа *стол: интимный — интим, примитивный — примитив, нервозный — невроз, грандиозный — грандиоз, банальный — банал, тривиальный — тривиал* [2]. Эти образования синонимичны существительным с суффиксом ***-ость***; ср.: *тривиал* и *тривиальность, грандиоз* и *грандиозность*.

Примечание.

Среди имен существительных с суффиксами ***-ость, -от(а), -изн(а), -ин(а)*** имеются слова, не относящиеся к области синтаксической деривации, так как они не равны по значению однокоренным прилагательным. Таковы существительные — названия физических параметров, т. е. измерений (типа *скорость, яркость, глубина, ширина, высота, крутизна*)[3]. По-

[1] См. гл. IV.

[2] Например: «Общество перестало удовлетворяться темпераментом, *неврозом*, внешней характерностью и даже субъективной искренностью актеров» (А. И. Южин-Сумбатов. Воспоминания); «...Заставлю актеров на сцене воплощать отвлеченности, а публику будут пытаться уверить, что эти воплощенные *абстракты* или лирические тени — живые люди...» (там же); «...Ваня Петров уединяется с Олей в другой комнате, *интим*, выяснение родства душ» (А. Гладилин. Южно-Курильские острова); «Это же непозволительный в наше время *примитив*, действие на ощупь! А что же остается делать агроному, если у него нет возможности провести строгий научный анализ почв» («Молодой целинник» от 5 дек. 1963 г.); «Правда, стремление к *грандиозу* находило некое применение» (Б. Зайцев. Воспоминания о Л. Андрееве).

[3] Семантические отношения между такими существительными и прилагательными проанализированы М. В. Пановым в работе «Русский язык и советское общество». Проспект. Алма-Ата, 1962, стр. 27—28. См. также: И. А. Мельчук. К понятию словообразования. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1967, вып. 4, стр. 357—358.

добные существительные не обозначают «качество, названное основой прилагательного», т. е. *скорость* не есть «качество скорого», *яркость* не есть «качество яркого» и т. д. «Прилагательные указывают на положительное (значительное) проявление данного признака, а существительные не указывают, значительно ли это проявление. Скоростью обладают нескорые объекты, длиной — недлинные, яркостью — неяркие и т. д.» [1].

Такие существительные по смыслу шире, чем однокоренные прилагательные. Они соотносительны не только с однокоренным прилагательным, но и с его антонимом. Ср. такие фразы: «Ну и *скорость* у нашего трамвая! Ползет, как черепаха»; «*Крутизна* склона очень мала»; «Этот ручей очень мелкий. *Глубина* — воробью по колено».

Очевидно, что отвлеченные существительные в приведенных фразах по смыслу соотносятся не только с тем прилагательным, которое является для них производящим по форме, но и с обоими членами антонимичной пары.

Отглагольные синтаксические дериваты имеют значение отвлеченного действия и образуются с помощью суффиксов.

-ниj(е): *рисовать — рисова-ние, петь — пе-ни-е;*
-к(а): *носить — нос-ка, разрезать — разрез-ка;*
-ø: *отгонять — отгон-ø, перелететь — перелет-ø;*
-б(а): *косить — кось-ба, молотить — молоть -ба.*

§ 196. Область лексической деривации распадается на ряд словообразовательных категорий, характеризуемых общностью деривационного значения.

Производные от основ имен существительных.

1) Существительные, имеющие размерно-оценочные значения. Эти значения по-разному обнаруживаются в производных. Чаще всего значение уменьшительности совмещается со значением положительной оценки («ласкательности»), а значение увеличительности — со значением отрицательной оценки («уничижительности»)[2]. Приведем примеры производных с разными суффиксами:

---

[1] М. В. Панов. Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962, стр. 27.

[2] См.: В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, стр. 112—116, 143—145.

-ик-: *дом — дом'-ик, мяч — мяч-ик;*

-чик-: *карман — карман-чик, автомобиль — автомобиль-чик, барабан — барабан-чик;*

-ец-: *брат — брат-ец, доклад — доклад-ец;*

-ц(е)/-ец(о)/-иц(е): *окно — окон-це, корыто — корыт-це, письмо — письм-ецо, платье — плать-ице;*

-иц(а): *вода — вод'-ица, вещь — вещ-ица, земля — земл'-ица;*

-ок-: *друг — друж-ок, брат — брат-ок, лист — лист-ок;*

-к(о): *пиво — пив-ко, яйцо — яич-ко, ведро — ведер-ко;*

-к(а): *рука — руч-ка, нога — нож-ка, голова — головка;*

-еньк(а): *нога — нож-енька, рука — руч-енька, Катя — Кат-енька;*

-ищ(е), ***-ищ(а)***: *дом — дом'-ище, слон — слон'-ище, борода — бород'-ища, рука — руч-ища, книга — книж-ища;*

-ин(а): *дом — дом'-ина, газета — газет'-ина, котлета — котлет'-ина;*

-ишк(а), ***-ишк(о)***: *дом — дом'-ишка, слон — слон'-ишка, рука — руч-ишка, газета — газет'-ишка; письмо — письм'-ишко, дело — дел'-ишко;*

-'ошк(а): *рыба — рыб'-ошка, комната — комнат'-ошка;*

-ышк(о): *перо — пер-ышко, крыло — крыл-ышко, пятно — пятн-ышко;*

-'онк(а): *рука — руч-онка, борода — бород'-онка, газета — газет'-онка;*

-енциj(а): *книга — книж-енция, старуха — старушенция, барышня — барыш-енция* [1].

2) Существительные, имеющие собирательное значение, образуются с помощью суффиксов:

-ств(о): *учитель — учитель-ство, офицер — офицерство;*

-иj(а): *комсомол — комсомол'-ия, пионер — пионер'-ия, инженер — инженер'-ия;*

-н'(а): *ребята — ребят-ня, матрос — матрос-ня, офицер — офицер-ня, солдат — солдат-ня, малыш — малыш-ня;*

---

[1] Например: «Столяр сощурил глаз, оглядел девочек.— Вы чуточку на *барышенций* смахиваете...» (Ляшко. В разлом).

-j(o): *ворон — ворон'-jo, зверь — звер'-jo, пацан — пацан'-jo, профессор — профессор'-jo* [1], *тряпка—тряп'-jo;*

-в(а): *лист — лист-ва, брат — брат-ва;*

-ур(а): *профессор — професс-ура, аппарат — аппарат-ура.*

3) Особую словообразовательную категорию составляют существительные, обозначающие совокупность каких-то предметов или явлений, связанных с тем, что называет производящее существительное. Такие производные образуются с помощью суффикса *-иан(а)*: *Ленин — Ленин'-иана, Пушкин — Пушкин'-иана, Мольер — Мольер'-иана, Шопен — Шопен'-иана* [2].

Отличие существительных этой словообразовательной категории от предыдущей, как отмечает Е. В. Красильникова, заключается в следующем. Если собственно собирательные существительные обозначают совокупность того, что названо производящей основой (*зверье* — совокупность, группа зверей; *пионерия* — совокупность пионеров и т. п.), рассматриваемые существительные имеют совершенно иное значение: *Мольериана* обозначает «не совокупность Мольеров», а «совокупность чего-то (художественных произведений, исторических материалов и т. п.), посвященного Мольеру».

То же значение могут иметь производные с суффиксом *-(и)ада* [3]. Обычно они употребляются:

а) в книжных заголовках [4], например «*Бюрократиада*» Маяковского, «*Россиада*» Хераскова, «*Гаврилиада*» Пушкина, «*Генриада*» Вольтера, «*Сибириада*» [5];

---

[1] Например: «*Пацанье* в ушанках, /Оставленных папами,/ Мы умели торжественно/Их носить...» (Л. Халиф. Шапка); «Был я сегодня и по начальству, и в больнице, у профессоров. *Профессорье* умственность разводило» (Б. Пильняк).

[2] Например: «...«Элегия» в Театре Советской Армии — спектакль о самом Тургеневе, органично вписывающийся в нашу *Тургениану* конца шестидесятых годов» («Правда» от 17 марта 1969 г.).

[3] Впрочем, отдельные слова на *-ада* могут иметь собственно собирательное значение: *колонна — колоннада.*

[4] О словах на *-(и)ада* см.: В. С. Гимпелевич. Академиада. «Вопросы культуры речи», вып. 6. М., 1965.

[5] Например: «Издается «*Сибириада*» [заголовок] — так называется серия книг, к выпуску которой в юбилейном году приступило Восточно-Сибирское книжное издательство» (газ. «Ригасбалсс» от 17 авг. 1967 г.).

б) в наименованиях явлений, связанных с деятельностью какого-нибудь лица, по имени которого они названы: *Робинзон — робинзонада, Дрейфус — дрейфусиада, Распутин — распутиниада, Чаплин — чаплиниада* и т. п.;

в) в названиях представлений: *арлекин — арлекинада, клоун — клоунада.*

4) Существительные, имеющие значение единичности, производятся от основ существительных вещественных с помощью суффиксов:

***-ин(а)**: горох — горош-ина, фасоль — фасол'-ина, виноград — виноград'-ина, клубника — клубнич-ина;*

-инк(а) (значение единичности совмещается со значением уменьшительности): *песок — песч-инка, изюм — изюм'-инка, трава — трав'-инка, солома — солом'-инка, горох — горош-инка.*

5) Существительные, имеющие значение невзрослости, образуются от названий животных и лиц с помощью суффиксов:

-'онок (во мн. ч. ***-'ата***): *тигр — тигр'-онок, мышь — мыш-онок, повар — повар'-онок, слесарь — слесар'-онок;*

***-'оныш**: змея — змеj-оныш, гусь — гус'-оныш, волк — волч-оныш.*

6) Существительные женского рода, соотносительные с однокоренными существительными мужского рода, обозначающие живые существа женского пола.

Существительные, обозначающие лиц женского пола.

Между существительными мужского и женского рода со значением лица может быть два вида семантических отношений[1].

а) Существительное мужского рода употребляется для названия мужчин, существительное женского рода — для названия женщин. Таковы названия лиц по национальности, по месту жительства или рождения: *он коренной москвич, она коренная москвичка; Жаклин — француженка.* Нельзя сказать: «Катя — москвич» или «Жаклин — француз».

---

[1] См.: В. В. Виноградов. Русский язык. М.— Л., 1947. См. также об этом: «Русский язык и советское общество». Проспект. Алма-Ата, 1962, стр. 25—26; «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 17—19.

б) Существительное мужского рода имеет более общее значение и может применяться для названия и мужчин и женщин; существительное женского рода — для названия женщин. Таковы названия лиц по профессии, роду занятий.

В. В. Виноградов писал: «...в чисто русских словах, являющихся названиями лиц, т. е. людей, формой мужского рода подчеркивается не столько идея пола (разрядка автора.— *Е. З.*), сколько общее представление о лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека. Например, для общего логического обозначения понятия о людях, принадлежащих к классу крестьян, мы воспользуемся словом мужского рода *крестьянин*, отнюдь не подразумевая при этом мужчин, а имея в виду лиц обоего пола. Этот смысл очень ощутителен в таких выражениях, как: *Дом крестьянина*, *газета «Вузовец»*, *работник просвещения* и т. п.» [1].

Ср. также: *Иванова — хороший учитель; Татьяна Ивановна — опытный редактор; «Товары для школьников»* (т. е. для мальчиков и девочек), *«Подарок первокласснику»* (и мальчикам и девочкам); *День учителя* (и учителей и учительниц).

Очевидно, что во второй группе существительные женского рода семантически сложнее, чем существительные мужского рода, т. е. *учитель* = 'название лица по действию', *учитель* + *ниц(а)* = 'название лица по действию' + + 'лицо женского пола'. В первой группе семантическая сложность существительных мужского и женского рода одинаковая, т. е. *москвич* = 'житель (или уроженец) Москвы' + 'мужчина', *москвич* + *ка* = 'житель (или уроженец) Москвы' + 'женщина'. Таким образом, прибавление аффикса ***-к(а)*** в существительных типа *москвич* уничтожает (нейтрализует) в последних значение 'лицо мужского пола' [2].

Итак, с семантической точки зрения соотносительные существительные мужского и женского рода распадаются на две группы:

[1] В. В. Виноградов. Русский язык. М.— Л., 1947. См. также об этом: «Русский язык и советское общество». Проспект. Алма-Ата, 1962, стр. 25—26. «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 17—19.

[2] См. об этом: М. В. Панов. О морфемах с отрицательными значениями. М., 1972 *(в печати)*.

а) существительные мужского и женского рода, имеющие равную смысловую сложность;

б) существительные, имеющие неравную смысловую сложность: семантически более простым является существительное мужского рода, более сложным — женского рода.

Формальные отношения между рассматриваемыми существительными также неоднородны. Существительные женского рода образуются от основ соотносительных существительных мужского рода с помощью различных суффиксов.

Одни из суффиксов прибавляются к неусеченной основе соотносительного существительного мужского рода:

***-их(а)**: дворник — дворнич-иха, повар — повар'-иха;*

***-ш(а)**: кондуктор — кондуктор-ша, доктор — доктор-ша* (о жене доктора и докторе-женщине);

***-j(а)**: певун — певун'-j(а), шалун' — шалун'-j(а).*

Другие суффиксы присоединяются к основе существительного, лишенной суффикса лица мужского рода:

***-щик/-чиц(а)**: сортировщик — сортиров-щица, наладчик — налад-чица, буфетчик — буфет-чица;*

***-ец/-иц(а)**: красавец — красав'-ица, упрямец — упрям'-ица.*

Третью группу представляют суффиксы, которые в одних случаях присоединяются к основе существительного мужского рода, содержащей суффикс лица, а в других — к основе, лишенной этого суффикса. Таковы, например, суффиксы ***-к(а)*** и ***-ниц(а)***.

Суффикс ***-к(а)***. В тех случаях, когда существительное мужского рода содержит суффиксы ***-ец***, ***-анин*** или ***-ин***, соотносительное существительное женского рода не включает элементов ***-ец*** и ***-ин***: *литовец — литов-ка, эстонец — эстон-ка, комсомолец — комсомол-ка, райкомовец — райкомов-ка; киевлянин — киевлян-ка, римлянин — римлянка, рижанин — рижан-ка* и т. п. В других случаях суффикс ***-к(а)*** присоединяется к основе существительного мужского рода: *студент — студент-ка, пионер — пионер-ка, москвич — москвич-ка, швед — швед-ка, латыш — латыш-ка, казах — казаш-ка, румын — румын-ка.*

Суффикс ***-ниц(а)*** присоединяется к основам существительных мужского рода с суффиксом ***-тель***: *учитель — учитель-ница, писатель — писатель-ница, председатель — председатель-ница.*

Если же существительное мужского рода имеет суффикс ***-ник*** или ***-ик***, то он не входит в существительное женского рода, т. е. ***-ник***, ***-ик*** в существительном мужского рода соотносится с ***-ница***, ***-ица*** в существительном женского рода: *колхозник — колхоз-ница*, *школьник — школь-ница*, *безобразник — безобразн-ица*, *умник — умн-ица*.

Итак, между рассматриваемыми существительными возможны два вида формальных отношений:

1) существительное мужского рода проще по форме *(москвич — москвич-ка*, *учитель — учитель-ница);*

2) существительные мужского и женского рода имеют одинаковую формальную сложность [*школь-ник — школьниц(а)*, *эстон-ец — эстон-к(а)*, *комсомол-ец — комсомолк(а)*].

Названные виды семантических и формальных отношений могут попарно объединяться, так что между рассматриваемыми существительными наблюдается четыре вида формально-смысловых отношений:

А.1. Существительные мужского и женского рода имеют равную смысловую сложность, но существительное женского рода сложнее по форме: *москвич — москвичка*.

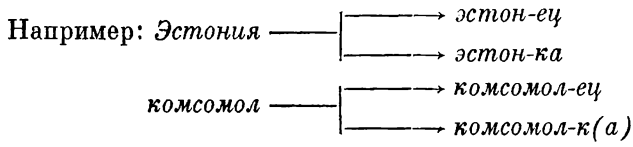
А.2. Существительные мужского и женского рода имеют равную смысловую и формальную сложность: *эстонец — эстонка*.

Б.1. Существительное женского рода сложнее и по смыслу, и по форме: *гитарист — гитаристка*, *учитель — учительница*.

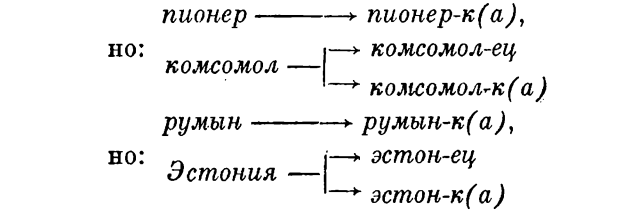
Б.2. Существительное мужского рода проще по смыслу, чем существительное женского рода, а по форме они имеют равную сложность: *фрезеровщик — фрезеровщица*, *школьник — школьница*.

Каковы словообразовательные отношения между соотносительными существительными в этих четырех группах? Очевидно, что в группах *А.1*, *Б.1* и *Б.2* имеются отношения производности (см. определение отношений производности в гл. III), так как в группе *Б.1* существительное женского рода и по форме, и по смыслу сложнее, чем существительное мужского рода. В группе *А.1* существительное женского рода по форме сложнее, чем существительное мужского рода, а семантически они имеют равную сложность. В группе *Б.2* существительное женского рода по смыслу сложнее, чем существительное муж-

ского рода, а по форме они имеют равную сложность. Остается группа *А.2*, в которой соотносительные существительные мужского и женского рода имеют равную формальную и смысловую сложность. Как рассматривать производство существительных женского рода этой группы? Некоторые ученые толкуют отношения между существительными в группе *А.2* как кодеривацию (совместная производность от общей производящей основы) [1].

На наш взгляд, такое толкование в принципе возможно, но не целесообразно, так как в обеих подгруппах группы *А* имеются одни и те же семантические отношения между существительными мужского и женского рода. Изображая отношения между существительными мужского и женского рода в подгруппе *А.2* как кодеривацию, а в подгруппе *А.1* как производство слов женского рода от слов мужского рода, мы разрушаем семантическое единство целостной группы *А*, что представляется нежелательным при описании языковых фактов. Следуя этой точке зрения, нужно по-разному объяснять соотношение таких пар, как *пионер — пионер-к(а)* и *комсомолец — комсомол-к(а)*, *румын — румын-к(а)* и *эстон-ец — эстон-к(а)*, т. е. рассматривать их так:

[1] См., например: И. А. Мельчук. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1968, вып. 5, стр. 435; А. И. Моисеев. Соотносительность личных существительных мужского и женского рода и способы ее выражения. «Ученые записки ЛГУ», № 277. Серия филологич. наук, вып. 55. Впрочем, А. И. Моисеев и в парах типа *велосипедист — велосипедист-ка*, *свинарь — свинар-ка*, *хвастун — хвастун-ja* не видит отношений производности (см. стр. 188).

С нашей точки зрения, и в группе *А.2* между существительными мужского и женского рода наличествуют отношения производности. И вот почему. Разделять по разным словообразовательным типам производные подгруппы *А.1* и *А.2*, одинаковые по семантическим отношениям с производящими (следовательно, имеющие одно и то же деривационное значение) и аналогичные по составу морфем, неправомерно. Ведь отличие между ними состоит только в усечении суффикса производящей основы в подгруппе *А.2* (тип *эстонка*, *комсомол-ка*), т. е. относится к области морфонологии, к различию морфонологических моделей, а не словообразовательных типов (см. гл. VI).

На такое именно понимание отношений между соотносительными именами лиц толкает давление всей системы языка: производство имен лиц женского пола от однокоренных существительных мужского рода со значением лица характерно для многих других групп слов [1]; поэтому оно оказывает влияние и на эту группу. Показателен в этом отношении тот факт, что многочисленные непроизводные существительные имен мужского рода служат производящими для имен лиц женского пола, например: *киргиз — киргиз-ка*, *казах — казаш-ка*, *калмык — калмыч-ка*, *араб — араб-ка*, *серб — серб-ка*, *тунгуз — тунгуз-ка*, *адыгей — адыгей-ка*, *узбек — узбеч-ка*, *инвалид — инвалид-ка*, *пионер — пионер-ка;* в сложных словах: *людоед — людоед-ка*, *сердцеед — сердцеед-ка*, *дармоед — дармоед-ка*, *домосед — домосед-ка*, *верхогляд — верхогляд-ка;* ср. с интерфиксом **-ов-**: *плут — плут-(ов) ка*, *шут — шут-(ов) ка*, *хлыст — хлыст-(ов) ка*, *мот — мот-(ов) ка*.

В этих и им подобных многочисленных случаях нет другой производящей основы, кроме соотносительного существительного мужского рода, к которой можно было бы отнести существительное женского рода. Между тем производность существительного женского рода не вызывает сомнений [2].

---

[1] По свидетельству П. Ф. Протченко, «почти все названия женщин (92,5%) образованы от имен существительных в форме мужского рода» (П. Ф. Протченко. Об образовании и употреблении имен существительных женского рода — названий лиц в современном русском языке. Автореферат канд. дис. М., 1955, стр. 11—12).

[2] А. И. Моисеев (см. указ. соч., стр. 189) и в этих парах, т. е. когда общая производящая основа отсутствует, не находит отношений производности между существительными мужского и женского рода. Как он пишет, в таких случаях «существительное жен-

Таким образом, словообразовательная система русского языка такова, что в ней суффиксальные существительные женского рода, обозначающие лиц, как правило, являются производными от однокоренных личных существительных мужского рода.

Наименования лиц женского пола, соотносительные с наименованиями лиц мужского пола, производятся также с помощью нулевой суффиксации. Сюда относятся две группы существительных:

1) *супруг — супруга, кум — кума, Никитин — Никитина, Степанов — Степанова* [1];

2) *больной — больная, здоровый — здоровая, вожатый — вожатая, звеньевой — звеньевая, рабочий — рабочая.*

В этих двух группах существительное женского рода отличается от соотносительного существительного мужского рода типом склонения. Семантические отношения между существительными мужского и женского рода при нулевой суффиксации такие же, как и при материально выраженной суффиксации.

Существительные первой группы по семантическим соотношениям аналогичны группе *А* суффиксальных образований, т. е. имя существительное мужского рода обозначает мужчину и не может употребляться применительно к женщине. Нельзя сказать: «Мария Ивановна мой кум», «Она его супруг» и т. п.

Существительные второй группы, обозначающие лицо по качественному признаку (типа *больной, слепой, глухой*), характеризуются этим же типом отношений, т. е. существительные мужского рода называют мужчин, женского рода — женщин. Нельзя сказать: «Больной Иванова, вам пора на процедуры» или что-нибудь подобное. Существительные мужского рода второй группы, являющиеся названиями должностей, специальностей, могут применяться и по отношению к мужчинам, и по отношению к женщинам. Вот пример из газет: «Самый опытный

ского рода образуется не от существительного мужского рода, а только в соответствии с ним» (разрядка наша.— *Е. З.*). Смысл слов «в соответствии» автор не разъясняет. От какой производящей основы образованы производные слова типа *пионер-к(а), латыш-к(а), узбеч-к(а)* и многие другие, остается неизвестным.

[1] О таких соотношениях см. в работе: В. В. Лопатин. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования, стр. 81.

звеньевой в нашем колхозе Катя Сидорова»; ср. там же: «Нашу лучшую звеньевую Е. И. Сидорову народ выбрал в депутаты сельсовета».

Существительные, обозначающие самок животных, производятся от соотносительных существительных мужского рода с помощью суффиксов:

***-иц(а)**: тигр — тигр'-ица, волк — волч-ица, орел — орл'-ица;*

***-их(а)**: слон — слон'-иха, лебедь — лебед'-иха, аист — аист'-иха;*

***-к(а)**: голубь — голуб-ка, глухарь — глухар-ка.*

7) Существительные со значением лица, связанного каким-либо образом с тем, что названо производящей основой, образуются с помощью суффиксов:

***-щик/-чик**: барабан — барабан-щик, баня — банщик, буфет — буфет-чик, плакат — плакат-чик, газета — газет-чик;*

***-ник**: диплом — диплом-ник, школа — школь-ник, колхоз — колхоз-ник;*

***-ец**: Ленин — ленин-ец, комсомол — комсомол-ец, Ленинград — ленинград-ец.*

Примечание.

Высказывалось мнение, согласно которому имена лиц, соотносительные с именами собственными и аббревиатурами, производятся не от них, а от соответствующих прилагательных[1]. При такой точке зрения словообразовательный ряд имеет вид:

вуз — вузовский — вузовец (а не *вуз* —|→*вузовский* / →*вузовец*);

Ленинград — ленинградский — ленинградец (а не *Ленинград* —|→ *ленинградский* / → *ленинградец*);

Толстой — толстовский — толстовец (а не *Толстой* —|→ *толстовский* / → *толстовец*).

---

[1] См., например: А. А. Дементьев. Наименования лиц по местности с суффиксом *-ец*. «Русский язык в школе», 1946, № 2; В. Н. Хохлачева. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М., «Наука», 1969, стр. 24—29. Ср. иное мнение: В. П. Даниленко. Имена существительные (нарицательные) как производящие основы современного словообразования. В кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 72—73; ее же. Имена собственные как производящие основы современного словообразования. Там же, стр. 84—85.

В доказательство этого мнения приводятся аргументы семантического (1) и формального (2) характера [1].

1) Имена собственные и аббревиатуры не могут быть производящими для имен лиц на *-ец*, так как им «чуждо собственно лингвистическое значение; имена собственные и аббревиатуры представляют собой лингвистически бессодержательные номинативные единицы» (стр. 26).

Нам представляется это мнение неубедительным по ряду причин:

а) Остается неясным, почему имена собственные могут быть производящими для прилагательных. Ведь их «лингвистическая бессодержательность» сохраняется и в этом случае. «Поскольку собственные имена и аббревиатуры не выражают признака обозначаемого понятия (предмета), то мотив обозначения лица по отношению к этому понятию (предмету) не существует» (стр. 26). Непонятно, почему же существует мотив обозначения признака, т. е. производство прилагательных.

б) Если признать имена собственные неспособными в принципе играть в словообразовании роль производящих основ, как объяснить все многочисленные производные типа *Маркс — маркс'-ист*, *Пушкин — пушкин'-ист*, *Москва — москв'-ич*, *Тула — тул'-ак*, *Пенза — пенз'-ак*, *Рим — римл'-янин*, *Рига — рижа-нин* и т. д. [2]? Показательно, что сама В. Н. Хохлачева признает производство некоторых существительных такого рода непосредственно от основ имен собственных (стр. 28). Если же признать, что такие и многие другие существительные образуются от имен собственных, а не от основ прилагательных (что в данном случае очевидно), остается непонятным, почему из всех имен лиц с различными суффиксами делается исключение для существительных на *-ец* и на *-ство* (типа *толстовство*) и только они признаются производными от основ прилагательных, а возможность их образования от имен собственных исключается.

в) И наконец, кажется неубедительным само мнение, что имена собственные «не выражают признака обозначаемого понятия (предмета)» (стр. 26). Действительно, от тех имен собственных,

[1] Рассматривая эту точку зрения, будем опираться на указанную работу В. Н. Хохлачевой, так как в ней указанная точка зрения представлена наиболее аргументированно. Далее будем указывать прямо в тексте страницы названной книги.

[2] Примеры подобных существительных см. в статье: В. С. Гимпелевич. Суффиксальные существительные со значением лица. В кн. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966.

которые являются пустыми знаками, кличками, сигналами лица (типа *Иван*, *Алексей*, *Петр* и т. д.), имена лиц не образуются. Имена лиц образуются, как правило, от имен собственных, наполненных конкретным историческим содержанием, т. е. близких в этом отношении «обычным» словам. Например: *Карамзин — карамзин'-ист*, *Пушкин — пушкин'-ист*, *Чапаев — чапаев-ец*, *Корчагин — корчагин-ец*, *Петрашевский — петрашев-ец* и т. п.[1]. На наш взгляд, такие имена собственные, как *Ленинград*, *Ялта*, *Воронеж*, *Пушкин*, *Мольер* и т. п. (а ведь именно от них и образуются обычно имена лиц), не являются пустыми знаками, «кличками» предметов, а имеют определенное содержание. Можно считать, что они «не выражают признака обозначаемого понятия (предмета)» (стр. 26) в той же степени, как многие нарицательные непроизводные существительные, лишенные внутренней формы.

2) В формальном отношении производство имен лиц на ***-ец*** от основ прилагательных обосновывается тем фактом, что и те, и другие имеют перед суффиксами ***-ец*** и ***-ск-*** одинаковые отрезки ***-ов-***, ***-ин-***, ***-ан-*** и др.: *Ялта — Ялт-(ин)-ский*, *Ялт-(ин)-ец*; *Орел — орл-(ов)-ский*, *орл-(ов)-ец*; *Америка — америк-(ан)-ский*, *америк-(ан)-ец*.

Выше мы писали, что такие отрезки являются незначимыми прокладками (интерфиксами) (см. гл. IV), которые могут встречаться в производных от одних и тех же основ с разными суффиксами. Ср. производные от основы глагола *петь*: *пе-(в)-ец*, *пе-(в)-уч-ий*, *пе-(в)-ун*. Хотя все эти производные имеют один и тот же интерфикс ***-в-***, все они произведены от основы глагола *пе(ть)*, а не от какой-либо другой основы, включающей ***-в-***. Таким образом, наличие в ряде слов общего предсуффиксального отрезка не является доказательством отношений производности между основами, включающими этот отрезок. Они могут находиться в отношениях равнопроизводности от какой-то общей основы. В том случае, если рассматривать элементы ***-ов-***, ***-ин-***, ***-ан-*** и т. п. не как интерфиксы, а как части производных суффиксов, также нет оснований считать имена лиц производными от основ прилагательных. В таком случае следует констатировать, что имена лиц и однокоренные прилагательные имеют суффиксы, осложненные одним и тем же отрезком (см.,

---

[1] Примеры подобных существительных см. в статье: В. С. Гиндилевич. Суффиксальные существительные со значением лица. В кн. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966.

например, «Академическую грамматику русского языка», т. I. М., 1952, стр. 216, 343, 344, в которой рассматриваются суффиксы ***-овец, -анец, -(и)анец*** и ***-овск-, -анск-, -(и)анск-***. Отмечают, что элементы ***-ов-, -ин-, -ан-*** и т. п. «в структуре имен лиц... представляют собой значимые части слова, указывающие на прилагательность основы» (стр. 27). В таком случае следовало бы доказать прилагательный характер основы всюду, где мы имеем такие элементы, т. е., например, и в случаях типа *забегал-ов-ка*, *ожидал-ов-ка* и многих других.

-ист: *Маркс — маркс'-ист, Пушкин — пушкин'-ист, трактор — трактор'-ист;*

-ант: *квартира — квартир-ант, диплом — диплом-ант, проект — проект-ант* [1], *конкурс — конкурс-ант* [2];

-ор: *комбайн — комбайн'-ор, киоск — киоск'-ор;*

-арь: *аптека — аптек-арь, библиотека — библиотек-арь;*

-ич: *Москва — москв'-ич, Кострома — костром'-ич;*

-ак: *Тула — тул'-ак, Пермь — перм'-ак;*

-анин: *Рига — риж-анин, Рим — римл'-анин;*

-ач: *борода — бород-ач, усы — ус-ач, цирк — цирк-ач;*

-ан: *пузо — пуз-ан, брюхо — брюх-ан, голова — голов-ан, горло — горл-ан.*

8) Существительные со значением 'вместилище, помещение для того, что названо производящей основой' производятся с помощью суффиксов:

-ник: *чай — чай-ник, молоко — молоч-ник, пчела — пчель-ник, корова — коров-ник, бегемот — бегемот-ник, слон — слон-(ов)-ник;*

-ниц(а): *сахар — сахар-ница, салат — салат-ница, сухарь — сухар-ница, пепел — пепель-ница.*

9) Существительные со значением 'место, связанное с тем, что названо производящей основой' производятся с помощью суффиксов:

-н(я): *колокол — колоколь-ня, кофе — кофе-(й)-ня;*

-ищ(е): *пожар — пожар'-ище, костер — костер'-ище* ('место от костра'), *город — город'-ище.*

---

[1] Например: «...скончался один из старейших проектантов-строителей г. Москвы» («Вечерняя Москва» от 3 янв. 1963 г.).

[2] Например: «...впервые за всю историю конкурса члены жюри восторженно аплодировали юному *конкурсанту* Юрию Симонову» («Комсомольская правда» от 25 апр. 1969 г.).

§ 197. От основ имен прилагательных производятся наименования лиц, живых существ и предметов со значением 'носитель признака, названного производящей основой'. При этом используется суффиксация: а) материально выраженная, б) нулевая.

а) Суффиксация материально выраженная:

-ак: *пошлый — пошл'-ак, бедный — бедн'-ак, толстый — толст'-ак, круглый — кругл'-ак, порожний — порожн'-ак, белый — бел'ак;*

-ец: *скупой — скуп-ец, слепой — слеп-ец, глупый — глуп-ец;*

-ик: *умный — умн'-ик, рыжий — рыж-ик, черновой — чернов'-ик, беловой — белов'-ик;*

'-атин(а): *кислый — кисл'-атина, тухлый — тухл'-атина, пошлый — пошл'-атина;*

'-аг(а): *веселый — весел'-ага, скромный — скромн'-ага* [1], *здоровый — здоров'-ага;*

'-уг(а): *хитрый — хитр'-уга, жадный — жадн'-уга.*

Существительные разнообразных предметных значений образуются с помощью суффикса ***-к(а)*** на базе сочетаний «прилагательное + существительное». В качестве производящей основы используется основа имени прилагательного, семантически же существительное эквивалентно всему словосочетанию [2]. Деривационное значение таких существительных — 'носитель отношения к признаку'. Например: *летучее заседание — летуч-ка, овсяная крупа — овсян-ка.* Суффикс производящей основы может усекаться: *вечерняя газета — вечер-ка, десятилетняя школа — десятилет-ка, газированная вода — газиров-ка, зачетная книжка — зачет-ка, историческая библиотека — историч-ка.*

б) Нулевая суффиксация.

Среди отприлагательных имен существительных, производимых нулевой суффиксацией, имеется два словообразовательных типа.

А. Существительные, имеющие значение 'носитель признака, названного производящей основой'. В производном происходит усечение суффикса или субморфа производя-

---

[1] Например: «Люди вместе трудятся, рядом живут и всегда на виду друг у друга — лодырь и труженик, эгоист и бессребреник, *скромняга* и болтун» («Комсомольская правда» от 15 сент. 1969 г.).

[2] См.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 137—138; К вопросу о структурной типологии славянских литературных языков. «Slavia», roč. XXVII, seš. 3, 1958.

щей основы имен прилагательных. Такие существительные могут иметь значение лица и предмета: *универсальный — универсал*, *уникальный — уникал*, *интеллектуальный — интеллектуал*, *индивидуальный — индивидуал*, *нелегальный — нелегал*, *официозный — официоз*, *анонимный — аноним* [1].

Б. Такое же деривационное значение имеют существительные, производные от основ имен прилагательных с помощью суффикса и одновременного усечения производящей основы, но семантически эквивалентные одному или нескольким сочетаниям, включающим однокоренное прилагательное + существительное [2]. Усекается конечная часть производящей основы вне зависимости от границы морфем. Производное кончается на твердый согласный и относится к мужскому роду независимо от рода существительного, входящего в опорное словосочетание (склоняется по образцу слов типа *стол*): *синхронный перевод — синхрон*, *мемориальный музей*, *мемориальные соревнования — мемориал*, *факультативный курс — факультатив*, *термоядерная реакция — термояд*, *кибернетическая машина* (или *кибернетическое устройство*) — *кибер*, *трансурановые элементы — трансураны*, *ларингальные звуки — ларингалы*, *дикорастущие растения — дикоросы* и т. п. [3]. В редких

---

[1] Например: «...тренер, особенно старший, должен быть чуть ли не *универсалом*...» («Советский спорт» от 3 янв. 1964 г.); «Дайль-раде» («Творчество») — так названо объединение надомников у нас в Латвии. Скоро в нем будет 600 человек, это мастера-*уникалы*» («Комсомольская правда» от 27 сент. 1968 г.); «Значительную часть профессиональных революционеров составляли так называемые «*нелегалы*», которые жили под чужим именем, по чужим фальшивым паспортам, а то и без паспортов» (Е. Драбкина. Удивительные люди). Ср. употребление в одном контексте тождественных образований с нулевым суффиксом и суффиксом *-щик*: «Он не мог найти *анонимщика* — тогда он отверг дружбу всего класса, чтобы нечаянно не вступить в отношения с *анонимом*» («Комсомольская правда» от 20 июня 1967 г.).

[2] См.: «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского языка». М., 1968, стр. 274 и след.

[3] Например: «Методы документальной съемки — *синхрон*, скрытая камера, прямое наблюдение — призваны убедить нас в сиюминутности (а значит, и подлинной современности) всего происходящего» («Лит. газ.», 1968, № 12); «В здании *мемориала* разместятся и библиотека, зал для научных исследований, зрительный зал» («Комсомольская правда» от 31 мая 1969 г.); *Мемориал* начался с рекордов [загл.] («Правда» от 21 июня 1969 г.); «Студенты и пенсионеры просили сообщить, где нужны их руки для сбора *дико-*

случаях производное относится не к мужскому роду, например *ретроспективный показ — ретроспектива* (вероятно, заимствование) [1]. Многие существительные этого типа в словарях отсутствуют.

Такие усеченные существительные могут иметь разные виды формально-смысловых отношений с производящими. В ряде случаев производные основы имеют ту же степень формальной и смысловой сложности, что и производящие. Ср., например, производное *кибер* с производящим сочетанием *кибернетическая (машина* или *устройство)*. По форме: и у производящего прилагательного, и у усеченного существительного основа состоит из двух морфов: ср. *кибернетич-(е)ск-(ая)* и *кибер-ø*. По смыслу: *кибернетическая (машина) =кибер*. Различает их только стилистическая окраска сниженности, свойственная усеченному существительному. Следовательно, показателем производности таких усеченных существительных при синхронном анализе является их стилистическая окрашенность по сравнению со стилистической нейтральностью производящих прилагательных и сочетаний (см. гл. III). Как правило, усеченные существительные имеют стилистическую окраску сниженности. Они употребляются преимущественно в разговорной речи и просторечии.

§ 198. Для существительных, производимых от основ глаголов, характерны такие значения производных:

1) Существительные, обозначающие 'производитель действия, названного производящей основой'. Такие производные могут быть именами лиц и именами орудий,

---

росов» («Комсомольская правда» от 23 мая 1968 г.); «...вместо «термоядерной проблемы» говорится «термоядерщина», вместо «термоядерной реакции» — «*термояд*» («Правда» от 20 марта 1962 г.); «...на пути из Ярославского каторжного *централа* в ссылку» (Е. Драбкина. Удивительные люди); «По дороге на пляж многие из них [отдыхающих] забегают на минутку к своему старому приятелю, *киберу* «Костер» — кибернетическая машина охотно отпустит каждому несколько советов» («Юный техник», 1962, № 10); «Легендарный короткий век бабочки — вечность по сравнению с периодом полураспада некоторых *трансуранов*» («Комсомольская правда» от 29 авг. 1969 г.)

[1] Например: «Эйзенштейн живой. Первая полная советская *ретроспектива* фильмов классика советского кино Сергея Эйзенштейна открыта вчера в Московском кинотеатре Госфильмофонда» («Комсомольская правда» от 4 ноября 1966 г.). Ср. также: «...Захрустел под *микропорой* шлак ...» (Л. Мартынов. Шаг).

инструментов (ср. *врун* — человек и *колун* — предмет, *исполнитель* — человек и *выключатель* — прибор, *разведчик* — человек и *передатчик* — механизм).

Для производства существительных со значением 'производитель действия' используются суффиксы:

-тель: *мечтать — мечта-тель, исполнить — исполни-тель, выпрямить — выпрями-тель, выключить — выключа-тель;*

-чик/-щик: *возить — воз-чик, придумать — придум-щик, бомбардировать — бомбардиров-щик, корректировать — корректиров-щик;*

-ец: *бороться — бор-ец, творить — твор-ец;*

-л(а) — со значением лица, ***-л(о)*** — со значением орудия: *обирать — обира-ла, зубрить — зубри-ла, объедать — объеда-ла, опивать — опива-ла, заводить — заводи-ла; пугать — пуга-ло, скрести (скребу) — скреб-ло, кадить — кади-ло* [1];

-ун: *врать — вр-ун, прыгать — прыг-ун, бегать — бег-ун, колоть — кол-ун;*

-ø(а): *заикаться — заик-ø-а, задирать(ся) — задир-ø-а.*

Чисто инструментальное (орудийное) значение имеют существительные с суффиксом ***-лк(а)***: *веять — вея-лка, сеять — сея-лка, прочищать — прочища-лка, сбивать — сбива-лка.*

2) Существительные со значением 'место, где совершается действие, названное производящей основой' производятся с помощью суффиксов:

-льн(я): *читать — чита-льня, раздевать — раздева-льня, спать — спа-льня;*

-лк(а): *читать — чита-лка, раздевать — раздева-лка, сушить — суши-лка, гладить — глади-лка;*

-ищ(е): *учить—учи-(л')-ище, вместить — вмести-(л')-ище, лежать — леж-(б')-ище, стрелять—стрель-(б')-ище.*

ВТОРИЧНАЯ СУФФИКСАЦИЯ

§ 199. В словообразовании имен существительных есть своеобразное явление. Оно заключается в том, что к суффиксальному или бессуффиксальному существитель-

[1] Ср. индивидуальное образование с орудийным значением: *подметало*; например: «Поставь веник *подметалом* вверх» (из устной речи).

ному со значением лица прибавляется суффикс имен лиц, обычно ***-щик*** или ***-ист*** (последний — только к словам с иноязычными основами). Это явление свойственно преимущественно разговорной речи и просторечию: *спортсмен — спортсмен-щик*, *хулиган — хулиган-щик*, *миллионер — миллионер-щик*, *лицемер — лицемер-щик*, *кулинар — кулинар-ист*.

Таким образом, в слове подчеркивается категориальное значение лица.

Вторичная суффиксация отмечена и в терминологическом словообразовании. Здесь это явление имеет несколько иной характер. Второй суффикс прибавляется к слову не только для того, чтобы усилить и подчеркнуть значение лица, но и для того, чтобы дифференцировать существительные с деривационным значением 'производитель действия' — наименования механизмов и наименования лиц [1].

Таковы, например, существительные на ***-тор*** (типа *ферментатор*, *кристаллизатор*). Слова на ***-тор*** могут обозначать и механизм, и человека—производителя действия. Добавление к таким существительным суффикса ***-щик*** устраняет эту двузначность: слова на ***-торщик*** с несомненностью обозначают человека—производителя действия.

Префиксация

§ 200. Бóльшая часть префиксальных типов существительных обладает высокой продуктивностью и образуется с легкостью, близкой образованию словоформ (см. гл. IX).

Многие из таких существительных (особенно с приставками иноязычного происхождения, такими, как ***супер-***, ***гипер-***, ***дис-***, ***контр-*** и т. п.) относятся к области специальной терминологии. Префиксальные существительные обнаруживают продуктивность также в языке художественной литературы и живой непринужденной речи.

---

[1] См.: В. П. Даниленко. Имена существительные (нарицательные) как производящие основы современного словообразования. В кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 75—76; Л. А. Шкатова. Наименования лиц по профессии в современном русском языке. Автореферат канд. дис. М., 1967, стр. 13—16.

Для префиксальных существительных наиболее характерны следующие словообразовательные категории:

1) Производные с общим значением интенсивности, превосходства, высокой степени того, что названо производящей основой, образуются с помощью приставок:

***раз-**: красавица — рас-красавица, граф — раз-граф* [1];

***сверх-**: человек — сверх-человек, гигант — сверх-гигант, прибыль — сверх-прибыль, запоминание — сверх-запоминание;*

***супер-**: экспресс — супер-экспресс, пятитонка — супер-пятитонка, танкер — супер-танкер, шпионаж — супер-шпионаж, колóсс — супер-колóсс, сыщик — супер-сыщик, шериф — супер-шериф* [2];

***архи-**: демократ — архи-демократ, порядок — архи-порядок;*

***ультра-**: мода — ультра-мода, радикал — ультра-радикал, звук — ультра-звук;*

***гипер-**: вежливость — гипер-вежливость, коррекция — гипер-коррекция, фонды — гипер-фонды* [3];

***экстра-**: мода — экстра-мода, хлеб — экстра-хлеб, совершенство — экстра-совершенство.*

Семантическая близость таких приставок отчетливо обнаруживается в ряде случаев, например, когда в тексте дается русский эквивалент иноязычной приставки: «...***супер**элита*, что означает «***сверх**лучшая*», «***сверх**отборная*» («Комсомольская правда» от 1 апр. 1969 г.). Автор газетной статьи «Сколько стоит солнце?» употребляет как тождественные слова *гиперфонды* и *суперфонды* («Лит. газ.» от 19 авг. 1970 г.). Ср. также: «История человечества богата открытиями. Но среди них есть такие, которые заслужи-

---

[1] Ср. употребление существительных с приставкой ***раз-*** в повторах: «Это косцы, которые *рань-разрань* зазвенят точилами о косы...» (письмо в ред. газеты «Сельская жизнь» от 11 июля 1965 г.); «— Ну, да не в них в конце концов дело. Будь он *граф-разграф, профессор-разпрофессор*» (Ю. Домбровский. Хранитель древностей).

[2] Например: «*Суперсыщик* Маннкс, персонаж одного американского телефильма, который показывали во Франции,— человек действия» («Правда» от 2 июля 1969 г.); «На нашем *супертанкере* можно разместить 62 000 живых мамонтов» («Комсомольская правда» от 26 июля 1969 г.); «Мистер *супершериф*» [заголовок] («Лит. газ.» от 10 июня 1970 г.).

[3] Например: «...природные ресурсы (и прежде всего водные объекты) — это фонды фондов, *гиперфонды*!» («Лит. газ.» от 17 июня 1970 г.).

вают названия «*сверхоткрытия*», потому что определяют само развитие цивилизации... Для «*сверхоткрытия*» нужен «*супергений*» («Лит. газ.» от 22 окт. 1969 г.).

2) Производные с общим значением противоположности, отрицания образуются с помощью приставок:

***анти-**: вещество — анти-вещество, мир — анти-мир, гармония — анти-гармония, мещанин — анти-мещанин* [1];

***противо-**: меры — противо-меры, действие — противо-действие;*

***контр-**: удар — контр-удар, позиция — контр-позиция, инициатива — контр-инициатива, доводы — контр-доводы* [2];

***де-/дез-**: гуманизация — де-гуманизация, милитаризация — де-милитаризация, вавилонизация — де-вавилонизация, информация — дез-информация;*

***не-**: счастье — не-счастье, покой — не-покой, руководитель — не-руководитель;*

***а-**: мораль — а-мораль, роман — а-роман;*

***дис-**: пропорция — дис-пропорция, гармония — дис-гармония, комфорт — дис-комфорт* [3].

***ин-/им-/ир-**: детерминизм — ин-детерминизм, моралим — им-моралим, рационализм — ир-рационализм.*

3) Производные с общим значением неистинности, ложности образуются с помощью приставок:

***псевдо-**: рецензия — псевдо-рецензия, открытие — псевдо-открытие* [4];

***квази-**: диалог — квази-диалог, открытие — квази-открытие, доказательство — квази-доказательство.*

4) Производные со значением совместности образуются с помощью приставки ***со-**: автор — со-автор, редактор — со-редактор, владелец — со-владелец, звучание — со-звучание, переживание — со-переживание* [5].

---

[1] Например: «На Западе чрезвычайно популярным сейчас становится все, что связано с понятием «*анти*»: *антикостюм, антигармония*» («Комсомольская правда» от 7 сент. 1969 г.).

[2] Например: «...белые... лишали черных всех шансов на *контринициативу*» («Комсомольская правда» от 21 мая 1969 г.).

[3] Например: «...это общее ощущение *дискомфорта*» («Известия» от 21 окт. 1964 г.).

[4] Например: «Между тем весь этот театр, все эти наряды, лжепистины, *псевдолюбви* должны рухнуть в войну, как срывается Наташа Ростова в страсть к Курагину» («Новый мир», 1968, № 6, стр. 273).

[5] Например: «Весна» как бы возрождает понятие симфонии в первоначальном значении этого слова, как «*созвучание*» различных

Ср. лингвистические термины: *со-значение*, *со-система* [1].

5) Производные со значением подчиненности образуются с помощью приставок:

под-: *вид — под-вид*, *класс — под-класс*, *группа — под-группа*, *язык — под-язык*, *раса — под-раса* [2].

суб-: *продукты — суб-продукты*, *инспектор — суб-инспектор*, *ординатор — суб-ординатор*, *аренда — суб-аренда*, *счет — суб-счет*.

Кроме того, в словообразовании существительных действуют отдельные малопродуктивные приставки. Таковы: ***после-*** *(действие — после-действие)* [3], ***транс-*** *(звук — транс-звук)*, ***экс-*** *(чемпион — экс-чемпион, ас — экс-ас* [4]*)*, ***пра-*** *(дед — пра-дед, язык — пра-язык, родина — пра-родина)*, ***пред-*** *(история — пред-ыстория)*, ***ре-*** *(анимация — ре-анимация, адаптация — ре-адаптация)* [5] и некоторые другие.

Префиксально-суффиксальный способ

§ 201. Этим способом образуются существительные на базе сочетаний существительных с предлогами. В составе производного предлог преобразуется в приставку.

элементов...» («Лит. газ.» от 6 окт. 1962 г.); «Этой стройкой он полемизировал с теми «ценителями», что не способны на чувство *сопереживания* с поэтом» («Лит. газ» от 21 авг. 1968 г.); ср. шутливое новообразование *соударение*: «При *соударении* двух сердец одно повреждается больше, чем другое» («Комсомольская правда» от 1 дек. 1968 г.).

[1] Например: «В русской литературе об оценке как о *сознании* слова говорит Г. Шпетт» (В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка); «Это система, состоящая из двух *сосистем*» (М. В. Панов. Русская фонетика).

[2] Например: «Что касается разделения людей, то в Америке есть все: есть расы, есть *подрасы* и т. д. и есть классы, *подклассы* и т. д.» («Лит. газ.» от 9 окт. 1968 г., № 41).

[3] Например: «У них [удобрений] есть не только действие, но и, как говорят агрономы, «*последействие*» («Лит. газ.» от 13 ноября 1968 г.).

[4] Например: «*Экс-ас* в роли ястреба» [заголовок] («Комсомольская правда» от 13 янв. 1968 г.).

[5] Например: «Севастьянов: Мы перенесли полет хорошо, но, откровенно говоря, не ожидали, что после приземления появятся все сложности *реадаптации*» («Комсомольская правда» от 25 июня 1970 г.); «Это он [Неговский] дал имя: *реаниматология* — новой науке об оживлении организма» («Пионерская правда» от 23 окт. 1963 г.).

Производящим является сочетание имени существительного с предлогом. Производные, как правило, обозначают предметы, соотнесенные в пространственном или временном отношении с тем, что названо производящей основой.

Наиболее употребительны при этом приставки ***при-***, ***под-***, ***над-***, ***за-***, ***на-***, ***меж-***, ***между-*** и суффиксы ***-ник***, ***-j(е)***, ***-ица(а)***.

1) Производные с пространственными значениями:

под-...-ник (предмет, находящийся под тем, что названо производящей основой): *под окном — под-окон-ник*, *под снегом — под-снеж-ник;*

на-...-ник (предмет, находящийся на том, что названо производящей основой): *на рукаве — на-рукав-ник*, *на колене — на-колен-ник;*

за-...-j(е) (то, что находится за предметом, названным производящей основой): *за рекой — за-реч-j(е)*, *за Волгой — за-волж-j(е);*

при-...-j(е) (то, что находится рядом с предметом, названным производящей основой): *при Урале — При-урал-j(е)*, *при Днепре — При-днепр-(ов)-j(е)*, *при море — при-мор-j(е);*

меж-...-j(е) (то, что находится между предметами, названными производящей основой): *меж горами — меж-гор-j(е)*, *меж бровями — меж-бров-j(е)*.

2) Производные с временными значениями:

меж-...-j(е): *меж сезонами — меж-сезон-j(е);*

пред-...j(е): *пред зимой — пред-зим-j(е)*.

3) Производные, обозначающие отсутствие того, что названо производящей основой, образуются с помощью приставки ***без-*** и суффиксов ***-ица(а)*** и ***-j(е)***:

без-...-ица(а): *без работы — без-работ-ица*, *без дороги — без-дорож-ица*, *без корма — бес-корм-ица;*

без-...-j(е): *без денег — без-денеж-j(е)*, *без людей — без-люд-j(е)*, *без земли — без-земел-j(е)*, *без рыбы — без-рыб-j(е)*, *без культуры — бес-культур-j(е)* [1].

§ 202. Группа префиксально-суффиксальных существительных не соотносится с сочетанием «предлог + су-

---

[1] Ср. шутливое *беспапиросье:* «Вы не можете мне объяснить, почему вы приносите мне папиросы только вечером? Я за ночь их выкуриваю, а днем мучаюсь от *беспапиросья*» (В. Кунин. И горы в придачу).

ществительное». Приставка, входящая в производное, не имеет омонимичного предлога. Эта группа малочисленна и дает мало новообразований. В производных участвуют приставка ***анти-*** и суффикс ***-ин***: *комар — анти-комар'-ин, спазмы — анти-спазм'-ин*, шутливые: *анти-ведм'-ин, анти-любв'-ин*. Производные называют средство против того, что названо основой производящего существительного.

Непродуктивные приставки ***па-*** и ***су-***, выступающие в сочетании с суффиксами ***-ок***, ***-ица***: *глина — су-глин-ок, кровь — су-кров'-ица, труба — па-труб-ок, сын — па-сын-ок, дочь* (дочерп) — *па-дчер-ица*.

§ 203. Префиксация в соединении с нулевой суффиксацией используется для производства от основ имен прилагательных существительных со значением «слабой степени обнаружения какого-либо признака, названного производящей основой». При этом действует префикс ***про-*** в соединении с нулевым суффиксом.

Производные содержат те же чередования, что слова типа *сушь*, и относятся к тому же склонению, например: *желтый — про-желт'-ø, зеленый — про-зелен'-ø, седой — про-сед'-ø*.

Образование сложных существительных

§ 204. Производство сложных существительных осуществляется несколькими способами. В русском языке сложные слова обычно состоят из двух основ, но могут включать и большее число компонентов (см. выше, гл. V).

С точки зрения способа соединения компонентов различаются две группы сложных существительных:

А. Компоненты которых соединяются с помощью интерфикса («соединительного гласного»).

Б. Компоненты которых соединяются непосредственно, без помощи интерфикса.

Рассмотрим сначала способы производства сложных существительных группы *А*.

§ 205. Способом чистого сложения образуются имена существительные, последняя (опорная) часть ко-

торых является самостоятельным существительным. В качестве первого компонента обычно используются основы:

а) имен прилагательных, реже: б) существительных, в) числительных и г) местоимений:

а) *вольн-(о)-слушатель, сух-(о)-фрукты;*

б) *груз-(о)-отправитель, книг-(о)-торговец, лес-(о)-промышленность;*

в) *перв-(о)-источник, втор-(о)-разрядник;*

г) *сам-(о)-защита, сам-(о)-критика, сам-(о)-образование.*

Первый компонент сложения служит конкретизатором значения опорного компонента.

§ 206. Сложение в сочетании с суффиксацией (материально выраженной и нулевой) используется для производства имен существительных, вторым компонентом которых является основа глагола или имени существительного.

Сложение в соединении с материально выраженной суффиксацией. В таких сложных существительных чаще всего действуют суффиксы ***-ец***, ***-тель***, ***-чик/-щик***, ***-ник***, ***-и(е)***. Суффикс используется как оформитель сложного слова (вторая часть сложения в качестве самостоятельного слова обычно не употребляется): *орден-(о)-нос-ец, канат-(о)-ход-ец, красн-(о)-флот-ец, мор-(е)-плава-тель, воздух-(о)-плава-тель, железн-(о)-дорож-ник, перв-(о)-класс-ник, старш-(е)-класс-ник, легк-(о)-мысл-ие, прост-(о)-душ-ие, долг-(о)-лет-ие, жизн-(е)-люб-ие, сам-(о)-люб-ие.*

В качестве первых компонентов обычно используются основы имен существительных и прилагательных, реже местоимений и числительных.

Сложное слово может иметь значение лица, предмета или отвлеченного понятия.

§ 207. Сложение в сочетании с нулевой суффиксацией. В зависимости от того, основой какой части речи выражена последняя часть сложного слова, различают сложения со вторым именным и вторым глагольным компонентом.

Сложения со вторым глагольным компонентом преимущественно обозначают производителя действия,

названного глагольной основой. Они составляют две основные семантические группы:

а) наименования лиц и животных: *стал-(е)-вар, кост-(о)-рез, скал-(о)-лаз, блюд-(о)-лиз, скор-(о)-ход, лист-(о)-ед, кор-(о)-ед;*

б) наименования механизмов: *атом-(о)-ход, тепл-(о)-воз, пул-(е)-мет, сам-(о)-кат.*

Значительно менее продуктивны сложения со второй глагольной частью, обозначающие действие в отвлечении от его носителя: *лед-(о)-ход, сен-(о)-кос, снег-(о)-пад, солнц-(е)-пек, трав-(о)-стой* и т. п.

В первой части сложений со вторым глагольным компонентом обычно выступает основа имени существительного или прилагательного, реже местоимения. Первая часть сложения содержит конкретизацию действия, выраженного опорным компонентом: называет характер действия *(скороход)*, его объект *(пулемет, короед, сенокос)* или субъект *(солнцепек, ледоход)*.

§ 208. Сложения с опорным именным компонентом имеют значение «носитель отношения к предмету, названному опорным компонентом сложения и конкретизованному первым компонентом сложения». В качестве первого компонента сложения может выступать основа имени существительного, прилагательного или глагола: *нос-(о)-рог, утк-(о)-нос, лягушк-(о)-зуб, гол-(о)-глаз* [1], *лиз-(о)-блюд*. Сложное слово обычно является именем лица или животного.

§ 209. На каком основании мы считаем, что в словах типа *тяжелодум* и *лягушкозуб* имеется нулевой суффикс и каково значение этого суффикса? Этот суффикс является показателем производности сложного слова от глагольной или именной основы и имеет значение «носитель отношения к действию» или «носитель отношения к предмету» типа: ‘тот, кто скалит зубы’, ‘тот, у кого нос, как у утки’.

---

[1] Например: «Это был семиреченский *лягушкозуб* — земноводное, живущее в чистых горных ручьях и речках среди елового леса» («Комсомольская правда» от 11 ноября 1966 г.); «За ними [пауками] охотится живущая только в горах Средней Азии темно-бронзовая с металлическим отливом ящерица — алайский *гологлаз*» (там же).

§ 210. Б. Сложные слова без соединительного гласного — более редкий тип слов. Примером их могут быть существительные типа *Ленин-град*, *генерал-майор*, *меч-рыба*, *шторм-трап*[1].

Аббревиация (сложносокращенные слова)

§ 211. При аббревиации производное слово создается на базе сочетания нескольких слов, которые входят в него не целиком, а частями, в сокращении.

Этим способом образуются только имена существительные. В русском языке действует много разновидностей этого способа словообразования. Наиболее распространены из них следующие:

а) Производное состоит из начальных частей нескольких слов: *коммунистический союз молодежи — комсомол*, *коллективное хозяйство — колхоз*, *политический представитель — полпред*.

б) Производное состоит из начальной части первого слова и целого слова второго: *сберегательная книжка — сберкнижка*, *заместитель директора — замдиректора*, *заведующий складом — завскладом*, *хозяйственный расчет — хозрасчет*.

в) Производное состоит из названий начальных букв каждого слова: *Союз Советских Социалистических Республик — СССР* (эсэсэср), *Московский государственный университет — МГУ* (эмгеу), *Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи — ВЛКСМ* (веэлкаэсэм).

г) Производное состоит из начальных звуков каждого слова: *высшее учебное заведение — вуз*, *районный отдел народного образования — роно*, *Организация Объединенных Наций — ООН*.

д) Производное состоит из начальных звуков ряда первых слов и начальной части последнего слова: *Институт мировой литературы — ИМЛИ*.

е) В последнее время формируется еще один вид аббревиатур. Производное составляется из начала первого

---

[1] О сложных словах без соединительного гласного см.: А. И. Мельникова. Об одной новой контаминированной модели сложения слов. «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», 1962, вып. 184; см. также: «Грамматика современного русского литературного языка», стр. 173.

слова сочетания и конца последнего [1]: *ра*[дио стан]*ция* — *рация*, *мо*[торизованный о]*тель* — *мотель*, *мо*[то велоси]*пед* — *мопед*, *био*[логия + электро]*ника* — *бионика*, *пара*[шют + аква]*ланг* — *параланг* [2].

Этот вид словообразования развивается в современном русском языке под влиянием западноевропейских, откуда заимствуются существительные, произведенные указанным способом, для названия новых явлений действительности. Так, слово *мотель* со значением 'гостиница для автомобилистов' появилось в русском языке в конце 50-х годов нашего века из английского *motorists' hotel* — *мотель* [3].

Однако появление в русском языке группы слов (небольшой, но постепенно возрастающей), образованных одинаковым способом, позволяет говорить о рождении в русском языке нового подвида аббревиатурного способа словообразования. Во всяком случае часть из таких слов (например, *мопед*, *бионика*) могли одновременно быть и произведены [4] на русской почве и заимствованы [5].

---

[1] Этот способ словообразования называют «вставочным» или «телескопическим». См.: И. М. Берман. К вопросу о вставочном словообразовании. «Иностранные языки в школе», 1960, № 4; С. Б. Берлизон. Сокращения в современном английском языке. «Иностранные языки в школе», 1963, № 3.

[2] Вот примеры употребления таких слов: «Показалось ровное полотно кольцевой автострады, а рядом светлое здание.— Вот и *мотель*! — воскликнул шофер» («Вечерняя Москва» от 31 мая 1962 г.); «Мы останавливались на ночь то в больших гостиницах, то в *мотелях*...» («Юность», 1963, № 2); «В нашем городе немало людей, которые обзавелись *мопедами*, мотоциклами и автомашинами» («Комсомольская правда» от 18 июля 1961 г. Письмо в редакцию);

— А что дальше мечтаешь сделать?

— Освоить хорошенько *параланг* и снять фильм об этом.

— Что такое *параланг*?

— Гибрид парашютного спорта и подводного («Комсомольская правда» от 11 апр. 1967 г., «Интервью с интересным человеком»).

[3] См.: Л. П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, стр. 160.

[4] Любопытно шутливое осмысление способа образования слова *мотель* путем его перевода по частям (калькирования): «*Автиница*» — так перевел бы я на наш язык это новое общеевропейское слово *мотель*»,— пишет Г. Фиш в путевых заметках «Здравствуй, Дания!» (М., 1959).

[5] По отношению к некоторым словам приходится с несомненностью говорить только о заимствовании, поскольку одна из их

§ 212. Сложносокращенный способ словообразования получил особенное развитие после Великой Октябрьской социалистической революции, когда возникла необходимость создать много новых названий для явлений советской действительности.

Отдельные сложносокращенные слова употреблялись и до революции: *ЛЕНЗОТО* — 'Ленское золотопромышленное товарищество', *РОПИТ* — 'Российское общество пароходства и торговли', *ЦК* — 'Центральный Комитет', *Штабарм* — 'штаб армии'. Однако число их было незначительно.

Среди существительных, созданных аббревиатурным способом словообразования, есть такие, которые оказались очень удобными и прочно вошли в русский язык [1]. От них образуются новые слова *(комсомолец, комсомольский; колхозник, колхозный)*. Однако в образовании сложносокращенных слов, особенно составленных не из частей слов, а из отдельных звуков или названий букв, необходима умеренность и осторожность. Сами по себе, по своей звуковой форме, эти слова непонятны и нередко чужды русскому языку [2].

В наши дни в создании аббревиатур наметилась новая тенденция: формируются аббревиатуры, по форме близкие обыкновенным словам [3]. При этом обычно ставятся такие задачи:

а) аббревиатура должна быть благозвучной, многосонорной, не вызывающей нежелательных ассоциаций. Ср., например, такие новые слова, как *альфоль* — алюминие-

---

составных частей отсутствует в русском языке. Таково новое слово *ротель* — 'отель на колесах', из лат. *rota* — 'колесо' и *отель*; см. о таких словах: А. А. Брагина. *Отель — мотель — ротель*. «Вопросы культуры речи», 1965, № 6.

[1] Показательна защита сложносокращенных слов со стороны самих говорящих: «Мы живем в эпоху революции, когда в язык входят новые слова. Если б лет пятнадцать тому назад вы сказали слово «*универмаг*», на вас бы люди глаза таращили!» («Вечерняя Москва» от 17 июня 1965 г.).

[2] Интересны в этой связи мысли одного из героев повести Я. Голованова «Кузнецы грома» об аббревиатуре *ДОСААФ:* «Странное какое-то слово получилось: *ДОСААФ*... Библейское... Авраам, Исаак и *ДОСААФ*» («Юность», 1964, № 1).

[3] См. об этом: «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка», стр. 97.

вая фольга, *релин* — резиновый линолеум, *бестер* — «гибрид белуги и стерляди» [1];

б) желательно, чтобы аббревиатура напоминала обычное слово, вплоть до полной омонимии, например: *МАРС* — машина автоматической регистрации и сигнализации, *АМУР* — автоматическая машина для управления и регулирования, *РИФМА* — рентгеновский изотопный флуоресцентный метод анализа [2].

В художественной литературе могут создаваться с установкой на шутку, на каламбур аббревиатуры, напоминающие слова далекой семантической сферы, например в научно-фантастических романах А. и Б. Стругацких: *НИИЧАВО* — «Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства»; *ТПРУНЯ* — «Тройка по рационализации и утилизации необъясненных явлений».

Усечение производящей основы по аббревиатурному способу (сокращенные слова)

§ 213. Способом образования слова является усечение производящей основы по типу аббревиатур (т. е. независимо от морфемного шва) [3]. Этим способом создаются только имена существительные. Производное относится к той же части речи, что и производящее, и семантически тождественно производящему. Оно отличается от него только стилистической окраской и иногда системой склонения: *трансформатор — транс*, *рок-н-ролл — рок*, *бадминтон — бад*, *магнитофон — маг*, *шизофреник — шизя*,

---

[1] Например: «И вот впервые был получен гибрид между белугой и стерлядью. Его назвали «*бестер*» — от слагаемых «белуга» и «стерлядь» («Правда» от 12 марта 1971 г.).

[1] «*РИФМА* — это рентгеновский изотопный флуоресцентный метод анализа. Так что к поэзии прибор не имеет никакого отношения, а название скрывает сложный физический процесс» («Комсомольская правда» от 11 марта 1971 г.); «Голос лунной «*Рифмы*» [заголовок] («Комсомольская правда» от 11 марта 1971 г.); «На «Луноходе-1» установлен специальный прибор — *РИФМА*, предназначенный для определения химического состава лунного грунта» («Правда» от 17 янв. 1971 г.).

[3] См. наблюдения Н. А. Янко-Триницкой над этим способом словообразования в кн. «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского языка», стр. 273 и след.

тунеядец — туня и т. п. Такие стилистически сниженные существительные находят отражения в печати [1].

Особую группу среди сокращенных слов составляют имена лиц, в которых произошло усечение суффикса лица, например: *семинарист — семинар*, *пенсионер — пенсион*, *аферист — афер*, *коммунар — коммун*, *комсомольцы — комсомолы* [2].

Производство сокращенных слов действует особенно активно в разговорной речи [3]. Слова, произведенные этим способом давно, постепенно утрачивают стилистическую окраску сниженности и приобретают в языке все права гражданства. Таковы *метро* (из *метрополитен*) и *кино* (из *кинематография*), ср. название журнала «Искусство *кино*» [4].

§ 214. Сокращенные слова могут производиться комбинированным способом: усечение основы действует одновременно с суффиксацией. Обычно при этом употребляется суффикс ***-ик***. Например: *телевизор — тел-ик*, *велосипед — вел-ик;* ср.: *шизофреник — шиз-ик*, *тунеядец — тун-ик*.

Такие слова свойственны сниженной разговорной речи и городскому просторечию.

---

[1] Например: «И он включает *магнитофон* — «*маг*» у него в ящике на письменном столе...» («Лит. газ.» от 3 сент. 1964 г.); «После работы деваться, собственно, некуда. Ну и пристрастилась молодая интеллигенция к «*преферу*» («Комсомольская правда» от 24 июля 1964 г.).

[2] Например: «Сейчас в салон прошел невысокий, широкоплечий человек с добродушным, чуть-чуть усталым лицом *семинара*» (Б. Пильняк); «...наяривал, пиликал и колотил оркестрик (тогда там играли какие-то *пенсионы*)...» («Лит. газ» от 24 ноября 1966 г.); «— Ты что же, Микишара, будешь *коммунов* бить?» (М. Шолохов. Семейный человек); «...но милиция не заинтересовалась этой личностью. Этот *афер* с деловой и веселой улыбкой из города исчез...» («Сельская жизнь» от 7 сент. 1963 г.); «— Ну, хватились: я жену давно похоронил, дочку выдал, сына в *красноармеи* сдал и живу, так сказать, столбом при дороге» (Н. Лященко. Повесть о дружелюбе); «София» — крупный головной танкер новой серии. Мой спутник главный строитель «Софии», один из крупнейших заводских *корабелов*» («Известия от 27 сент. 1963 г.).

[3] Вот ряд примеров из разговорной речи: «— Ну вот, пошли *каламбы*» [каламбуры]; «— Ведь мы купальник еще в *Кок* возьмем» [Коктебель]; «— Пошли в *бад* поиграем»; «— Давай *маг* купим!»

[4] Интересно, что слово *кино* в значении 'кинотеатр' и 'кинофильм' еще имеет оттенок сниженности. Ср. из разговорной речи: «— У нас на улице новое *кино* построили, большое, с мозаикой»; «— Ты видел новое *кино*? Обсмеешься!»

Субстантивация

§ 215. Существительные, произведенные способом субстантивации, называются субстантиватами. Они могут иметь различные деривационные значения. Рассмотрим основные из них [1].

Существительные мужского рода со значением лица образуют следующие словообразовательные типы:

1) Наименование лица по признаку, названному основой производящего качественного прилагательного: *смелый*, *здоровый*, *больной*, *слепой*, *бедный*, *богатый*, *красный*, *белый*, *левый*, *правый*, *горбатый* и т. п.

2) Наименование лица по предмету, с которым оно как-то связано, субстантиват по форме соотносится с относительным прилагательным, имеющим в основе имя существительное, а по смыслу — с именем существительным, лежащим в основе относительного прилагательного: *рулевой*, *коридорный*, *штурвальный*, *звеньевой*, *деревенский*, *городской* и т. п.

3) Наименование лица по действию, им совершенному или объектом которого оно является (производящее — прилагательное с глагольной основой): *встречный*, *разъездной*, *ссыльный*, *посыльный* и т. п.

4) Наименование лица по действию (производящее — причастие). В зависимости от значения времени и залога производящего причастия различаются следующие семантические подтипы субстантивированных причастий со значением лица:

а) наименование лица по действию, производимому им в настоящее время или постоянно (производящее — причастие действительного залога настоящего времени): *учащийся*, *отстающий*, *успевающий*, *отъезжающий*, *заведующий*, *командующий*, *провожающий* [2] и т. п.;

б) наименование лица по действию, выполнявшемуся им в прошлом (производящее — действительное причастие прошедшего времени): *пострадавший*, *завербовавшийся*, *опоздавший* и т. п.;

---

[1] Полное описание словообразовательных типов, произведенных субстантивацией, см. в работе: В. В. Лопатин. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. В кн. «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967.

[2] Ср. обычное напоминание в поездах: «*Провожающие*, освободите вагоны!»

в) наименование лица по действию, которому оно подвергается в настоящее время (производящее — страдательное причастие настоящего времени): *эксплуатируемый*, *обвиняемый*, *портретируемый*, *сопровождаемый* и т. п.;

г) наименование лица по действию, которому оно подвергалось в прошлом (производящее — страдательное причастие прошедшего времени): *эвакуированный*, *вербованный*, *осужденный*, *арестованный*, *командированный* и т. п.

Существительные женского рода со значением помещения, названного по назначению. Производящее — производное прилагательное с основой существительного или глагола. Субстантиват по форме соотносится с производным прилагательным, а по смыслу — с существительным или глаголом, лежащим в его основе. Производные существительные образуют следующие словообразовательные типы:

1) наименования помещений по лицу, для которого оно предназначено: *учительская*, *прорабская*, *операторская*, *ассистентская*, *мертвецкая*, *покойницкая;*

2) наименования помещений по предмету, с которым оно связано: *ванная*, *душевая*, *ламповая*, *аппаратная*, *каталожная*, *телевизорная* [1], *гардеробная*, *бутербродная*, *сосисочная*, *блинная*, *пельменная*, *шашлычная;*

3) наименования помещений по действию, для которых они предназначены: *операционная*, *переевязочная*, *гримировочная*, *курительная*, *массажная*, *приемная*.

По форме такие субстантиваты связаны с существительными, называющими процессы, а по смыслу и с соответствующими глаголами, например: *операция* — *операционная* ('помещение, где оперируют', 'помещение, где делают операции').

Существительные среднего рода, обозначающие обобщенную субстанцию — носитель «признака, названного производящим прилагательным»: *родное*, *близкое*, *светлое*, *далекое*, *трагическое*, *комическое*, *новое*, *старое*, *передовое*, *прогрессивное* и т. п.

То же деривационное значение имеют существительные, производящими для которых являются причастия среднего рода: *уходящее*, *происходящее*, *минувшее*, *ожидаемое*, *услышанное*, *заданное*, *пройденное*, *забытое* и т. п.

---

[1] Например: «— Он весь вечер в *телевизорной* просидел» (из разговора в гостинице).

Существительные среднего рода, обозначающие виды кушаний, лекарств (производящие — прилагательные разной структуры): *горячее*, *холодное*, *мороженое*, *заливное*, *сладкое; наружное*, *внутреннее*, *рвотное* и т. п.

Существительные среднего рода, являющиеся научными наименованиями единиц классификации животных и растений (производящие — прилагательные различной структуры). Субстантиваты этого типа обычно употребляются в форме множественного числа: *позвоночные*, *парнокопытные*, *бесхвостые*, *членистоногие; бобовые*, *цитрусовые*, *зонтичные*, *тыквенные* и т. п.

Существительные, употребляющиеся только в форме множественного числа, обозначающие разные виды денежных выплат. Субстантиват по форме соотносится с прилагательным, а по смыслу с тем существительным, которое лежит в основе прилагательного: *отпускные*, *премиальные*, *командировочные*, *авторские*, *северные* [1], *дорожные*, *квартирные* и т. п.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В словообразовании имен прилагательных развиты суффиксация, префиксация, префиксально-суффиксальный способ, словосложение и сращение.

Суффиксация

§ 216. При помощи суффиксации прилагательные производятся и от основ имен прилагательных, и от основ других частей речи — имен существительных, глаголов, реже — наречий, междометий, местоимений.

Производные, относящиеся к области синтаксической деривации, образуются от основ имен существительных и наречий.

От основ имен существительных неодушевленных синтаксические дериваты образуются с помощью суффиксов:

---

[1] Например: «В Якутию Петр Орлов полетел не «за туманом и запахом тайги». Искал он там нечто более материальное. «*Северные*»? Это тоже, но влекло его другое. Орлову хотелось творческой самостоятельности» («Комсомольская правда» от 16 июля 1969 г.).

-н-: цемент — цемент-н-ый, лес — лес-н-ой, школа — школь-н-ый;

-ов-: бензин — бензин-ов-ый, апельсин — апельсин-ов-ый, береза — берез-ов-ый;

-ск-: море — мор-ск-ой, институт — институт-ск-ий;

-ан-: кожа — кож-ан-ый, волос — волос'-ан-ой (подробнее о прилагательных — синтаксических дериватах см. выше в гл. VII).

От основ имен существительных одушевленных синтаксические дериваты производятся с помощью суффиксов:

-ин: мама — мам'-ин, папа — пап'-ин, Маша — Машин, Коля — Кол'-ин;

-ов: отец — отц-ов, брат — брат-ов, Иван — Иван-ов;

-ск-: учитель — учитель-ск-ий, президент — президент-ск-ий.

Прилагательные — синтаксические дериваты могут производиться также от основ наречий. Это явление редкое и, по-видимому, свойственное преимущественно языку художественной литературы.

Приведем примеры из современной литературы.

«Париж — горящая вода,
Париж,
Как ты *наоборотен*,
Как бел твой Булонский лес,
он юн, как купальщицы...»

(А. Вознесенский. Париж без рифм!);

«...длинноусый, с хмурым *исподлобным* взглядом»

(Н. Асеев. Дневник поэта).

Очевидно, что такие прилагательные тождественны по значению наречиям и отличаются от них только принадлежностью к иной части речи.

§ 217. Прилагательные, относящиеся к области лексической деривации, производятся от основ прилагательных, существительных, глаголов, наречий, изредка — междометий и местоимений.

Производные от основ имен прилагательных объединяют обычно под названием категории субъективной

оценки, так как они совмещают объективное обозначение степени обнаружения признака с его субъективной оценкой говорящим. Такие прилагательные образуются с помощью суффиксов:

-оньк-/-еньк-: *синий — син-еньк-ий, добрый — добр-еньк-ий, плохой — плох-оньк-ий;*

-ущ-: *черный — черн-ущ-ий, синий — син'-ущ-ий, злой — зл'-ущ-ий;*

-енн-: *страшный — страш-енн-ый, высокий — высоч-енн-ый;*

-ошенек-/-охонек- (устар.): *черный — черн'-ошенек, белый — бел'-ошенек; черный — черн'-охонек, белый — бел'-охонек.*

Особняком среди модификационных типов стоят имена прилагательные с суффиксом ***-оват-***, обозначающие объективную степень слабости, неполноты проявления признака (ср.: *беловатый* и *беленький*); *черный — черн-оватый, глупый — глуп-оват-ый, хитрый — хитр-оват-ый.*

От основ имен существительных одушевленных производятся прилагательные, обозначающие свойственность роду лиц или животных, названных производящей основой. На базе значения свойственности обычно развивается качественно-характеризующее значение. Такие прилагательные образуются с помощью суффиксов:

-j- [1]: *баран — баран'-ий, волк — волч-ий, заяц — заяч-ий, девица — девич-ий, чиновник — чиновнич-ий;*

-ин-: *пчела — пчел'-ин-ый, лошадь — лошад'-ин-ый;*

-ов-: *морж — морж-ов-ый, кит — кит-ов-ый, слон — слон-ов-ый;*

-ск-: *солдат — солдат-ск-ий, генерал — генераль-ск-ий.*

Качественно-характеризующее значение отличает рассматриваемые прилагательные от синтаксических дериватов, ср.: *барское отношение, барские взгляды, генеральский тон, волчий аппетит, заячья трусость, слоновое упрямство* и т. п.

От основ имен существительных неодушевленных образуются прилагательные с общим значением

---

[1] Суффикс ***-j-*** четко выделяется в формах косвенных падежей мужского рода (*волч-j-его, волч-j-ему, баран-j-его, заяч-j-ему* и т. п.) и в формах женского и среднего рода (*волч-j-е, баран-j-е, волч-j-а, баран-j-а* и т. п.).

'наделенный тем, что названо производящей основой'. При этом используются суффиксы:

-ат-: *горб — горб-ат-ый, усы — ус-ат-ый, хвост — хвост-ат-ый;*

-ист-: *болото — болот'-ист-ый, лес — лес'-ист-ый, волокно — волокн'-ист-ый, жила — жил'-ист-ый;*

-чат-: *колено — колен-чат-ый, пузырь — пузыр-чат-ый;*

-лив-: *талант — талант-лив-ый, счастье — счастлив-ый, дождь — дожд-лив-ый.*

От основ глаголов производятся прилагательные, которые обозначают процессуальные признаки, основывающиеся на качественном осмыслении действия. Наиболее типичны для них два вида значений: пассивное ('испытывающий действие, названное производящей основой') и — реже — активное ('исполняющий действие, названное производящей основой').

В отглагольном производстве имен прилагательных действуют суффиксы:

-н-: *выдвигать — выдвиж-н-ой, разрезать — разрез-н-ой, повторять/повторить — повтор-н-ый;*

-л-: *линять — линя-л-ый, гореть — горе-л-ый;*

-к-: *мылить — мыл-к-ий, колоть — кол-к-ий, трясти — тряс-к-ий;*

-уч-/-ач-: *шипеть — шип-уч-ий, гореть — гор'-уч-ий, сидеть — сид'-ач-ий, висеть — вис'-ач-ий;*

-чив-: *влюбиться — влюб-чив-ый, задуматься — задум-чив-ый;*

-ист-: *поджарить — поджар'-ист-ый, развеситься — развес'-ист-ый;*

-чат-: *рассыпаться — рассып-чат-ый;*

-м-: *допустить — допусти-м-ый, возбудить — возбуди-м-ый.*

От основ наречий образуются прилагательные с помощью суффикса ***-н'-*** и интерфикса ***-ш-***: *вчера — вчера-(ш)-ний, сегодня — сегодня-(ш)-ний, завтра — завтра-(ш)-ний* и т. п.

Производство прилагательных от основ других частей речи — явление редкое. Существуют единичные образования от междометий и местоимений типа *ах — ах-овый, наш — наш-(ен)-ский, свой — свой-ский, ничей — ничей-ный.*

Префиксация

§ 218. Префиксация один из самых продуктивных способов словообразования прилагательных.

Наиболее многочисленна категория прилагательных, обозначающих интенсивность, полноту проявления признака. Многие из таких прилагательных имеют ограниченную сферу употребления. Одни функционируют преимущественно в языке художественной литературы и живой непринужденной речи (например, с приставками ***пре-***, ***раз-***, ***перe-***), другие — в терминологии (например, с приставками ***супер-***, ***сверх-***). Прилагательные такой семантики образуются с помощью приставок:

наи- (прилагательное обычно содержит суффикс ***-ейш-/-айш-***): *умнейший — наи-умнейший, глупейший — наи-глупейший;*

пре-: *умный — пре-умный, глупый — пре-глупый;* чаще в повторах: *добрый-предобрый, милый-премилый, глубокий-преглубокий* [1];

раз-: *чудесный — рас-чудесный, веселый — раз-веселый, несчастный — раз-несчастный;* чаще в повторах: *удалый-разудалый, потешный-распотешный;*

распро-: *удалой — распро-удалой, веселый — распро-веселый* [2];

перe- (обычно в повторах): *раненый — перe-раненный, тертый — перe-тертый, писаный — перe-писанный* [3].

---

[1] Например: «*...огромный-преогромный, оранжевый-преоранжевый*, самый что ни на есть настоящий, всамделишний апельсин» (В. Аксенов).

«Ах, какая была красавица Клаша!
Ни у кого
во всем переулке нашем
не было глаз таких
синих-пресиних...»
(Е. Храмов. Соседка).

[2] Например: «Даже *распрокиношный* киношник бессилен оградить свою фантазию от литературных ассоциаций...» («Молодая гвардия», 1965, № 1, стр. 303); «М. А. спросила, как он провел время у Сухотиных.— Хорошо. Барская жизнь, *распробарская*, красивая...» (В. Ф. Булгаков. Лев Толстой в последний год его жизни).

[3] Например: «Такой это был *тертый-перетертый* паренек, каких можно увидеть в любом месте страны» (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора); «Очень банальная история. *Писанная-переписанная* и мораль по букварю — все, мол, начинается с пустяков»

архи-: *прозаический — архи-прозаический, благородный — архи-благородный, рациональный — архи-рациональный* [1];

сверх-: *молодой — сверх-молодой, одаренный — сверх-одаренный* [2];

супер-: *модный — супер-модный, тяжелый — супер-тяжелый* [3];

экстра-: *новый — экстра-новый, модный — экстра-модный;*

ультра-: *оригинальный — ультра-оригинальный, современный — ультра-современный.*

§ 219. Особую словообразовательную категорию составляют прилагательные, в которых приставки имеют значение отрицания, противоположности:

не-: *умный — не-умный, красивый — не-красивый;*

анти-: *гуманный — анти-гуманный, военный — анти-военный;*

противо-: *воспалительный — противо-воспалительный* ('направленный против воспаления'), *химический — противо-химический, атомный — противо-атомный* ('направленный против химического или атомного оружия').

В научной терминологии употребительны также прилагательные с префиксами:

(«Лит. газ.» от 24 авг. 1963 г.); «...если у вас есть свой «предмет» на уме, и вы читаете книги с особой, лично вам нужной целью, то самые читанные и *перечитанные*, исследованные и *переисследованные* вещи — оказываются полны открытий» (М. Шагинян Измаил. «Лит. газ.» от 9 сент. 1970 г.).

[1] Например: «А в магазинах — новые полчища аппаратов, за наличные и в рассрочку... *архимодерные* плоские, оснащенные чудо-автоматикой» («Лит. газ.» от 24 апр. 1965 г.); «*архисложная* до сумбурности картина» («Сов. культура» от 11 мая 1961 г.); «народная традиция сельского дома ... уступает *архирациональной* новизне, скажем, города-спутника в нескольких километрах от Женевы» («Лит. газ.» от 20 авг. 1964 г.).

[2] Например: «Вот почему тесный контакт с небольшим количеством способных, но отнюдь не *сверходаренных* ребят приобретает общегосударственное значение» («Вечерняя Москва» от 10 ноября 1964 г.); «*сверхнаблюдательные* аэродромные посетители» (М. Галлай. Испытано в небе); «*сверхжесткие*» правила и нормативы» («Лит. газ.» от 4 сент. 1965 г.); «...Бьет в потолок Вселенной крылами *Сверхмолодое* время» (П. Антокольский. Июль 1966).

[3] Например: «... «*супертяжелая*» вода как раз и замерзает при очень низких температурах» («Комсомольская правда», 21 сент. 1968 г.).

ир-/им-/ин-: *рациональный — ир-рациональный, регулярный — ир-регулярный, реальный — ир-реальный; моральный — им-моральный; вариантный — ин-вариантный;*

а-: *моральный — а-моральный.*

§ 220. Прилагательные с другими приставками не образуют единых в семантическом отношении словообразовательных категорий. Все они по форме соотносятся с отсубстантивными прилагательными, а по смыслу — с существительными, послужившими для них производящими. Среди них можно назвать образования с приставками:

квази- и ***псевдо-*** (со значением ложности, мнимости признака, названного производящей основой): *научный — квази-научный, ученый — квази-ученый; революционный — псевдо-революционный, научный — псевдо-научный.*

про- (со значением 'в интересах того, что называет основа прилагательного'): *американский — про-американский, фашистский — про-фашистский, западный — про-западный;*

интер- (со значением 'находящийся между'): *национальный — интер-национальный;*

транс- (со значением 'движущийся через то, что называет основа существительного'): *сибирский — транс-сибирский, атлантический — транс-атлантический, полярный — транс-полярный, океанский — транс-океанский* [1];

транс- (со значением 'расположенный за тем, что называет субстантивная основа'): *альпийский — транс-альпийский, урановый — транс-урановый* [2].

Префиксально-суффиксальный способ

§ 221. Префиксально-суффиксальным способом образуются прилагательные на базе именных и глагольных сочетаний. В первом случае в основу прилагательного

---

[1] Например: «Были ли *трансокеанские* папирусные лодки?» [заголовок] («Лит. газ.» от 22 окт. 1969 г.).

[2] Ср. например: «... «предмет новых исследований» вырос в целый раздел науки — физику *трансурановых* (т. е. идущих за ураном) [выделено нами.— *Е. З.*] элементов» («Комсомольская правда» от 29 авг. 1969 г.).

кладется сочетание существительного с предлогами (например, *за окном — за-окон-ный*), во втором случае — основа глагола в сочетании с отрицательной частицей *не* (например: *не пробудить — не-пробуд-ный;* прилагательное «пробудный» отсутствует).

Рассмотрим обе группы производных.

§ 222. Прилагательные, производимые на базе сочетаний существительных с предлогами, преобразуемыми в составе производных в приставки, могут включать разнообразные приставки и суффикс ***-н-*** (преимущественно), реже ***-ов-***, ***-ск-*** и некоторые другие [1].

В состав производных входят приставки:

без-*: без лошади — без-лошадный, без пилота — бес-пилотный, без шума — бес-шумный;*

вне-*: вне завода — вне-заводской, вне земли — вне-земельный;*

внутри-*: внутри института — внутри-институтский, внутри школы — внутри-школьный;*

до-*: до школы — до-школьный, до посева — до-посевный;*

за-*: за бортом — за-бортовой, за рекой — за-речный;*

меж-*: меж планетами — меж-планетный, меж колхозами — меж-колхозный;*

на-*: на горе — на-горный, на столе — на-стольный;*

над-*: над глазом — над-глазный, над окном — над-оконный;*

около-*: около звезды — около-звездный, около солнца — около-солнечный;*

под-*: под вагоном — под-вагонный, под крышей — под-крышный;*

после-*: после полета — после-полетный, после посева — после-посевной;*

пред-*: перед [2] съездом — пред-съездовский, перед дипломом — пред-дипломный;*

при-*: при тайге — при-таежный, при реке — при-речной;*

---

[1] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного», стр. 495 и след.

[2] В соответствии с предлогами *перед* и *через* в словосочетании в составе прилагательного употребляются приставки ***пред-*** и ***чрез-***.

***противо-**: против пожара — противо-пожарный, против шума — противо-шумный;*

***чрез-**: через ступень — чрес-ступенный, через полосу — чрес-полосный.*

На базе соединения отрицания *не* с сочетанием имени существительного с предлогом *без* образуются имена прилагательные с сложной приставкой ***небез-*** и суффиксом ***-н-***.

Производное имеет значение неполноты, слабой степени проявления признака: *не без пользы — небес-полезный, не без греха — небез-грешный, не без вреда — небез-вредный, не без интереса — небез-интересный* [1].

§ 223. Прилагательные, образованные префиксально-суффиксальным способом от основ глаголов, образуются с помощью приставки ***не-*** и суффиксов ***-н-*** и ***-м-***. Производные обозначают 'невозможность подвергнуться действию'.

***не-...-н(ый)**: разорвать — не-разрыв-ный, возвратить — не-возврат-ный, приступить — не-приступ-ный;*

***не-...-м(ый)**: исцелить — не-исцели-мый, переносить — не-переноси-мый, выносить — не-выноси-мый.*

§ 224. Префиксация в соединении с нулевой суффиксацией используется для производства прилагательных на базе сочетаний предлога *без* с именами существительными. Обычно эти существительные называют часть тела человека или животного. Производное обозначает 'не имеющий того, что названо производящей основой': *без ноги — без-ног'-ий, без руки — без-рук'-ий, без глаз — без-глаз-ый, без хвоста — бес-хвост-ый, без носа — без-нос-ый* и т. п.

Реже производящая основа относится к иному семантическому разряду: *без листьев — без-лист-ый, без коры — бес-кор-ый* и т. п. Возможны однокоренные образования с тем же значением, содержащие в своем составе суффикс *(без-лист-ый — без-лист-н-ый, без-язык-ий — без-языч-н-ый, без-голос-ый — без-голос-н-ый)*.

---

[1] Прилагательные с приставкой ***небез-*** отличаются по значению от прилагательных с приставкой ***без-*** и отрицанием ***не-***. Ср. «Этот напиток *не безвреден*» (т. е. вреден, отрицается безвредность напитка) и «Этот напиток *небезвреден*» (т. е. вреден в слабой степени, слегка вреден).

Образование сложных прилагательных

§ 225. Способ сложения продуктивен в словообразовании имен прилагательных. Компоненты сложного прилагательного всегда соединяются с помощью интерфикса («соединительного гласного»).

Способом чистого сложения производятся имена прилагательные, опорный компонент которых является самостоятельным прилагательным. Первый компонент может находиться с опорным в отношении сочинения или подчинения. Обычно выступает в качестве первого компонента основа имени а) прилагательного, б) существительного: а) *профессорск-(о)-преподавательский;* б) *хлеб-(о)-булочный, мяс-(о)-молочный, фрукт-(о)-овощной, зим-(о)-стойкий, засух-(о)-устойчивый.*

§ 226. Сложения в соединении с материально выраженной суффиксацией содержат суффиксы ***-н-***, ***-ск-*** и ***-ов-***. Нередко суффиксально-сложные прилагательные имеют в качестве производящих составные наименования: *Дальний Восток — дальневосточный, Красный флот — краснофлотский, железная дорога — железнодорожный.*

Второй компонент сложения имеет либо тот же суффикс, что и соответствующее простое прилагательное (ср.: *комнатный* и *многокомнатный, годовой — круглогодовой, Латинская Америка — латиноамериканский*), либо суффикс ***-н-*** (ср.: *береговой* и *правобережный, цветовой* и *разноцветный*).

В качестве опорной может выступать основа существительного (см. примеры выше) или глагола (например *медеплавильный, победоносный*). Сложение основ и суффиксация составляют единый акт словообразования.

§ 227. Сложение в соединении с нулевой суффикс сацией используется для производства прилагательны от тех же субстантивных основ, которые участвуют в про изводстве прилагательных способом префиксации в со единении с нулевой суффиксацией (типа *безногий, без глазый*, см. выше § 224). В первой части сложения обычн выступает основа имени прилагательного, числительног или наречия, например: *синеглазый, краснощекий, светло волосый, длиннорукий, большеногий, длинношерстый, пе*

репончатокрылый, *одноухий*, *одноглазый*, *многоголосый* и т. п.; *мелкоколосый*, *толстоузлый*, *редкополосый*, *краснолистый* [1].

Рассматриваемые прилагательные могут иметь тождественные по значению образования с суффиксом **-н-**: *многоголосый — многоголосный*, *разноязыкий — разноязычный* и т. п.

Сращение

§ 228. Сращение используется только в словообразовании имен прилагательных.

Сращения отличаются от сложений тем, что они по своему морфемному составу тождественны синонимичному сочетанию. Однако в отличие от словосочетаний они имеют не свободный, а закрепленный порядок следования частей и единое главное ударение на последнем члене сращения: *мàло-употребúтельный*, *дòлго-игрáющий*, *вèчно-зелёный*, *сàмо-пúшущая* (о ручке), *скòро-пóртящийся* (ср.: *употребительный мало*, *играющий долго* и т. п.).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

§ 229. В словообразовании глаголов главенствующее место занимает внутриглагольное словообразование, т. е. типы, производимые от глагола чистой префиксацией и префиксально-суффиксальным способом. Суффиксация имеет меньшее значение, а словосложение для словообразования глагола совсем малохарактерно.

Суффиксация

§ 230. Суффиксальным способом глаголы производятся преимущественно от основ имен существительных и прилагательных. Производные относятся к области лексической деривации. Назовем некоторые типы таких глаголов.

---

[1] Например: «Стоит крушина *краснолистая*, Листом последним трепеща» (Ст. Куняев. «В леса пустынные и грустные...»); «... стремительно бегущее на больших, паучьих ногах бурое, *редкополосое*, жирное тело» (А. Толстой. Аэлита); «Карликовые, *мелкоколосые* и чахлые растеньица ржи...» (И. Халифман. Пчелы).

От основ имен существительных образуются глаголы, обозначающие действия, различным образом связанные с тем, что названо производящей основой. Они производятся с помощью суффиксов:

*-ø-/-**и(ть)**: бригадир — бригадир'-ить, кочегар — кочегар'-ить, хулиган — хулиган'-ить, вакса — вакс'-ить, соль — сол'-ить, утюг — утюж-ить* и т. п.[1]. При спряжении словообразовательный суффикс *-**и-*** чередуется с нулем: *бригадир'-**и**ть — бригадир'-ø-у;*

*-**нича(ть)**: слесарь — слесар-ничать, токарь — токар-ничать, либерал — либераль-ничать;*

*-**ова(ть)**: форма — форм-овать, борона — борон-овать;*

*-**ствова(ть)**: учитель — учитель-ствовать, прокурор — прокурор-ствовать, директор — директор-ствовать;*

*-**а(ть)**: обед — обед-ать, ужин — ужин-ать, завтрак — завтрак-ать;*

*-**е(ть)**: вдова — вдов-еть, пот — пот-еть.*

От основ имен прилагательных образуются глаголы, обозначающие:

'делать каким-либо и в соответствии со значением производящей основы' — с помощью суффикса *-ø-/**и(ть)**: синий — син-ить, черный — черн-ить, злой — зл-ить.*

'делаться, становиться каким-либо в соответствии со значением производящей основы' — с помощью суффикса *-**е(ть)**: синий — син-еть, черный — черн-еть, добрый — добр-еть.*

Менее продуктивны отприлагательные глаголы с суффиксами ***-ова(ть)*** (типа *пустой — пуст-овать*) и ***-ничать*** (типа *важный — важничать, капризный — капризничать*, с наложением на стыке морфов).

Суффиксальное производство глаголов от других частей речи гораздо менее значительно[2].

От междометий, звукоподражаний и местоимений образуются глаголы с помощью суффикса *-**а-***

---

[1] О семантике и условиях образования отыменных глаголов на *-ø-/-**ить*** см. в работе: Р. В. Бахтурина. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом *-ø-/-**ить***. В кн.: «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966.

[2] Суффиксальное производство глаголов от основ глаголов тесно связано с образованием форм вида и залога, т. е. относится к морфологии и поэтому в настоящей книге не рассматривается.

(если производящее оканчивается на гласный или *-j-*, используется интерфикс ***-к-***): *ах — ах-ать, ох — ох-ать, ой — ой-(к)-ать, ну — ну-(к)-ать, тпру — тпру-(к)-ать, мяу — мяу-(к)-ать, я — я-(к)-ать, ты — ты-(к)-ать, вы — вы-(к)-ать.*

Префиксация

§ 231. Префиксация глаголов отличается большим богатством и выразительностью. Среди префиксальных глаголов различаются две большие группы: с приставками пространственных значений и с приставками количественно-временны́х значений.

§ 232. Глаголы с приставками пространственных значений обозначают различные направления процесса:

в-*: бежать — в-бежать, нести — в-нести;*

вз-*: бежать — вз-бежать* (в гору), *лететь — вз-лететь* (на дерево);

до-*: бежать — до-бежать, лететь — до-лететь, нести — до-нести;*

за-*: бежать — за-бежать* (за что-нибудь), *нести — за-нести*;

на-*: бежать — на-бежать* (на что-нибудь), *лететь — на-лететь* (на что-нибудь);

о-*: бежать — о-бежать* (что-нибудь), *лететь — облететь* (что-нибудь);

от-*: бежать — от-бежать, лететь — от-лететь;*

пере-*: бежать — пере-бежать* (дорогу), *лететь — пере-лететь* (через реку);

при-*: бежать — при-бежать* (куда-нибудь), *лететь — при-лететь;*

про-*: бежать — про-бежать* (под мостом), *лезть — про-лезть;*

с-*: бежать — с-бежать* (с горы), *лезть — с-лезть* (со стола);

у-*: бежать — у-бежать* (откуда-нибудь), *лететь — у-лететь.*

§ 233. Глаголы с приставками количественно-временны́х значений обозначают временны́е пре-

делы, а также силу, интенсивность или слабость, неполноту действия.

Назовем несколько словообразовательных категорий таких префиксальных глаголов.

1. Глаголы, обозначающие начало процесса, образуются с помощью приставок:

за-: *петь — за-петь, говорить — за-говорить* [1];

по-: *бежать — по-бежать, плыть — по-плыть;*

вз-: (с оттенком интенсивности действия): *кричать — вскричать, реветь — вз-реветь.*

2. Глаголы, обозначающие окончание процесса, образуются с помощью приставок:

от- ('прекращение процесса'): *цвести — от-цвести, греметь — от-греметь* [2];

до- ('доведение действия до конца'): *думать — додумать, читать — до-читать, шить — до-шить.*

3. Глаголы, обозначающие окончание действия с оттенками полноты, тщательности, энергичности, силы его выполнения, образуются с помощью приставок:

раз-: *ругать — раз-ругать, баловать — раз-баловать, целовать — рас-целовать* [3];

пере-: *жарить — пере-жарить, кормить — пере-кормить;*

на-: *безобразничать — на-безобразничать, возить — на-возить;*

---

[1] Например:

«...Заморосило,
Залиловело. Вот те на!
Озноб — почти осенней силы...
Ополоумела весна!»
(И. Снегова. Весеннее)

[2] Например:

«Отпела. Отсверкала. Отблистала...
Что говорить! Все кончено. Прости!..»
(Е. Винокуров. Памятники)

«Не сетуй,
Семьдесят лет *отстукав,*
А услаждайся лучше беседой
В обществе мудрых внуков».
(П. Антокольский. Июль 1966)

[3] Ср. у Маяковского: «Нервная система? Черта лешего! / Я бы так *разгимнастировал* ее, / что по субботам, / вымыв, / в просушку развешивал/ на этой самой системе/ белье» («V Интернационал»); «Вы себе представляете парижских женщин/ с шеей *разжемчуженной, разбриллиантенной* рукой» («Парижанка»).

***про-**: жарить — про-жарить, варить — про-варить* ('как следует'), *сушить — про-сушить* [1];

***вы-**: мерить — вы-мерить, холить — вы-холить, строгать — вы-строгать* и т. п. [2].

4. Глаголы, обозначающие полную исчерпанность предмета действием, а также причинение неприятности, ущерба действием, образуются с помощью приставок:

***вы-**: топтать — вы-топтать, рубить — вы-рубить, гореть — вы-гореть;*

***из-**: мылить — из-мылить* (все мыло), *писать — исписать* (карандаш);

***за-**: сечь — за-сечь* (до смерти), *петь — за-петь* (песню), *играть — за-играть* (мелодию);

***с-**: носить — с-носить* (башмаки), *винтить — с-винтить* (винт), *крутить — с-крутить* (ручку);

***от-**: сидеть — от-сидеть* (руку), *топтать — от-топтать* (ноги);

***про-**: носить — про-носить* (брюки до дырки), *плакать — про-плакать* (все глаза), *курить — про-курить* (комнату).

5. Глаголы, обозначающие дополнительное, добавочное действие, добавление чего-либо действием, а также слабость, неполноту действия, образуются с помощью приставок:

до- ('дополнительное действие'): *грузить — до-грузить, купить — до-купить, получить — до-получить, лить — до-лить;*

под- ('дополнительное действие для количественного увеличения объекта', 'прибавление действием'): *лить — под-лить, купить — под-купить, варить — под-варить* (каши), *печь — под-печь* (хлеба, блинов);

под- ('дополнительное повторное действие для более полного достижения результата'): *варить — под-варить* (кашу; = доварить), *печь — под-печь* (хлеб; = допечь), *красить — под-красить;*

---

[1] Ср. у Маяковского: «Расплывайся в *процыганенном* романсе» («Про это»); «*Процелованный*, взголенный, разухабистый» («150000000»).

[2] Например: «Они *выстругали, выпилили, выточили*, сработали свой 104-ый элемент...» («Лит. газ.» от 3 окт. 1964 г.); «Которая?/ Которая — /королева вечера?/ Самая-рассамая! /Чтоб лучше нельзя./ Выбрали!/ Вот она — /короной увенчана./ *Выверена, /вымерена,/ выхолена* вся!» (Р. Рождественский. Королева).

при- ('неполнота действия'): *встать — при-встать, лечь — при-лечь;*

при- ('дополнительное действие, связанное с присоединением добавочного объекта'): *мешать — при-мешать* (муки), *мотать — при-мотать* (ниток на клубок).

Между глаголами с приставками ***до-***, ***под-*** и ***при-*** со значением добавления, прибавления действием есть смысловые различия.

Глаголы с приставкой ***до-*** обозначают добавление до известной нормы, мыслимого предела, дополнение недостающего (ср. значение окончания действия, свойственное приставке ***до-***: *доварить суп* и *доварить супу*, *догрузить* — 'кончить грузить' и 'прибавить груза'. Оба значения часто совмещаются в одном глаголе).

Глаголы с приставкой ***под-*** значение добавления, дополнения действия совмещают обычно со значением слабости, количественной неполноты объекта (*подсыпать* — 'немного присыпать', *подкупить* — 'немного прикупить', *подмесить* — 'немного, чуть-чуть').

В глаголах же с приставкой ***при-*** ярче выступает оттенок присоединения, прибавления к чему-либо. Ср.: *досыпать*, *подсыпать* и *присыпать муки*.

над-: *рубить — над-рубить, колоть — над-колоть, бить — над-бить;*

недо-: *выполнить — недо-выполнить, думать — недодумать, рассказать — недо-рассказать.*

Префиксально-суффиксальный способ

§ 234. Префиксально-суффиксальным способом образуются глаголы от основ глаголов и от основ других частей речи (имен существительных, прилагательных, числительных и наречий).

§ 235. Глаголы, производимые от основ глаголов. Различаются две группы таких глаголов:

а) «приставка + производящая основа + суффикс несовершенного вида» (например, *танцовать — при-танцовыва-ть*);

б) «приставка + производящий глагол + *-ся*» (например, *смотреть — в-смотреть-ся*).

Рассмотрим каждую группу более детально.

а) Неполноту, ослабленность действия обозначает группа одновидовых глаголов несовершенного вида, имеющих

прерывисто-длительное значение и образуемых от бесприставочных глаголов с помощью одновременного присоединения приставок и суффиксов несовершенного вида:

***по-**: трещать — по-треск'-ивать, кричать — по-крик'-ивать;*

при- (с оттенком дополнительности действия): *плясать — при-пляс-ывать, хлебать — при-хлеб-ывать, говорить — при-говар'-ивать;*

под- (с оттенком дополнительности действия): *петь — под-пе-вать, свистеть — под-свист-ывать* [1];

***на-**: петь — на-пе-вать, свистеть — на-свист-ывать, крапать — на-крап-ывать, шептать — на-шепт-ывать.*

Интенсивность, тщательность совершения действия выражает группа глаголов с приставками:

***вы-**: шагать — вы-шаг-ивать, плясать — вы-пляс-ывать, рисовать — вы-рисов-ывать;*

***на-**: звонить — на-зван'-ивать, хвалить — на-хвал'-ивать.*

б) Глаголы, образуемые одновременным присоединением приставки и ***-ся***, многообразны по значениям.

Назовем некоторые из них:

в-...-ся ('предельная исчерпанность действия, углубленность в действие'): *нюхать — в-нюхать-ся, читать — в-читать-ся, думать — в-думать-ся;*

за-...-ся ('увлеченность действием'): *думать — за-думать-ся, читать — за-читать-ся;*

на-...-ся ('удовлетворенность действием'): *есть — на-есть-ся, гулять — на-гулять-ся, работать — на-работать-ся;*

из-...-ся ('исчерпанность в результате действия, приобретение каких-либо отрицательных свойств в результате действия'): *хулиганить — ис-хулиганить-ся, писать — ис-писать-ся;*

до-...-ся ('достижение результата после интенсивного выполнения действия'): *кричать — до-кричать-ся, звать — до-звать-ся, звонить — до-звонить-ся.*

§ 236. Глаголы, производимые от основ имен существительных префиксально-суффиксальным способом, используют различные приставки в соединении с суффиксами ***-ø-/-и(ть)*** и ***-е(ть)***. Например:

[1] Например, у Маяковского: «Долой *подхихикивающих* разинь!» («Они и мы»).

***за-...-ить**: штора — за-штор'-ить, земля — за-земл'-ить, марля — за-марл'-ить, рыба — за-рыб'-ить;*

***об-...-ить**: лес — об-лес'-ить;*

***раз-...-ить**: кулак — рас-кулач-ить;*

***при-...-ить**: губа — при-губ'-ить, земля — при-земл'-ить, луна — при-лун'-ить.*

Для отыменного производства глаголов префиксально-суффиксальным способом характерен префикс ***обез-***. Производные на ***-ить*** обозначают 'лишить того, что названо производящей основой': *лес — обез-лес'-ить, жир — обез-жир'-ить, соль — обес-сол'-ить, вред — обез-вред'-ить.* Производные на ***-еть*** обозначают 'лишиться того, что названо производящей основой': *сила — обес-сил-еть, ум — обез-ум-еть, кровь — обес-кров-еть.*

§ 237. Глаголы, производимые от основ имен прилагательных суффиксально-префиксальным способом, производятся с помощью различных приставок (чаще всего ***у-*** и ***о-***) и тех же суффиксов ***-ø-/-и(ть)*** и ***-е(ть)***. Глаголы на ***-ить*** имеют значение 'делать каким (в соответствии со значением производящей основы)'; глаголы на ***-еть*** — 'делаться каким (в соответствии со значением производящей основы)'. Например: *плотный — у-плотн'-ить, глубокий — у-глуб'-ить, меньше — у-меньш-ить, благородный — о-благород'-ить, слабый — о-слаб'-ить; слабый — о-слаб-еть, скудный — о-скуд-еть.*

§ 238. Образование префиксально-суффиксальных глаголов от основ других частей речи (наречий, числительных) — явление менее продуктивное. Например: *двое — у-двоj-ить, трое — у-троj-ить, четверо — у-четверо'-ить, иначе — пере-инач-ить, так — пере-так-ивать.*

Образование сложных глаголов

§ 239. Способ сложения нетипичен для словообразования глаголов. Существуют единичные сложные глаголы, образованные этим способом (*самоустраниться, самовоспламениться* и некоторые др.) [1].

[1] Основная часть глаголов, содержащих две основы, произведена не способом сложения, а суффиксацией от сложных существительных или прилагательных: *домосед — домосед-ничать, зубоскал — зубоскал'-ить, легкомысленный — легкомысленн'-ичать, благодушный — благодушн'-ичать* и т. п.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ[1]

§ 240. В словообразовании наречий действуют суффиксация, префиксация, префиксально-суффиксальный способ, префиксация в соединении с нулевой суффиксацией, а также словосложение [2].

Многие наречия, связанные по происхождению с падежными и предложно-падежными формами существительных и прилагательных, «сохраняют живые связи с этими формами. В таких наречиях суффиксы омонимичны падежным флексиям мотивирующих слов, а префиксы предлогам» [3].

Категориальная близость наречий к прилагательным (первые обозначают признак признака, вторые обозначают признак предмета) объясняет то обстоятельство, что наречия, произведенные от качественных прилагательных, нередко относятся к области синтаксической деривации.

Суффиксация

§ 241. Суффиксальным способом производятся наречия, относящиеся к области синтаксической и лексической деривации.

Синтаксические дериваты производятся от основ имен прилагательных (качественных, реже — относительных) и причастий с помощью суффикса, имеющего алломорфы ***-о/-и*** (морф ***-и*** выступает в прилагательных с основами на ***-ск-***, ***-цк-***, ***-j-***; морф ***-о*** — в остальных случаях): *счастливый — счастливо*, *милый — мило*, *быстрый — быстро*, *благородный — благородно; порот-*

---

[1] Наиболее полно словообразование наречий с синхронной точки зрения описано в работах: «Грамматика современного русского литературного языка». М., «Наука», 1970, стр. 293—301; А. Н. Тихонов. Образование наречий в синхронном освещении. «Труды Самаркандского гос. пед. ин-та», Новая серия, вып. 170. Самарканд, 1969.

[2] Способ образования многих производных наречий может быть истолкован двояко. См.: Ф. Коровин. К вопросу о способах образования наречий. «Киргизский гос. университет. Научные труды филологического факультета», вып. XV, Фрунзе, 1969.

[3] «Грамматика современного русского литературного языка». М., «Наука», 1970, стр. 293.

ный — поротно, побригадный — побригадно, досрочный — досрочно, заглазный — заглазно; дружеский — дружески, детский — детски, волчий — волчj-и;

⟨-о⟩ (орфографически **-е**): *вызывающий — вызывающе, негодующий — негодующе.*

От основ имен существительных синтаксические дериваты производятся с помощью суффиксов:

***-ом**: вечер — вечер-ом, лето — лет-ом;*

***-ой**: весна — весн-ой, зима — зим-ой;*

***-jу**: осень — осен'-jу.*

От основ глаголов наречия (синтаксические дериваты) производятся с помощью суффикса ***-учи*** (непродуктивный, многие производные устарелые): *уметь — (умеj-у) — уме-(j)-учи, припевать — (припевaj-у) — припева-(j)-учи.*

§ 242. Лексические дериваты производятся от основ наречий, числительных и глаголов.

Наречия, производимые от наречий, имеют оценочные значения и образуются с помощью различных суффиксов: ***-оньк-/-еньк-**: быстро — быстр-енько, подло — подл-енько, чисто — чист-енько, часто — част-енько, трудно — трудн-ёнько;*

***-оват-**: рано — ран-овато, много — мног-овато, глупо — глуп-овато, темно — темн-овато, дорого — дороговато;*

***-к-**, **-оч-**: вечером — вечер-к-ом, шагом — шаж-к-ом, пешком — пешоч-к-ом, босиком — босич-к-ом; немного — немнож-к-о, понемногу — понемнож-к-у; вразвалку — вразвал-оч-ку, всмят-ку — всмят-оч-ку.*

Особенность таких отнаречных наречий состоит в том, что суффикс прибавляется не к концу производящей основы, а вставляется внутрь ее — перед наречным суффиксом (см. примеры выше).

Впрочем, в производных на ***-онько/-енько*** и ***-овато*** с равным основанием можно видеть усечение суффикса ***-о*** производящего наречия и прибавление суффиксов ***-овато***, ***-онько/-енько***, а не ***-оват-***, ***-оньк-/-еньк-***. В этом случае процесс образования таких наречий следует изобразить так: *ран-о — ран-енько; рано — ран-овато*, а не *ран-еньк-о, ран-оват-о.*

От числительных образуются наречия с помощью суффиксов: ***-жды/-ажды**: два — два-жды, три — три-жды,*

четыре — четыре-жды [1]; морф ***-ажды*** выступает после основ на согласные: *один-ажды*.

Тип непродуктивный (образуется от числительных *один*, *два*, *три*, *четыре*). Наречия с суффиксом ***-жды/-ажды*** обозначают увеличение во столько раз, сколько названо производящей основой.

-jу (орфографически ***-ю***): *пять — пят'-jу*, *шесть — шест'-jу*. Такие наречия также обозначают увеличение во столько раз, сколько названо производящей основой. Образуются от числительных, начиная с *пять* до *двадцать*, *тридцать*.

Наречия, производимые от основ глаголов с помощью суффикса ***-мя*** (после гласного выступает интерфикс ***-в-***), используются для выражения усилительного значения в разговорной речи. Обычно наречие выступает в сочетании с однокоренным глаголом: *дрожмя — дрожит*, *кишмя — кишит*, *ливмя — льет*, *ревмя — ревет*, *стоймя — стоит* и т. п. [2]

Префиксация

§ 243. Префиксальным способом преимущественно образуются наречия, имеющие значение большой степени признака. Они производятся с помощью тех же приставок, что и соответствующие прилагательные (см. выше) [3]:

сверх-: *глупо — сверх-глупо*, *разумно — сверх-разумно;*

пре-: *глупо — пре-глупо*, *разумно — пре-разумно;*

архи-: *современно — архи-современно*, *модно — архи-модно;*

---

[1] «Суффикс ***-жды*** присоединяется не к основе слова, а к слову, т. е. помещается после окончания. Это один из немногих таких случаев, встречающихся в русском языке» (А. Н. Тихонов. Указ. соч., стр. 19).

[2] Ср. в поэтической речи: «*Гормя-горит* все лицо белое» (Кольцов); «Из ночи в ночь валандавшись, *Гормя горит* душа» (Б. Л. Пастернак).

[3] Во всех подобных случаях возможно двойственное понимание способа образования наречий: от соответствующего префиксального прилагательного *(сверхглупый — сверхглуп-о)* и от соответствующего бесприставочного наречия *(глупо — сверх-глупо)*. В первом случае способ словообразования — суффиксация, во втором — префиксация.

***супер-**: модно — супер-модно, современно — супер-современно;*

***экстра-**: кратко — экстра-кратко, красиво — экстра-красиво.*

Не соотносительны с префиксальными прилагательными наречия с приставками:

не- (со значением отрицания): *надолго — не-надолго, вдалеке — не-вдалеке, замужем — не-замужем;*

на- (со значением большой степени обнаружения признака): *туго — на-туго, крепко — на-крепко.* Часто употребляются в сочетании с однокоренными бесприставочными наречиями;

за- (со значением 'пока еще обнаруживается признак, названный производящей основой'): *светло — за-светло, темно — за-темно.*

В единичных наречиях встречаются такие приставки, как: ***за-*** *(за-даром, за-ранее)*, ***после-*** *(после-завтра)*, ***на-*** *(на-завтра, на-совсем, на-всегда)*, ***до-*** *(до-ныне)* и некоторые другие.

Префиксально-суффиксальный способ

§ 244. Этим способом производятся наречия, относящиеся и к области синтаксической, и к области лексической деривации.

К области синтаксической деривации относятся наречия, производимые от основ качественных прилагательных с помощью приставки ***по-*** и суффикса ***-ому**: честный — по-честн-ому, умный — по-умн-ому, благородный — по-благородн-ому.*

§ 245. К области лексической деривации относятся наречия, производимые от именных и глагольных основ.

Наречия, по форме производимые от основ относительных прилагательных, а по смыслу соотносимые с существительными, лежащими в основе прилагательных (см. гл. III) [1]. Такие наречия имеют оттенок сравнительного значения и образуются с помощью при-

[1] Об иных возможностях понимания способа образования таких наречий см.: Ф. Коровин. К вопросу о способах образования наречий. «Киргизский Гос. университет. Научные труды филологического факультета», вып. XV. Фрунзе, 1969.

ставки ***по-*** и суффикса, выступающего в виде алломорфов ***-ому/-и***.

по-...-ому: *дачный — по-дачн-ому* («как на даче»), *цирковой — по-цирков-ому* («как в цирке») [1];

по-...-и: *братский — по-братск-и, детский — по-детск-и, медвежий — по-медвежь-и, супружеский — по-супружеск-и* [2].

Наречия, производимые от основ глаголов с помощью суффикса ***-ку*** и приставок ***в-*** и ***на-***:

в-...-ку: *припрыгать — в-припрыж-ку, повалить — в повал-ку, накидать — в-накид-ку, догнать (догоню) — в-догон-ку;*

на-...-ку: *вытянуть (вытягивать) — на-вытяж-ку* [3].

Наречия, производимые от основ собирательных числительных с помощью приставки ***в-*** и суффикса ***-ом***: *двое — в-дво-ем, пятеро — в-пятер-ом, шестеро — в-шестер-ом*, обозначают количественный признак (с оттенком совместности): 'соответствующий количеству, названному производящим числительным';

приставки ***в-*** и суффикса ***-о***: *двое — в-двоj-е, четверо — в-четвер-о, шестеро — в-шестер-о*, обозначают изменение количественного признака во столько раз, сколько названо производящим числительным.

Наречия, производимые от основ наречий с помощью префикса ***по-*** и суффикса ***-у*** (суффикс ***-о*** производящей основы усекается): *немного — по-немног-у, мало — по-мал-у, напрасно — по-напрасн-у* [4], *тихонько — по-тихоньк-у, немножко — по-немножк-у.*

---

[1] Например: «— Ужинали рано, *по-дачному*» (из устной речи); «— Он был *по-военному* подтянутый» (из устной речи); «А впрочем, может быть, острие *по-цирковому* пестрого памфлета метит ближе — осмеян мир, ведущий себя так, будто он и респектабелен и незыблем, тогда как под ним все ходит ходуном, если еще не полетело в тартарары» («Неделя», 1969, № 29, стр. 11).

[2] Например: «У них очень уютно в спальне. Кровати стоят рядом, *по-супружески*» (из устной речи); «Победа одержана блестяще, можно сказать, *по-чемпионски*» («Комсомольская правда» от 28 авг. 1969 г.).

[3] См.: А. Н. Тихонов. Образование наречий в синхронном освещении. «Труды Самаркандского гос. пед. ин-та», Новая серия, вып. 170. Самарканд, 1969, стр. 18. См. там же о возможности соотнесения таких наречий с отглагольными существительными: *затяжка — в-затяжк-у.*

[4] Впрочем, можно трактовать такие наречия как производные от основ прилагательных: *напрасный — по-напрасн-у, немногий — по-немног-у.*

Наречия, производимые от основ местоимений с помощью приставки ***по-*** и суффикса ***-ому:*** *наш — по-наш-ему, мой — по-мо̀j-ему, ваш — по-ваш-ему.*

§ 246. Префиксация в соединении с нулевой суффиксацией служит для производства наречий от основ глаголов и качественных прилагательных:

на-ø...: *угадать — на-угад-ø, перебить — на-перебой-ø* [1], *повалить — на-повал-ø.*

в-...ø (конечный твердый согласный производящей основы чередуется с мягким): *старый — в-старь-ø, кривой — в-кривь-ø, широкий — в-ширь-ø, косой — в-кось-ø, довольный — в-доволь-ø* (с усечением ***-н-***).

В словообразовании наречий в качестве словообразовательного средства используется ударение — при производстве наречий от деепричастий, ср.: *сидя́* (деепричастие) — *сúдя* (наречие), *лежа́ — лёжа.* Наречия такого типа образуются только от деепричастий на ***-а.***

Сложение

§ 247. Способ сложения не характерен для словообразования наречий. Можно отметить наречия с первым компонентом *полу-* и вторым компонентом — отдеепричастным наречием на ***-а*** или деепричастием, употребляемым в наречном значении: *сидя — полу-сидя, шутя — полу-шутя* и т. п. Обозначают процессуальный признак, осуществляемый наполовину.

Дополнительная литература к главе XI

Д. И. Алексеев. Графические сокращения и слова-аббревиатуры. «Развитие современного русского языка». М., 1963.

Д. И. Алексеев. Создание новых словообразовательных способов (аббревиация). В кн. «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка», гл. 3. М., «Наука», 1968.

В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., Учпедгиз, 1947 [разделы, посвященные словообразованию различных частей речи].

«Грамматика современного русского литературного языка». М., «Наука», 1970 [разделы, посвященные словообразованию различных частей речи].

---

[1] Ср.: А. Н. Тихонов. Образование наречий в синхронном освещении. «Труды Самаркандского гос. пед. ин-та», Новая серия, вып. 170. Самарканд, 1969, стр. 15.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава I. Введение 5

Синхронное и историческое словообразование . . . . —
Морфемный и словообразовательный анализ слова . . . 12
Понятия опрощения и переразложения 14
Дополнительная литература к главе I 17

Глава II. Виды морфем русского языка 18

Морф и морфема . . . . . —
Классификация морфем русского языка 22
Особенности суффиксов и приставок 32
Дополнительная литература к главе II 43

Глава III. Членимость и производность основ 44

Степени членимости основ . . . . . —
Связанные корни. Членимость основ со связанными корнями 48
Уникальные части основ 53
Понятие производности и его соотношение с понятием членимости 61
Расхождение отношений формальной и смысловой производности 69
Дополнительная литература к главе III 76

Глава IV. Морфонологические особенности словообразования 77

Понятие о морфонологии . . . . . —
Чередование фонем 78
Понятие субморфа 81
А. Чередования на морфемном шве 82
Чередования в морфах основы . . . . . —
Понятие морфонемы 99
Чередования в аффиксальных морфах 106
Б. Чередование не на морфемном шве 108
Интерфиксация 113
Интерфиксация или чередование с нулем звука? . . 129
Сложные слова или простые? 133
Усечение производящих основ 137
Усечение производящих основ и интерфиксация . . 145
Усечение производящих основ и чередование с нулем звука 146
Усечение производящих основ и связанные корни . 147
Наложение (или интерференция) морфов 149
Разновидности морфов одной морфемы 156
Дополнительная литература к главе IV 168

Глава V. Способы словообразования 169
Дополнительная литература к главе V 181

Глава VI. Словообразовательный тип 182

Понятие словообразовательного типа . . . . . —
Классификация словообразовательных типов 184
Понятие морфонологической модели 192

Дополнительная литература к главе VI 193
Глава VII. Ограничения в сочетаемости словообразовательных морфем в слове 194
Глава VIII. Понятие продуктивности 208
Дополнительная литература к главам VII—VIII 216
Глава IX. Слова реальные и слова потенциальные 217
Глава X. Окказиональное словообразование 227
Дополнительная литература к главам IX—X 240
Глава XI. Словообразование основных частей речи 241
Вводные замечания . . . . . —
Словообразование имен существительных 244
Суффиксация . . . . . —
Вторичная суффиксация 263
Префиксация 264
Префиксально-суффиксальный способ 267
Образование сложных существительных 269
Аббревиация (сложносокращенные слова) 272
Усечение производящей основы по аббревиатурному способу (сокращенные слова) 275
Субстантивация 277
Словообразование имен прилагательных 279
Суффиксация . . . . . —
Префиксация 283
Префиксально-суффиксальный способ 285
Образование сложных прилагательных 288
Сращение 289
Словообразование глаголов . . . . . —
Суффиксация . . . . . —
Префиксация 291
Префиксально-суффиксальный способ 294
Образование сложных глаголов 296
Словообразование наречий 297
Суффиксация . . . . . —
Префиксация 299
Префиксально-суффиксальный способ 300
Сложение 302
Дополнительная литература к главе XI . . . . . —

Елена Андреевна Земская
Современный русский язык

Редактор *Г. В. Карпюк* Художественный редактор *Н. М. Ременникова*
Технический редактор *М. И. Сафронович* Корректор *З. И. Почаева*

Сдано в набор 27/IV 1973 г. Подписано к печати 18/IX 1973 г. 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 3. Печ. л. 9¹/₂. Условн. л. 15,96. Уч.-изд. л. 17. Тираж 100 тыс. экз. А07191.

* * *

Издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28. Заказ № 351.
Цена без переплета 48 к., переплет 24 к.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР